СВЯТИТЕЛЬ
ФЕОФАН ЗАТВОРНИК
Толкования
Посланий
апостола Павла
К СОЛУНЯНАМ,
К ФИЛИМОНУ,
К ЕВРЕЯМ

Духовное наследие
святителя Феофана Затворника

СВЯТИТЕЛЬ

ФЕОФАН ЗАТВОРНИК

Толкования Посланий апостола Павла

К СОЛУНЯНАМ, К ФИЛИМОНУ, К ЕВРЕЯМ

Москва 2005

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

Данный том включает в себя Толкования Святителем Феофаном Затворником посланий к Солунянам (первого и второго), послания к Филимону и начало изъяснения послания к Евреям святого Апостола Павла.

«Апостолы, насаждая христианство на земле, не теорию преподавали, а жизнь заводили», — писал Преосвященный. Он оставил нам тщательный исторический и богословский анализ писаний Апостола Павла, в которых Апостол излагает солунянам истины христианского учения и нравственности, тактично указывает на недопустимость пороков, унаследованных от язычества и иудейства, радуется, когда солуняне твердо стоят в вере при нападках и притеснениях. Как заботливый отец, Апостол терпеливо разрешает главное недоумение солунян — об участи умерших после второго пришествия. Святой Апостол в посланиях старается укрепить солунян в вере, утешить в скорбях, исправить поведение. Нравственными уроками Апостола определилась жизнь христианского общества и каждого христианина на все времена. И, что очень важно, — установлены точные понятия о признаках второго пришествия Христа и сделаны нравственные выводы из этого учения — о необходимости бодрствования и трезвения.

В послании к Филимону Апостол Павел увещавает Филимона быть милостивым к своему сбежавшему провинившемуся рабу, а нас научает воспринимать ближнего своего как раба Божия и возлюбленного брата во Христе.

В послании к Евреям Апостол разъясняет палестинским христианам из иудеев высоту христианской веры. Он говорит о Христе как о Сыне Божием, как о Посреднике, более близком к Богу, чем ангелы, говорит о том, что Ветхий Завет готовил иудеев к Завету Христа.

Толкуя известный текст из Второго послания к Солунянам: *Темже убо, братие, стойте, и держите предания имже научистеся, или словом, или посланием нашим* (2, 15), — Святитель Феофан излагает свое учение об одном из важнейших вопросов христианского богословия — о Священном Предании как источнике Божественного вдохновения. Святитель считает, что под Преданием нужно понимать не одно устное сообщение учения, но все порядки, заведенные по наставлениям Апостолов в первенствующей Церкви и переданные потомству строем христианской жизни. «В Слове Божием, — пишет Преосвященный, — в устах Апостола Павла оно <Предание> означает преподание Божественного учения равносильно Божественному откровению новозаветному и обнимает собою все, что внесено в человечество вследствие заповеди Господа: *шедше, научите* (ср.: Мф. 28, 19)».

ПОСЛАНИЕ К СОЛУНЯНАМ ПЕРВОЕ, ИСТОЛКОВАННОЕ СВЯТИТЕЛЕМ ФЕОФАНОМ

1. Сведения о городе Солуни и жителях ее

Фессалоника, прежде Ферма, – ныне у греков – Салоника, у нас Солунь, – лежит амфитеатром на склоне горы в северо-западном углу Ферманского залива. В период апостольской проповеди город сей был главным городом второго округа Македонской области и резиденциею римского претора и квестора. Географическое положение: со стороны моря – на берегу залива, а со стороны суши – на торговой дороге, известной под именем via ignatiana, – сделало Фессалонику городом цветущим, широкоторговым, богатым и населенным. Но отсюда естественно развилась роскошь, следствием которой везде бывает упадок нравственности. Коренное население его составляли греки; по завоевании римлянами почти равнялись им по числу римские переселенцы; к ним потом подселилась сильная партия евреев, которые ради расторопности в торговле, забранной ими в руки в большом размере, пользовались здесь некоторым значением и имели не простой молитвенный дом (προσευχή), как, например, в Филиппах (Деян. 16, 13) и других местах, а синагогу (Деян. 17, 1). Вероятно,

тут жили и деятели прозелитизма, заведовавшие всею тою областию.

2. Основание Церкви Солунской

В 20 лет по вознесении Господнем Солунь, верно, не раз слышала о христианстве, а может быть, имела в стенах своих и христиан. Но Церковь Христова основана здесь и вполне устроена уже святым Апостолом Павлом, во второе его проповедническое путешествие, когда в сопровождении Силы и Тимофея в первый раз вступил он на Европейский материк. Видением мужа некоего (Деян. 16, 9) призванный свыше в Македонию и уже огласивши Евангельскою проповедию Филиппы, чрез Амфиполь и Аполлонию прибыл святой Павел в Солунь, как видно, с одним Силою, без Тимофея*, который, вероятно, был оставлен в Филиппах для утверждения тамошних христиан и соединился с ними уже в Берии. По обычаю своему Апостол начал проповедь в синагоге — единственном месте, где можно было поговорить спокойно к народу многому и притом о предметах веры. Речь его шла по началам ветхозаветным, но направлялась к утверждению Нового Завета. Исходя из пророческих сказаний, он живописал пред слушавшими лик предсказанного Мессии, не со стороны невидимой

* Гонение в Филиппах не коснулось Тимофея. Что он не был и в Солуни, видно из черт, какими описывает его Апостол (1 Сол. 3, 2). — *Авт.*

славы Царства Его духовного, а со стороны внешнего уничижения, которое Он имел испытать Сам, говорил, *како Христу подобаше пострадати и воскреснути из мертвых**. Потом наводил, что все предсказанное точно исполнилось в Иисусе, Которого он проповедует, и что потому *сей Иисус*, им проповедуемый, *есть Христос* (Деян. 17, 3). Для непредубежденного не только иудея, но и не иудея очевидное исполнение пророчеств в лице Спасителя есть самое убедительное доказательство того, что Он от Бога. Слово о том влечет к покорности и засеменяет веру. Потому и проповедь Апостола Павла, хоть была не без *состязаний*, принесла, однако ж, обильный плод. Уверовали *некоторые* из иудеев, из *честивых*** эллинов, или прозелитов, *многое множество*, и от жен благородных *немало* (Деян. 17, 4).

Три субботы состязался Апостол с иудеями в синагоге. Но нельзя думать, чтоб проповедь его ограничивалась одною синагогою. Это было бы несогласно с тем, как изображает свою проповедь сам Апостол, когда говорит, что он день и ночь проповедовал благовествование Божие, и каждого, как отец чадо, умолял и уговаривал (1 Сол. 2, 9—12). Притом в синагоге нельзя было говорить

---

* Второе послание к Солунянам может наводить на мысль, что на пророчествах Даниила было остановлено не мало внимания. — *Авт.*

** Чтущих Бога. — *Ред.*

иначе, как по началам иудейским, что не могло не стеснять речи и не сокращать силы ее влияния на язычников, пред которыми можно было говорить с силою и не касаясь иудейства. Известно, что Апостол Павел знал, с какой стороны брать язычников. Если в числе обращенных оказалось больше сих последних, то нельзя не согласиться, что Апостол вел речь с ними вне синагоги. Вероятно, уверовавшие из прозелитов открыли ему путь и к прочим язычникам, которых озабочивало дело веры, и устроили для последних возможность слушать его в частных собраниях по домам. Вероятно, и кроме собраний Апостол посещал дома, где полнее раскрывал кратко сказанное, повторял недослушанное, возвращал силу тому, что колеблемо было недоумениями. И конечно, число обращенных и утвержденных в вере сим путем немало увеличивало общее число верующих.

Проповедуя, святой Апостол, вместе с раскрытием Евангельских истин – предмета веры, верно, не скрывал и опасностей, которые всегда готовы встретить христиан за Евангелие на пути Христовом (1 Сол. 3, 4), и для того, чтоб они не колебали веры, возводил надежды верующих за пределы настоящей жизни, земной, – и особенно к тому времени, в которое снова придет Господь, чтоб завершить в человечестве Свое победоносное царство, и которое Сам Он заповедал

ожидать каждочасно. Этот пункт учения, по обстоятельствам получивший здесь полнейшее раскрытие, послужил впоследствии поводом к смутительным недоумениям, как увидим. Но сам по себе он — не причина страха, а желанный и многоутешительный предмет самых глубоких чаяний, одушевляющих христиан в многотрудной жизни. Дня и часа сего окончательного события не определил Господь и отверг возможность сделать это кому бы то ни было. Но готовым быть к нему всем заповедал. Эта готовность состоит в совершенно богоугодной жизни, относительно которой даны Апостолом от лица Господа повеления, как видится, самые подробные (1 Сол. 4, 2). *Како подобает ходити и угождати Богови* (4, 1), изображение этого брало, может быть, у Апостола бо́льшую часть времени и труда. Ибо в этом главное — не возвестить только, но и завесть порядки новой жизни по духу новой веры. Апостол внушал, конечно, что не довольно сказать: верую в Господа Иисуса, но надлежит свидетельствовать то целою жизнию; требовал совершенного изменения в поведении и нравах, совершенного отчуждения и очищения себя от всех пороков, царствовавших в языческом или иудейском мире (1 Сол. 4, 5—6).

Последование новым правилам тотчас же должно было и начаться и, начавшись, положить разделение между уверовавшими и неуверовав-

шими. Святой Лука означил это разделение словами: *приложишася к Павлу и Силе* (Деян. 17, 4). Отделившихся надлежало организовать в религиозном отношении. Это и сделано. Им даны настоятели, чтоб они трудились у них и научали их (1 Сол. 5, 12); для чего, конечно, преподаны своего рода повеления, определявшие и образ труда сего, и время, и место.

Так в продолжение трех недель, или, может быть, немного более, устроена из солунян Христова Церковь, к чему способствовала подготовка умов в жителях, которые, сами бывая в разных местах и у себя видя людей из разных стран, вероятно, давно знали об учении Христовом и благосклонно смотрели на него; недоставало только властного лица, которое дало бы строй этим готовым уже материалам. Можно предполагать, что в городе, многолюдном, многопопечительном и так мало исправном в нравственном отношении, лучшие умы, сердца и совести томились и жаждали исхода на свободу; и вот, когда повеяло из уст Апостола Божественным, чистым, многоутешительным, они все спешно собираются вокруг него и образуют новое многосоставное общество успокоенных в Господе и *всегда радоватися* начавших (1 Сол. 5, 16). Все это, однако ж, если еще приложить сюда и неутомимость труда Апостола, и особый, располагающий в его пользу

образ житейских у него порядков*, никак не может объяснить скорого обращения солунян, скорого на месте прочного устроения из них многолюдной Церкви. Это совершилось необыкновенным обнаружившимся среди них действием Божественной благодати; и святой Апостол видит в сем особое избрание Божие, о котором и засвидетельствовал в послании (1 Сол. 1, 4), говоря, что и речь его шла необыкновенным образом, и слушание слушавших было необыкновенно (1 Сол. 1, 5—6; 2, 13). Почему муж македонянин, приглашавший Апостола в видении — прийти и помочь ему, не был ли нареченный Ангел Солунской Церкви? Удостоверившись в этом, мы не будем иметь нужды решать недоумение, как могла, в такое короткое время и в полном совершенстве, образоваться многолюдная Церковь. Где чрезвычайная сила Божия, там в один день совершается то, чему по обыкновенному течению дела следовало бы совершиться в тысячу.

При всем том Апостол не думал ограничиться первым успехом, но, видя жатву многу, располагал поболее побыть здесь, как видно из того, что

* То, что питался своими трудами, никого не обременяя. Это, отнимая всякое подозрение в корыстных видах, внушало, что трудящийся в проповеди день и ночь трудится только по искреннему убеждению в истине и любовному желанию истинного блага тем, кому проповедует. То и другое дает большее право на успех проповеди. — *Авт.*

он набрал себе работ и работал (1 Сол. 2, 9). Конечно, так бы и было, если б не помешали беспокойные иудеи. Из иудеев не многие приложились к Павлу и Силе, но из прозелитов — многое множество, если не все. Это не могло не раздражить заинтересованных в сем, можно полагать, деятелей прозелитизма иудейского, и по наличному ущербу, и потому, что и на будущее время им пресекалась уже возможность успеха. Почему они возбуждают смятение в народе, как видно языческом, скрываясь сами за ним и скрывая свои личные к тому побуждения.

Чрез злых крамольников собрали народ, может быть, праздный; и *молвяху по граду*, как бы били тревогу. Нападши на дом Иасонов, искали Апостолов, чтоб извести их и предать народу, но не нашли. Почему, взявши Иасона и некоторых из уверовавших, повлекли к градоначальникам, крича: те, которые развращают всю вселенную — Римскую империю, пришли и сюда, и Иасон принял их, несмотря на то, что они идут прямо против велений кесаря, проповедуя, что царем должно признавать иного некоего — Иисуса. К такому навету могла подать повод проповедь Апостола о Царстве Христовом и о всегдашнем чаянии пришествия Христа — Царя. А может быть, это была заученная речь иудеев, на случай предания проповедников Евангелия гражданским властям, по образцу той, какую держали первосвященники и

народ пред Пилатом. Сходство с сим последним было так разительно, что святой Апостол напомянул о нем в послании в утешение пострадавших (1 Сол. 2, 15). Как бы то ни было, смутители успели смутить народ и градоначальников, хотя не в равной степени. Нерассуждающий народ мог видеть над собою грозу власти из-за того, что среди него нашлись противники кесаря, — и действовал вседушно, по чувству ли преданности к кесарю, или, вернее, по желанию сложить с себя пред властию вину соучастия в таком опасном деле. Градоначальники с первого раза хоть и поддались впечатлению, но, взглянув на приведенных и выслушав от них объяснение в чем дело, удостоверились, что опасности тут никакой нет, не преминули, однако ж, воспользоваться сим случаем, как следовало по их понятиям и обычаям. Почему, *веземше довольное от Иасона и от прочих, отпустили их* (Деян. 17, 9). Несмотря, однако ж, на такой благоприятный исход дела, братия присудили препроводить Павла и Силу в Берию. Может быть, сего требовала личная безопасность Апостолов, а может быть, правители взяли слово с Иасона и прочих, что тех, из-за которых поднялась такая тревога, более не будет в городе.

3. Повод к написанию послания

Так святой Павел должен был оставить юную Церковь, хотя и теплую в вере, но под грозою

гонения, которое должно было, после Апостолов, обратиться на нее: ибо уверовавших нельзя было уже видеть ни в синагоге, ни в капищах. А это, в другое время случайное дело, внимания не заслуживающее, теперь не могло не возбуждать в наблюдателях мыслей, раздражающих религиозный фанатизм, и не подвигать на отмщение за честь своей веры. Почему Апостол, оставляя верующих лицом, не мог оставить их сердцем, не мог он не болеть о них, не по чувству только любви, какою сочетался с ними, но и по долгу апостольства, Богом ему вверенного. Почему тут же положил непременно опять воротиться к ним, как только откроется возможность. И в самом деле, однажды и дважды порывался прийти к ним — в первый раз, может быть, из Берии, а во второй раз из Афин; но *возбрани*, говорит, *сатана* (1 Сол. 2, 17—18), чрез те же орудия свои.

Изгнанники скоро прибыли в Берию и приняты были здесь с большею благосклонностию, чем в Солуни. Жительство не в шумных городах не раздражает сильно эгоизма и страстей; мирная же душа доступнее для истины. Спокойное исследование, на основании Писания, *аще сия* — проповедь святого Павла об исполнении пророчеств во Иисусе, доказывающем, что Он есть Христос, — *тако суть*, удостоверило, что слово Апостола верно, и расположило принять его со всем усердием. Уверовало из иудеев много, и из

эллинских жен благообразных и мужей — немало. Вот еще Церковь! Божие благословение проповеди утешило, конечно, Апостола, тем паче, что, мирно пребывая здесь, он мог и отсюда действовать на Солунскую Церковь и лично посещать ее. Но не мирны были враги его. Как только дошла весть в Солунь о принятии Евангелия берийцами, восставшие против него там поспешили и сюда, подняли и здесь народ и заставили Апостола удалиться из Берии, где, впрочем, для совершения дела оказалась возможность остаться Силе и Тимофею, вероятно сюда прибывшему из Филипп (Деян 17, 10—13).

Апостола Павла, из опасения за жизнь его со стороны крамольников, верные не пустили одного. Избранные из них провожали его до самых Афин. Святой Апостол стал теперь еще дальше от солунян; но это не умалило, а еще более раздражало его о них заботу. Почему, отсылая обратно проводников своих в Берию, он наказал, чтоб оба, или, по крайней мере, один из его сотрудников, поспешили к нему в Афины. Ему желалось получить таким образом определенные вести о положении дел в Солунской Церкви, чтоб соответственно тому и действовать. К нему прибыл Тимофей*; Сила остался там, удержанный

* Это предположение вызывается показаниями послания и Деяний Апостольских. Апостол говорит, 1 Сол. 3, 1, что он послал Тимофея в Солунь из Афин. В книге же Дея-

потребностями христиан. Но святой Тимофей, верно, не принес никакого успокоительного и определенного известия, кроме разве,— что терпят. Нужно было подкрепить терпящих. И вот, может быть, второй момент, когда святой Павел решался сам идти в Солунь; но и опять удержан был неуверенностию, чтоб из этого могло выйти что-либо доброе, по неудержимости предателей. Почему посылается Тимофей, не виденный солунянами и могший удобно укрыться от ненавистливой зоркости врагов Евангелия,— *утвердити веру* верующих, и *утешити* скорбящих, *да не како искусил* кого *искушаяй*, и, уразумевши, что у них, возвестить о том святому Апостолу (1 Сол. 3, 1—5).

Между тем как Тимофей исполнял возложенное на него нелегкое поручение, Апостол Павел после небезуспешной проповеди в Афинах, приобретшей для Церкви святого Дионисия Ареопагита, Дамар и других многих (Деян. 17, 34), перешел в Коринф и поместился у Акилы и Прискиллы — единохудожников ему, оставивших пред тем Рим по повелению Клавдия. Еще в сонмищах иудейских стязался он по субботам и убеждал иудеев и эллинов, было только еще начало его полуторагодичного пребывания в Ко-

ний говорится только, что Тимофей с Силою остались в Берии и возвратились к Апостолу, уже когда он был в Коринфе. Для того, чтоб Апостол имел возможность послать Тимофея из Афин, допускается прибытие сего последнего в Афины, умолчанное в Деяниях.— *Авт.*

ринфе, как из Македонии возвратился к нему нарочно посланный туда Тимофей и Сила, там остававшийся (Деян. 18, 1—5).

Известие, принесенное Тимофеем, было очень утешительно. Церковь Солунская, несмотря на нападки и притеснения, пребывала непоколебимо твердою в вере (1 Сол. 2, 14; 3, 6—8), так что ее можно было ставить в образец для христиан всей Македонии и Ахаии, и слава об ее героизме распространилась повсюду (1, 7—8). При этом отличалась она и братскою деятельною любовию (4, 9—10), и вообще верным исполнением нравственных правил, преподанных им от лица Господа Апостолом (4, 1), о котором всегда с любовию воспоминали (3, 6). При всем том, однако ж, святой Тимофей имел нечто сказать и об их несовершенствах и недоумениях. Не все еще между ними совершенно отрешились от пороков языческих и иудейских; но иные увлекались чувственностию, иные поддавались приманкам корысти, другие нерадели о делах звания своего и предавались лености. Все же уверовавшие были в большом беспокойстве об участи умерших родных своих, христиан уже, полагая, что благ (второго) пришествия Христова сподобятся только те, кои в явлении Его будут в живых, а не и умершие уже. Не намекают ли на принесенные святым Тимофеем известия о недостатках солунян и те наставления, которые дает им Апостол

в конце послания 5, 12—22? Не было ли неповиновения к настоятелям Церкви (12)? Не увлекались ли иные местью (15)? Не считали ль они всё без разбора безразличным (21)? Не было ли какого погрешительного действования относительно даров Святого Духа и особенно дара пророчества (20)? Не дивно также, что и широкое описание обращения солунян, и образ действования в отношении к ним Апостола Павла (1, 4—2, 13) направлены против слышанных святым Тимофеем, невыгодных для Апостола и Евангелия речей. Не распускал ли кто молвы — что эта вера ничего Божественного не имеет (ответ на это 1, 4—10); что проповедники наблюдают только свои выгоды (ответ — 2, 1 и далее); что, если б была тут истина, скорее бы иудеям верить в нее, а они гонят (2, 14—16); что Апостол появился только, вас ввел в беду, а сам скрылся (ответ — 2, 17—3, 13, — я страдал о вас — не меньше вашего)?

Такое положение Церкви Солунской понудило Апостола писать послание, — в первый еще раз от начала своей апостольской деятельности. Ибо и он, как и все Апостолы, не послан был писать, а благовестить, — то же, положим, писать, но на хартии сердца писалом облагодатствованного слова. Там, где не было непреодолимых препятствий, святой Апостол все лично решал и устроял. На солунян он должен был простирать

свою образовательную деятельность — издали. Святой Тимофей многое, конечно, оговорил, исправил, прояснил. Но если и все нужное сделать, сделанное требовало утверждения апостольскою властию. Так, пишет святой Апостол послание, в котором обнимает все, что было с солунянами с первой минуты его к ним прибытия до той, как возвратился посылаемый к ним Тимофей, и на все кладет свое апостольское воззрение, в видах укрепления их в вере, утешения в скорбях, умиротворения их со стороны недоумений и ограждения всесторонними правилами их поведения и нравственного настроения сердца. Апостол беседует с ними с сердечною нежностию, без всякого недоверия к ним и ненадеяния на них при теснивших их неприятностях, мудро сочетая ободрительное утешение с строгостию исправительных уроков.

4. Цель послания

Цель у Апостола при написании сего послания была троякая: 1) в радости о том, как хорошо держали они себя доселе, утвердить их в верности святому Евангелию, несмотря на внешние неприятности из-за того, чрез напоминовение о благости Божией, явленной в обращении их, — о своей у них проповеди и своей о них заботе, с отстранением тех невыгодных мнений о святом Евангелии и о нем, какие могла распространять злонамеренность; 2) заповедать им от-

стать от тех недостатков, какие оставались еще у них от прежней жизни и какие были в них вследствие неуменья держаться в порядках жизни новой и 3) успокоить их относительно участи умерших точным изложением учения о втором пришествии Христовом.

5. Разделение

Последние две цели выполнены в последних двух главах, 4-й и 5-й, первая в 3-х первых. Все послание посему видимо распадается на две части, из коих первую можно назвать историческою, вторую — нравственно-догматическою. К ним в начале приложены надпись с приветствием, в конце — заключительные благопожелания. — Более подробное подразделение будет идти в самом толковании.

Отличительные черты

Послания к Ефесянам и Колоссянам отличаются возвышенностию созерцания жизни во Христе, послания к Коринфянам упорядочивают пути жизни земной по началам жизни христианской, послания к Римлянам и к Галатам указывают основание веры по здравому рассуждению о том, что было и есть в живущих в законе и вне закона. Послание к Солунянам не представляет ничего подобного. В нем живо изображен сердечный союз проповедника благовестия Христова с уверовавшими, и в сем отношении оно очень близко к посланию к Филиппийцам — то же Ма-

кедонянам. Христиане македонские не являли высших дарований. Простотою веры и теплотою любви извлекали они у Апостола речь, полную отеческой сердобольности и попечительности. Какова в святом Павле полнота апостольского духа, когда так разнообразно умел он быть всем всё, — что для кого требовалось!

6. Время и место написания

Послание к Солунянам не может быть отдаляемо от начала обращения солунян. В нем, видимо, Апостол стоит под живым впечатлением, произведенным на него обращением солунян и своим в них пребыванием; видно, не привзошли еще другие события, могшие ослабить силу сего впечатления; Апостол весь и мыслию, и чувством в том, что было в Солуни; о всем этом так и пишется, как можно писать только о событиях, совершившихся в недавнем прошедшем. На это же указывает далее и то, что желание видеть солунян, родившееся у святого Павла тотчас по разлучении его с ними (1 Сол. 2, 17), еще живо было у него в то время, как он писал сие послание, равно как и у солунян — видеть его (3, 6): следовательно, разлучившись после первого общения, они еще не видались. Наконец вся нравственно-догматическая часть показывает, что Церковь Солунская, несмотря на всю известность и славу, состоит еще из новообращенных, которым преподаются первоначальные правила жиз-

ни и благоустройства. По всем сим чертам, так очевидным в послании, происхождение послания никак нельзя отдалять от основания Церкви в Солуни. Первое за последним следовало после весьма непродолжительного промежутка времени. Следовательно, определение времени его происхождения и место написания должно согласить с историею основания Церкви в Солуни, изображенного в Деяниях. Святой Апостол в послании ясно дает разуметь, что пишет его тотчас после возвращения к нему святого Тимофея от солунян (3, 6). В Деяниях же значится, что святой Тимофей, возвратившись из Македонии вместе с Силою, нашел Апостола Павла уже в Коринфе. Следовательно, послание должно признать написанным из Коринфа. Время же написания его определить можно следующим соображением.

Пришедши из Афин в Коринф, Апостол Павел жил у Акилы с Прискиллою — христиан из иудеев, изгнанных из Рима Клавдием. Указ об изгнании их, поминаемый Светонием и Тацитом, падет на 52 год. Акила уже обжился в Коринфе, когда прибыл и поместился у него святой Павел. Почему это обстоятельство надо отнести к 53 году, написание же послания — к концу сего года или к началу 54-го.

Но возникают другие недоумения, именно: если так скоро после обращения солунян писано

послание, то как в такое короткое время вера их могла прославиться по всей Македонии и Ахаии (1, 7) и благотворительность их успела расшириться по всей Македонии (4, 10)? — Это заставляет отнесть время написания подальше. То и другое могло совершиться натурально даже в продолжение нескольких недель, а не только в продолжение нескольких месяцев. Солунь была приморским городом и стояла на торговой сухопутной дороге. Люди со всех стран входили или выходили из него каждодневно в большом числе, и всякое значительное, совершившееся там происшествие разносили, можно сказать, по всему свету. Так как обращение солунян к вере в Господа было необычайно, как засвидетельствовал святой Апостол, то из тех, для коих сие дорого было, не могли одни не рассказывать, другие не слышать о сем с охотою и увлечением. И вот пошла слава о вере их по всей Македонии и Ахаии. Благотворительность же всегда идет по следам искренней веры. У веровавших всегда душа едина. Солуняне не могли тотчас же не войти в сношения с берийцами и филиппийцами и не помогать нуждающимся среди них по причине большего благосостояния своего. А это уже большой округ.

Для других рождается недоумение из того обстоятельства, что солуняне беспокоятся об участи умерших уже в христианстве. От начала основания Церкви в Солуни до написания посла-

ния года не прошло. Были ль тогда умершие, и, если были, могли ли быть в это короткое время в таком числе, чтоб это могло породить общее беспокойство? – Но для того, чтоб родилось такое беспокойство, не требуется, чтоб много было умерших, даже совсем не требуется, чтоб были умершие. Довольно одной мысли, что, как все благо ожидается от второго пришествия Христова, время же сего пришествия неопределенно; то что же будет, если кто-нибудь из наших умрет и мы сами помрем, а Он еще не придет до того времени? Что же будет с умершими? Если же был хоть один умерший в это время, то этот вопрос мог разгореться еще с бо́льшею живостию; но и без того, так как належало* гонение, смерть непрестанно носилась пред очами всех.

Относительно места написания недоумение возбуждается не самим посланием и обстоятельствами Церкви Солунской, а древними надписями, в коих стоит, что послание написано из Афин. Верно, такая заметка произошла от смешения места, откуда послан был Тимофей к солунянам (1 Сол. 3, 2), с местом написания послания, или даже от уверенности, что посланный из Афин Тимофей нес и самое послание. Но первых смешивать нельзя, как показывает ход событий, и во втором уверенным быть не следует, когда в послании ясно отличается посольство Тимофея от послания.

* Предстояло. – *Ред.*

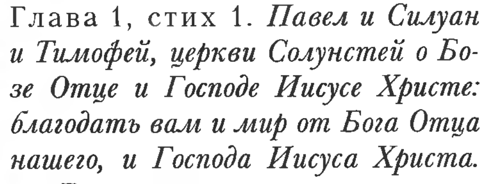
ТОЛКОВАНИЕ

ПЕРВОГО ПОСЛАНИЯ СВЯТОГО АПОСТОЛА ПАВЛА

К СОЛУНЯНАМ

ПРЕДИСЛОВИЕ

а) Надпись и приветствие (1, 1)



Глава 1, стих 1. *Павел и Силуан и Тимофей, церкви Солунстей о Бозе Отце и Господе Иисусе Христе: благодать вам и мир от Бога Отца нашего, и Господа Иисуса Христа.*

Древние начинали свои письма не по-нашему. Мы, обычно, ставим в начале только имя того, к кому пишем, благожелания же и свое имя относим к концу. У них же все сии неизбежные принадлежности писем означались в начале. Сему обычаю следовали и святые Апостолы. Ему же следует и святой Павел как во всех, так и в настоящем послании.

Только все у него другим духом исполнено. Все пишется и благожелается о Боге и Господе, и от Бога и Господа. Как он жил в Них, то Их именем и освещает все свои дела и отношения.

В частных чертах надписей и приветствий святой Павел не следовал одной установленной форме, а действовал в сем с полною свободою, как находил лучшим, по требованию обстоятельств или по внушению руководившего его во всем Духа Божия. При всем том, однако ж, в иных случаях, можно думать, были и причины, заставлявшие его написать так, а не иначе.

Так в настоящем послании святой Павел ставит при себе Силуана и Тимофея, потому что они были сотрудниками его, известными Солунской Церкви. Сотрудников в деле выставляет соучастниками и в послании, потому что хоть он один изрекал слово, но оно составлено на основании сведений, доставленных Силою и Тимофеем. К тому же Силуан и Тимофей там были лично, учили, делали распоряжения. Ставя их наряду с собою, Апостол дает вес всему, что ими там сказано и сделано, дает мысль, что все то должно быть принято, как бы было сказано и сделано им самим, утверждает то своею апостольскою властию. И для целей послания это не бесполезно было. Солунянам все три лица стали любезны и дороги, все трое — как бы одними устами одно преподали им спасительное Евангелие. Как они

устно вместе проповедовали Христа, прилично было и письменному слову идти от всех, как удостоверению в продолжающемся единении между ними, свидетельствующем о нерушимом единстве и твердости предложенного ими учения, исшедшего единым из двух и трех уст (см.: Мф. 18, 16, 20) и доселе в трех свидетелях пребывающего неизменным (2 Кор. 13, 1). Вообще единоличное в Церкви Христовой малоценно. Почему Апостолы в Иерусалиме и недоумение антиохийцев решали собором, и послание к ним написали не от одного лица, а от всех, и не Апостолов только, но и старцев и всей братии (Деян. 15, 23). У них и взял образец святой Павел; ибо сам там был, и послание то соборное было у него непрестанно в памяти, так как в это второе свое путешествие, бывшее скоро после того собора, он, проходя по прежде проложенному следу, предавал Церквам хранить уставы, сужденные от *Апостол и старец, иже в Иерусалиме* (Деян. 16, 4). Если б при нем в это время было больше сотрудников, верно, он всех бы и написал; и если в другое время никого не писал, верно потому, что никого при нем не было.

Силуан — тот же, что в Деяниях Сила, — поставлен прежде, как старший. Он уже был в числе лучших и преуспевших в Церкви Иерусалимской, когда святой Павел с Варнавою пришли туда за решением занимавшего Антиохийскую

Церковь вопроса, и, по решении его, от лица Антиохийского собора, как муж нарочитый в братии (Деян. 15, 22), вместе с Иудою был послан сопровождать Апостола Павла и Варнаву до Антиохии, где, как пророк, словами многими утешал и утверждал братию (15, 32). Здесь потом он и навсегда остался, и был избран святым Павлом идти с ним во второе свое апостольское путешествие (Деян. 15, 40), когда разошлись они с Варнавою. Так вместе с святым Павлом прошел он все Малоазийские Церкви, и перешел в Македонию, вместе с ним проповедовал и терпел в Филиппах и Солуни, вместе с ним устроял, наконец, Церковь Коринфскую (2 Кор. 1, 19). Таким образом, в это время он представляется ближайшим и сильнейшим сотрудником святого Павла, от которого отдалили его, вероятно, узы Апостола, на время прекратившие его проповедническую деятельность. После сего история указывает его при Апостоле Петре, которым посылается он отнести послания к Малоазийским Церквам, как *верный брат* (1 Пет. 5, 12), известный им и прежде по своей там с Апостолом Павлом деятельности.

Святой Тимофей в это только второе путешествие и явил свои дарования, и был призван к сотрудничеству в проповеди, по свидетельству братий, сущих в Листре и Иконии (Деян. 16, 2). Хоть и в это короткое время он успел уже

оказаться благонадежным до того, что ему поручено было, яко служителю Божию и споспешнику в благовестии, утешить и утвердить солунян (3, 2); но вполне его преданность благовестию слова и святому Павлу раскрылась впоследствии, и святой Павел засвидетельствовал, что никто так искренно и самоотверженно не потрудился с ним, как Тимофей, работавший с ним, как сын с отцом (Флп. 2, 22). Почему он всюду говорил о нем с отличною похвалою, называя его не только вообще братом (2 Кор. 1, 1; Кол. 1, 1; Флм. 1, 1), не только сослужителем и споспешником в благовестии (Рим. 16, 21; 1 Кор. 16, 10) и рабом Иисус Христовым, наравне с собою (Флп. 1, 1), но и чадом своим верным, присным, возлюбленным (1 Кор. 4, 17; 1 Тим. 1, 2, 18; 2 Тим. 1, 2).

Святой Павел и себя не отличает здесь никаким титлом, может быть, потому, что еще не установилось, как лучше писать; ибо это было первое послание; а может быть, и состояние солунян того требовало, как замечает святой Златоуст: «Они были еще новооглашенные и не знали его коротко». «Почему не следовало пред ними выставлять своего достоинства, — продолжает Экумений, — чтоб они и этим как-нибудь не соблазнились». А может быть, святой Павел не хотел занимать внимание солунян своим авторитетом апостольским, потому что и без того власть над

ними имел уже прочнейшую в силе любви, которою расположился к ним и которою привязал их к себе. Почему судил более приличным и в послании явиться пред ними только в том же свете духовном, в каком видели они его у себя,— *в силе и Дусе Святе, и во извещении мнозе* (1 Сол. 1, 5). Может быть, при опущении своего апостольского достоинства, святой Павел не солунян имел в виду, а Силу и Тимофея, и скрыл его, чтоб не показаться присвояющим себе какое-либо над ними преимущество и преобладание, хотя был воистину Апостол *ни от человек, ни человеком, но Иисус Христом и Богом Отцем* избранный и призванный (Гал. 1, 1). Нельзя наверно положить, чтоб он с сею именно целию так поступил; но того отвергать нельзя, что сим опущением он обнаружил свою скромность; и она здесь тем привлекательнее, чем проще и неизысканнее обнаружена. Тем только и отличил себя от других святой Павел, что поставил себя на первом месте; поставил же на первом месте потому, что и скромность должна иметь пределы. Истинный образец для церковных и нецерковных властей в их отношении к низшим — не преобладать, но и не унижаться!

Церкви Солунстей. Слово *Церковь* заставляет полагать, что в Солуни были не одни верующие, но и соответственная иерархия,— строители таин и служители слова. Хотя святой Павел и не

упоминает здесь, как в других посланиях, о епископах, пресвитерах и диаконах, но это не означает, чтоб их не было; ибо в конце он пишет заповедь о повиновении настоятелям их, труждающимся у них и наказующим их, под коими, конечно, должно разуметь священные лица (5, 12). Не им же ли и в конце заповедует святой Павел прочести сие послание пред всею Церковию (5, 27)?

О Бозе Отце и Господе Иисусе Христе. Церкви Солунстей, говорит, которая есть о Бозе. Ибо есть соборища иудейские и языческие, но они не о Бозе. «Велико и ни с чем не сравнимо достоинство Церкви, если она о Боге», — говорит святой Златоуст. Церковь о Боге та, которая собрана по повелению и содействию Бога и устроена по плану Его и во славу имени Его, Церковь — чтущая истинного Бога, Ему поклоняющаяся и Ему, по Его заповеди, благоугождающая. В этом характеристическая черта истинной Церкви. Словом *о Боге* означается не одно общение с Богом чрез исповедание веры, но действительное, жизненное пребывание в Боге Отце и Господе Иисусе Христе (Ин. 15, 4; 17, 21; 1 Ин. 2, 5; 5, 20). Прежде солуняне были вне Бога и Христа, где все во зле лежит. Иудеи Христа не знали; язычники и Бога истинного не ведали. Теперь же из них устроилось общество сущих в Боге Отце и Господе Иисусе Христе. Это изменение есть чудо

Божия к ним благоволения, за которое потом хвалу и благодарение возносит Павел, как и во всех своих посланиях. Напоминая о сем, Апостол Павел внушает: смотрите, не сделайте себя недостойными сего высокого совершенства, и всячески держите себя чистыми от всякого греха: ибо, «кто раб греха, о том уже нельзя сказать, что он о Боге», — говорит Златоуст.

Благодать вам и мир. Во всех посланиях святого Павла приветственное благожелание выражается сими словами. Только в посланиях к Тимофею и Титу прибавлено: *благодать, милость и мир.* То же видим и у других Апостолов. Первый образ выражения стоит в обоих посланиях святого Петра, а второй — в двух посланиях Иоанна. Приветствие святого Иуды отлично от всех: милость, и мир, и любовь.

Благодать — χάρις напоминает греческую форму приветствия — χαίρειν (см.: Деян. 23, 26), которая удержана Апостолами в своем соборном послании к Антиохийцам (Деян. 15, 23) и употреблена в послании Иакова (1, 1).

Мир есть обычная еврейская (и арабская) форма приветствия (Быт. 43, 23; Суд. 19, 20 и проч.). Ее употреблять заповедовал Спаситель Апостолам, когда посылал их на проповедь (Лк. 10, 5—6). Ее Сам Он употреблял, являясь Апостолам по воскресении (Ин. 20, 19, 21, 26). И еще прежде, в прощальной беседе Своей, Он оставил

ученикам Своим мир как знамение победы Своей над миром, как наследие им, как отличительную черту их от тех, коих прельщает мир (Ин. 14, 27; 16, 33).

Оба слова, взятые из обыкновенной речи иудейской и греческой, где они относились к жизни земной и внешнему благобытию, святыми Апостолами возвышены до означения полноты благословения и спасения во Христе Иисусе. Достойный замечания пример образования христианского библейского языка!

Благодать, — вообще, — благоволение, благосклонность, благопопечение, в каком смысле и об отроке Иисусе сказано: *благодать Божия бе на Нем* (Лк. 2, 40). Но частнее — благодать, в противоположность закону, делам, долгу (Рим. 4, 4; 6, 14; 11, 6), есть даровое, свободное и безусловное явление любви Божией к тем, которые не только никакого на то права не имеют, но, по всей правде, заслуживают противного (Рим. 3, 23—24; Еф. 2, 3—5). Это и есть новозаветная спасительная благодать, явленная грешникам во Христе Иисусе (Тит. 2, 11; Ин. 1, 17). Она есть не только однажды навсегда совершенное избавление и искупление грешного рода человеческого в Господе Иисусе, но есть и животворная сила, каждого влекущая ко Христу, зарождающая и воспитывающая новую в нем жизнь, которая во Христе чрез Духа Святого сообщается и печатлеется,

сопровождаясь иногда и особенными дарами (Ин. 6, 44; Рим. 5, 5; Еф. 1, 17). Какой же благодати желает Апостол солунянам? — и той, и другой, — и как благоволения, и как живого Богообщения по вере в Господа; ибо в первом — источник последнего; желает, впрочем, продолжения ее, умножения и возращения; ибо та и другая благодать уже явлена Им.

Мир есть ближайшее действие благодати Божией в сердцах людей, — как внутренняя гармония жизни и ее радостное ощущение после внутреннего разложения и распадения, качествовавшего в греховной жизни, исходящие из того и покоющиеся на том, что грех, все разлагавший, и совесть тревоживший, и от Бога отлучавший, теперь изгнан, и человек, умиротворившись и уврачевавшись внутри, снова вступает в предназначенное ему живое общение с Богом. Так мир в христианине есть и плод чувства здравия и жизненности, исполняющих его в новой жизни, и след сокровенного чувства блудного, возвратившегося в дом отца и принятого им опять в полное сыновство. Будучи таковым, он сам в себе имеет понудительную силу располагать человека употреблять все усилие, чтоб навсегда пребыть в сем ублажающем строе жизни. При всем том, однако ж, как и он засеменяется и растет, то очень уместно благожелание умножения и скорейшего его возрастания, с которым при-

ветственно и обращается святой Павел к солунянам.

От Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа, — как единого источника благодати и мира. У святого Павла Бог Отец и Господь Иисус Христос в бесчисленных местах сочетаются вместе. Этим велегласно проповедует он Их единосущие. По домостроительству же нашего спасения, Отец — Источник совета о спасении, и Господь Иисус Христос — Совершитель сего спасения, искупивший нас ценою крови Своей. Посему чрез Него исходят к нам от Бога все силы, *яже к животу и благочестию* (2 Пет. 1, 3), коих *дарователь есть* Дух Святой (1 Кор. 12, 4).

Часть первая
ИСТОРИЧЕСКАЯ (1, 2—3, 13)

В первой части послания святой Павел воспоминает все исторические события, касающиеся солунян с тех пор, как он получил вход к ним, до времени, в которое пишет послание, для того, чтоб указанием во всем перста Божия укоренить в них убеждение в том, что вера, принятая ими, имеет осязательную печать Божественности, и тем еще более воодушевить их — стоять твердо в ней, несмотря на скорби и лишения. Этого достигает он изображением — 1) светлого состояния Солунской Церкви — самой в себе, в отношении Бога к ней и в отношении ее ко всем другим (1, 2—10); 2) своего у них пребывания, запечатленного высоким нравственным характером, ими самими признанным (2, 11—16); 3) и своих о них отечески-сердечных забот (2, 17—3, 13).

1. Светлое состояние Солунской Церкви в духовном отношении (1, 2—10)

Светлое благодатно-христианское состояние солунян изображает Апостол указанием б) совершенства в них основных христианских добродетелей (ст. 3); в) Божия к ним благоволения,

явленного в избрании их (ст. 4—7); г) в благотворном действии славы их обращения и веры на всех других христиан (ст. 8—10). Воспоминая о всем этом, святой Павел а) изъявляет свои благодарные к Богу чувства (ст. 2), относя к Нему все добро, виденное им в солунянах; так что содержание сей главы можно выразить так:

а) Радостное благодарение Богу за проявление благодатно-христианской жизни в солунянах (1, 2)

Стих 2. *Благодарим Бога всегда о всех вас, поминание о вас творяще в молитвах наших.*

Получив от святого Тимофея приятные известия о солунянах, святой Павел обрадован был тем (3, 9) и в радости благодарит Бога за все добро, которым угодно Ему было наделить солунян. С первого слова возводит он их ум к Богу и, указывая в Нем совершителя их преуспеяния, внушает, что они Божии и дело веры их есть дело Божие. Все почти послания святой Павел начинает благодарением, иные почти теми же словами (Рим. 1, 8—9; Еф. 1, 16; 2 Сол. 1, 3; 2 Тим. 1, 3); однако ж это не простой оборот речи, не дело обычая, а выражение действительных чувств, коими полна была душа (см.: 3, 8—9). Призванный на дело Божие, он не мог не радоваться успехам его и, осязательно видя во всем перст Божий, не мог не благодарить Бога. *Всегда*, говорит, благодарим Бога. И это не преувеличение.

Апостол в Боге жил и молитвенное к Нему обращение не отходило от лица его. Такова сила апостольского духа, носителя Духа Божия. Благодарение словом, конечно, было не всегда, но оно всегда было в чувстве сердца, готовое изыти и в слово. Что о всех благодарим, это, кажется, намеренно поставлено. Хоть знал Апостол, что не все совершенны, не сокращает, однако ж, широты благодарения, чтоб чрез это заранее открыть слову своему путь к сердцу и тех, кои несовершенны, когда придет череда коснуться исправления их. Словами: *поминание о вас творяще* и прочее,— определяется действие благодарения, когда оно выражается и словом в молитвословии. Апостол говорит как бы так: в молитвах наших, воспоминая о вас, благодарные к Богу изливаем чувства. Но каковы были молитвы у Апостолов? Они составляли половину их апостольских трудов. *Мы же в молитве и в служении слова пребудем*,— сказали они при избрании диаконов для Иерусалимской Церкви (Деян. 6, 4).

Святой Златоуст говорит: «Благодарение Бога за солунян есть свидетельство о великом их преуспеянии; потому что Апостол не только хвалит их, но и благодарит Бога, как совершителя всего их преспеяния. Притом он научает их смирению, как бы говоря, что все это есть дело силы Божией. Итак, он говорит о благодарении по

причине их добрых дел, а о воспоминании о них в молитвах – по своей любви к ним».

Благодарение в других посланиях стоит в виде вводной речи, за которою следует указание на другие предметы. Здесь же благодарение тесно связано с последующим, и составляет предмет первой главы. Благодарит святой Павел Бога за солунян, помышляя о совершенстве их христианского характера и о Божием их избрании. Сии побуждения, или предметы благодарения, оттенены и в сочетании речи словами: *непрестанно поминающе* (ст. 3) и *ведяще* (ст. 4).

б) Совершенство в них основных христианских добродетелей (1, 3)

Стих 3. ***Непрестанно поминающе ваше дело веры, и труд любве, и терпение упования Господа нашего Иисуса Христа, пред Богом и Отцем нашим.***

Вот первая сторона светлого состояния солунян. Апостол, «желая показать, что воспоминает о солунянах не только в молитвах, но и кроме молитвы, говорит: *непрестанно поминающе*» (святой Златоуст). Сказал Апостол, что как только вспомнит о них в молитвах, всегда благодарит Бога. Чего ради? – Того ради, что у него в душе постоянно стоит образ их христианского совершенства. Это непрестанное памятование об их хорошем состоянии, которое от Бога, и заставляет

его благодарить всегда за них Бога в молитвах.

Поминает святой Павел о тех совершенствах, которые сам видел и о которых сказал ему святой Тимофей, и говорит об них с такою выразительностию ради того, что после намерен говорить о своей среди них деятельности с хорошей стороны. «Прежде говорит о их подвигах, а потом о своих, чтоб не показалось, что он превозносится» (Златоуст). Говорит же так не ради того, чтоб подкупить тем их внимание к своему последующему слову, а как отец, радующийся о совершенстве чад своих. При всем том, однако ж, можно допустить, что Апостол имел вместе в виду — обрисовать то, что они должны являть в жизни своей в большем и большем совершенстве. Изображая начатки совершенной жизни, как совершенства, он раздражает ревность достигать указуемого предела совершенства.

Единичная память святых Апостолов тройственна в предметах. Эту тройственность составляют три главные добродетели христианские: вера, надежда и любовь. Это — силы, начала, стихии благодатно-христианской жизни, которые в акте возрождения во Христе изливаются в сердца христиан Духом Святым и без которых невозможно никакое истинно христианское расположение и действование. Почему святой Павел часто вводит их в речь свою, в своих посла-

ниях (сравни: 5, 8; 1 Кор. 13, 3; Кол. 1, 4). Здесь речь о них имеет ту особенность, что Апостол не просто поминает о них, а характеризует каждую особыми чертами, определяющими, как явились они на деле в жизни солунян, уверяя, что помнит их *дело веры, труд любве, терпение упования*: не одни — дело, труд и терпение, и не одни — веру, любовь и упование, а те и другие вместе по взаимнопроникновении, как бы так: терпение уповательное и упование терпеливое, труд любовный и любовь трудящуюся, веру дельную и дельность верующую. Ибо в действительности они взаимно друг друга рождают и друг друга поддерживают и хранят.

Дело веры определить с точностию труднее других двух терминов. Дело веры есть и первый акт уверования, и дело — немаловажное и не легкое, — начало и корень всех других проявлений христианства. Вера не вдруг образуется: является сначала мысль — не поверить ли? Мысль эта вступает в борьбу с тем, что внутри и что вовне. Когда все преодолеется, произносится в сердце решение: верую, — и дело веры совершается. Понимать ли сей акт как воздействие Божие или как склонение и решение сердца, — он всегда есть нечто достопамятное. Апостол и говорит: помню, как вы уверовали. Дело веры в сем смысле будет то дело, которое потребовал Спаситель

от иудеев, спрашивавших, что делать: *да веруете в Того, Кого послал Бог* (Ин. 6, 29).

Но сие дело больше или меньше невидимо; между тем дело веры, здесь, по соответствии его труду любви и терпению упования, кои видимы, должно быть нечто видимое. Видимость веры есть обнаружение ее в том, что знаменует веру. Вера имеет свой круг проявлений себя, принятие, например, таинств, свое исповедание, общение с единоверными в едином духе с ними, устранение от лжеверов и всего, чем обнаруживается лжеверие. Кто все это являет, совершает дело веры. Дело веры в сем смысле будет постоянное, стойкое, небоязненное обнаружение в себе, во всем и всюду, лица христианина верующего,— и будет соответствовать явлению дела законного, написанного в сердцах (Рим. 2, 15).

С этим близко третье значение дела веры, на которое указывает святой Златоуст,— как стойкости и постоянства в вере, несмотря на стеснения. «Что такое дело веры? — То, что ничто не поколебало вашего постоянства. Если веруешь, стой; если не стоишь, не веруешь. Вера оправдывается постоянством и усердием».— В сем смысле дело веры будет верование, энергично начатое и постоянно содержимое, несмотря на скорби, нападки, гонения и притеснения, как занятие, профессия, дело всей жизни, дающее ей характеристику. Но это не то, что терпение упования, ибо это все

обращено в будущее, а то — занято настоящим, опираясь на бывшем.

В каком же смысле разуметь дело веры в настоящем месте? — Во всех; ибо во всех сих видах дело веры действительно явлено солунянами. Можно подобозначущее ему слово указать в подвиге веры (1 Тим. 6, 12).

Труд любве, — заботы и жертвы солунян в облегчении участи христиан и во всяком им помогании, — то, что творили солуняне *ко всей братии, сущей во всей Македонии* (4, 10). Святой Павел радуется тому, что и в это тяжелое время, когда сами подвергались всесторонним нападкам, солуняне не только между собою хранили любовь, но и всюду распространяли жертвы ее, обнимая ею всех святых. Труд предполагает действование с утомлением, тяготою, приболезненностию. Но труд любви не замечает и как бы не ощущает того. И в нем есть терпение, но терпение любви, любовию поглощаемое. Это, можно сказать, труд беструдный, или нетрудящий.

Терпение упования, неуклонное стояние под крестом, непоколебимость в страданиях, явленная солунянами в постигшем их гонении (Деян. 17, 5 и 9), как плод упования, которое в настоящем скорбном умеет указать вернейший путь к получению вечного прославления в Господе Иисусе Христе (Рим. 8, 18). «В событиях сих (гонениях на солунян) выразилось, — говорит святой Зла-

тоуст,— не только мужество их, но и то, что они с полным убеждением уверовали в обетованные награды». Терпение есть постоянный спутник упования: ибо даже самоупование, как упование, терпит (Рим. 8, 25); оно есть не только носитель упования, как бы тело, оживляемое им, но само рождает упование (Рим. 4, 5). Почему в иных местах Писания видимо стоит вместо упования (Тит. 2, 2).

Делом веры объемлется отношение к Богу; трудом любви определяется отношение к братиям — христианам; терпением упования очерчивается личная участь каждого верующего в здешней жизни с прозрением в будущую. Дело веры исполняет жизни, сил и готовности действовать; труд любви открывает поприще для живого и многоплодного действования; терпение упования завершает и венчает труды — и есть нечто высшее и отрешеннейшее. Терпение Богоугодное труднее Богоугодного действования; но зато оно, чрез конечное испытание, вводит вслед Господа в окончательное совершенство и прославление. В этих трех проявляют себя корень, ствол и колос новой жизни в Господе Иисусе Христе. Вера приемлет благодать и есть засеменение жизни христианской, пересаждение чрез Христа Спасителя в Бога, вращение в Него. Отсюда исходит любовь, как отражение Божией любви в сердце человека, или ответ сердца человеческого на ощу-

щенную любовь к нему Бога, — душа и каждого христианина, и всего тела Церкви Христовой. Упование ведает, что будущее принадлежит Христу Господу и Святой Церкви Христовой. Оно как бы уже переселяется туда и там живет не воззрением только, но и чувством, в уверенности, что преславна духовная жизнь, которая, от прославленного Господа исходя, качествует ныне в членах Его еще только внутренно, но в свое время преславно раскроется и вовне, все собою проникнет, нынешние же противности ей — плоть, мир и диавол — устранены будут со сцены жизни новым явлением Господа, когда и все сущее перечищено будет огнем. Таковы деятели внутренней жизни во Христе. Святой Павел радуется и в радости благодарит Бога, что Он благоволил явить в солунянах эту полноту жизненных сил, характеризующих христианина.

Святой Златоуст все сии три отличия основных христианских добродетелей, — дело, труд, терпение, — объясняет из стеснительных обстоятельств, в которых находились тогда солуняне, и видит в этом печать Божественности принятой ими веры. «Бог, говорит, попустил немедленно быть гонениям на них для того, чтобы кто не сказал, что проповедь Христова утвердилась у них случайно, а напротив, явно было, что не убеждение человеческое, но сила Божия дала такую крепость душам верующих».

Слова *Господа нашего Иисуса Христа* можно относить ко всем трем добродетелям, указывая в Господе их предмет и источник; и можно – к одному упованию: последнее представляется более уместным. Христос Господь прямо именуется упованием нашим (1 Тим. 1, 1; Кол. 1, 27) и есть существенный предмет упования не только потому, что все надежды наши почивают и утверждаются на Нем, но и потому, что Он Сам ждется, и чрез второе Его пришествие и с ним соединенное раскрытие славы Царства Христова исполнится упование славы, и как бы само упование прославится (Тит. 2, 13). Не трудно заметить, что этим приложением святой Павел с самого начала выдвигает вперед упование пред другими его спутницами, потому что после должен был говорить о главном предмете его — втором пришествии Христовом.

Пред Богом и Отцем нашим можно относить к *поминающе* и можно – к трем христианским добродетелям. Святой Златоуст, блаженный Феодорит и Экумений говорят, что можно относить к тому и другому, но больше склоняются на последнее, которое и надобно предпочесть. Ибо если принять первое, — то есть, что святой Павел поминал непрестанно о христианских добродетелях солунян пред Богом и Отцом, – то здесь будет та же мысль, что и в предыдущем стихе, где он говорил, что благодарит Бога, память о

них творя в молитвах своих. Между тем по течению мысли видно, что ему следовало не то же самое сказать пояснее, или другими словами, а указать, что побуждало его благодарить Бога за солунян. Это же будет ясно само собою, когда слова: *пред Богом и Отцем* сочетаем с указанными пред сим добродетелями. Что же побуждало? — Совершенство христианских добродетелей их пред Богом и Отцом. То достойно похвалы и благодарения, что и дело веры, и труд любви, и терпение упования солуняне являли пред Богом и Отцом, Ему их посвящая при мысли о Нем, в присутствии Его совершая их, и, следовательно, со всем тщанием и усердием, со всею искренностию и чистотою побуждений. Помнили солуняне, что «над всем этим надзирает Бог всяческих» (блаженный Феодорит), что «Он все видит и что у Него не предается забвению ничто из того, что ими делается» (Экумений). Потому и постарались явить в себе означенные добродетели в такой силе. Здесь святой Павел видит в солунянах то же совершенство, преуспеяния в котором — бо́льшего и бо́льшего — желает он им потом в конце первой части послания, молясь, чтоб Господь *утвердил сердца их непорочна во святыни пред Богом и Отцем нашим* (3, 13). И это очень прилично было означить, так как вслед за сим выражением отношения солунян к Богу Апостол хочет помянуть и об отношении Бога к ним, как

бы так: вы все делаете пред Богом — и достойно есть так действовать; ибо и Бог много к вам милости показал, избрав вас.

в) Божие к ним благоволение, явленное в избрании их (1, 4—7)

Стих 4. *Ведяще, братие возлюбленная, от Бога избрание ваше.*

Ведяще стоит в прямом соответствии с *непрестанно поминающе* и указывает на вторую причину, побуждавшую святого Павла благодарить Бога за солунян, именно — избрание их к участию в царстве благодати. Избрание точно есть знак великого Божия благоволения, за который нельзя не благодарить. Как древний Израиль был избран из всего рода человеческого в народ Божий; так теперь и из Израиля, и из всех языков избирается Богу новый род, *язык свят*, люди, обновленные чрез призвание из тьмы в чудный свет, открываемый Евангелием (1 Пет. 2, 9). Избранные призываются, призванные оправдываются, сохранившие оправдание прославляются (Рим. 8, 30). Видя ясно, что солуняне введены в сей дивный путь Божий, святой Павел в радости за них благодарит Бога. Видеть сие мог святой Павел уже из того, что они призваны к Евангелию, ибо призвание сие есть указание избрания. Но особенное в этом убеждение почерпает он из того, что само призвание их сопровождалось

необыкновенными явлениями силы Божией. В этой особенности призвания видит он особенность и избрания; почему прилагает воззвание: *братие возлюбленная Богом*. Все же сие приводит он им на память и чтоб утешить их в скорбях, и чтоб удостоверить их, что как уверованием, так и стоянием в вере они дело Божие совершают, – то, чего хочет от них Бог, к чему Он избрал их.

К чему относить *от Бога* – к *братие возлюбленная от Бога*, или к *от Бога избрание ваше*? – Наши толковники не занимаются этим; в изложении же своего толкования настоящего места употребляют то и другое выражение. Феофилакт пишет: «Знаем, что вы избраны Богом»; Экумений: «Знаем, что вы от Бога избраны и возлюблены». Нечего этим и утруждать свою голову. По мысли же и к тому, и другому равно приложимо – *от Бога*. Избраны, поелику возлюблены, *возлюблены*, потому и избраны. Израиль был именуем возлюбленным (Пс. 59, 7; 107, 7), по избранию (Рим. 11, 28). И христиане – возлюбленные, яко избранные (Кол. 3, 12). *Возлюбленные* – понятнее и утешительнее. Не потому ли святой Павел предварил сим термином избрание, чтоб сие избрание – нечто отвлеченное – приблизить к сердцу и тем дать ему возможность произвесть на него свое действие. Благодатное избрание есть осуществление Божией любви к

тем или другим, по коей Он, от вечности присущий Ему план спасения грешного человечества приведши в действие чрез Иисуса Христа, последовательно вводит в участие в нем, призывая к вере в Евангелие. Призванием совершается акт избрания. Последовавшие ему вступают в состояние и чин избранных. У святого Павла здесь разумеется и то, и другое; ибо далее он описывает и то, как приблизилось к ним их избрание, стих 5, — и то, как солуняне вступили в чин избранных и стоят в нем, стих 6. У святого Павла христиане всюду называются избранными как такие лица, в которых чрез призвание к вере исполняется вечное определение Божие о спасении.

Стих 5. *Яко благовествование наше не бысть к вам в слове точию, но и в силе, и в Дусе Святе, и во извещении мнозе, якоже и весте, какови быхом в вас ради вас.*

Указав на избрание солунян, святой Павел указывает теперь, на чем основано его убеждение в их избрании. Основание тому он видит и в призвании их, коим предъявлено им Божие избрание, и в их последовании призванию, в том, как они вступили в чин избранных и стоят в нем. В том и другом видит он осязательно перст Божий и из этого извлекает удостоверение в избрании солунян. Первое составляет содержание 5-го стиха, второе — 6-го и 7-го.

Знаю, говорит, что вы избранники, потому что благовестие мое к вам было не в слове только. Сказавши не *в слове только*, конечно, хочет вслед за сим сказать нечто кроме слова. Почему слова: *в силе и Дусе Святе* никак не следует понимать как какие особенности слова же, а как что-нибудь такое, что было кроме слова, хотя сопровождало слово. Живое слово есть необходимое средство к распространению Евангелия, но само по себе оно недостаточно. Силу ему придавало особое содействие Божие, как засвидетельствовал евангелист Марк об Апостолах, что они, исшедши, проповедовали Евангелие всюду; но Господь споспешествовал им и слово их утверждал последующими знамениями (Мк. 16, 20). Это же самое и здесь сказывает святой Апостол,— что благовестие их было не в слове точию, но в силе и Дусе Святе: *в силе* — в знамениях, явленных в Солуни Богом чрез святого Павла; *в Дусе Святе* — в ниспослании чудных даров Духа, дара, например, языков или пророчества и прочих, так обычных в первенствующих Церквах христианских — на что намекает, когда в конце говорит: *Духа не угашайте, пророчествия не уничижайте* (5, 19—20). Блаженный Феодорит говорит на это место: «Вы сами свидетели силы Евангелия. Ибо не только предложили мы вам поучительное слово, но и чудесами доказали истину слов. Сообщили же вам и благодать,

которой сами причастны: ибо сие означают слова: и в *Дусе Святе*». «Из того видно, — прибавляет к тому святой Феофилакт, — что вы избраны, что Бог прославил проповедь среди вас. Ибо мы не просто так проповедовали, но и знамения были, потому что Бог благословил, чтоб вы уверовали, как избранные Ему и предуставленные».

Словами: *во извещении мнозе* святой Павел хочет сказать, что проповедь их, будучи сопровождаема чудесами и раздаянием даров Святого Духа, проникла в сердце солунян и произвела в них полное и совершенное убеждение, или излила в сердца их богатство извещения разума (Кол. 2, 2). И Спаситель сказал, что без знамения и чудес нельзя ожидать веры от людей (Ин. 4, 48). Осязательное присутствие силы Божией размягчает сердце, раскрывает и отверзает его для принятия истины. Но можно в сих словах видеть указание не на одно убеждение, но и на особый какой-нибудь способ его. Кроме знамений, исходивших от Апостола, и даров Святого Духа, раздаваемых возложением рук его, разные лица могли, по милости Божией, получать разные личные извещения и удостоверения в истине Евангелия, кто сон, кто видение, кто внутреннее озарение, подобно как и сам святой Павел был особенным образом извещен не в Асию идти, а в Македонию. Предполагать сие заставляет сопоставление сих слов с словами: *в силе и Дусе*

Святе. Как в сих очевидна десница Вышнего, так ничто не препятствует видеть указание ее и *в извещении мнозе*. Об убеждении же и уверовании солунян говорит следующий стих.

Ничего нет дивного, что такие особенности сопровождали благовестие Евангелия в Солуни. Этого и ожидать надлежало. Дух не допустил святого Апостола идти в Асию и Вифинию, а явившийся муж призвал его в Македонию. Это указывает и на то, что для македонян приспело время призвания, и на то, что при этом не сокращена будет рука Божия, содействующая слову. Как натурально, что, когда святой Павел, руководимый невидимым сим мужем и Духом, после чудес в Филиппах, достиг Солуни и простер к ним слово благовестия, слово сие было утверждаемо последствующими свыше знамениями и извещениями.

Якоже и весте, якови быхом в вас ради вас. Поелику цель у Апостола восставить в солунянах убеждение в Божественности святой веры, ими принятой, чрез убеждение в их избрании, то, указав, на чем основывается его собственное убеждение в их избрании, святой Павел те же факты вводит теперь в сознание солунян, чтоб, сообразивши все, бывшее у них во время проповеди, они и сами вывели то же заключение: да, тут осязательно очевиден перст Божий, действовавший среди нас, — и великая милость Божия к

нам, знаменующая избрание, несомненна. Не говорит святой Павел, как мы проповедовали среди вас, но каковы быхом, как бы так: знаете, какие знамения явлены Богом в вас чрез нас, какие дарования вы получили, как извещал вас Бог, что слово наше истинно. Так и не сомневайтесь в Божием к вам благоволении и Божественности веры. *Каковы были в вас ради вас.* Все, что исходило от нас, было ради вас. Мы — органы; источник — Бог; вы — приемники. Минуя органы, зрите на источник и удостоверяйтесь из всего, что *постиже на вас царствие Божие* (Лк. 11, 20), по Божию изволению, по любви Его к вам и избранию вас. А отсюда уже само собою выходило то, к чему вел их Апостол: итак, стойте в вере, ни во что вменяя все лишения и нападки.

Стихи 6 и 7. ***И вы подобницы бысте нам и Господу, приемше слово в скорби мнозе с радостию Духа Святаго, яко быти вам образ всем верующим в Македонии и Ахаии.***

Второе основание удостоверения в избрании солунян указывает святой Павел в том, что они приняли Евангелие с радостию, несмотря на внешние противности, чем уподобились Апостолам и Господу и стали образцом для всех верующих. Как Господь и святые Апостолы возвещали слово истины среди неприязненных нападков совне, так и солуняне приняли истину сию и стали носителями ее среди скорбей с радостию, от

Духа исходящею. Это радостное, скорое приятие и крепкое содержание истины, несмотря на все внешние тесноты, есть явное указание на неестественное, свышечеловеческое происхождение их уверования, а далее на Божественность самой веры и еще далее на особое к ним благоволение Божие.

Сила доказательства апостольской мысли не в приятии Евангелия, а в образе сего приятия. Как мое слово к вам, — как бы так говорит Апостол, — сопровождалось явлениями силы Божией; так и ваше приятие слова моего было не по обычному порядку; ибо совершилось среди гонения совне, и притом с радостию. Видимо Божие к вам благоволение и Божие вас избрание. Убеждение в избрании чрез эту необычайность усиливает Апостол сравнением солунян с собою и Господом, которое и ставит впереди, чтоб сим осветить речь свою. Избрание и в том, что Господь благоволил явить вас подобными нам, и даже Себе Самому, — в том, что как мы проповедуем истину под крестом, так и вы приняли ее и содержите, находясь под крестом. Вы вступили таким образом на путь Божий, тот путь, по которому шел Господь и идут Его Апостолы.

Вот несколько слов о сем святого Златоуста: «Смотри, какая похвала! Ученики вдруг сделались равными учителям. Они не только вняли учению, но и достигли высоты, одинаковой с

Павлом. Но это еще что в сравнении с тем, что следует далее. В самом деле, посмотри, куда он их возводит, говоря: *подобницы бысте Господу*? Каким же это образом? — *Приемше слово в скорби мнозе с радостию Духа Святаго.* Не просто — со скорбию, но со многою. Не довольно было сказать: вы скорбели и среди бедствий не перестали веровать; но: вы веровали с великою радостию. Так поступили и Апостолы: *радующеся*,— говорится о них,— *яко за имя Господа Иисуса сподобишася безчестие прияти* (Деян. 5, 41).— Чем же они соделались *подобницы Господу*? — Тем, что и Он Сам, претерпевая великие страдания, не предавался скорби, но радовался. Он для того и пришел добровольно, для того и уничижил Себя за нас, чтобы потерпеть заплевание, заушение и распятие; потому-то, претерпевая все это, Он радовался».

Как возможно приятие слова с радостию среди скорбей? — Когда, при проповеди Евангелия, сердце ощутит истину и возжелает спасения с надеждою получить его, то оно не может не чувствовать радости, как обретши сокровище. Так в обыкновенном порядке. Но когда утеснение совне препятствует даже убеждению образоваться, а не только привзойти надежде спасения, и обрадованию ради того, а между тем, в таких обстоятельствах, является вера живая, крепкая,

сопровождаемая радостию; то явный знак, что тут было присуще особое действие свыше. Дух Божий дал вкусить благо спасения и, преисполнив сердце радостию, не допустил ему быть стеснену скорбями, устроил так, что оно было отверзто для принятия истины и замкнуто для чувства скорби. Так приятие слова в скорби посредствовалось радостию, которая от Духа Святого; вот и осязательное указание на благоволение свыше, а вместе — на Божественность веры и спасительность уверования. «Если уже и то немало, — говорит святой Златоуст, — чтобы переносить скорби как-нибудь; то переносить их с радостию свойственно тем, кто выше человеческой природы, кто имел тело как бы бесстрастное. *С радостию*, говорит, *Духа Святаго.* Дабы кто не сказал: как ты говоришь о скорби и вместе о радости, как та и другая совместны, — он прибавил: с радостию Духа Святого. Скорбь в них, как в телесных, а радость, как в духовных. Как же это? — Обстоятельства скорбны, а то, что они производят, не таково: ибо Дух не попускает сего. — Вас, говорит (Апостол), огорчали и преследовали, но Дух не оставлял вас и тогда, — и как три отрока орошаемы были в огне, так и вы в скорбях. Как там орошение было действие не естества огня, но Духа прохлаждающего, так и здесь не естество скорби производит радость, но

Дух, орошающий и чрез пещь искушений приводящий к прохладе и покою».

Яко быти вам образ. В чем образ? – В усердном приятии Евангелия, в непоколебимой верности ему и, как из последующего видно, в совершенном изменении жизни своей по духу его. Очевидно было для всех совершенство их веры. Совершенство же признанное вызывает подражание. Но Апостол хочет сказать более, хочет внушить, что и это – от Бога, что и в этом – знак Божественности их веры, сверхъестественности уверования, и, следовательно, особенного Божия избрания. Никто намеренно не разглашал. Свет Божественной славы на вере их узрен, потому что он есть и не мог не быть виден способными. Как и в чем обнаружилось, что они стали образцом, Апостол раскрывает далее в 8 стихе.

Яко быти вам образ верующим. Святой Златоуст говорит: «Не сказал: быти вам образ имеющим уверовать, но уже верующим, то есть вы, вступив с самого начала в борьбу, научили этим, как должно веровать в Бога. Видишь ли, как много значит усердие? При усердии не нужно много ни времени, ни промедления, ни отлагательства, а следует только приняться за дело, и все будет приведено в исполнение. От того-то они, приняв проповедь после других, сделались учителями принявших ее прежде».

г) Благотворное действие славы их обращения и веры на всех других христиан (1, 8—10)

Стих 8. *От вас бо промчеся слово Господне не токмо в Македонии и Ахаии, но и во всяко место вера ваша, яже к Богу, изыде, яко не требовати нам глаголати что.*

В последних трех стихах — 8, 9, 10, святой Павел изображает третью сторону светлого состояния солунян, именно их славу между всеми тогдашними христианами в Македонии и Ахаии и во всяком другом месте. Это не была какая-нибудь неопределенная, глухая молва. Слух об их вере распространялся с точною определенностию, с указанием, кто и как у них проповедовал, как они уверовали и чему именно. Это была будто проповедь апостольская без Апостолов, оглашавшая все страны.

В 8 стихе Апостол указывает, что огласилось, пространство оглашения, образ его распространения и полноту. Что огласилось? — *Слово Господне* промчеся... *Вера ваша* изыде. Расходился слух о вере солунян; но как вера от слова, то вместе с тем распространялось и самое слово Господне, — или промчеся слово Господне, как оно проповедано Апостолами и уверовано солунянами. Слово Господне текущее (2 Сол. 3, 1) — не особое какое, но то же, что слово Христово, богатно вселяющееся в сердцах (Кол. 3, 16).

Как это оглашалось? *Промчеся... изыде...* Не посылали они нарочитых глашателей и проповедников. Помимо их, само собою слово об их вере и славности их уверования расходилось повсюду; ἐξῄχηται отозвалось, как эхо. – Слово исходит от Господа и обращается к людям; а в людях слову Божию отвечает вера – приемница слова; затем, вера от веры заимствуясь, распространяет слово Господне по земле. Слово раздается с неба, как глас трубы Божией; звук его приемлется одними, а от сих эти звуки расходятся повсюду, не умаляясь в силе. О сем святой Златоуст так пишет: «Как благовонное миро не удерживает благоухания в себе самом, но разливает его далеко и, растворяя им воздух, услаждает чувство окрест стоящих; так точно благородные и досточтимые мужи не могут скрыть своих доблестей в себе самих, но при посредстве распространяющихся о них вестей многим приносят пользу, делая их лучшими. То же самое совершилось тогда (с фессалоникийцами). Посему-то (Апостол) и сказал как бы о них: вы представили собою пример поучительный для живущих близ вас и исполнили удивления всю вселенную. И не сказал он: слово Господне разнесено, но: промчеся, прозвучало, огласилось, ἐξῄχηται, внушая тем, что подобно тому как глас трубы звучащей наполняет все окрестные места, так и слава о вашей доблести, столь громкая, как звук трубный,

наполнила всю вселенную и повсюду достигла до всех с равною силою. Великие деяния там, где бывают совершаемы, громогласно прославляются, а в отдалении хотя и прославляются, но не так. Но с вами иначе: слава о вас с одинаковою силою разнеслась по всей земле».

Как широко огласился слух? — Промчеся по всей Македонии и Ахаии и во всяко место изыде. Святой Златоуст говорит, что *во всяко место* значит — *во всю вселенную*. Коринф был центральный город, соединявший Восток с Западом. Тут стекались со всего мира люди. И не дивно было слышать святому Павлу от посещавших Коринф христиан, как всюду говорят об обращении солунян и их стойкости в вере. Видно, как громка была проповедь Апостола в Солуни, будучи сопровождаема знамениями и чудесами и раздаянием даров Духа Святого; как дивно было обращение солунян, как шумно восстание против них неверов и как мужественна твердость их в гонении. Все это и было причиною скорого всюду распространения слуха. Солунь своим положением открывала пути к тому, а Коринф давал возможность услышать о сем слухе.

Как полон слух? — *Яко не требовати нам глаголати что*. «Нигде, — говорит святой Златоуст, — не ждут услышать наше повествование о вас, но люди, не посещавшие вас и не видевшие ничего, предваряют своими рассказами о вас тех,

которые у вас были и видели ваши подвиги. Так повсюду по слухам сделалась известною ваша вера! И нам нет надобности рассказывать о ваших делах, для возбуждения в других подобного же соревнования, ибо о чем надлежало бы им слышать от нас, о том они, предупреждая нас, рассказывают сами».

Какое утешение, какое воодушевление и какую твердость сильны были слова сии излить в душу солунян! Если так широко распространилась слава о вас, то смотрите, не омрачите ее не только отступлением, но и какими-либо противно-христианскими делами. Если при этом ваше обращение послужило поводом к обращению других, то продолжите стоять, как свеча на свещнице, и светить всем. Вы стоите мужественно в вере; доблестное дело. Но теперь за то все на вас смотрят, все вам сочувствуют и одобряют вас. Мужайтесь! Вы не одни; все с вами.

Стихи 9 и 10. *Тии бо о нас возвещают, каков вход имехом к вам, и како обратистеся к Богу от идол, работати Богу живу и истинну, и ждати Сына Его с небес, Егоже воскреси из мертвых, Иисуса, избавляющаго нас от гнева грядущаго.*

Указывает Апостол, каких предметов касался слух о солунянах, именно, каким он явился среди них и как они обратились — к кому, от кого и для чего. — Тут полная программа апостольской

деятельности и того изменения, какое совершали они в веровавших.

Каков вход имехом к вам — не одно то напоминает, под каким крестом он стоял у них с первых дней или как ласково и радушно был принят желавшими слушать слово истины; но то особенно, каким он явился среди них как Апостол, то есть с проповедью, утверждаемою последствовавшими знамениями, хотя совне теснимою. *И како обратистеся,* — как дивно совершилось изменение сердец солунян, как легко и с какою готовностию обратились они, не чувствуя как бы нужды в особом усилии, для того чтоб служить Богу живому и истинному (Златоуст), — тоже несмотря на внешнюю тесноту. В этом — *како,* — в устах рассказывавших, слышится радость сторонних христиан, при вести об обращении солунян, как об умножении общего, единого во всем мире братства о Христе и распространении славы веры Христовой. *Како обратистеся к Богу от идол* — то же, что в других местах, *от суетных сих к Богу живу, Иже сотвори небо и землю* (Деян. 14, 15), или *из тьмы в свет, из области сатанины к Богу* (Деян. 26, 18, 20). Видно, что обращение состояло не в одной перемене исповедания и образа богопочтения, но сопровождалось внутренним изменением, после которого прошедшее состояние сравнительно с новым было то же, что тьма сравнительно с светом. Было, следова-

тельно, о чем возвещать; и солуняне знали, какое радостное и ублажающее событие приводит им на память святой Павел, говоря об этих слухах.

Работати Богу живу и истинну, и ждати Сына Его с небес. — Два основных чувства и расположения, заправлявшие всеми делами и всею жизнию обращенных! — Последним покровительствуется первое и укрепляется против всех неудобств и неприятностей. Работай! Вот-вот придет Господь и все приведет в блаженный строй и порядок! — *Работати.* Бог — верховный Владыка. Человек — тварь разумная, обязанная работать Ему безусловно, но сознательно и желательно. В этом отношении нет, однако ж, жестокости и холодности рабства. Работающие Богу — суть свои Ему. Раб Божий есть Богоугодный человек; и работа Богу — Богоугождение. Этого не отменяет и сыновство, стяжеваемое в новой благодати, а, напротив, возвышает то, расширяет, усиливает. Святой Павел отличает проповеданную им работу Богу словами: *работати Богу живу и истинну,* — *живу,* — в противоположность бездушным идолам, *и истинну,* — в противоположность богам мнимым, воображаемым, *кои мнятся боги быти, но не суть* (Рим. 1, 25; Деян. 14, 15) (блаженный Феодорит). Напрасно думают, будто Апостол говорит здесь только с точки зрения ветхозаветной, или только по началам разумной естественной веры, как бы в угодность только что уверовав-

шим из иудеев и язычников, не указывая черт, какими оттеняется работа Богу в Господе Иисусе Христе. Христианские черты работы Богу суть вера в Господа Искупителя, очищающего от грехов, и возрождение в Нем, или приятие благодати Пресвятого Духа для сопротивления греху и побеждению его. Но и о Господе Спасителе и Духе Святом непрестанно поминал святой Павел пред сим, как мы видели. Да и в этих самых словах можно подразумевать указание на то. Чтоб служить Богу живу и истинну, надобно наперед приступить к Нему и примириться с Ним. Примириться же с Ним можно только чрез Иисуса Христа, очистив совесть свою от мертвых дел кровию Его (Евр. 9, 14). И не это одно; но нужно еще принять силы на служение Ему истинное, а эти силы исходят от Духа Святого в святых таинствах. Верно, все это при первой проповеди и объяснено было солунянам, а теперь только намекается о том одною общею чертою работы Богу живому и истинному. Христианство не в новый чин вставляет человека, а в тот, в коем он должен быть по естеству, но с которого ниспал. Притом, когда святой Павел тут же говорит: *ждати Сына Его*, то этим одним положением сокращенно обнимает всю христианскую догматику. Значит, солуняне уже знали, что Господь Иисус Христос есть Сын Божий — наше искупление, освящение и воскресение.

Ждати Сына Его. Двумя чертами определяет святой Павел цели обращенных: *работати* — дело любви и *ждати* — дело упования. Если в слове *обратистеся* увидеть дело веры, то вот и здесь опять все три христианские добродетели: вера — в обращении, любовь — в служении, упование — в ожидании Сына Божия с небес. Но нельзя не видеть, что и здесь делу упования дается преимущественное развитие. Это по характеру сего послания, равно как и второго, кои оба заняты нарочито вторым пришествием Христовым. Впрочем, этот предмет и во всех других писаниях Нового Завета выставляется ясно, так что ожидание Сына Божия с небес есть, можно сказать, отличительная черта внутреннего настроения христиан. Второе пришествие и Самим Господом так очерчено, что его нельзя не содержать в мысли каждый час и минуту.

Ждати Сына Его с небес, Егоже воскреси из мертвых. — В первом же послании встречаем у святого Павла наименование Спасителя Сыном Божиим. Этим определяется предвечное Его отношение к Богу живу и истинну, о коем только что сказал Апостол. Так святой Павел проповедовал солунянам о живом Боге, не только как едином по существу, но и как не едином в лицах, указывая, что у Бога искони есть Сын — Бог, единосущный Ему, и что сей Сын есть Господь Иисус Христос, пришедший в мир грешных нас

спасти. *Ждати с небес.* Значит, Он воскрес и вознесся; вознесся туда, откуда и пришел. *Егоже воскреси из мертвых.* Это главный предмет апостольской проповеди – пора христианства. Всякая речь святых Апостолов, и в Иерусалиме, и повсюду, на это сводилась. Ибо нельзя было и слова сказать от лица Того, Кто распят, не сказавши, что Он воскрес, вознесся на небо и опять придет с небес. «Все вдруг видишь, – говорит святой Златоуст, – и воскресение, и вознесение, и второе пришествие, суд, воздаяние праведным и наказание злым. Главное доказательство, что Христос Иисус есть Сын Божий, есть воскресение Его из мертвых (Рим. 1, 4). Его и выставляет святой Павел».

Иисуса, избавляющаго нас. После Божеского имени ставит человеческое имя Иисус не иного чего ради, как чтоб означить два естества, – условие избавления нашего, почему тотчас и прибавляет: избавляющего. Не сказал: избавившего, или имеющего избавить, а избавляющего, чтоб означить непрерывность совершенного им избавления, или вечное значение Его, как Избавителя, от века предуставленного. Как утешительно было слышать, что уверовавшие отселе уже избавляются от гнева, который поразит всех, непричастных вере в Господа! «Здесь и одобрение, и утешение, и наставление для них. Если Бог Отец воскресил Его из мертвых, если Он на небесах и придет

оттуда,— а вы уверовали, что это действительно так,— то в этом заключается уже достаточное одобрение» (святой Златоуст).

От гнева грядущаго избавляет Господь верующих, то есть от осуждения на Страшном суде. Гневом названо сие действие правды, ради строгости суда и непреложности определения,— а более по тому чувству, с которым примут осуждение имеющие подвергнуться ему. Ужас, имеющий постигнуть их, будет по обычаю виновных видеть гневным Судию и кротко изрекающего определение правды вечной. Избавляет от сего суда Господь Иисус Христос верующих в Него. Во Христе Иисусе суд над миром уже совершен (Ин. 12, 31). Только тот, кто бросает мир и прилепляется ко Христу верою, изъемлется из области, пораженной сим судом, уклоняется под сень креста, сквозь который не пройдут удары гнева Божия, когда будет приводиться в исполнение приговор суда, произнесенный уже над миром. Кто *верует, не будет осужден* (Ин. 3, 14—18; 5, 24). *Не положи нас Бог в гнев, но в получение спасения Господом нашим Иисусом Христом* (1 Сол. 5, 9).

2. Пребывание Апостола Павла у солунян (2, 1—16)

Во втором отделении 1-й части послания, исторической, святой Павел описывает свое с сотрудниками своими пребывание в Солуни (2, 1—16),

касаясь двух преимущественно пунктов: а) характерических черт своего проповедания и действования (2, 1—12); и б) уверования и мужественного пребывания в вере солунян (2, 13—16).

Приступая к объяснению сего отделения, неизбежный встречаем вопрос: что заставило святого Павла коснуться сего предмета и так подробно его изображать? — Святой Павел так начинает свою речь: *сами бо весте.*

Частица *бо* — γάρ — ибо указывает в последующей речи причину на предыдущую, — как бы так: вот что рассказывают о моей у вас проповеди и вашем обращении. Оно так и есть, ибо сами знаете, как что было. Две половины этого отделения точно отвечают тому, что слышал святой Павел (1, 9), именно, *каков вход имехом к вам* (2, 1—12) и *како обратистеся* (2, 13—16). — Но если б у святого Павла в самом деле было в намерении только подтвердить и разъяснить рассказываемое сторонними лицами; то, как все это известно уже солунянам, довольно было намекнуть о том, а не изображать с такою подробностию. Речи сторонних христиан можно считать поводом к тому, что святой Апостол заговорил о сем предмете, но что он говорит о нем так широко, на это, верно, была другая причина. — Первою, возможною здесь причиною можно поставить то, чтоб возобновлением в памяти солунян всего, что было у них при уверовании,

оживить и утвердить их веру и тем воодушевить их на непоколебимое стояние в ней и за нее во время гонения. — Точно, это изображение мужественной, бескорыстной, самопожертвовательной и неутомимой, дышащей любовию деятельности проповедников Евангелия, равно как искреннего уверования солунян и их мужественного терпения, очень сильно́ новый свет навесть на проповедников, верующих и самую проповедь, и тем освежить веру и мужество стоять за нее. Но в образе речи святого Павла есть особенности, по которым, не отвергая, что плодом такого изображения действительно было оживление веры и мужества стоять за нее, надобно у святого Павла предположить другие цели и побуждения писать о сем так, а не иначе. — Это отделение тогда только будет понятно, когда допустим, что святому Павлу настояла нужда опровергать нарекания на его лицо и на его деятельность. Без побуждений такого рода не стал бы он почти с клятвою удостоверять в истине своих показаний (стихи 5, 10), и не стал бы так часто обращаться к собственному сознанию солунян (стихи 1, 5, 10, 11). Все это натурально только в таком случае, если он и здесь, как в послании к Галатам, или 2-м послании к Коринфянам, хочет живее представить истину в противоположность ходящим среди солунян ложным мнениям. Немалое этому наведению дает подкрепление и форма

речи. Почти все это отделение переполнено одинаковым оборотом: οὐκ – ἀλλὰ, – не так, но так (стихи 1–2, 3–4, 5–7). Очевидно, что положения борются одни с другими. – Не видно, чтоб в Солуни образовалась уже целая партия противников Евангелия; но не дивно, что у неверующих прорывались речи, невыгодные для успеха дела Божия, доходили до верующих и ходили между ними, без особого злого заговора, но всяко с целию поколебать их веру и возвратить к прежним порядкам жизни. Об этом, возвратившись из Солуни, передал святому Павлу святой Тимофей, – и вот он счел нужным все то оговорить. Чего именно касались эти недобрые речи, можно догадываться из того, что отрицает святой Павел (стихи 1, 3, 5 и 9). Применяясь к ним, вот какую можно построить догадку. Приводя на память эту, можно сказать, внезапную перемену солунян, иные недоброхоты верующих, а может быть и доброхоты – родные неверующие, радея о родных уверовавших, могли смущать их такими речами: какой-то неизвестный человек, по имени Павел, переплыв море, предложил вам слово об Иисусе, называемом Христом, Которого вы прежде не знали, и убедил вас уверовать в Него и поклоняться Ему, как Богу. И вот вы – христиане, бывшие доселе язычниками или иудеями. Хорошо ли это сделали вы? Не мечта ли – верования христиан? И не тщетны ли

надежды их? Не обманул ли вас Павел, или сам он не в прелести ли, под каким-либо влиянием нечистых? Сколько у нас иудеев? А они неохотно веруют. А сам показался только и ушел — и заботы ему нет... Такие речи не могли, конечно, всех смущать, но нельзя сказать, чтоб никого не смутили, особенно из тех, кои уверовали по выходе святого Павла из Солуни. Колеблющихся могли разуверить более искусные и твердые; но их разуверие требовало апостольского подтверждения. Святой Апостол и пишет. Видно только, что он хочет устранить действительные, а не воображаемые смущения. — Самый образ речи не допускает догадки, будто святой Павел, предвидя, что и здесь, как в других местах, явятся смутители покоя верующих, предварительно заготовляет против них отпор в предлагаемом истолковании своих действий.

а) Проповедание Апостолов и действования их

Характеристические черты аа) проповедания и бб) действования святых Апостолов в Солуни, — 2, 1—12.

аа) Черты проповедания (2, 1—6)

Глава 2, стих 1. *Сами бо весте, братие, вход наш, иже к вам, яко не вотще бысть.*

Сами бо весте. Предыдущая речь подала повод, или послужила переходом, к последующей. Святой Павел и соединяет сию с тою, пересказывая

то же, что рассказывали сторонние и что знали сами солуняне, только с своею особою целию. — *Вход наш*. Это — не прибытие только в Солунь и первое появление между солунянами, но все вообще пребывание там святого Павла, от прихода до удаления, вступление в духовное общение с солунянами, как он им проповедовал, как они уверовали, как образовалась и устроена Церковь из них.

Яко не вотще бысть. Это против первого нарекания. *Не вотще* — οὐ κενὴ. Κενός — пустой. Верно говорили: попусту ходят эти люди, праздные странники, мечтатели, обманывающие или обманутые. Апостол и говорит: мы не такие. Кто таков, тот не станет страдать; а мы в Филиппах пострадали и, к вам пришедши, должны были тотчас вступить в борьбу и подвиг. Можете судить по этому одному, что вход наш к вам — дело наше, в вас совершенное, — не есть дело праздности, пустое, бесцельное, обманчивое. Подобное сему значение имеет сие слово в 1 Кор. 15, 14, где святой Павел говорит, что если Христос не воскрес, то *тще проповедание наше, тща же и вера ваша*. Такая мысль вполне соответствует тому, что говорится во 2-м стихе и далее в 3-м; *не от прелести*. Святой Златоуст толкует: οὐκ ἀνθρωπίνη, οὐδὲ ἡ τυχοῦσα не человеческий (вход), по обычным житейским целям бывающий, и не случайный, не кое-какой, не бесцельный, не

ничтожный. Экумений Златоустову мысль разъясняет, говоря: *не вотще*, то есть наши проповеднические беседы были не ложные басни или сонные мечтания, пусторечия или праздноречия — οὐ μῦθοι ψευδεῖς καὶ λῆροι. Откуда это видно? — Видно из того, что, только избежавши опасностей, мы опять дерзнули подвергнуть себя новым опасностям, на что, конечно, не решились бы, если б не были уверены, что проповедь наша Божественна. Ибо, по Феодориту, «пускающиеся в обман только до опасностей носят личину, а как скоро увидят их, тотчас обнаруживают себя, — и ложь обличается».

Если поставить это слово *не вотще* в соответствие с тем, что сказано в 1, 5: *не в слове точию, но в силе*, — то оно будет означать: вход наш к вам не был обыкновенный, не одним словом действовали мы среди вас, но слово наше, по особенной к вам милости Божией, было сопровождаемо знамениями и чудесами. Такая мысль будет стоять в соответствии и с предыдущим, показывая в знамениях Божиих, сопровождавших проповедь Апостола, причину, почему повсюду говорили о солунянах. На нее наводит и святой Златоуст, когда, приступая к толкованию второй главы, говорит вообще о содержании ее: «Здесь (Апостол) хочет выразить то, что и выше говорил, именно — показывает свойства (христианской) проповеди как со стороны *чудес и*

решимости проповедников, так и со стороны ревности и усердия принявших проповедь».

Применительно к тому, что ниже говорит святой Павел, 3, 5: *да не како всуе будет труд наш*,— можно и в настоящем месте дать сему слову такой смысл,— что вход Апостола к солунянам не был бесполезен, но принес плод мног, обращение столького числа и столь ревностных христиан. В таком случае оно будет соответствовать 2, 13—16, где говорится об обращении солунян. Блаженный Феодорит говорит, что после скорбных обстоятельств в Филиппах исполнился святой Павел большого усердия, потому что предвидел пользу трудов.

Какую из сих трех мыслей избрать, это можно оставить на произвол, ибо они все не противоречат одна другой, равно как и течению апостольской речи.

Стих 2. *Но предпострадавше и досаждени бывше, якоже весте в Филиппех, дерзнухом о Бозе нашем глаголати к вам благовествование Божие со многим подвигом.*

В том уже, что Апостолы, предпострадавши, опять вступают в дело проповеди, за которую страдали, надо видеть нечто великое, необычайное, вышечеловеческое. Неотступность от своего дела, и небоязненность, с какою было предлагаемо учение, приносящее не радости, а скорби, показывают в святом Павле и его сотрудниках

людей, о которых стоит только напомнить, чтоб рассеять взводимое на них и дело их нарекание. Это и делает святой Павел. Сами, говорит, знаете, что было с нами прежде прихода к вам и что было у вас, и по тому, как что было, судите о значении нашей проповеди. Святой Златоуст говорит: «Видишь ли, что от твердости проповедников заимствуется доказательство Божественности их проповеди! Если б, — как бы так говорит Апостол, — проповедь наша была не такова, то мы не подвергли бы себя таким бедствиям, которые не дают нам и вздохнуть свободно».

Как пострадали Апостолы в Филиппах, о сем передают Деяния святых Апостол в 16, 12—40. Солуняне же узнали о том или от самих Апостолов, или от филиппийских христиан, с которыми, конечно, тотчас по обращении вступили в общение. Двумя словами очерчивает святой Павел, что было с ними в Филиппах: *предпострадавше и досаждени бывше*. Под страданиями он разумеет то, что растерзали одежды их, били палицами и, давши многие раны, отослали в темницу, где они посажены были в дальнейшую камеру, и ноги их забиты были в клади* (Деян. 16, 23—24). Досаждением же (ὕβρις — укор, бесчестие, поношение), кроме того, что всенародно обнажили их и били, конечно не без укорных при сем слов, верно, означает и то, что в святом

---

* Колодки. — *Ред.*

Павле не пощажено было даже право римского гражданина, как он говорил о том и в Филиппах судьям (Деян. 16, 37). Какое точное согласие послания с Деяниями даже в таких частностях!

Дерзнухом о Бозе нашем. Дерзновение — παρρησία — смелость, несмущенная небоязненность возвещать истину в лицо неверам, и притом враждебным. Оно не от одного убеждения в истине, но еще и от уверенности, что проповедование совершается по личному Божию поручению, и что при этом всегда готова Божия помощь. Это есть отличительное свойство всех Апостолов. Сам Господь повелел им быть такими и дал силу на то. *Пред владыки*, говорит, *и цари ведени будете...* Но не бойтесь. *Дастся вам, что возглаголете. Не вы бо будете глаголющии, но Дух Отца вашего, глаголяй в вас* (Мф. 10, 18—20). О дерзновении святого Апостола Павла часто говорится в Деяниях, начиная с самого обращения его. В Дамаске, в Иерусалиме, а потом и всюду дерзает он небоязненно проповедовать Евангельскую истину (Деян. 9, 27—28; 13, 46; 14, 3; 19, 8; 26, 26). На такое дерзновение воодушевляло и его, как других Апостолов, не одно глубокое убеждение в истине, но особенно то, что он лично от Самого Господа получил заповедь на то и обетование всегда готовой притом помощи свыше. Сам Господь явился ему и послал его проповедовать о имени Его всем языкам (Деян.

9, 6, 15—16; 22, 17—21). Вот он и дерзает, не на свою надеясь силу, но дерзает о *Боге своем*, Которого, по осязательным опытам, сознавал своим помощником и покровителем и с Которым, во глубине сердца приискренне соединен будучи, все что ни делал, делал при свете умного видения Его, от Него приемля вразумление что, как и когда делать, и воодушевление на самое действование. Как чувствуется такое к Богу отношение постоянно, так и изрекается невольно. Напомянув о сем солунянам, Апостол вместе и их ум возводит к тому, чтоб источник преподанного им учения они видели не в человеке, а в Боге и держались его, как от Бога прямо им данного. Уверяя, что дерзает о Боге, он внушает, что и проповедует пред Богом с сознанием, что явлен есть Ему, а тем хочет расположить и их явленным признать его в совестях своих (2 Кор. 5, 11), признать то есть искренним проповедником Богом вверенного ему учения, каким они уже и признали его в начале, приняв слово от него, *не яко слово человеческо, но, якоже есть воистинну, слово Божие* (стих 13). Почему и прилагает, что он дерзнул глаголать к ним не свое что-нибудь, но *благовествование Божие*. В этом главная мысль второго стиха, как первого — в слове *не вотще*. Все же другие слова указывают только на соприкосновенности, наводящие на сию мысль. Оба стиха коротко так можно передать: наш вход

к вам, наше дело у вас, наше проповедание было не пустое что, но мы принесли вам от Бога радостную весть о спасении, преподали вам Божие благовествование.

Со многим подвигом. Как прежде о солунянах сказал он, что они *приняли слово в скорби мнозе с радостию Духа*; так о себе теперь говорит, что и они дерзнули о Бозе преподать им слово Господне со многим подвигом. Подобное сопоставление своего подвига с подвигами обращенных делает святой Павел и в послании к Филиппийцам (1, 30). Под подвигом, впрочем (ἀγὼν — борение), можно разуметь здесь не одних внешних препон и скорбей преодоление, но и борение с умами слушавших, как можно заключить из того, что святой Павел состязался с иудеями от Писаний (Деян. 17, 2); равно как и вообще неутомимость в труде проповедания, о коем говорит ниже (стих 9—11). Желающий просмотреть, какие подвиги поднимал святой Павел в проповеди Евангелия и в других местах, пусть прочитает 1 Кор. 9, 2—9; 2 Кор. 4, 8; 11, 23—30; 2 Тим. 4, 7.

Стих 3. *Утешение бо наше не от прелести, ни от нечистоты, ниже лестию*.

Утешение наше, подразумевается, *есть*, а не *было*, как показывает *глаголем* в следующем стихе, с которым сей составляет одну речь. В этом 3-м стихе, в связи с следующим 4-м, святой

Апостол подтверждает сказанное в 1-м и 2-м стихах общим положением о происхождении Евангельского учения от Бога. Он дает как бы ответ на вопрос: откуда видно, что ваше дело не пустое, что вы предлагаете Божие благовестие, — что будто и воодушевляет вас говорить, несмотря на неприятности из-за того, — ответ такой: на все это одна причина – та, что наше учение не есть какое-либо заблуждение, в котором мы запутались, подобно философам, не есть дело нечистых сил или какая кознь злохитрая, а прямо от Бога нам поручено. Повеление Божие воодушевляет нас проповедовать, и мы убеждены, что проповедуем истину, так же как убеждены в том, что Бог истинен. Но как это свидетельство святого Апостола о себе и своем деле могло быть иными подвергаемо сомнению, то вслед за сим он указывает на свою деятельность между солунянами, которая всем известна (стихи 5 и 9), и вывод из которой должен быть один и тот же, говоря как бы: если словам не верите, то поверьте делам, как и Господь сказал иудеям (Ин. 10, 38; 14, 11).

Утешение – παράκλησις, что означает приглашение, призывание, вообще речь, обращенную к другому. По содержанию речи и παράκλησις бывает то учение (Деян. 15, 31), то увещание (1 Тим. 1, 9), то утешение. В настоящем месте так наименовал Апостол Евангельскую проповедь, и прилично так наименовал ее, ибо Евангельская

проповедь совмещает все сии три стороны. Она есть и учение, ибо предлагает чистые и непреложные истины о Боге, человеке, и о всем сущем, — есть и увещание, или умаливание (2 Кор. 5, 20), ибо состоит не в одном предложении истины, но и в убеждении изменить прежний недобрый порядок жизни на добрый и Богу угодный, — есть и утешение, ибо обещает самые высокие утешения страждущему человечеству в примирении с Богом верою в Господа Иисуса Христа и в уготовлении верующим Царствия Небесного. Можно потому сказать, что слово сие употребил святой Павел вместо сказанного пред сим *благовествования Божия*.

Не от прелести, οὐκ ἐκ πλάνης. Πλάνη означает обманывание и обольщение других (Мф. 27, 64; Еф. 4, 14), и собственное заблуждение, или самопрельщение. В том и другом смысле оно противоположно *истине* (1 Ин. 4, 6), как истинолюбию и правдивости и как несомненному знанию действительной истины. В настоящем месте оно стоит в последнем значении. Святой Павел сказывает сим: так настойчиво проповедуя Евангелие, мы не стоим в прелести, в заблуждении, которым бы сами увлеклись или увлечены были другими, подобно философам и подобным людям, увлекавшимся мечтами своими, но осязательно знаем, что проповедуем истину, ибо лично получили повеление на то Самого Бога (Деян. 22, 21),

Который есть сама истина. Дело наше, – говорит святой Павел, по Златоусту, – «не обольщение, в которое бы мы вдались», по Феодориту, – «учение, предлагаемое нами, не имеет сходства с баснями стихотворцев, исполненными многой лжи», по Экумению, – «проповедание наше не есть что-либо заблудное – πεπλανημένον – плод самообольщения укоренившегося».

Ни от нечистоты. Иные видят в сем слове отрицание нечистых побуждений; Апостол хочет будто сказать, что проповедь их производится не из тщеславия или корысти. Но как об этом он будет говорить тотчас в 5-м стихе, то здесь ту же мысль предполагать излишне. Поэтому не настоит необходимости отступать от смысла, какой дают сему слову древние отцы и учители Церкви, именно – что святой Павел отрицает сим происхождение своего дела от нечистой силы, подобно языческим суевериям, магии и волхвованьям. Эта мысль согласно с целию святого Павла в этих двух стихах – 3-м и 4-м – указать источник своей проповеди и своего мужества. В третьем стихе он отрицает ложные о сем мнения, какие ходили, может быть, между солунянами, а в 4-м указывает истинный того источник. Первый источник заблуждений человеческих – ум недальновидный и гордый, считающий непременно истинным все, что ни придумает. Что не из сего источника проповедь апостольская, это сказал святой Павел в

слове οὐκ ἐκ πλάνης. Другой источник заблуждений человеческих — отец лжи, научивший людей всяким темным делам и непотребствам. Это, в отношении к своей проповеди, отрицал Апостол: οὐδὲ ἐξ ἀκαθαρσίας. Словом от *нечистоты*, — говорит святой Златоуст, — выражается то, что дело Апостолов было не из рода дел темных, каковы дела чародеев и волшебников. «Учение апостольское, — говорит Экумений, — не есть что-либо нечистое, чародейное, похожее на заговоры и стихи магические, употребляемые иными жрецами». Та же мысль у блаженного Феофилакта с блаженным Феодоритом. Что могли так думать о деле Апостолов и им належала нужда отрицать сие, ничего нет дивного, ибо и на Самого Господа было такое же нарекание и Он опровергал его. Могли составить эту клевету на Апостолов по тому поводу, что проповедь их всюду сопровождалась чудесами и они учредили таинства, которые производили в принимающих их необыкновенные действия.

Ниже лестию, οὐδὲ ἐν δόλῳ. Одинаково отрицается и это, но с особым оттенком, который исходит от предлога ἐν. Надобно, однако ж, и это слово так понимать, чтобы не отдалиться от общей цели Апостола в сих стихах, — отрицания источников, из каких ложно производится апостольское дело. Δόλος означает хитрость, коварство, злокозненность, сладкоречием и благовидностию

прикрывающая задуманное зло. В простом быту это сознательный обман, или ков, в котором, вооружась лестию и человекоугодием, как говорят, искусные обходят простых. В более обширном виде это заговор, или возмущение, когда δόλος из частных отношений переходит в область политическую и строит козни, разрушительные для установившихся порядков. Всего бы менее, кажется, нужно было возводить нарекание последнего рода на проповедников Евангелия, однако ж и на Господа возводят этого рода обвинение, и на Апостолов. Его и здесь Апостол разумеет. Припомнил он то слово, которое возносили на него и Силу в Солуни, что они все творят противно повелениям кесаревым, *царя глаголюще инаго быти, Иисуса* (Деян. 17, 7), и отрицает то. Были, может быть, и такие в Солуни, кои пространнее развивали это нарекание, – и Апостол нужным счел оговорить это. Только при этом смысле в согласии с течением речи и в ἐν δόλῳ будет указываем новый ложный источник апостольского дела с политической точки зрения – который тоже отрицается святым Апостолом, как и другие. Этот смысл дают ему святые отцы и учители. По святому Златоусту, Апостол говорит сим, что их дело не есть дело злонамеренное, не есть какое-либо мятежническое дело, подобное делу Февды – δεδολωμένον; по Экумению – злокозненное, плод созрелого кова, – совершаемое, по Феофи-

лакту, из стремления к возмущениям и переворотам, и могущее, по Феодориту, принявших его ввергнуть в беду. Иные здесь отступают от святых отцов, — и в οὐδὲ ἐν δόλῳ видят отрицание обмана и лукавства в Апостолах, или того мнения, по которому будто Апостолы одно говорили и делали, а другое имели в виду, проповедовали веру, которой не верили, с своекорыстными целями, избравши лесть в орудие к достижению их. Но этим спутывают течение речи, потому что чрез один стих Апостол опять будет отрицать в себе ласкание льстивое. Очевидный порядок течения речи здесь такой: в 3-м стихе Апостол отвергает ложные источники своего дела; в 4-м стихе указывает настоящий источник его в Боге; затем в 5-м и 6-м отвергает ложно приписываемые им недобрые цели и приемы.

Стих 4. *Но якоже искусихомся от Бога верни быти прияти благовествование, тако глаголем, не аки человеком угождающе, но Богу искушающему сердца наша.*

Искусихом — δεδοκιμάσμεθα. Δοκιμάζειν — испытывать, дознавать на деле, исследовать (5, 1; 1 Тим. 3, 10), затем, вследствие испытания, признавать годным, способным к чему и за то избирать на какое-либо дело (1 Кор. 16, 3), и вообще — удостаивать, сподоблять. Люди испытывают и, по испытании, избирают. Бог не имеет нужды в испытании (Златоуст), а просто видит. Потому

Апостол говорит здесь: Бог увидел, или признал нас годными (как бы опробовал нашу годность, благоискусность и верность), чтоб вверить нам Евангелие. Он вверил нам Евангелие потому, что видел нашу годность, вверяемую нам святыню, при помощи благодати, чистою принять, чистою сохранить и чистою передать другим без примеси от порчи нашего ума и сердца. «Бог испытал нас и избрал, чтоб вверить нам Евангелие» (Феофилакт); не избрал бы, если б не признал нас достойными; если б в нас было что дурное, то Бог не признал бы нас годными и благоискусными. Доказательством подобного достоинства служит то, что нам вверено благовествование (Златоуст). Но цель, почему о сем поминает здесь святой Павел, не та, чтоб о своем напомнить достоинстве, но та, чтоб удостоверить других в своей верности Божию повелению. Поелику нам оказано такое доверие, то мы не можем оказываться неверными. Но как вверено нам и как, при вверении, заповедано, *тако глаголем*, то есть в том же духе, по той же норме и мысли. Проповедание Евангелия вполне соответствует доверию. Бог искусил нас и вверил нам благовествование. Но какими Он искусил нас, такими мы и остаемся. Мы говорим так, как свойственно искушенным от Бога и признанным достойными благовествовать (Златоуст). Вывод отсюда: итак, верьте слову нашему, как слову Божию. Мы

говорим вам не по какой-либо из указанных пред сим и отвергнутых причин, а говорим Божие, по Божиему повелению, без всякой примеси чего-либо, неодобрительного пред Богом.

Якоже искусихомся... тако глаголем, не аки человеком угождающе, но Богу искушающему сердца наша. — Не имеем, говорит, в виду человекам угождать, а вся наша забота о том, чтоб оказаться угодными Богу, искушающему сердца. «Не сами мы поставили себя учителями, но Богом вверено нам Евангелие. Поэтому и говорим, и делаем все, как бы при свидетеле Боге; ибо знаем, что не сокрыто от Него ни одно душевное движение» (Феодорит). Хотя святой Павел говорит, что они только стараются дело свое явить угодным Богу, но очевидно питают уверенность, что оно точно таково; потому что совесть их свидетельствует, что они во всем верны Вверившему и действуют совершенно по Его намерениям и желаниям. Предотвращает сим Апостол нарекание, невыгодное для успеха Евангелия, будто они действуют из человекоугодия. Ибо в таком случае всегда уместно подозрение в покривлении истины. Но это невозможно, когда действуют пред Богом в угодность Ему. Бог видит сию неизменную верность, и мы со страхом ревнуем являть ее Ему, служа как бы пред лицем Его, чтоб иначе за неверность не отставил нас от дела. Если не отставляет, значит, видит нас верными. Вывод и

здесь тот же: итак, не колеблитесь в вере слову нашему, ибо оно вполне таково, каким быть ему угодно Самому Богу.

Под человеками, коим угождение отрицает святой Павел, можно или разуметь таких людей, кои бы ввели в заблуждение и уговорили распространять свое лжеучение, или составили какой ков и подучили действовать по плану своему, или разуметь тех, коим проповедуется Евангелие, чтоб показать, что они не применяются к их желаниям, а прямо говорят истину Божию, не останавливаясь тем, что она может быть неприятна слышащим (сравни: Гал. 1, 10).

Стихи 5 и 6. *Никогдаже бо в словеси ласкания быхом к вам, якоже весте; ниже в вине лихоимания: Бог свидетель. Ни ищуще от человек славы, ни от вас, ни от инех.*

Святой Павел переходит теперь к указанию духа, видов и приемов своей проповеди. Три нарекания, возможных или действительных, отстраняет здесь святой Павел: в ласкательстве, в лихоимании и славолюбии. Это обозначается и строем речи: *никогда же... ни* в вине... *ни* ищуще: по-гречески οὔτε... οὔτε... οὔτε. Прежде всего отстраняет святой Павел нарекание в ласкательстве: *никогдаже в словеси ласкания быхом к вам.* Это ласкательство, или лесть, есть крайне отталкивающий образ действий. Не только неприятно лицом к лицу иметь дело с ласкателем, но много

теряет даже и тот, кто не показался при личном сношении льстецом, как скоро наводится на него подозрение или нарекание в этом.

Подобное нарекание и спешит отстранить святой Павел. Ибо оно могло служить преградою между ним и солунянами. К тому же, отклонив это нарекание, святой Апостол тем самым ослаблял уже другие два (в лихоимстве, в искании славы), в которых нельзя иметь успеха без ласкательства. Святой Златоуст в такой именно зависимости поставляет их, говоря: «Мы не ласкательствовали, как это делают люди, ищущие корысти или власти. Нельзя сказать, чтоб мы ласкательствовали, чтоб достигнуть власти, или чтоб мы решились на это для денег». Апостол говорит: мы не были к вам в словеси ласкания, ἐν λόγῳ κολακείας, не относились к вам с словом ласкательным. Наше слово к вам было чуждо лести, и по образу речи, и по содержанию ее. Но λόγος значит еще смысл дела, побуждение, причину. Если это принять, мысль Апостола будет такая: мы не относились к вам и не действовали среди вас в духе ласкательства. В таком случае *в словеси ласкания* ἐν λόγῳ κολακείας ἐν προφάσει πλεονεξίας и будет обнимать всю деятельность Апостолов, тогда как в первом оно касается только слова, беседы, проповеди.

Ни в вине лихоимания. Не действовали мы среди вас и в видах корысти. Пришли к вам,

чтоб облагодетельствовать вас проповедью Евангелия, а не с тем, чтоб олихоимствовать вас. В вине лихоимания ἐν προφάσει πλεονεξίας. Πρόφασις — предлог и намерение. Апостол хочет сказать: под благовидностию проповеди и апостольского дела мы не скрывали корыстных видов. Не то хочет сказать, что никто не может обличить их в этом, что ничего такого не обнаружилось, но что у них и на сердце не было лихоимнических замыслов, что им и в голову это не приходило (Экумений). Чего ради при этом Апостол призывает Бога в свидетели? — Ради важности нарекания, могущего нанесть большой вред делу проповеди, если не отстранить его; между тем как нельзя видеть, что действительно нет у Апостолов таких целей, ибо они скрыты в сердце. — Апостол и призывает в свидетели Бога, испытующего сердца, пред Которым и от Которого они действуют (сравни: Рим. 1, 9; Флп. 1, 8). Хочет он, чтоб и следа не осталось такого темного о них помышления, и приглашает посмотреть в их совесть при свете всеведения Божия.

«В рассуждении ласкательства, — говорит блаженный Феодорит вслед за Златоустом, — свидетелями (Апостол) назвал их самих (солунян), потому что льстивые речи явны слушающим, а в рассуждении лихоимства, — не их только, но и Назирающего над всею вселенною, потому что от

людей нередко скрыта бывает цель, для которой что делается».

Ни ищуще от человек славы, ни от вас, ни от инех. Не быхом ищуще, то есть не были мы также искателями славы человеческой, действовали, не требуя почестей, не тщеславясь, — и это не у нас только, но повсюду и пред всеми. «Не сказал Апостол: мы терпели бесчестие, или: не пользовались честию, что значило бы упрекать (солунян), но: мы не искали славы» (Златоуст). «Хотя и славимы были они от людей, но сами не искали славы и не услаждались ею» (Экумений). В этом святые Апостолы уподоблялись Господу, Который славы от людей не только не искал (Ин. 8, 50), но и не принимал (Ин. 5, 41). Славолюбием подавляется истиннолюбие (44). Но не такова слава Божия. *Ищай славы Пославшаго его, сей истинен есть и несть неправды в нем* (Ин. 7, 18). Это убеждение и желал святой Павел поселить в сердцах солунян. Призывание Бога в свидетели для удостоверения в чистоте от лихоимства простирается и на этот пункт — на удостоверение в чистоте и от славолюбия. «Тот же свидетель есть и того, что мы проповедуем, не славы от человеков ища» (Экумений).

бб) Черты действования (2, 7—12)

Доселе святой Павел выставлял на вид предмет проповеди, источник учения проповедуемого и дух проповедания, или побуждения к тому.

Теперь приступает к изображению того, как они держали себя во время проповеди Евангелия у солунян. В трех отдельных отрицаниях (1, 2; 3, 4; 5, 6) отразил он взводимые на него нарекания, удостоверив, что его учение не есть какое-нибудь пустое суеверие, но Евангелие Божие, которое от Бога, а не из недоброго какого источника, и что сам он, при проповедании его, водился не нечистыми какими побуждениями лихоимства или тщеславия и учил не с неправыми приемами лести и лукавства, но как пред Богом, испытующим сердца. Теперь обрисовывает он свою деятельность с положительной стороны в кратких, но сильных выражениях.

Стих 7. *Могуще в тяготе быти, якоже Христовы Апостоли: но быхом тиси посреде вас, якоже доилица греет своя чада.*

В тяготе быти, можно бы, как с первого раза кажется, применяясь к тому, что говорит Апостол в 9-м стихе: *да не отяготим*, и к употреблению этого слова Апостолом в других местах (2 Сол. 3, 8; 2 Кор. 12, 16; 11, 9), понять как — *обременять содержанием себя.* Апостолы, по повелению Господа благовестникам от благовестия питаться (1 Кор. 9, 14), могли безукоризненно принимать содержание от лиц, принявших Евангелие. Как это требовало расходов новых, не бывших прежде, то могло казаться тяготою. Не эту ли тяготу и разумеет здесь святой Павел, говоря как

бы: мы могли бы вас обременить содержанием себя, но не сделали этого? — Нет, не эту. Ибо тогда следовало бы прибавить *вам* и поставить вместо — *в тяготе быти* ἐν βάρει, — быть в тяготу εἰς βάρος, — сказать то есть: могуще быть вам в тяготу. Главное же, почему нельзя принять такого смысла, в том, что он не соответствует ни предыдущей речи, где говорится о неискании славы, ни последующей, где Апостол говорит о своей тихости. Лучше — *могуще в тяготе быти* — истолковать, как в русском переводе: могуще явиться с важностию, как Апостолы. Златоуст говорит на сие место: «Если посланники царей пользуются честию, тем более можно нам. Тем, которые посланы к людям от Бога, по всей справедливости надлежит, как явившимся нам с неба вестникам, большею пользоваться честию, но, несмотря на такое избыточество права, мы не делаем ничего подобного, чтобы заградить уста противников».

Можно допустить, что святой Апостол имеет здесь в мысли отстранить новое особое нарекание, похожее на то, какое после сплетено было в Коринфе (2 Кор. 10, 10), именно, что святой Павел слишком слабо действовал. Посланнику Божию следовало бы явить более важности. Апостол и говорит: могли мы явиться таковыми, но были тихи. Любовь наша к вам заставила нас так действовать.

Но быхом тиси среди вас. Но отвечает непосредственно вышесказанному: *могуще в тяготе быти*, вместе с которым составляет особую законченную мысль, — как: могли мы явиться с важностию, но были тихи, — то есть не держались высокого тона, не были обладающие (1 Пет. 5, 3), но как слуги, по заповеди Господа, все готовы были сами делать для вас (Мф. 20, 26). *Тиси* — ἤπιοι. Ἤπιος, — кроткий, тихий, нежно любящий, благосклонный, — употребляется именно в отношениях высших к низшим, царя к подданным, начальника к подчиненным, родителей к детям, врачей к врачуемым. *Среди вас* — в обращении с вами мы были такие же, как вы; будто ничего особенного не имели, будто не получили никакого особенного назначения и значения (Златоуст); являлись среди вас, окруженные вами, как учители учениками, как матери детьми, как кокош птенцами. Эта-то снисходительность, может быть, и послужила одним к укору Апостолов в ласкательстве, а другим — к укору в слабохарактерности. Отвечает Апостол: все это плод любви к вам, а не лесть или слабость.

Якоже доилица греет свои чада.

Первая черта нрава Апостолов Солуни — тихость; вторая — материнская любовь. *Доилица* здесь — не кормилица, как видно из того, что она представляется питающею своих чад. Это — мать

в период отдоения дитяти, мать доящая*. С материю сравнивает себя святой Павел и в послании к Галатам (4, 19). И отцом он нередко называет себя в отношении к уверовавшим чрез него (здесь же — 11; 1 Кор. 4, 15). Сравнение с материю здесь оказалось более уместным, потому что Апостол хотел выразить свою крайне нежную к ним любовь, или любовь со стороны чувства; любовь же со стороны дел любви выражает он ниже (стих 9) сравнением себя с отцом. Им же хотел Апостол бросить заключительный свет и на предыдущие оправдательные против нареканий мысли свои. Так святой Златоуст: «Льстит ли кормилица дитяти, чтоб заслужить от него славу? Ищет ли она денег от малюток? Бывает ли высокомерна с ними и сурова? Здесь Апостол обнаруживает в себе нежную любовь».

Греет своя чада, θάλπῃ. Так говорится о птицах, которые согревают своих детенышей, прикрывая их крыльями. Так и мать укутывает свое малое дитя у груди своей, чем и охраняет его, и живость ему придает. Сравнение указывает на устремление любви, все готовой делать для любимого.

Стих 8. *Тако желающе вас, благоволихом подати вам не точию благовествование Божие, но и души своя, зане возлюблени бысте нам.*

* Кормящая грудью. — *Ред.*

Тако желающе вас — ὁμειρόμενοι ὑμῶν. Слово сие означает сильное желание соединиться с кем, вступить с ним в общение и сердечный союз, в отношении к отсутствующим — желание видеться с ними и опять быть вместе. Солуняне были прежде чужие по вере, как на стране живущие. Апостол выражает сим, как он желал их привлечь к себе, желал сердечного союза с ними, желал именно их, а не чего-либо ихнего, как в другом месте (2 Кор. 12, 14) сказал: *не ищу вашего, но вас.*

Благоволихом — εὐδοκοῦμεν. Слово сие означает охотное, радостное и удовольствием сопровождаемое свободное решение доброй воли. Оно употребляется и для выражения Божия благоизволения о спасении рода человеческого и каждого лица (Кол. 1, 19; Гал. 1, 15; 1 Кор. 1, 21), и о добрых устремлениях человеческих желаний (Рим. 15, 26; 2 Кор. 5, 8 и другое).

Подати вам... души своя, μεταδοῦναι — передать. Напрасно хотят видеть здесь только δοῦναι — дать, отдать, — под душою разумея жизнь, так, чтоб было: мы охотно желали не только преподать вам Евангелие, но и души свои за вас положить, если б потребовалось (сравни: Мф. 20, 28). Но тогда стояло бы за вас, а не вам. К тому же так толковать, значит в одной и той же фразе раздвоять значение одного и того же слова μεταδοῦναι. В отношении к душам — отдать. Хотя

и отдать за кого душу в значении пожертвовать жизнию показывает сильную любовь, но все же это слабее того, что хочет выразить Апостол. Он хочет сказать, что именно душу свою он охотно желал передать им. Подобно как мать, с которою сравнивает себя Апостол, — не только в опасностях готова положить жизнь свою за детей, но постоянно готова изливать и изливает душу свою в них, то же, что душою своею живет в них. Так и святой Павел уверяет, что готов был излить именно свою в них душу. По святому Златоусту, Апостол выражает: «Мы вас столько любим, что, если бы нужно было, отдали бы вам даже свои души», потому что были вам совершенно преданы. Мы не одно Евангелие вам преподали, но вместе с словами, которые, не щадя сил, обильно сеяли в вас, мы благоволили самые души передать вам, как душа матери переходит как бы в дитя, которого она питает не сторонним чем, а элементами своей жизни. Сильная любовь все готова передать, или перенесть, в любимого. Так Христос Спаситель, в показание беспредельной любви Своей к нам, Себя Самого всего подает нам в Святом Причащении. Такой же характер любви и у Павла. Только что Спаситель делом подает, то Апостол передал благоизволением.

Зане возлюблени бысте нам. Высказав такое расположение и вместе напомнив солунянам, что оно действительно и явлено таким, спешит

Апостол охарактеризовать его, указав истинный его источник не в чем-либо стороннем, а в одной любви. Могли тогда думать, или теперь подумать, что они чего-либо заискивали. В отвращение такого подозрения говорит Апостол: все это было не по чему другому, а *зане возлюблени бысте нам* (Златоуст, Феофилакт).

Стих 9. ***Помните бо, братие, труд наш и подвиг: нощь бо и день делающе, да не отяготим ни единаго от вас, проповедовахом вам благовествование Божие.***

Третья черта нрава Апостолов — полное самоотвержение. — *Помните бо*... Приводит причину на сказанное прежде, отвечает как бы на вопрос: из чего видно, что Апостолы были к солунянам, как мать, что готовы были и души свои передать им, как возлюбленным? — Из того, как мы действовали среди вас. Вспомните, как обращались мы среди вас, и удостоверитесь, как любили вас и готовы все вам отдать.

Труд наш и подвиг — κόπον καὶ μόχθον. Не сказал: вспомните благодеяния наши, а что более впечатлительно: труд наш и подвиг (Феофилакт). Вместе сии слова встречаются еще (2 Сол. 3, 8; 2 Кор. 11, 27). Последнее усиливает первое, и вместе выражает одну мысль, что Апостолы не слегка касались труда, а прилежали ему усильно, имели труд памятный (Златоуст). — Но так различать, чтоб κόπον относить к проповеди, а

подвиг (μόχθον) к рукоделию не следует. Оба то и другое обнимают.

Нощь бо и день. — Обычная фраза, выражающая непрерывное продолжение чего-либо во все сутки. Мы говорим: *день и нощь*, то же и латиняне: diu noctuque*. То же встречается и в Писании (Лк. 18, 7; Деян. 9, 24; Апок. 20, 10). Нощь стоит впереди ради того, что у иудеев (и афинян) сутки начинались с захода солнца и кончались заходом. Нет основания разделять их, нощь назначая на рукоделие, а день на проповедь. И ночью проповедовал святой Павел (Деян. 20, 7). Этим хочет только сказать святой Апостол, что они не были праздны ни минуты, были непрестанно в труде: то делали палатки, то проповедовали. Феодорит говорит: «(Апостол) показал чрезмерность усилий, не только указав на *труд и подвиг*, но к дням присовокупив и ночное время».

Делающе, ἐργάζεσθαι — обычное выражение телесного труда и преимущественно ручной работы, делания руками (1 Кор. 4, 12; Еф. 4, 28). Святой Павел разумеет свое художество — скинотворное, делание палаток для путешественников, войска, садов (Деян. 18, 3). Грамматическая форма показывает, что рукоделие — не главное в речи Апостола, а придаточное; главное же — проповедание.

* Долго, слишком долго. — *Ред.*

Да не отяготим ни единаго от вас, разумеется — содержанием нас. А к коринфянам писал святой Павел: *от иных церквей уях приим оброк к вашему служению* (2 Кор. 11, 8). Нельзя потому на этом основании полагать, что христиане солунские были бедны. Так и везде поступал Апостол, из опасения положить препону распространению Евангелия, если б требовал себе содержания от обращаемых. «Вот каково усердие и какова забота о том, чтоб не соблазнить кого» (Феофилакт). «Смотри, как поступал Павел! Будучи проповедником и Апостолом вселенной, и удостоившись столь высокой чести, работал собственными руками, чтоб не отяготить поучаемых» (Златоуст).

Проповедахом вам εἰς ὑμᾶς похоже на ὑμῖν, по общему смыслу, но имеет свой оттенок, не тот только, что проповедали — *среди их*, но и — что проповедь входила в них, или внутрь их посевала семена Божественных истин.

Стих 10. ***Вы свидетели и Бог, яко преподобно и праведно и непорочно вам верующим быхом.***

С сего 10 стиха говорится о том, как святые Апостолы держали себя по обращении солунян. На это наводят слова: *вам верующим быхом*, то есть после того как вы уверовали. Следовательно, 11-й и 12-й стихи дают знать, как и чему учили Апостолы их, уже уверовавших. Все, до 9-го стиха включительно говоренное, относится

к деятельности Апостолов для обращения солунян, а 10-й, 11-й и 12-й — по обращении.

Вы свидетели и Бог. В начале ставит свидетелей, чтоб тем внушительнее расположить к принятию слова без колебаний и сомнений, «доставляя чрез сие словам своим большую степень достоверности и присовокупляя то, что особенно могло их убедить» (Златоуст). Так как речь имеет коснуться не одного внешнего, всем очевидного и всеми удобно наблюдаемого и обсуждаемого, но и внутреннейших чувств и расположений, именно в отношении к Богу, то Апостол во свидетели призывает не солунян только, но и Бога. О преподобии, то есть благочестии и страхе Божием, ведать верно может один Бог. Почему Апостол говорит как бы: свидетельствуюсь вашею совестию и Богом, свидетелем моей совести. «Вы свидетели того, что видели, а чего не могли увидеть, того свидетель Бог» (Экумений). «Ибо людям известно только видимое, а Богу — и сокровенное от людей» (Феодорит).

Яко преподобно, то есть благочестно, благоговейно, со страхом Божиим, всегда помня, что дело Божие совершаем и пред очами Божиими, и потому «без лукавства, без обмана, без человекоугодия, без нечестивых побуждений» (Экумений).

Праведно, никого не онеправдывая, всякому воздавая свое, вообще поступая в отношении к

другим по всей широте заповедей, определяющих сие отношение.

Непорочно, ἀμέμπτως, безукоризненно, трезво, целомудренно, воздержно, степенно, вообще так, что никто пожаловаться на нас не может, чтоб мы послабляли себе в чем-либо, не были строги к себе. Очевидно, что словом *непорочно* указывает святой Павел на законный, Богу угодный образ действования в отношении к себе самим. Таким пониманием его не делается никакой натяжки в угоду обычному делению обязанностей человека по трем показанным отношениям. Оно здесь может значить то же, что *целомудренно* в Тит. 2, 12. Но никак нельзя принять его как понятие, обнимающее собою оба предыдущие, — и преподобно, и праведно, — и тем не менее, как определение того же, что выражает *праведно*, только с отрицательной стороны. Ибо оно в ряду с первыми стоит как особая часть, равная им, и сливать ее с ними не следует.

Вам верующим быхом, то есть после того, как приняли Евангелие и уверовали. По святому Златоусту, Апостол Павел говорит здесь о своем обращении с солунянами, определяет образ своего поведения среди них, и говорит: благочестно, праведно и безукоризненно поступали мы — или держали себя — пред вами верующими. Вот в каких характерических чертах образ их поведения должен был отпечатлеться в душах солу-

нян,— как оно было светло, чисто, привлекательно для их очес, просвещенных верою.

Стихи 11 и 12. *Якоже весте, зане единаго когождо вас, якоже отец чада своя, моляще и утешающе вас, и свидетельствующе вам ходити достойно Богу, призвавшему вас во Свое царство и славу.*

Прежде всего надо определить грамматический строй речи. *Якоже весте, зане...* καθάπερ οἴδατε, ὡς... потому что, или поколику вы знаете, каждого... *моляще и утешающе* и прочее. Управляющего глагола недостает при этих причастиях: *моляще* и прочее. Чтоб его иметь, *одни* дополняют речь прибавкою ἠγαπήσαμεν, ἐφιλήσαμεν, чтоб так читалось: потому что знаете, как мы, как отец чад, возлюбили каждого из вас, умоляя и прочее.— Прибавка совершенно произвольная! *Другие* прямее дополняют словом ἦμεν,— чтобы было весте, как каждого... мы были умоляюще, или умоляли. Соглашаясь, что это допустимо, *третьи* говорят, что нет нужды в этом дополнении, подобный глагол уже есть выше — именно в конце 10-го стиха: *вам верующим быхом* — ἐγενήθημεν. Его и здесь мысленно повторял Апостол, а не написал ради того, чтоб не заслонить им *моляще* и прочее, в коих вместе с *ходите достойно Бога* и вся сила речи.— Уверовавшим надлежит жить по вере. Как эта жизнь не одна внутренняя, но и внешно должна была выражаться, внешние же

порядки прежние — языческие во многом, даже существенном, не согласовались с Евангелием, то Апостолы, обратив солунян, занялись благоустроением жизни новых христиан в семейном и гражданском быту, кроме религиозного, в коем существо дела.

Единаго когождо вас… Святой Златоуст: «не пропустил никого, ни малого, ни великого, ни богатого, ни бедного, — всякого, кто имел нужду, без различия». Верно, с каждым из новообращенных приходилось говорить, а с иным, может быть, и много переговорено и перетолковано, пока уразумел он и согласился упорядочить жизнь свою по духу новой жизни. У каждого могли быть обстоятельства житейские, требовавшие пояснения, как поступить ему в них по-Евангельски.

Якоже отец чада, указывает источник такой неутомимой заботы в отеческой к ним любви. Выше, когда говорил Апостол об их обращении, когда они еще только рождались в духовную жизнь, сравнивал себя с матерью, а теперь, когда они отрождены и их следовало воспитывать и вести к совершенству, он сравнивает себя с отцом. В исправлении нравов надлежало показывать не одну нежность материнского чувства, но и твердость отеческой воли и власти, опытность и благоразумие, чем обыкновенно отличаются отцы и к чему матери не совсем сильны.

Моляще и утешающе вас и свидетельствующе вам. Если взять во внимание преимущественно лица, на которых обращены все сии действия слова, то их надобно понимать как разные приемы слова, направленные к тому, чтоб благоустроить жизнь солунян. Апостол хочет как бы сказать: мы истощили все средства убеждения к тому, чтоб расположить вас ходить достойно Богу. В таком случае: *моляще* παρακαλοῦντες будет значить: убеждали, уговаривали, действовали на ум; *утешающе* παραμυθούμενοι — возбуждали сочувствие, располагали полюбить новый образ жизни, как Богоугодный и спасительный, действовали на чувство и сердце. *Свидетельствующе*, μαρτυρόμενοι, — свидетельствами Писания, словами живого Бога обязывали и заклинали, доводя волю до воодушевленной решимости на новый образ жизни с готовностию на всякого рода пожертвования ради нее. Но если взять во внимание предмет их — достойно ходить Богу, то в каждом из них можно видеть указание на особые стороны достойного Бога хождения. В таком случае: моляще — παρακαλοῦντες — будет: умоляли, убеждали принять веру и хранить ее; утешающе — παραμυθούμενοι — утешали в скорбях, какие были, и воодушевляли к мужественной встрече имеющих быть; свидетельствующе — μαρτυρόμενοι — от лица Божия обязывали и заклинали жить по-Евангельски.

Ходити достойно Богу, или достойно благовествования (Флп. 1, 27; сравни: Рим. 16, 2; 3 Ин. 6), или достойно звания (Еф. 4, 1), вообще во всяком Богоугождении и во всяком деле блазе (Кол. 1, 10), как следует ходить получившим новую жизнь (1 Пет. 1, 23; Рим. 6, 11 и далее) и чадам света (Еф. 5, 8). В этом главное дело и цель для уверовавших в Господа. Вера не все делает. Она дает вход в царство Христово – Церковь. Вошедший имеет главную обязанность – ходить, как следует сынам царствия. На это, как видно, было обращено Апостолами строгое внимание.

Призвавшему вас в Свое царство и славу. Царство и слава откроются по воскресении (Рим. 8, 17), но солуняне именуются уже призванными в них, ибо цель всего устроения спасения, или всех благодатных средств, – там. Верою и благодатию нарекаются на наследие вечного царства и славы, – или иначе: призываются в царство благодати, чтобы наследовать царство славы, если сохранены будут условия к получению сего наследия, которые все совмещены в одном слове – достойно ходити Бога призваны в царство, – быть под царскою властию, чтоб потом участвовать и в царствовании. Беспрекословно покорные воле Господа здесь будут соцарствовать Ему там. В будущем откроется слава человеческого естества восстановленного. Но как здесь оно очищается силою Божиею, так там прославится

славою Божиею: во всем будет сиять слава Божия. В сию-то славу и призваны верующие христиане.

Вот и это отделение также заключается перенесением внимания в будущую жизнь, как и первое (1, 10)! Так сильно занят был Апостол тем помышлением, и так сильное видел в нем подкрепление христианского характера в христианах.

б) Уверование солунян и мужественное их пребывание в вере (2, 13—16)

Указав признаки Божественности Евангельского учения, в обстоятельствах своего пребывания у солунян, Апостол теперь переходит к изображению того, как принято было солунянами слово проповеди, указывая и здесь признаки его Божественного достоинства. аа) Вы сами, говорит, приняли наше слово, как Божеское, следовательно, имели основание удостовериться в этом тогда; бб) принятое слово действует в вас, это — непрерывно продолжающееся удостоверение в его необыкновенной силе и нечеловеческом достоинстве (13); вв) участь ваша, по принятии слова, ставит вас в один ряд со всеми исповедниками Божественности Евангелия, знак, что оно не человеческого происхождения, ибо иначе не стали бы никого гнать (14). Вывод из всего этого один: стойте же в вере, как и стоите. — Стихи 15-й

и 16-й стоят будто придаток. Но как они, хотя кратко, но полно и сильно изображают всегдашний характер упорно неверующих иудеев и определяют их окончательную часть, то нельзя не предполагать, что святые Апостолы особое имели побуждение сказать это, именно — пресечь то колебание веры, которое причинялось следующею мыслию: иудеи — свои вам; им бы следовало вам верить, а они гонят. — Апостол говорит на это: на них не смотрите; они уж всегда таковы; за то и конец им.

Стих 13. *Сего ради и мы благодарим Бога непрестанно, яко приемше слово слышания Божия от нас, приясте не аки слово человеческо, но, якоже есть воистинну, слово Божие, еже и действуется в вас верующих.*

Сего ради. Чего? — Если относить к непосредственно стоящему выше, то будет — ради того, что Бог призвал вас в Свое царство и славу. Этому всякий должен порадоваться. Радуемся и мы, благодаря Бога, что вы по сему призванию поверили слову нашему, как слову Божию, без чего нельзя быть причастниками Божия о людях спасительного устроения, нами возвещаемого. По этой мысли Апостол продолжает свидетельствовать свою отеческую любовь к солунянам.

Но лучше относить ко всему предыдущему (стихи 1—12). *Весте вход наш к вам,* — знаете, сколько принесено нами жертв, сколько употреблено

трудов, внимания, сердечного попечения. Вы уверовали и увенчали успехом наши заботы, мы радуемся тому и благодарим Бога. Такую связь слова: *сего ради* видит святой Златоуст, а за ним Экумений и Феофилакт. Златоуст пишет: «Нельзя сказать, говорит он (Апостол), что мы одни поступали во всем безукоризненно, а вы делали нечто несообразное с тем, как мы с вами обращались, ибо вы слушали нас не с таким расположением, с каким слушают людей, но внимали нам так, как будто наставлял вас Сам Бог».

Благодарим Бога. Цель у святого Павла – указать на убеждение солунян в Божественности слова, как на доказательство сей Божественности. Благодарит же Бога за такое убеждение, чтоб показать, что оно в сердцах положено Самим Богом; а придавая таким образом неземное происхождение убеждению, выставляет его нечеловеческую важность и возбуждает обязательство пребывать ему верным.

Яко приемше слово слышания Божия от нас, приясте... «Словом слышания называет проповедь, в которую веруют чрез посредство слышания. Ибо, *как уверуют, аще не услышат?* (Рим. 10, 14)» (Феофилакт). Поелику *вера от слуха, слух же глаголом Божиим* (Рим. 10, 17), то Бог благоволил быть проповеди и послал проповедников. Богу угодно было, чтоб все слышали слово Его. Сподобляющиеся сего сподобляются

слышания Божия,— слышания от Бога исходящего глагола и слышимого по Божию устроению. Святой Апостол благодарит Бога за солунян, *что* приняли слово, что получили его, что оно дошло до них и они согласились слушать его, ибо и это от Бога,— и *что,* приняв так слово, приняли его *как слово Божие,*— что опять очевидно от Бога. Принявши слово слухом, слово, совне к вам дошедшее, вы восприняли его в сердце не *как слово человеческое,* хотя оно шло от человеков, но как слово Божие.— «От нас вы приняли слово, такое, однако ж, которое не есть наше, но Божие, ибо чрез нас говорит Бог» (Фотий у Экумения). Слушая слово наше, вы чувствовали необыкновенную силу слова,— и признали, что оно не земное, а Божественное. Вместе с словом входил свет в души ваши и прогонял тьму, входила сила невидимая и возбуждала в вас энергию спящих духовных сил. Это *Бог рекий из тмы свету возсияти, возсия в сердцах ваших* (2 Кор. 4, 6). Вы это сознали и убедились, что слово наше было слово Божие и приняли его яко таковое.

Еже и действуется в вас. Не минутное было действие слова, а, начавшись однажды, продолжается непрерывно. Как в притче Спасителя семя, брошенное в землю, потом уже само по себе дает траву, ствол, колос и зерно; так у солунян слово Евангельское, быв принято в сердце верою, само

собою, без стороннего посредства, более и более развивалось, шире и шире занимало землю сердца, просветляло понятия, исправляло чувство, упорядочивало нравы. Оно, как лекарство принятое, врачевало больное и восстановляло здравые силы естества. Когда оно не умом только и слухом бывает принято, но сердцем, тогда не праздно пребывает, а входит в жизнь и действует в ней (2 Пет. 1, 8) как вседвижущая и всем заправляющая сила. — Впрочем, святой Апостол не это только одно внутреннее действие слова разумел, но и необыкновенные дары благодати, сопровождавшие всюду слово Евангельское. Конечно, солуняне, сподобившись пророческой благодати, пророчествовали, говорили языками и совершали необыкновенные чудеса (Феодорит и Экумений). Апостол говорит как бы: все это вы испытываете; следовательно, имеете живое удостоверение в неземном действии слова, свидетельствующем, что и оно не есть земное, обыкновенное, человеческое. Стойте же!

В вас верующих — потому что вы веруете — поколику веруете — под условием веры. Без веры слово и в сердце не пойдет, и действовать в нем не может. Если вошло и действует в вас, то потому только, что вы уверовали и веруете. Сила уверования вот в чем! Когда сердце на всякий пункт веры и на всякий о нем вопрос без всяких размышлений отвечает: так Бог повелел.

Это убеждение и сообщает непоколебимость мысли и нравственную крепость покорности воле Божией. Когда все силы духа объединены верою, дух получает целость и сродную ему мочь*. В то же время он становится крепким сосудом для содержания благодатных даров. Апостол говорит солунянам: ради веры вашей видите, какие вы получили плоды; дорожите же ею.

Стих 14. *Вы бо подобницы бысте, братие, церквам Божиим, сущим во Иудеи о Христе Иисусе, зане таяжде и вы пострадасте от своих сплеменник, якоже и тии от Иудей.*

Пиша к филиппийцам, Апостол говорил, что им дано не только веровать в Господа, но и пострадать за Него. И здесь то же, сказав о вере солунян, поминает и об их страданиях, как необходимых спутниках веры. *На сие бо лежим*, как говорит он после (3, 3).

Прежде сказал: *подобницы бысте нам и Господу, приемше слово в скорби мнозе с радостию Духа Святаго* (1, 6). Здесь говорит: *подобницы бысте церквам* Иудейским. Хочет он утвердить в них ту мысль, что в устроении спасения все страдают: Господь, Апостолы Его и все верующие. Таков закон явления на земле истины о Христе Иисусе — разделение людей и восстание одних на других (Мф. 10, 35—37). На приемников и носителей слова Божия вооружаются неприем-

* Силу. — *Ред.*

лющие его и гонят их. Так было в Иудее, так повсюду, так и у вас. В том, что на вас восстали, не укор слову и не подрыв его истинности, а, напротив, доказательство того, что оно из ряду вон выходит, не земно есть — Божественно. Частицею *бо* (ибо) показывается, что Апостол здесь приводит причину. На что? — На то, о чем говорил пред сим, — что слово, проповеданное ими и принятое солунянами, Божественно и Божественную силу и действие оказывает в них. Каким образом неприятность и гонения от своих служат тому доказательством? — Таким: принятое слово, действием благодати, изменило образ мыслей, нравы и поведение уверовавших. Это отособило их от своих и вооружило сих последних против них. Гонения тем доказывают Божественность слова, что указывают на существенное изменение уверовавших в умах и сердцах, которому нельзя бы было произойти, если б слово не было Божественно. С другой стороны, гонимые терпят и твердо стоят на своем. Откуда это? — От той же силы слова, принятого с верою. Таким образом, Божественность слова доказывается и тем, что есть гонение, и тем, что приявшие слово остаются верными ему, несмотря на сие гонение. Святой Златоуст говорит: «То, что они приняли слово его надлежащим образом, доказывает он искушениями, коим они подвергались. Как бы вы, говорит, стали переносить такие опасности, если б не

внимали словам нашим, как словам Самого Бога». Экумений прибавляет: «Что вы слово наше приняли как слово Божие, видно из того, что вы возмогли перенесть такие скорби. Как из того, что сам потерпел, Апостол доказывал выше, что проповедует Божественное, так из того, что те потерпели, доказывает теперь, что они приняли проповедь его как слово Божие». То же и у Феофилакта.

Сравнением Церкви Солунской с Церквами Иудейскими придает ей большую честь и воодушевляет к терпению. Уже прозелиты из язычников привыкли смотреть на Иерусалим и на Иудею как на святилище истины Божией. Тем с большим благоговением должны были относиться к тамошним христиане из язычников. Там действовал Господь, там сошел Дух Святой, там основались первые Церкви, оттуда вышли Апостолы во всю вселенную. Тамошние Церкви были образцовые, и уподобиться им было славою христиан, живших вдали. Тут исполнялось пророчество святого Исаии о славе Сиона и желательном стремлении к нему языков за просвещением и истиною (Ис. 2, 2—3).

Указав на Церкви в Иудее, Апостол охарактеризовал их так: *церкви Божии о Христе Иисусе*, — чтоб показать, что не все тамошние общества суть истинные Церкви. «Поелику и иудейские синагоги были, по видимому, о Боге, то

Апостол говорит о Церквах верующих, что они суть не о Боге только, но и о Христе Иисусе, ибо отвергшийся Сына и Отца отверглся есть» (Экумений, подобно и Феофилакт). У Апостола и здесь та же цель – держать внимание солунян на мысли о разделении, всюду произведенном словом истины, которую они проповедуют. А это необходимо ему было для отстранения того недоумения, на которое наводило неверие иудеев. Как, иудеи, чтители Бога истинного, блюстители откровений Его, вам не верят? Верно, ваши слова не от Бога? Апостол разбивает сие недоумение, говоря, что не все не веруют, и потом изображает мрачными чертами иудеев неверующих – в стихах 15, 16.

Лучшая часть из иудеев уверовала и составила славные Церкви о Христе Иисусе. И они-то страдают от своих же единокровных иудеев, как вы от своих соплеменников. Если б все иудеи не верили, было бы стойко это недоумение; но как из них составились целые Церкви, то в этом сильное доказательство истины слова. Ибо уверовавшие страдают от своих, а при этом надобно иметь более сильные побуждения и основания к вере, нежели к неверию, так как неверие оставляло бы их в покое, при старых порядках, которые они прежде сами ценили высоко. Святой Златоуст говорит: «Если и иудеи решились с терпением переносить все за веру, то это служит не-

маловажным доказательством того, что проповедь истинна». Феофилакт продолжает ту же мысль: «Немалое доказательство истины Евангелия в том, что иудеи охотно терпят за то, что прежде сами преследовали».

Отделив, таким образом, верующих иудеев от неверующих, святой Апостол строго налегает всею тяжестию суда на последних.

Стих 15. *Убивших и Господа Иисуса и Его пророки, и нас изгнавших, и Богу неугодивших, и всем человеком противящихся.*

Стих 16. *Возбраняющих нам глаголати языком, да спасутся, во еже исполнити им грехи своя всегда: постиже же на них гнев до конца.*

Оба эти стиха суть придаток к предыдущему. В них будто мимоходом выражает Апостол мысль свою об иудеях – неверующих. Но как они так полно определяют характер неверующих иудеев и пророчески указывают на последнюю участь их, то нельзя не видеть, что они приложены Апостолом намеренно, – и именно для окончательного рассеяния недоумения, которое могли иные выводить, а может быть, и действительно выводили в Солуни из неверия иудеев. В Солуни, в числе верующих, иудеев было гораздо менее, чем язычников; но гонение, воздвигнутое на христиан, было возбуждено иудеями, хотя они прятались за язычниками. Неверие их потому могло очень смущать. Святой Апостол

говорит теперь, что неверием иудеев нечего смущаться. Они всегда оказывались непокорными Богу. Посылал им Бог пророков, они их побили; пришел Господь Иисус, и Его убили; нас послал к ним Господь, и нас изгнали; от них обратились мы к язычникам, они и им мешают нам возвещать слово истины. Так по всей истории они богоборцы и человеконенавистники. — Итак, не смущайтесь их неверием, тем более, что уже близок конец их. Миловал их Бог долго; теперь гнев Божий, — окончательный, — готов ниспасть на главу их. — Такова мысль в означенных стихах! Приложим несколько замечаний о частных выражениях.

Убивших и Господа Иисуса... Изображение иудейского злонравия начинает с Богоубийства, причем намеренно именует Спасителя Господом, чтоб сказать, что они *Господа славы распяли* (Деян. 3, 15; 1 Кор. 2, 8). Как убили Господа, об этом, верно, было сказано при благовестии в Солуни. Ибо первая проповедь в Солуни шла так, что в ней пространно доказывалось из Писания, *яко подобаше тако пострадати Христу* (Деян. 17, 3).

И Его пророки тоже убивших. Святой Златоуст извлекает утешение для гонимых солунян из упоминания о смерти Самого Господа и потом прибавляет: «Но, может быть, иудеи не познали Его (Господа)? — Напротив, они знали Его очень

хорошо. Но что? Не они ли убили и камнями побили своих пророков, коих Писания повсюду носят с собою? Конечно они поступали так не из любви к истине. — Итак, он (Апостол) не только предлагает утешение в искушениях, но и убеждает не думать, будто иудеи так поступали из любви к истине, — и не смущаться этим». Феофилакт прибавляет: «Почему очевидно, что они ничего не делают как ревнители истины, но паче неистовствуя против истины».

И нас изгнавшим. Поводом к такой речи могло служить недавнее изгнание святого Павла и Силы из Солуни (Деян. 17, 5—9). Но как Апостол имеет в виду изобразить вообще истинно ненавистный нрав иудеев, то здесь, верно, разумеет всех вообще Апостолов, благовестников Нового Завета, в соответствии с ветхозаветными пророками (см.: Деян. 5, 17 и далее, 6, 12 и далее).

И Богу неугодивших, и всем человеком противящихся. Разделительные — *и, и,* — показывают, что в каждом из сих речений выражаются новые черты иудейского злонравия. Что же выражают слова: *Богу неугодивших, и человеком противящихся,* — когда само собою разумеется, что те, кои наделали сказанное пред сим, не угождают Богу и противятся человекам? — Апостол хочет указать источник показанных злодеяний. Так делают они потому, что в сердце у них не лежит искреннее намерение угождать Богу и теплая

любовь к людям. Не любят они Бога и угождение Ему не ставят главною целию своей жизни. Не боголюбивое их сердце и истины Божией не любит — восстает против нее. Не любя Бога, и к людям они неблагожелательны и всегда идут против того, что для них благодетельное посылает Бог. — Но как же они все стоят за Божии учреждения?! Ревность имеют, но *не по разуму* (Рим. 10, 2). *Мнятся службу приносити Богу* (Ин. 16, 2), а на деле противятся Ему.

Возбраняющих нам глаголати языком, да спасутся. Эти слова служат объяснением предыдущих. Наглядно видно и их Богу неугождение, и их человекам противление в том, что они мешают проповедовать Евангелие языкам. Тут они становятся богоборцами и человеконенавистниками. Бог повелел, а они мешают; проповедь спасительна, а они не хотят, чтоб она прошла до языков и спасла их. «Если должно проповедовать всей вселенной, а они противятся этому, то они общие враги вселенной» (Златоуст).

Во еже исполнити им грехи своя всегда. Так везде говорит Слово Божие о судах Божиих, что грозные наказания постигают людей за исполнение меры грехов (например, Быт. 15, 17). Бог всячески вразумляет грешников, но когда последние с упорством отвергают спасительные о них распоряжения Божии, тогда Бог предает их в руки произволения их. И тогда, грехи ко грехам

прилагая, они и меру грехов исполняют, и долготерпение Божие истощают. Следует неумолимый суд.— Апостол говорит как бы: так действуют они, чтоб об них можно было сказать, что они исполняли меру грехов своих *всегда*, во всякое время, во все периоды их исторической жизни, и прежде Господа Иисуса, и при Нем, и после Него, по всей истории своей. Попущено им восстать против нас и Самого Господа, чтоб и в этом периоде не быть им без богоборного дела (Фотий у Экумения). Столько зла наделали они древним пророкам, а в наше время Христу Господу и нам, чтоб всегда были исполняемы грехи. Как они всегда так делали, то всегда исполняли грехи свои. «Или Апостол хочет сказать: они и прежде грешили, но все еще сносно было. Когда же наконец они восстали против Самого Бога и святого Евангелия Его, то тем мера грехов их исполнилась. Терпеть их более нельзя. Господь сказал: *и вы исполните меру отец ваших* (Мф. 23, 32),— дополните, что недоставало у тех. В таком случае — *всегда* будет означать навсегда, как говорим: *однажды навсегда*, то есть окончательно. Феофилакт пишет: «Это древним пророкам, потом Христу, а наконец и нам делали они и делают, чтоб показать, что спешат достигнуть полной меры грехов, крайнего их предела».

Постиже же на них гнев Божий до конца. Постиже до конца,— мера долготерпения испол-

нилась, окончательное определение суда Божия на них состоялось, участь их решена. Так Златоуст: «Сказав *постиже гнев*, Апостол показал, что он (гнев) непременно должен последовать, ибо он предназначен и предсказан». Или так: гнев Божий всегда шел вслед их, теперь достиг их, близко подошел — вот-вот грянет. Или *до конца* означает окончательный гнев; поразит вконец, восстановления не будет, — милости не жди. Очевидно, Апостол имеет в виду предсказание Господа о разрушении Иерусалима и рассеяние народа. Грешили прежде, наказывал Бог в видах исправления. Теперь же следует окончательно гневное наказание за сопротивление намерениям Божиим, столь явным и столь спасительным и для них, и для всех людей, что без них и целей своих достигнуть людям нельзя. Идут наперекор Богом определенному течению восстановления человечества; не стоят потому того, чтоб быть хранимыми. Когда писал сие Апостол, начатки стеснения от римлян уже показались. Они давали разуметь, что предсказанное Господом близко к исполнению. Святой Златоуст говорит на это: «Для них не будет уже более того, что было прежде. Нет времени для раскаяния; нет места долготерпению Божию, но наступает гнев неизбежный. Из чего это видно? — Из предсказания Христова».

С особенным движением перифразирует это апостольское обвинение иудеев Экумений: «Большое возводит Апостол обвинение на иудеев. Ибо говорит, что все, что ни делали иудеи, делали с целию грешить, то есть удовольствие находили в грехах и грешили, — *во еже исполнити грехи*, как бы так: грешили, как долг какой уплачивая грехами. Пусть Господа убили по неведению; за что пророков побили — чтимых? За что нас изгнали? За что вам делают зло? Языкам чего ради мешают быть спасаемыми? — Если обращение язычников ко Христу есть благо, для чего, сами не обращаясь, полагают препоны обращению тех? Если же не считают этого благом, то для чего завидуют обращающимся? И что им за дело до язычников? — Видишь, как они грешат по одному грехолюбию и все делают, чтоб исполнять грехи свои, то есть ради того, чтоб никогда не оставаться без грехов. — За то уже, говорит, *постиже на них гнев Божий до конца*. Всегда преследовал их гнев, когда грешили, но удерживался, давая место покаянию; теперь же постиг их. Гнев — ἡ ὀργὴ с членом показывает, что здесь разумеется тот самый гнев, который давно уже должен был ниспасть на них. — *До конца*. Уж не будет так, как прежде, — рабство и опять освобождение, плен и опять возвращение, гнев Божий и опять милость, — теперь гнев Божий на них до конца, уже не будет более освобождения от бед».

3. Заботы Апостола Павла о солунянах по отбытии его из Солуни (2, 17—3, 13)

Изобразил святой Павел, каков он был к солунянам во время пребывания своего у них, — 2, 1 — 16. Теперь изображает, каков он был и есть к ним по удалении от них. И как там, так и здесь цель имеет одну — показать, что образ его действования не может наводить ни малой тени на его проповедь, а, напротив, оправдывает истину ее и служит к ее утверждению. — Очень легко выражает он всем: не ищу ничего вашего, но вас, и вас не для себя, а для вас же, чтоб вы совершенными явились пред Господом и достойными наследия вечного Царства Его. — Деятельность Апостола, в основании Церкви Солунской и в заботах о ней, есть самого высокого достоинства.

В этом третьем отделении исторической части послания Апостол свидетельствует в высшей степени теплую, отечески заботливую любовь к солунянам: а) своею скорбию о разлучении с ними и желанием видеть их, — 2, 17 — 20; б) своею заботою о них, вынудившею послание к ним Тимофея, чтоб утвердить и успокоить их, и принесть сведение о них, — 3, 1 — 5; в) радостию по получении удовлетворительных сведений, благодарностию за то Бога и новым изъявлением желания видеть их, — 3, 6 — 10; г) и своими им благожеланиями, — 3, 11 — 13.

а) Скорбь о разлучении с солунянами и желание видеть их (2, 17—20)

Если б и нашелся кто, способный подумать о святом Павле: вот, повернулся, увлек нас на свою сторону, вверг чрез то в скорби,— а сам ускользнул, и нет ему горя; тот не мог уже долее оставаться при таких мыслях, удостоверившись в тех чувствах, какие испытывал святой Павел по удалении из Солуни. Удалившись, он чувствовал себя сиротою, стих 17,— раз и два порывался воротиться к ним, но не мог, стих 18,— и все это не из расчетов каких-либо, а по тому одному, что этого требовало его апостольское достоинство, что в этом его радость и слава вечная,— 19—20.

Стих 17. *Мы же, братие, осиротевше от вас ко времени часа, лицем, а не сердцем, лишше тщахомся лице ваше видети многим желанием.*

Мы же — что касается до нас. Говорил пред сим о том, как шла проповедь, как уверовали солуняне и как начали страдать за веру к славе своей и особому достоинству пред Господом. Продолжает как бы: тут нам надлежало удалиться,— и вот что было у нас на душе.

Осиротевше — говорится собственно о непристроенных детях, лишающихся родителей своих; но идет и к родителям, теряющим детей. Апостол почитает себя отцом обесчадевшим. *Осиротевше* — нежное выражение состояния души по разлучении с любимыми. Расставшись с солунянами,

святой Павел чувствует себя сиротою. И у нас говорят: сиротою смотрит, или: такой сиротливый. Во всей главе сей Апостол применяет к себе самые сильные чувства родственные, чувства матери (стихи 7—8), отца (11), а здесь — сироты. «Сначала Апостол уподобил себя матери, которая кормит и лелеет младенца, потом — отцу, который нежно расположен к детям; теперь же — отроку, который оплакивает преждевременное сиротство» (Феодорит). Надо бы сказать, что те осиротели, лишившись его, своего духовного отца, а святой Павел себя считает осиротевшим, желая показать, что не столько они, сколько он потерял чрез удаление от них. Не вы осиротели, а мы. Как малые дети, осиротевшие, имеют величайшую скорбь о родителях, не по естеству только, но и по одиночеству, так точно и мы. Этим он показывает тоску свою, в которой находился по причине разлуки с ними.

Можно, однако ж, полагать, что Апостол употребил это слово не для выражения только своего чувства, но и для того, чтоб намекнуть, что такое чувство томило его не по чему другому, как потому, что он оставил детей своих духовных, еще не выращенных, не воспитанных вполне, не утвержденных в началах, им преподанных. На это наводят и следующие слова: *ко времени часа.*

Фраза эта выражает краткость времени; πρὸς καιρὸν ὥρας на время часовое. Мы говорим: на

час времени. — Но что хочет сказать Апостол? — *Или* то, что он разлучился с ними на короткое время. Тогда, как удалялся он из Солуни и осиротел, не имел в мысли долго быть в разлуке с ними, — удалялся на короткое время, только за тем, чтоб стихло смятение. Так в русском переводе; *или* то, что немного еще прошло времени, как осиротел. «Не долго ждали, но короткое время и малое, как бы час один» (Феодорит). То есть немного прошло времени после разлуки, а я уже соскучился по вас. «Нельзя сказать, что время возвело на такую степень скорбь разлуки, но любовь. Видишь, какова любовь! Тосковал, разлучившись на час, и притом только лицом» (Экумений). *Или* то, что слишком скоро разлучен с солунянами. Так скоро я осиротел от вас, не успел наговориться с вами, не успел передать вам все, что нужно, как должен был удалиться от вас. Жалуется Павел, что по наветам иудеев так скоро он отторгнут был от солунян, как от чад, еще не подросших и не твердых. Против воли скоро отторгнутый от вас, не успев передать вам всего и утвердить вас, я тем с большим рвением желал снова видеть вас. — Но не значит ли πρὸς καιρὸν ὥρας, — по обстоятельствам времени?

«*Лицем, а не сердцем*. Внешно отторгнут был от вас, но в мыслях непрестанно был занят вами, и сердце мое неотлучно было при вас» (Златоуст). Не говори никто, что я ушел, бросил вас.

Я все об вас думал, носил вас в сердце своем. Тут и на мгновение не было разлучения. «Лишен я чувственного воззрения на вас, но непрестанно созерцаю вас духом» (Феодорит).

Лишше тщахомся. Лишше — паче всякого другого дела, ни о чем так не заботились, как о вас, все другое было как стороннее, главное же — вы (Златоуст). *Или*, лишше — тем паче. Так скоро будучи отторгнуты от вас, мы тем паче старались увидеть вас. *Тщахомся* — изыскивали способы, замышляли, соображали, как бы это устроить.

Видети лице ваше. — Конечно, Апостола влекло не одно чувство, а крайняя духовная нужда солунян. Но видно и то, что солуняне своею искреннею верою и любовию привязали его к себе, — и он желал видеть лицо их. «Хоть всегда имел их в сердце, но желал и личного их присутствия. Таково свойство пламенной любви, что она желает видеть и слышать любимых и говорить с ними» (Златоуст). Почему и прибавил: *многим желанием*, — не по одним соображениям ума о нужде моего с вами сопребывания я желал видеть вас; меня влекло к этому само сердце. — «Павел любил как бы до экстаза, и в чувствах дружбы был неудержим и неукротим» (Златоуст). У Амвросиаста пишется на это место: «Для большего их научения желал видеть и лицо их. О Божественных вещах нельзя всего вдруг преподавать. Есть таинства в вере нашей, которые не

должно тотчас открывать, чтобы то не послужило в соблазн, по причине неочищенного чувственного смысла слушающих. Не всем должно говорить все, но должно соразмерять слово со вместимостию каждого. Вот Апостол и желал еще видеть их, чтобы дополнить преподание истины».

Стих 18. *Темже хотехом приити к вам, аз убо Павел единою и дважды, и возбрани нам сатана.*

Темже — по таким обстоятельствам, побуждаемые таким пламенным желанием видеть вас, *хотехом приити.* Прежде замышляли только и изыскивали способы, а теперь самим делом решались на то, покушались, собирались, в дело хотели привести то, что постоянно лежало на сердце.

Аз убо Павел. — Выделяет себя святой Павел потому особенно, что некоторое время он точно был один, без Силы и Тимофея. И говорит теперь, что в эту пору именно и собирался он к ним, может быть, из Афин и из Коринфа. Или говорит так, чтоб показать, что он лично хотел прибыть к ним, а не через Силу и Тимофея, которые были там, около солунян.

В словах: *единою и дважды* иные видят неопределенное число в смысле: не раз покушались. Другие — определенное, именно — два раза; имели постоянную заботу видеть вас, раз и два покушались прийти. Апостол хочет сказать, что забота видеть их была не минутная, а постоянная,

заставлявшая неоднократно собираться побыть у них.

И возбрани нам сатана. Идти раньше к римлянам возбранен был Апостол обязанностями своего апостольства (Рим. 15, 23). К коринфянам не пошел в одно время по соображению, что это было для них лучше (2 Кор. 1, 15, 23). В Вифинию идти возбранил ему Дух (Деян. 16, 6). Здесь возбраняющим указывается сатана. Имея чувства, обученные в рассуждении добра же и зла, Апостол умел верно различать действующие в событиях причины и силы: там Бог — промыслительным устроением течения дел; там Дух — внушениями; здесь темная сила — кознями. Так, по Апостолу, сатана имеет влияние на течение дел, конечно, по попущению Божию, ибо все от Бога. Но иное прямо Богом устрояется, иное только Им попускается. И сатане попускает Бог действовать по причине свободы, дарованной людям. Люди свободно склоняются на внушения сатаны и, становясь его орудием, выполняют его планы. О сих действиях сатаны и злых духов по всему Писанию поминается. В настоящем случае, не велико будто дело — прийти или не прийти в Солунь; но как чрез это должно было царство Христово усилиться, и соответственно тому сократиться область тьмы, то сатана и воздвиг препоны посещению Апостолом новообращенных верующих, — не лично сам, но чрез исполнителей

его воли, послушных ему людей. Апостол видел и самого, действовавшего из-за людей, — и хотя веровал, что проповеди Бог — ближайший помощник, не счел, однако ж, уместным идти наперекор, чтоб не быть искушающим Бога. Благоразумие богопросвещенное внушило ему уступить до времени воздвигнутым препятствиям. И он исполнил, что считал нужным для солунян, другим способом, — послал Тимофея, а потом написал послание.

В чем именно состояло это сатанинское возбранение, не видно. Святой Златоуст говорит, что это были «внезапные и сильные искушения». Феодорит, — что усердию Апостола воспрепятствовали непрерывные искушения, которые обыкновенно воздвигает общий враг; Дамаскин, — что идти в Солунь Апостолу помешали скорби и беды из-за проповеди, кои от сатаны, ибо это он возбудил неверных против Апостола. Амвросиаст пишет: «Сатана полагал препоны Апостолам, чтоб не распространяли света истины среди людей. Он возбуждал неверных препятствовать Апостолам побоями и узами, *да не глаголют Слово Божие*. Так сказали старейшины иудейские Апостолам: *не запрещением ли запретихом вам не учити о имени сем?* (Деян. 5, 28)».

Так, все ограничиваются указанием преград, скорбей, искушений вообще, не определяя их. Можно догадываться, что Апостола удержали

злые намерения неверовавших солунских иудеев. Очень вероятно, и в духе иудеев, что они покушались уже на его жизнь и строили ковы. Преследование ими святого Павла даже и в Берии обличает сильное против него раздражение. Может быть, в Берии они, в ярости, высказывались, чего ищут; свои Апостолу слышали то и передали ему. Из Берии, верно, Апостол воротился бы в Солунь, если б не козни этих врагов. Они заставили его бежать далее в Афины. Из Афин, верно, опять Апостол порывался побыть в Солуни, но благоразумие заставило его прежде осведомиться о положении тамошних дел, за чем и послан святой Тимофей.

В видах практического применения настоящего места Писания приводим слова святого Василия Великого об этих сатанинских возбранениях. «Может ли, — спрашивает он*, — сатана возбранять намерению святого, потому что написано: *аз бо Павел единою и дважды хотел приити к вам, и возбрани нам сатана*?» И отвечает: «Из совершаемого нами о Господе, иное совершается по душевному намерению и суждению, а иное производится с помощию тела, или тщанием, или терпением. И сатана не может воспрепятствовать тому, что состоит в душевном намерении и суждении. Но что проводится в исполнение с помощию телесной деятельности, тому Бог нередко

* Василий Великий. Краткие правила. Вопрос 275.

попускает делать какие-нибудь препятствия; для испытания и обличения того, кто встречает препятствие, чтоб или обличить переменившего благое намерение, подобно посеянным на камени, которые на короткое время *с радостию* приняли слово, *бывшей же печали*, вскоре отпали (Лк. 8, 13; Мф. 13, 21), или пребывающего в добре показать — то ревнующим о добрых делах, каков сам Апостол, который, много раз намереваясь идти к римлянам и, возбраняемый, как сам в том признался, не оставлял, однако же, сего желания, пока не исполнил преднамеренного, — то терпеливым, каков Иов, который, пострадав столько от диавола, принуждавшего сказать что-либо хульное, или оказаться неблагодарным пред Богом, даже в крайних бедствиях не отступил от благочестивого суждения и от здравых мыслей о Боге. Ибо о нем написано: *во всех сих... ничтоже согреши Иов устнама своима пред Богом и не даде безумия Богу* (Иов. 1, 22)».

Стих 19. ***Кто бо нам упование или радость или венец похваления? Не и вы ли пред Господем нашим Иисус Христом во пришествии Его?***

Указывает Апостол источник своей о солунянах попечительности, удостоверяя, что его заботы и любовь к ним вызываются его апостольским званием и упованием. Частица *бо* доказывает. Выразил Апостол свое болезнование о солунянах. — Теперь говорит: ибо как мог я иначе

действовать, когда вы упование мое пред Господом? — Святой Павел есть Апостол языков. Обращение всякого языка есть исполнение им своего назначения. В пришествие Господне окажется: и те, и те, и те обращены святым Павлом. Таланты с прибытком. — И будет изречено: вниди в радость Господа твоего. — Вот почему и дорожит святой Павел всяким обращением и блюдет обращенных! Это связано с его вечною участию и составляет его назначение в сей жизни. Вместе с сим он выражает, что в трудах своих и заботах о верующих он не руководствуется никакими расчетами земными.

Тем, которые, пользуясь скорым удалением святого Павла, смущали тех, говоря: только горя вам наделал и бросил вас, — в этих словах сильный отпор. Апостол отвечает: как мог я это сделать, когда в их верности вере моя вечная слава? Переносясь мыслию пред лице Господа в пришествие Его и с собою вместе представляя Солунь, Апостол, с одной стороны, удостоверял: вот до какого момента продлится связь наша, — можно ли думать, чтоб ее прервали такие мелкие случайности, какие встретились у вас; с другой — внушал: моя будущая слава и радость не моя только, но и ваша. Вместе обрадованы будем и прославлены; сохраните же себя верными Господу до пришествия Его.

Кто бо – фраза, заставляющая постановлять в зависимости будущую славу Апостола заключительно от верности солунян; но как потом стоит: *не и вы ли*? то, говоря так, Апостол не выделял их из ряда других обращенных им, кои послужат к увенчанию его славою во второе пришествие Христово. Златоуст говорит: «Одни ли македоняне – упование твое, скажи мне, блаженный Павел? – Не одни они... Посему-то присовокупил: *не и вы ли?* Итак, это не ласкательство, ибо он не просто сказал: *вы*, но: *и вы*, – вместе с другими».

И точно, для него и филиппийцы – *радость и венец* (Флп. 4, 1), и коринфяне – *похваление в день Господа нашего Иисуса Христа* (2 Кор. 1, 14). Таковы для него и все Церкви, им насажденные и утвержденные. «Представь себе, – говорит Златоуст, – сколько возможно, всю Церковь, насажденную и утвержденную Павлом; кто бы не порадовался о таком ее многочадии и благочадии?» *Упование, радость, венец похваления* – разные стороны одного и того же момента – предстания пред Господа во второе Его пришествие. *Упование* – опора дерзновения, что осмелится кто предстать, а не пасть ниц и вопиять: *горы падите* – на чем утверждается? – На добросовестном, без жаления себя, исполнении дел, к которым кто призван, на должном, во славу Божию, употреблении талантов, какие кому вверены от Господа.

Радость определяет состояние сердца во время предстания Господу. У Апостола будет не страх, а радость — от сознания, что совесть во всем чиста пред Господом. Совесть будет удостоверять, что все зависящее сделано без опущения и фальши, и осенять сердца благонадежием. Отсюда — обрадование духа. *Венец похваления* — воздаяние, венчающее обрадованное сердце светлым положением, в сонме прославленных святых и ангелов. Венец похваления — не то, чем особенно похвалиться можно, а за что особенно похвалят, венец похвальный, прехвальный, блестящая слава... Все сии три стороны выражает Господь в притче Своей одним изречением: *добре, рабе благий и верный... вниди в радость Господа твоего* (Мф. 25, 21). Феофилакт так перифразирует речь святого Павла: «Надеюсь, что великого сподоблюсь ради вас дерзновения пред Христом Господом и радости, того ради самого, что вы и ныне есте и тогда будете для меня венцом похваления, то есть венцом блестящей славы».

Стих 20. *Вы бо есте слава наша и радость.*

Ответ на предложенный выше вопрос содержится уже в вопросе; но Апостол и особо выражает его, говоря как бы: да, вы, — чтоб долее остановить внимание на высказанной мысли и подтвердить ее. Не думайте, что, говоря так, я увлекся особым расположением к вам или только оборот речи употребил такой. Нет, в самом

деле так есть, и иначе быть не может. Будущую ли славу и радость и здесь разумеет Апостол, или настоящую? — По ходу речи мысль Апостола все держится пред лицем Господа в пришествие Его. Образ же выражения так общ, что не дает никакого намека на время. Почему и толковники определенно не говорят, а только вообще. «Как славно привесть такую Церковь ко Христу и притом столь благоискусную» (Феофилакт). Или: «Кто поставлен быть учителем, для того венец и радость — преуспеяние учеников» (Дамаскин). Или: «Совершенство учеников есть радость и венец для учителя. Учители имеют вкусить от плода трудов своих. Плод учителя — ученик послушный. Когда добрая жизнь ученика послужит во благо учителю, тогда учитель вкусит от плода трудов своих. Успехи учеников в добром дадут корону учителю на Суде Христовом» (Амвросиаст).

б) Послание Тимофея к солунянам (3, 1—5)

Глава 3, стих 1. *Темже уже не терпяще, благоволихом остатися во Афинех едини.*

Темже — означает вывод из предыдущего. Желал Апостол быть у солунян сам, но как этому состояться не было возможности, то решается желанное общение с ними совершить в лице другого, доверенного лица. Или так: поелику так важно для меня ваше стояние в вере, что в нем

моя радость и венец похваления, а я не знаю, в каком вы положении, то и спешу послать к вам — узнать, что у вас и с вами. Неведение о вас стало невыносимо для меня. Оно облегчалось надеждою скоро быть у вас; но как это оказалось неудобоисполнимым, то не стало более терпения. — И конец — стих 5 — с этим согласен: поелику вы — венец, то и послал, — чтоб *не вотще был труд наш.*

Не терпяще — μηκέτι στέγοντες. Глагол сей имеет разные значения. Собственно — скрывать, отсюда укрывать, защищать, отсюда поддерживать, носить и *сносить*: можно бы так: не могши более скрывать моего желания видеть вас, не имея более сил подавлять его молчанием. Но как по ходу речи видно, что Апостол сильно беспокоился о солунянах, и потом крайне был обрадован, когда святой Тимофей, возвратясь, известил его о твердости солунян; то ближе к делу дать в сем месте значение сему слову — *сносить, терпеть.* Не могши более сносить беспокойства, которое причинялось мне неведением о вашем состоянии, решился я послать к вам Тимофея.

Благоволихом — не охотность только означает, но рассуждением определенную решимость, сочли благом — и восхотели того. Златоуст: «Благоволихом, вместо решились». Феофилакт: «Избрали, порассудили, предпочли».

Остатися едини — «Свидетельство великой любви к солунянам — слова сии» (Дамаскин). И так долго оставаться одному ему не могло быть приятно, а тут: в Афинах и труд большой предлежал, делавший необходимым содействие сотрудника. Но, несмотря на это, он решился послать Тимофея. Так много занимало и беспокоило его состояние солунян.

Стих 2. ***И послахом Тимофеа, брата нашего и служителя Божия и споспешника нашего во благовестии Христове, утвердити вас и утешити о вере вашей.***

Не могши сам посетить солунян, святой Павел посылает к ним Тимофея.— «Таков образ действования сего святого Апостола,— замечает Экумений,— что когда, по причине искушений и происходящей от них стесненности, не может он сам идти к каким-либо ученикам своим, то посылает к ним других, и чрез посредство их соприсутствует им и собеседует с ними. Так поступил он относительно филиппийцев, так относительно коринфян, послав к ним сего же Тимофея и чрез него побеседовав с ними».

Как святой Тимофей, вероятно, не был лично известен солунянам, а между тем должен был утверждать их и утешать,— действовать властным словом, то святой Апостол сказывает им, кто таков посылаемый, и тем внушает, что он способен заменить собою самого Апостола Павла и

что они с доверенностию могут и по совести должны слушать его, как самого Апостола Павла. Вместе с тем он показал, что, посылая такого посла, имеет очень серьезную о них заботу, такую, которая касалась важнейших сторон их жизни, и тем обязывает их к полному вниманию. Святой Златоуст говорит, что святой Павел так хвалит Тимофея, «не Тимофея возвышая, а им воздавая честь тем, что послал к ним сотрудника и служителя благовествования, говоря как бы: отвлекши от дел, мы послали к вам служителя Божия и споспешника нашего во благовестии Христовом». (То же Экумений и Феофилакт.)

И послахом Тимофеа, брата нашего. Христиане себя взаимно называли братьями, как от единого Духа в единой купели отрожденные, с Единым Господом сочетанные и единую Церковь составляющие. Но Апостол, называя так Тимофея, хочет сказать, что он есть самый близкий к нему человек, что они связаны искреннею любовию и что он для них то же, что сам Апостол,— брат, которому Апостол все доверяет, которому и те довериться могут, ибо его брат — их брат.

Служителя Божия. Этим указывается особое назначение святого Тимофея от Самого Бога. Служитель Божий есть исполнитель особых Божиих намерений, кому поручено Богом совершить что во славу Божию, во исполнение планов Провидения. Таков же был и Тихик — *верный*

служитель о Господе (Еф. 6, 21; Кол. 4, 7). И Аполлос, и даже сам Павел – что суть разве *точию служителие – как кому Господь дал* (1 Кор. 3, 5).

Споспешника нашего... Определяет, какое именно у Тимофея служение Богу. Он определен быть споспешником святому Павлу в проповеди Евангелия. Так он назван и в послании к Римлянам (16, 21), где Апостол называет себя служащим *Богу духом во благовестии Сына Его* (Рим. 1, 9). Так именует он и Епафродита филиппийца (Флп. 2, 25).

Утвердити и утешити – цель послания. Оба слова вместе обнимают все стороны, на которые мог и должен был действовать святой Тимофей. Так и Сила с Иудою, посланные из Иерусалима в Антиохию *множем словом утешиша и утвердиша братию*, после смут, произведенных среди них ревнителями иудейского закона (Деян. 15, 32). Делом святого Тимофея было стоящих в вере еще более утвердить, немощных и готовых поколебаться воодушевить к твердости, скорбящих по причине гонения утешить, чтоб никто не пал и не отпал. «Солуняне имели нужду в утверждении и утешении, чтоб не отстать от веры» (Феофилакт).

Если раздельно обсуждать каждое слово, то будет: *утвердить* – укрепить дух в образе мыслей и правилах жизни, придать силу принятым в

вере убеждениям и решимости жить по требованию веры. «Утвердить, как колеблемых» (Экумений). «Не новое предложить вам учение, но утвердить в учении прежнем» (Феодорит). Утешить — успокоить сердце, мятущееся, болезнующее, скорбящее по причине неприятностей, в какие поставлены были солуняне по случаю принятия Евангелия. В другой раз им же писал Апостол: Господь... *да утешит сердца ваша и да утвердит вас во всяком слове* (в мыслях и убеждениях) *и деле блазе* (в правилах жизни по вере) (2 Сол. 2, 17).

О вере вашей — можно относить только к *утешити*. Сердце было в скорби и смятении по причине обстоятельств, привлеченных уверованием. Скорбь сердца наводила ради сего тень на самую веру. Богоприлично истолковывая встретившиеся тесноты, святой Тимофей мог утешить сердца и тем опять восстановить светлость лика веры в сознании верующих. О *вере вашей* — будет: относительно веры вашей в этих обстоятельствах, вызванных уверованием вашим.

Стих 3. ***Яко ни единому смущатися в скорбех сих: сами бо весте, яко на сие истое лежим.***

Труд утверждения и утешения словом направлен был к тому, чтобы предотвратить поколебание веры действием скорбей (Экумений),— чтоб никто не поколебался в скорбех сих. Апостол указывает на определенные известные и

притом продолжающиеся скорби, разумея, конечно, те, которые были следствием проповеди Евангелия и уверования в него. Как эти скорби касались и уверовавших, и Апостолов, то те и другие здесь и разуметь должно. Очень естественно, что юное общество христианское, еще так недавно познавшее начала веры, могло сильно быть колеблемо неприятностями и притеснениями, которые тем чувствительнее поражали сердце, чем непосредственнее следовали за принятием Евангелия и чем ближе были другие лица, которые, не приняв Евангелия, наслаждались, как обычно, покойною жизнию. Почему и глагол — *смущатися* σαίνεσθαι употреблен Апостолом такой, который дает подразумевать колебание каковою-либо приманкою, или льстивыми обещаниями и надеждою. Он хотел именно выразить: чтоб кто-нибудь по причине скорбей из-за принятых убеждений и правил жизни не поколебался в верности им приманкою покойной жизни и льстящими ожиданиями. Блаженный Феофилакт пишет: «Апостол и указывает здесь, какую пользу имело принести им утверждение и утешение от лица святого Тимофея. Это, говорит, чтоб не приходили в смятение, чтоб не падали духом и не расслаблялись. Ибо диавол, когда улучит благоприятное время искушению, колеблет нетвердых напоминанием прежнего покоя, чтоб они отстали от того, что было причиною скорбей». Могли колебать

их и скорби Апостолов: как так посланники Божии терпят такие нападки и встречают такие препятствия?! Хоть и чудеса творят они, но тут же они оказываются немощными и крайне униженными, терпят побои и заключаются в темницы и узы. «Ученики,– говорит святой Златоуст,– смущаются не столько среди собственных искушений, сколько видя искушения наставников, подобно тому, как воин не столько приходит в смущение от своих собственных ран, сколько тогда, когда увидит раненым своего вождя». (То же Экумений и Феофилакт.)

Сами бо весте, из слов святого Апостола в бытность его в Солуни, как сам он о сем говорит вслед за сим,– *яко на сие истое лежим*. Кто это? — Все прилепляющиеся к Господу верою и сами Апостолы. Так свыше определено; таков план Божий! Так было, есть и будет, ибо тьма не может иметь мирных отношений к свету, который вносится в среду ее Евангелием и верующими. Златоуст говорит: «*На сие лежим* – Апостол относит ко всем христианам. Он же в другом месте возвещает, что *вси хотящии благочестно жити о Христе Иисусе гоними будут* (2 Тим. 3, 12). И Сам Христос говорит: *в мире скорбни будете* (Ин. 16, 33). Не сказал просто: терпим искушения, но: *на сие лежим*, вместо: мы на это родились».– Экумений прибавляет: «На это мы отчислены (κεκλήρώμεθα), на это отписаны». «Да

слышим, что христиане лежат на то, чтоб скорбеть: ибо не об одних Апостолах он сказал сие» (Феофилакт). И по всему Писанию разнообразно внушается мысль, что скорби неотлучны от Апостолов и христиан. Апостолам Господь сказал, что посылает их, как *овец в среду волков* (Мф. 10, 16), что их ненавидеть будет мир, как возненавидел Его Самого (Ин. 15, 18—19), до того, что всякий убивающий их будет думать, что тем службу приносит Богу. Апостолы сознавали это и ничего не ожидали, кроме бед и скорбей. Почему называли себя насмертниками (1 Кор. 4, 9), то есть обреченными на смерть, и благоволили паче в нуждах, теснотах и скорбях (2 Кор. 12, 10). Но и всем христианам *многими скорбми подобает внити в царствие Божие* (Деян. 14, 22), — сим тесным и прискорбным путем (Мф. 7, 14; Лк. 13, 24), — и когда они бывали в искушениях, им внушалось — не думать, будто тут случилось нечто чуждое для них (1 Пет. 4, 12).

Очень уместно замечает при этом Экумений, что святой Павел словом сим не на настоящие только скорби дает солунянам утешение, но и на случай будущих скорбей. Ибо, если на то лежат они, чтоб скорбеть, то нечего дивиться или смущаться, когда приходят скорби.

Стих 4. *Ибо егда у вас бехом, предрекохом вам, яко имамы скорбети, еже и бысть, и весте.*

Указывает, откуда знают солуняне о неизбежности скорбей. Апостол наперед им об этом сказывал. И сказывал об этом для того, чтоб не смущались, когда придут скорби. Апостолы не увлекали льстивыми земными надеждами, а раскрывали дело веры во всей наготе, со всеми неприятными последствиями, чтоб, если кто веровал, веровал по одному убеждению в истине Евангелия, а не по каким-либо приманкам. Когда говорит потом: *еже и бысть*, — все так и было, как мы предсказали, то этим, оправдывая верность предсказания последствий уверования, выставляет в неземном свете и самую веру и тем укрепляет убеждение в истине ее. «Не должны смущаться скорбями, — говорит святой Златоуст, — потому что ничего необыкновенного и неожиданного при этом не случается с нами. — И сего довольно было для ободрения их. Видишь ли, и Христос сказал ученикам Своим: *И ныне рех вам прежде даже не будет: да егда будет, веру имете* (Ин. 14, 29). Ибо много служит к утешению учеников, когда они слышат от наставников о том, что с ними случится. Как больной, если наперед слышит от врача, что с ним будет то и то, не слишком смущается, а если случится с ним что-либо неожиданно, так что и сам врач приходит в недоумение, и болезнь превышает его искусство, то больной тоскует и смущается: так и здесь».

Имамы скорбети, — мы все: и вы, уверовавшие, и мы, возвестившие вам веру. Какое утешение для солунян, когда Апостол и их скорби называет своими помимо тех, кои сам претерпевал!

Стих 5. ***Сего ради и аз ктому не терпя, послах разумети веру вашу, да не како искусил вы искушаяй, и вотще будет труд наш.***

Сего ради — ради таких постигших нас бед и скорбей. *И аз* — предполагает другого. Кто же другой? — Одни говорят, что это солуняне; другие, — что это христиане, окружавшие Апостола; третьи, — что святой Павел так сказал, чтоб только себя выделить, подобно тому как в стихе 18 2-й главы. — Если сим способом объяснять, то ближе всех первое предположение. Апостол говорит как бы: предсказал я вам, что будем скорбеть; скорби тотчас и последовали, как знаете. Они разлучили нас, и тем еще более увеличивалась тяжесть их. Вы, конечно, беспокоились о мне, что со мною и где я. Не менее того беспокоился и я о вас, — и, не терпя более, послал, и прочее. — Но прямее будет, если примем такой перевод: *сего ради*, по этим обстоятельствам, *и послал я к вам.*

Не терпя послах. «Он делает это от преизбытка любви; ибо любящие от пламенной ревности опасаются и за то, что безопасно. Хотя и сказал: *на сие лежим*, но чрезмерное множество зол устрашило меня. — Не сказал: заметив в вас нечто худое, послал, — но *ктому не терпя*, — что

собственно происходит от любви. Мы в скорбях отлагаем память о всех, а он столько боялся и трепетал за детей, что даже того, кто был для него утешением, — Тимофея, сообщника и споспешника своего послал к ним» (Златоуст).

Разумети веру вашу — состояние веры, — тверды ли, не поддались ли искушению, стоите ли на своем. «Так как не мог переносить более озабочивающей меня мысли, послал я, желая дознать, не приключилось ли вам какого вреда от искушений и не потерян ли труд, какой мы для вас подняли» (Феодорит).

Да не како искусил вы искушаяй — не искусил ли вас искуситель? — Искушающим мог быть назван всякий, кто своими развращенными речами мог колебать недавние убеждения солунян и отвлекать их от веры в Господа. Но, по мысли Апостола, очевидно здесь разумеется сатана, о каком упоминал уже он — 2, 18. Действуя в сынах противления (Еф. 2, 2), он есть искуситель κατ' ἐξοχὴν (Мф. 4, 3, 10; 1 Кор. 7, 5). Апостол знал, что солуняне страдали и по отшествии его, или подлежали искушению совне; но не знал, какое действие произвели сии скорби на сердце солунян. Об этом и желал знать, не поколебал ли их сатана? Скорби и гонения сами по себе — не искушения. Они в порядке вещей и во благо. Из них, или по поводу их, уже устрояет искушения сатана, когда, подходя к сердцу, влагает сомнения

и колеблет веру. «Видишь ли, что смущение в скорби есть действие диавола и его коварства. Искушением от диавола он называет колебание. Тот только и искушается, кто уже колеблется, кто уже принял обаяние диавольское» (Златоуст).

И вотще будет труд наш. Если окажется, что искусил, то есть поколебал, то весь труд наш, потраченный на вас, ни во что, пропал даром. Собственно труд Апостолов, хоть бы и не было успеха, не мог пропасть даром, когда все возможное сделано. Но Апостол смотрит не на воздаяния от Бога, а на свои намерения в трудах апостольских. Он трудится не с тем только, чтоб трудиться, но всегда имея в виду плод трудов — славу Евангелия и веры в Господа, так что, когда этого не бывает, он ставит труд не в труд, все одно, хоть бы не трудился,— за такой труд, по нему, и от Господа нечего ожидать. И прежде он говорил: вы — радость и венец, подразумевая: если стоите в вере.— Апостол затрагивает здесь любовь к себе солунян, испытавших его отеческую попечительность. Любовь делает благо общим, и ущерб одного вызывает сочувствие и содействие других. На это и ударяет Апостол, поминая о тщетности своего труда. Он в этом дает побуждение — твердо постоять в вере, говоря как бы: вы не решитесь обидеть меня, лишив плода труд мой ради вас. Феофилакт пишет: «Если б они уклонились, о Павле, что к тебе! — Твой труд не

останется без полной награды у Бога». Святой Златоуст полнее перифразирует: «Ведь если б они и совратились, то не по твоей вине и не по твоему нерадению.– Но в этом случае, говорит, по причине сильной братской любви, я считал бы труд мой потерянным».

в) Радость святого Павла по получении добрых сведений о солунянах (3, 6—10)

Стих 6. *Ныне же пришедшу Тимофею к нам от вас, и благовестившу нам веру вашу и любовь, и яко имате память о нас благу, всегда желающе нас видети, якоже и мы вас.*

Какою искренностию и любовию дышит изъявление радости по получении добрых сведений о солунянах! Эта радость была тем живее, чем неожиданнее вести. Боялся Апостол, не поколебались ли и не погубили ли труда его, считая то вероятным, по известным немощам человеческим. Оказалось же совсем противное: и вера с любовию — в силе, и память об Апостоле — с теплотою. Вести превзошли ожидания — и радости Апостола нет меры. Как к сердцу принимал он все, относящееся к успехам Евангелия!

Пришедшу... Это возвращение святого Тимофея совпадает с тем, о котором упоминается в Деяниях: *егда же снидоша от Македонии Сила и Тимофей* (18, 5). По крайней мере другого случая, известного в Писании, указать нельзя. При-

нятие этого делает излишними догадки о другом каком-нибудь времени. И сколько их ни строили, все они несовместны с обстоятельствами написания послания, о коих поминается в самом послании.

Благовестившу.— «Видишь ли радость Павла? Не сказал: возвестившу, но *благовестившу.* Столь великим благом считал он их твердость в вере и любви» (Златоуст). Радость была столь велика, что весть о ней назвал он благовестием — словом, которое в Новом Завете обычно означает благовестие о спасении мира Господом Иисусом Христом. Эта весть касается области устроения спасения, подобно вести о рождении Иоанна Предтечи (Лк. 1, 19). Радость же у Апостола из-за нее вытекала из духа апостольства. Сей дух ревновал насадить всюду спасительную веру в Господа и удовлетворялся только тем, если видел, что слышавшие проповедь веровали, прилеплялись к Господу и пребывали верными Ему. Удостоверение, что солуняне таковы, успокоило и усладило дух Апостола, и он весть о сем не мог иначе наименовать, как евангелием для себя.

О чем была благая весть, принесенная Тимофеем? — Об истинно христианском настроении солунян, выражавшемся верою и любовию, и о сохранении добрых отношений к Апостолу, свидетельствуемом памятию о нем и желанием видеть его.

Благовестившу веру вашу и любовь. Вера и любовь у Апостола – существо христианства. Ни вера без любви не достойна похвалы, ни любовь без веры не имеет цены. Почему учит ли он, – учит, чтоб все держали веру, любовию споспешествуемую, уверяя, что без них все другое – ничтожно пред очами Божиими (1 Тим. 1, 5–6); хвалит ли кого, – хвалит за веру и любовь. Так в начале почти всех посланий его. В словах: *благовестившу мне веру вашу и любовь* Апостол сказал то же, что: он возвестил мне, что вы пребываете истинными христианами.

И яко имате память о нас благу. Память благая – память с благорасположением, теплая, сердечная, – плод и свидетельство любви к Апостолу. Или благая память – память добрая в том смысле, как у нас говорят: оставил добрую о себе память, поминают Апостола добром, считая его истинным своим благодетелем, как истинного посланника Божия. «Поминаете обо мне с похвалами и одобрением», – изъясняет Феофилакт. Радует же Апостола такая память, не яко память, а ради того, что ею означалась приверженность к вере, которую он им передал. Святой Златоуст говорит при сем: «В этом заключается похвала, что не только когда мы находились у вас и когда совершали чудеса, но и теперь, когда мы вдали от вас, и терпим побои, и переносим бесчисленные бедствия, *имате память о нас благу*».

Всегда желающе видети нас. — *Всегда* одни относят к: *имате память благу*, как в русском переводе, другие к: *желающе видети нас*, как в славянском. Мысли это нисколько не изменяет, но по-славянски лучше. Благая память возбуждалась постоянным желанием видеть Апостола, а это истекает из любви к нему. Память сердца, выражавшаяся желанием видеть Апостола, прочнее и непоколебимее памяти умовой. Последняя утверждалась на первой — и если была всегдашняя, то потому, что всегдашнее было желание видеть, порождавшееся любовию.

Якоже и мы вас. Если б не приложил Апостол и сего, изображение его к солунянам сочувствия было бы неполно. Взаимность есть душа общения сердечного. Утешительно, конечно, было для солунян знать, что Апостол удостоверился в их любви к нему: «ибо для любящего весьма приятно, если любимый знает, что он любим им» (Златоуст). Но несравненно утешительнее должно быть удостоверение, что и он таков же к ним, каковы они к нему.

Все сии напоминания были у Апостола не одни обычные обороты речи в письменных сношениях, но выражали самую истину и направлены были все к одной цели — воодушевлению солунян ценить веру принятую, любить ее и стоять в ней твердо.

Стих 7. *Сего ради утешихомся, братие, о вас, во всякой скорби и нужде нашей, вашею верою.*

Сего ради — по грамматическому течению речи не ожидалось бы; но как впереди поместилось несколько мыслей обрадовающих, то, обобщая их и сводя воедино, Апостол вставил — *сего ради* — ради всего, возвещенного Тимофеем, всем, что он сказал. В конце же стоящее — *верою вашею*, будет служить объяснением — *сего ради*. Всем этим, верою вашею утешились мы,— ибо вера совмещает все.

Утешихомся, братие, о вас. Греческое ἐφ' ὑμῖν на вас, как бы почили на вас, успокоились относительно вас, все тревоги наши о вас миновались, и это исполняло утешением сердце наше. «Боялись, не одолело ли вас искушение, и скорбели о том. Но, когда Тимофей возвестил нам о том, что у вас, мы не только скорбеть перестали, но и радости исполнились. Ниже чувства какой-либо печали не осталось в нас из-за радости о вас» (Экумений).

Во всякой скорби и нужде нашей. Скорбь и нужда обнимают все теснившее Апостолов. Нужда указывает более на внешние тесноты, а скорбь на тесноту сердца. Радость была столь велика, что при ней Апостол забыл про все неприятности, тяготившие его, несмотря на то, что они были и велики, и численны. Скорбь и нужду разумеет Апостол, и те, кои перетерпел, и те, которые он

терпел в ту пору. Тут содержатся и те скорби, кои понесены ради солунян. В этом отношении мысль будет: слава Богу, не напрасно страдали и терпели ради вас, — вы тверды, не вотще труд наш. В отношении же к тем теснотам, в которых находился Апостол при получении добрых вестей, — мысль будет: «не чувствуем более скорбей, но утешились не в одной какой скорби, но во всякой. Радость наша о вас стала противовесом всех нужд наших» (Феофилакт).

Вашею верою. Вера здесь означает все: и учение христианское, и жизнь, сообразную с ним, и все чины христианские, и память об Апостолах с желанием видеть их. *Вашею верою* — то же, что вашим христианством, тем, что вы, как приняли веру и начали жить по духу ее, так и доселе пребываете. Святой Златоуст говорит: «Кто может сравниться с Павлом, который спасение ближних считает за свое собственное, имея такое же отношение ко всем, какое тело к членам? Он не хотел, чтоб они изъявляли благодарность ему за перенесенные им ради их искушения, но изъявляет им благодарность за то, что не поколебались по причине искушений, с ним случившихся, говоря как бы: вам предстояло более опасности от искушений, чем нам; вы более подвергались искушениям, нежели мы, хотя вы и не страдали во время страданий наших. С тех пор, как Тимофей принес нам радостную весть, мы не чувствуем

никакой горести. Доброго учителя ничто не может смущать до тех пор, пока дела учеников текут по желанию его. *О вас утешихомся*, то есть вы нас подкрепили, вы нас умастили, вы нам дали вздохнуть, вы не допустили нас до того, чтоб мы пали под тяжестию искушений».

Стих 8. *Яко мы ныне живи есмы, аще вы стоите о Господе.*

Мы живы. Так говорит о себе всякий, над кем тяготела беда и миновала: неизвестность о солунянах причиняла смертную скорбь Апостолу, теперь это миновалось, камень спал с сердца, и он чувствует себя ожившим. Или так: обстоятельства мои тяжелы, как смерть, так что могу сказать: *по вся дни умираю* (1 Кор. 15, 31). Но, получив добрую о вас весть, я ожил. Все забыто, все нипочем, когда вы стоите... На нас повеяло жизнию. Или так: жизнь Апостолов — успехи Евангелия и веры Христовой; тут их душа. Услышав о непоколебимости в вере солунян, Апостол говорит: то и жизнь нам, когда мы верны Господу. «Не сказал: мы воодушевились, а что? — *Мы ныне живы есмы*, показывая тем, что смертию для себя считаем не иное что, как их преткновение, а жизнию — их преспеяние» (Златоуст), «их твердость в вере и стояние во Христе» (Феодорит, Экумений).

Аще стоите о Господе. Стоять в Господе есть — непоколебимо веровать в Него, прилеплену быть

к Нему и неуклонно следовать заповедям Его. «Стоят в вере те, кои веру в Него хранят непоколебимую и жизнь ведут сообразно с верою» (Экумений). Господь – источник и стихия жизни. Стоящие в Нем, в Нем вкоренены, с Ним соединены и объединены, в Нем сокровенны сердцем и помышлениями.

Аще – не означает сомнения, а напротив, полную уверенность, что солуняне не стоят только, но и будут стоять в Господе, – уверенность в их непоколебимой твердости. Если б не было такой уверенности, не было бы помянутого излияния радости. Сомнение убивало бы ее в самом зародыше. Можно, однако ж, предполагать, что, употребляя такой оборот речи, Апостол скрытно приводит и увещание: смотрите же стойте, не колеблите моей в вашей стойкости уверенности, иначе вы убьете меня.

Стих 9. ***Кое бо благодарение Богу можем воздати о вас, о всякой радости, еюже радуемся вас ради пред Богом нашим.***

Первый плод вести, принесенной святым Тимофеем, – обрадование Апостола Павла; второй – благодарение Богу. Обрадованный благодарит Бога, от Которого всякое благо. Дух, в Боге живущий, к Нему впервые и обращается, в радости ли, или в скорби.

Бо – ибо – изъяснительное, вместо: да и какое благодарение воздадим? Или, – удерживая

обычное значение сей частицы — указание причины, — можно допустить, что — *кое бо благодарение воздати* — стоит вместо: ибо это для нас величайшее, неизреченное благо. Благо сие от Бога. Вместо того, чтобы выставлять великость блага, Апостол говорит о невозможности достойно возблагодарить за него Бога. Как бы так: твердость ваша в вере сколько была желательна, и сколько я боялся за нее! Известие превзошло мои ожидания. Это великое для меня благодеяние Божие. И сил не имею достойно возблагодарить Бога за сие благо. Обрадование мое ради вас не имеет меры. Святой Златоуст говорит: «Распространяя вышесказанное (то есть мы живы...), Апостол говорит: *кое бо благодарение* воздамы... Вы были для нас виновниками столь великой радости, что мы не в силах и возблагодарить достойно Бога. Успехи ваши мы считаем даром Божиим. Вы столько облагодетельствовали нас, что мы считаем это делом, совершенным по внушению Божию, или, лучше, делом Самого Бога. Столь возвышенные чувствования (ваши) — не дело человеческих усилий».

Можем воздати. Воздают долг. Считая себя крайне облагодетельствованным, чувствует обязанность благодарить Бога, но сил не находит достойно возблагодарить Его. Так велико благо обрадования. «Великость веселия препобеждает песнопение уст, ибо не в силах мы вознести Богу

песнь, равносильную радости, какая доставлена нам вами» (Феодорит).

О вас. Говорит только о своем обрадовании из-за них, в изъявление крепкой и неудержимой любви своей к ним.

О всякой радости — или указывает на разные предметы, радость доставившие, или вообще означает полноту радости,— так: за всю эту радость, к этому же относится и: *еюже радуемся вас ради...* Радостию радоваться значит радоваться полно, в высшей степени,— то же, что в другом месте — *возрадоваться радостию великою* (Мф. 2, 10).

Пред Богом.— Возвышает цену радости,— радуется такою радостию, какою свойственно радоваться пред Богом, радостию святою, благоговейною, в духе веры и преданности Богу и зачавшеюся, и зреющею. Тут же и удостоверение в искренности радости, как бы: пред Богом, всевидящим свидетелем и всего того, что внутри сокровенно происходит.

Стих 10. ***Нощь и день преизлиха молящеся видети лице ваше, и совершити лишение веры вашея.***

Третий плод благой вести о солунянах — желание видеть их и желание столь сильное, что у святого Павла была о том денно-нощная молитва всеусердно изливаема пред Богом. Когда бла-

годарит он за обрадование свое, можно думать, что благодарит за себя, за свое счастие. Прилагая же и молитву о том, чтобы видеть новообращенных учеников, он дает разуметь, что не это одно обрадование у него на душе. Это снаружи, глубже лежит любовь. Обрадование из любви к ним. Любовь произвела обрадование при вести о добром стоянии их в вере. Она же – причиною того, что он не довольствуется одною радостию, но желает и видеть их. То и другое сливается в одно чувство, и заставляет молиться день и ночь, чтоб Бог сподобил увидеть их и еще. «Как земледелец, слыша о своем поле, которое он возделал, что оно изобилует плодами, нетерпеливо желает видеть сам то, что ему доставляет такую приятность, так и Павел – Македонию» (Златоуст).

Видеть же их молится не затем, чтобы только видеть, но чтоб восполнить лишение веры. Чувства у Апостола всегда подчинены главной цели его служения апостольского, – чтоб обращенные стояли в вере и знали ее в совершенстве. В краткое пребывание в Солуни многое было не договорено. Вот и желает посетить их, чтоб договорить. Подобно сему и к римлянам пиша, говорит он, что всегда желал видеть их, чтоб *преподать им некое дарование духовное к утверждению их* (Рим. 1, 11).

Совершити лишение веры. Вера, как настроение душевное, была сильна у них, но содержание веры не все было им преподано. Сила веры была велика, но не познание предметов ее. Вера может являться в полном напряжении с первого момента уверования, но время и учение все более и более раскрывают область веры. Святой Златоуст пишет: «*Совершити лишение веры*... что это значит? — То, что они еще не всем учением воспользовались и не всему научились, чему надлежало научиться. Быть может, между ними были и состязания о воскресении, и много было таких, кои смущали их уже не искушениями и опасностями, но тем, что выдавали себя за учителей. Это он и называет лишением веры. Почему не сказал: утвердити, но: *совершити*... что более относится к научению, нежели к утверждению, подобно тому, как и в другом месте говорит он: *да совершит вы во всяком деле блазе* (Евр. 13, 21)». Экумений прибавляет: «О колеблемых в вере говорит: *утвердити* (стих 2), а о твердых в вере, недостаток же некий имеющим в учении ее, — *совершити*, говорит, то есть восполнить. Учение веры не было им вполне известно. Неполно знали они о воскресении и, может быть, о чем подобном. В вере во Христа они были тверды, несмотря на искушения и скорби. Но надлежало им узнать и все догматы нашей веры» (то же и Феофилакт).

г) Молитвенные благожелания святого Павла солунянам (3, 11—13)

О себе все уже высказал Апостол. Заключает свою речь молитвою, чтоб ему до солунян дойти, а им возрасти в христианском совершенстве и явиться такими во второе пришествие Христово.

Стих 11. *Сам же Бог и Отец наш, и Господь наш Иисус Христос да исправит путь наш к вам.*

Бог Отец, яко Вседержитель и Творец видимых, и Господь Иисус Христос, Которым вся быша (Ин. 1, 3), Которому *дана всяка власть на небеси и на земли* (Мф. 28, 19), — власть вседержительная, все устроять во благо веры и верным, и Который обещал быть с верующими *во вся дни до скончания века* (20) и исполнять всякое их прошение. «Сие научает равенству Отца и Сына, давая знать, что Отец и Сын домостроительствуют одно и то же, как одно и то же создают» (Феодорит). Почему *да исправит* стоит в единственном числе. — Триипостасный Бог действует в нас во спасение чрез воплотившегося Сына Божия Единородного и снисшедшего Духа Святого по благоволению Отца.

Да исправит путь наш к вам. Да исправит — время укажет, препятствия устранит и все, благоприятствующее покойному путешествию, устроит. Апостол жил в Богопреданности и шаги свои все направлял по указаниям свыше, выражались ли они внутри — полным уготованием «сердца»,

беспоперечным*, или вне — стечением обстоятельств, вызывавших на какие-либо начинания и представлявших все к тому удобства. Сам ничего не предусвоял, а все, как Бог.

Святой Златоуст говорит на сие место: «Молиться не только внутренно, но и излагать молитву свою в послании, — есть свойство чрезвычайной любви, есть свойство души пламенной и поистине неудержимой. Он говорит как бы так: Сам же Бог да прекратит искушения, отовсюду препятствующие нам иметь прямой к вам путь», «да исполнит наше желание и уничтожит встречающиеся затруднения» (Феодорит), «да отженет сатану, который всюду посредством искушений полагает нам препятствия — прийти к вам» (Экумений).

Стих 12. ***Вас же Господь да умножит и да избыточествит любовию друг ко другу и ко всем, якоже и мы к вам.***

Благожелания солунянам в духе веры и упования. — Желает им совершенства в любви, которая одна сильна сохранить их непоколебимыми в вере и чистыми по жизни до самого второго пришествия Христова, в котором решается вечная участь каждого.

Вас же Господь. Прежде говорил: *Бог и Отец, и Господь...* а теперь только *Господь.* Это потому, что Господь и Отец — едино суть, по слову Самого

---

* Беспрекословным. — *Ред.*

Господа: *Аз и Отец едино есма* (Ин. 10, 30), и потому, что вслед за ним прилагаются благожелания по домостроительству нашего спасения, которое Триипостасный Бог совершает чрез воплотившегося Бога Сына, Господа нашего Иисуса Христа.

Да умножит и преизбыточествит любовию — это то же, что да исполнит и преисполнит любовию. Святой Златоуст выражает значение обоих слов одним: *да возрастит*. Блаженный же Феодорит разделяет значение каждого слова и первое относит к умножению числа верующих, а второе — к объединению всех их в любви. «Молится, чтоб восполнил их числом и сделал избыточествующими в любви, то есть приобретшими совершенную любовь, так чтобы им нимало не иметь в ней недостатка».

Любовию друг ко другу и ко всем. — Любви исключительно желает ради того, что она есть союз совершенства (Кол. 3, 14), есть исполнение закона (Рим. 13, 10). Преспеяние христианское есть преспеяние в любви (1 Тим. 6, 11). Как Сам Господь, как другие Апостолы, так и святой Павел выше всего в христианстве ставит любовь (1 Кор. 13 глава). — Но кого разумеет Апостол под — *ко всем*? — Если под — *друг ко другу* — разумеет только уверовавших солунян, то *ко всем* будет означать — ко всем прочим христианам. Так Феодорит: «Чтобы оказывали лю-

бовь не только друг ко другу, но и ко всем единоверным, где бы они ни находились». Если же под *друг ко другу* разуметь христиан вообще, то *ко всем* будет означать всех людей. Так Экумений: «Дело христиан не только братьев любить, но и всех людей, и верующих, и неверующих». Святой Златоуст разумеет любовь ко всем, без указания на веру. «Смотри, как хочет распространить эту любовь! – Не только друг ко другу, но и ко всем. Ибо в том поистине обнаруживается любовь по Богу, что она стремится обнять собою всех. Если же ты одного любишь, а другого нет, то твоя любовь человеческая». Святой Апостол Павел нередко внушает любовь ко всем людям. Так Тит. 3, 2; 1 Тим. 2, 1; 1 Сол. 5, 15; и подобное.

Яко же и мы к вам, – подразумевается: полны и избыточествуем любовию. Выражение усеченное требует дополнительных мыслей. Можно так: сказав о любви ко всем, он дал намек и на себя, говоря как бы: ко всем, и к нам... После сего естественно будет следовать: *якоже и мы к вам* – или прямо: любите себя взаимно и всех, как мы вас любим, – то есть бескорыстно, с готовностию на всякие жертвы, как говорит он о себе во 2-й главе. Свою любовь, известную солунянам и испытанную ими, ставит в образец: «Нас имейте мерою и образцом любви» (Феофилакт). Ставить себя в образец обычно святому Апостолу

Павлу (2 Сол. 3, 9; Флп. 3, 17). Но на себе он не останавливает христиан, а от себя возводит ко Христу Господу, говоря: *подражатели мне бывайте, якоже аз Христу* (1 Кор. 11, 1). Таким образом, он всех возводит к Единому. В деле нравственного воспитания пример сильнее всякого слова.

Стих 13. ***Во еже утвердити сердца ваша непорочна во святыни, пред Богом и Отцем нашим, в пришествие Господа нашего Иисуса Христа со всеми святыми Его. Аминь.***

Желает любви, потому что она есть единственная подпора полной нравственной чистоты, которая такою является ныне пред очами всевидящего Бога и такою явится в пришествие Господа, когда все — и сокровенное — будет обнажено и явлено пред всеми. «Любовь делает непорочными, и притом воистину непорочными делает она одна. Любовь к ближнему заграждает всякий вход греху. И нет решительно ни одного греха, которого бы, подобно огню, не истребляла сила любви. Удобнее слабому хворосту устоять против сильного огня, нежели естеству греха против силы любви» (Златоуст).

Вот почему, желая твердости в нравственной непорочности и чистоте, он желает любви. Любовь — средство к непоколебимой чистоте, или твердой безукоризненной нравственности, а сия последняя — условие оправдания во второе при-

шествие Христово. В другом месте он пишет: *сицева убо имуще обетования, о возлюбленнии, очистим себе от всякия скверны плоти и духа, творяще святыню в страсе Божии* (2 Кор. 7, 1). Здесь же говорит: хочешь быть так чистым и безукоризненным, взыщи и вымоли себе любовь совершенную. Святой Златоуст пишет: «Хочу, говорит, чтоб эта любовь избыточествовала в вас столько, чтоб в вас не было никакого порока. Не сказал утвердити вас, но *сердца ваша. От сердца бо исходят помышления злая* (Мф. 15, 19). Можно быть злым, не делая никакого зла, как то: чувствовать ненависть, неверие, быть коварным, радоваться несчастиям ближних, быть недружелюбным, держаться превратного учения, ибо все это есть дело сердца. Быть же чистым от всего этого составляет святость. Ибо хотя святостию главным образом и по преимуществу называется целомудрие, так как и нечистотою — блуд и прелюбодеяние, но вообще всякий грех есть нечистота и всякая добродетель — чистота. *Блажени*, говорит Спаситель, *чистии сердцем* (Мф. 5, 8), разумея под чистыми чистых по всему».

Пред Богом и Отцем нашим — можно относить и к *непорочными во святыни*, в той мысли, чтоб сердца их оказывались непорочными и чистыми пред самим всевидящим оком Божиим, в каком случае чистота только и бывает настоящею чистотою, — и к: *пришествие Господа*, в той

мысли, что и суд будет совершаться пред лицем Отца. Так святой Златоуст, Экумений и Феофилакт. Златоуст пишет: «Судиею тогда будет Христос, но мы не пред Ним, а пред Отцом будем предстоять во время суда. – Или здесь Апостол разумеет то, что нам должно быть непорочными пред Богом. О чем я всегда и говорю вам, что непорочными должно быть не пред лицом человека, а пред лицем Божиим, потому что в этом и состоит истинная добродетель».

В пришествие Господа. – На этот решительный момент не раз уже возводит Апостол внимание солунян (1, 10; 2, 12, 19). Теперь снова представляет его как последний предел надежд и ожиданий, и вместе как сильнейшее побуждение к поддержанию в себе энергичных усилий к делам и чувствам, какие могут удостоиться одобрения в то время. Что тогда положено будет о ком, то неизменною печатию закрепит участь его на вечные веки, или для блаженства, или для мучения.

Со всеми святыми. Иные полагают, – что Апостол желает им непорочности со всеми святыми, наряду с ними, подобно им, чтоб быть в сонме их при сретении Господа (Феодорит). Но прямее слова сии относятся к пришествию Господа со всеми святыми. С какими святыми? – «Ближе всего – с ангелами. Ибо так везде описывается пришествие Господа, что Он окружен

будет сонмами ангелов (Мф. 25, 31; Мк. 8, 38; Лк. 9, 26; Деян. 10, 22; Мф. 16, 27; 2 Сол. 1, 7). Но как говорится, – со святыми *Его* и притом *всеми*, то можно подразумевать и христиан совершенных, кои суть *Его*, по преимуществу, как купленные кровию Его и во един дух с Ним сочетавающиеся. Первым из них — Апостолам обетовано сидеть на двенадцати престолах и судить (Мф. 19, 28).

Аминь. У Апостола не раз в течение речи вводятся молитвенные обращения – и воззвания к Богу, которые он нередко подкрепляет словом: аминь. Как бы: да будет так, – буди, буди. Хочет сказать, что молитвенное благожелание его не есть следствие минутного увлечения, а плод постоянного и твердого его желания им существенного в христианстве блага.

Часть вторая
НРАВСТВЕННО-ДОГМАТИЧЕСКАЯ (главы 4 и 5)

Главы 4 и 5 по преимуществу содержат нравственные уроки, в среду которых вставлено учение о втором пришествии Христовом и воскресении всех — 4, 13—18, так, однако ж, что и оно тоже направлено к возбуждению и укреплению нравственной бодренности и трезвения — 5, 1—11. От этого содержание сих глав представляет три отделения: 1) сначала даются уроки о целомудрии, братолюбии и трудолюбии. Думать надобно, что это такие уроки, которые вызывались нравственным состоянием солунян, как оно узнано и сказано Апостолу святым Тимофеем, 4, 1—12.

2) Затем идет изложение учения о втором пришествии Христовом, с нравоучительным извлечением из него, 4, 13—5, 11. И здесь, верно, решается недоумение, томившее солунян.

3) Наконец, делается перечень нравственных уроков, которые определяют нравственный строй христианских обществ и всякого христианина во все времена и во всех местах, — 5, 12—24.

1. Уроки по особенным нравственным нуждам солунян (4, 1—12)

Хвалил Апостол Павел солунян. Но как совершенных нет и ни от какого общества нельзя ожидать, чтобы все были, как один, то пишет им уроки жизни, исправным — в утверждение их в добрых правилах, а неисправным — в исправление.

Нет сомнения, что уроки эти идут в сообразность с тем, что Апостол Павел слышал от святого Тимофея; но в течение речи Апостола они стоят как прямое следствие из предыдущего. Молился он, чтобы Бог более и более исполнял сердца солунян любовию друг ко другу и утверждал их в целомудрии и чистоте. Но как образование христианской жизни не от одной благодати зависит, но есть плод и собственных усилий человека; то он приглашает их и самих позаботиться о том же. И на первом месте поставляет а) увещание о целомудрии, ограждая его самыми сильными побуждениями. Недостаток его был общ всем язычникам; между тем он заграждал вход благодати Божией и полагал решительную преграду всякому успеху в христианской жизни. Потому и говорит о нем святой Павел в начале и с таким напряжением. А может быть, этот порок обнаруживался у солунян с большою несдержанностию, 4, 1—8.

Затем Апостол напоминает б) о братолюбии, 4, 9—10; наконец прилагает урок в) о трудолюбии, 4, 11—12.

а) Увещание о целомудрии (4, 1—8)

Глава 4, стих 1. ***Темже убо, братие, просим вы и молим о Христе Иисусе, якоже приясте от нас, како подобает вам ходити и угождати Богови, якоже и ходите, да избыточествуете паче.***

Темже убо. — Высказал пред сим молитвенные благожелания. Теперь приглашает их поревновать о том, чтобы сделаться достойными пожеланных им благ, почему начинает речь *темже убо* — вследствие того — вам следует жить так и так.

Просим и молим. Не как властию свыше облеченный говорит, но как равный им, искренний их доброжелатель. Не узы налагает, а умоляет, давая понять, что, по сильной любви его к ним, жизнь их, Богу угодная, есть для него самое великое благо. Но когда прилагает: *о Христе Иисусе*, то тут слово его принимает обязательную силу. Кто верует во Христа Господа и любит Его, тот все, предлагаемое о имени Его, благоговейно принимает и беспрекословно тому покорствует.

Апостол говорит, как преданный Господу и Ему жизнь свою посвятивший, к ним, тоже как преданным Господу и в совести принявшим обязательство жить по воле Его. В другом месте он

то же выражает так: *по Христе убо молим* (2 Кор. 5, 20). Это такое увещание, против которого не может устоять никакое верующее сердце. Христом Богом умоляем, Христа ради делайте так и так. Удовлетворяя прошение наше, не нам угодное сделаете, а Христу Иисусу Господу. «*О Христе Иисусе* Богом умоляем вас» (Златоуст). — «Смотри, какое смирение! Не считает себя достойным веры, даже и в предметах увещания, но от Христа предлагает слово. Христом, говорит, вас умоляю» (Экумений).

Якоже приясте от нас — как вы научены нами и научились от нас. «*Приясте*, относится не к словам только, но и к делам» (Златоуст). Так и у нас говорится: принять и перенять. Апостол говорит: как вы приняли от нас чрез слова проповеди и как переняли из нашей жизни. «Как сами (Апостолы) жили, это стало образцом для солунян» (Экумений). Апостолы новообращенных повсюду тотчас упорядочивали в жизни, давая им нужные правила, соображаясь с характером народа и установившимися у них обычаями, иное одобряя, а иное отстраняя, чтоб вера и минуты не оставалась голою верою, но тотчас переходила и в жизнь, изменяя ее и преобразуя по духу своему. Об этих распоряжениях и напоминает теперь Апостол.

Како подобает ходити и угождати Богови. «*Како подобает ходити* — указывает на весь

образ жизни» (Златоуст). *Ходити и угождати* — стоят в ряд, как неразлучные спутники. На деле угождение Богу нераздельно от правого пред Ним хождения, потому что первое — цель последнего. Ходити — обнимает частные дела, поступки, поведение, *угождати* — указывает, что должно быть на сердце при том. То — тело жизни, а это дух ее. Одно — практика, другое — движущая сила. Вместе сказать так: ходить, угождая Богу, Бога имея всегда пред очами, со всяким вниманием, осмотрительностию, благоговением направляя шаги свои, боясь чем-либо оскорбить Его, заботясь все делать согласно с волею Его. Тут то же сказано, что прежде — *ходити достойно Богу* (2, 12). И вот куда направляли все Апостолы! — Исправная жизнь не сама для себя держится, а для угождения Богу, и сами они все делали *не аки человеком угождающе, но Богу испытующему сердца* (2, 4).

Якоже и ходите. То же говорит он им и ниже: *ибо творите то* (4, 10), — и далее: *якоже и творите* (5, 11). Нужным считал воодушевлять их явленными уже начатками исправной жизни, потому и говорит так. Или для того так говорил, чтоб уроки его не показались укором в неисправности. Всячески слова сии здесь на месте и опускать их не следует, как сделано в русском переводе. Кроме того, что они читаются в Синайской и Ватиканской рукописи, и во многих других, —

без них: *да избыточествуете*, не совсем окажется в согласии с ходом речи.

Да избыточествуете паче, паче и паче* да преуспеваете в начатой богоугодной жизни, день ото дня совершеннейшими да являетесь. Христианам не свойственно стоять на одном месте, а все восходить выше и выше, *от силы в силу* (Пс. 83, 8). Они по своему значению суть *ревнители добрым делом* (Тит. 2, 14), *создани во Христе Иисусе на дела благая... да в них ходят* (Еф. 2, 10). Да и христианская жизнь такого рода, что ее вдруг усвоить и скоро выразить в делах нельзя. Она постепенно исполняет сердце, пока, все его преобразив по духу своему, сделает его неиссякаемым источником богоугодных дел. Путь к этому — исполнение частных предписаний. От навыка в них образуется сердечное добронравие как постоянный характер лица. Кто дойдет до этого, тому не нужны уже предписания и приказы. Святой Златоуст говорит: «*Да избыточествуете*, то есть чтобы вы, при умножении в вас усердия, не останавливались на исполнении заповедей, но восходили выше и выше. В предыдущей главе он восхваляет твердость их веры, а здесь научает преуспевать в жизни добродетельной. Преуспеяние же состоит в том, чтоб делать больше того, чего требуют заповеди и постановления, ибо тогда уже все совершается не по

* Более и более. — *Ред.*

принуждению от наставника, а по собственному произволению».

Стих 2. *Весте бо, какова повеления дахом вам Господем Иисусом.*

Весте бо — нет нужды повторять, знаете. Так еще недавно все преподано вам, как должно жизнь свою устроять по духу веры Христовой, что излишне снова изъяснять то. «Повеления свои он оставил написанными в их памяти» (Экумений).

Господем Иисусом — то же, что *о имени Господа Иисуса* (2 Сол. 3, 6), или именем *Господа Иисуса* (1 Кор. 1, 10). От лица Его, Его властию, нам данною. Ибо Он избрал нас и послал, указав, что проповедовать и узаконять, и постоянно указывая. Не от себя даем повеления, но от Самого Господа. Он законоположник, а мы провозвестники Его законоположений. Возводит все к Богу, чтоб слово свое облечь неземным авторитетом и в сердцах насадить беспрекословную покорность Ему.

В этих двух стихах выражен общий закон христианской жизни. Живи как заповедано, имея в виду одно угождение Богу, и не стой, а все более и более преуспевай.

Затем пишутся частные правила, но не по системе отвлеченной, а по тому, что требовалось для солунян.

Стих 3. *Сия бо есть воля Божия, святость ваша, хранити себе самех от блуда.*

Бо – ибо. Доказательство приводит на сказанное пред сим, что повеления, данные им, даны от лица Господа. Как бы так: ибо то, на чем я настаивал, бывши у вас, и о чем теперь напоминать буду, не совет мой есть, а прямая воля Божия.

Слова: *сия бо есть воля Божия* – или стоят как заглавие: ибо вот воля Божия – святость и прочее. В этом случае они сокращенно будут выражать высказанный уже общий закон; или относятся прямо к святости. В этом случае они заповедь о чистоте возвышают до особенной исключительной воли Божией, как бы так: ничего так не требует от вас Бог, как святости – чистоты. Это последнее, кажется, и имелось у Апостола в виду. Напрягает обязательство к чистоте, по трудности отучить от нечистоты, которая в язычестве так была обща, что и грехом не считалась. Повреждение падшей природы человека больше всего сделало человека падким на плотские грехи. Язычники разливались в блуде; в ряду их и солуняне, может быть, открытее, если не больше других. Почему Апостол и устно более говорил против него, и теперь письменно наставление о сем ставит на первом месте и освящает его волею Божиею. Святой Златоуст говорит при сем слове: «Заметь, что он никогда ни на что другое так

часто не намекает, как на это. И в другом месте пиша, заповедует *мир имейте и святыню со всеми, ихже кроме никтоже узрит Господа* (Евр. 12, 14). И Тимофею сказал: *чиста себе соблюдай* (1 Тим. 5, 22). И во многих местах найдем это, и в послании к Римлянам, и во всех других посланиях. И подлинно, зло сие для всех пагубно». Экумений прибавляет: «В каждом послании многое предлагает слово о целомудрии. Ибо знал, что нет страсти необузданнее, трудно исправимее».

Святость, — ἁγιασμὸς — означает иногда освятительное действие благодати Божией в таинствах (1 Пет. 1, 2); иногда очистительное действие благодати, приемлемое свободою, как нравственное освящение, очищение, исправление души (1 Кор. 1, 30); иногда состояние нравственной чистоты, установившийся нрав жить чисто и непорочно по всем заповедям Божиим: *святи будите, якоже Аз свят есмь*, требует Господь (1 Пет. 1, 16). В настоящем случае, очевидно, разумеет Апостол святость в последнем значении, и притом в отношении к чистоте души и тела от страсти похотной, как показывают следующие слова: *храните себе от блуда*, кои по ходу речи суть прямое объяснение слова: *святость*. Общую нравственную чистоту можно только доразумевать в сем тексте на том основании, что без нее невозможно образоваться и устоять в чистоте от

страсти похотной, или целомудрию, в его полном значении и силе.

Хранити себе от блуда — объясняют святость. «Сказал, что воля Божия требует святости, потом дает знать, какую добродетель называет святостию» (Феодорит).

Хранити себе, в греческом воздерживаться, держать себя подалее от чего, удаляться. Под *блудом* же разумеет всякого рода плотскую нечистоту. «Много видов бесчиния, многообразны и многоразличны любострастные наслаждения, о которых и говорить несносно. (Все их отсекает одним словом: *хранити себе от блуда*») (Златоуст).

Стихи 4 и 5. ***И ведети комуждо от вас свой сосуд стяжавати во святыни и чести, а не в страсти похотней, якоже и языцы неведящии Бога.***

Смысл текста зависит от того, как понять слово: *сосуд*. И всякий человек бывает, по Писанию, или сосудом милости Божией, или сосудом гнева (Рим. 9, 22—23). И тело именуется *скудельным сосудом* (2 Кор. 4, 7). И жена есть *сосуд немощнейший* (1 Пет. 3, 7). Первое значение, очевидно, здесь неприложимо. Из двух последних, одни принимают одно, другие другое значение. И это еще со времени Феодорита, который пишет: «*Свой сосуд* иные толкуют так: свою супругу». Из древних понимал так слово сие блаженный Августин, указывая в словах Апостола урок — не

только не касаться чужих жен, но и к своей относиться честно и свято*. Исключая же его, все древние известные толкователи разумеют под сосудом — тело. Если потому решать разногласие большинством и весом согласных мнений, этому мнению должно дать преимущество. Но, и основываясь на букве, нельзя держаться того мнения, что здесь разумеется жена, ибо некоторые, употребленные здесь Апостолом речения, не совсем удобно прилагаются к жене. Блаженный Феодорит, сказавши, что некоторые под сосудом разумеют жену, прибавляет: «Но думаю, что Апостол сосудом называет тело каждого, потому что дает закон не одним живущим в супружестве», «но и безбрачным и вдовствующим предлагает урок», — дополняет Экумений. Та же мысль у святого Златоуста, Дамаскина и Феофилакта. Сосудом тело называется *или* как вместилище души и вместе с душою — благодатных даров (2 Кор. 4, 7), *или* как орудие для заимствования нужного совне и для обнаружения внутреннего своего вовне. Да будет тело чисто как орудие, чтобы чисто совершать богоугодные дела; да будет оно чисто как вместилище, ибо нечистый сосуд и чистое вино портит. Да будет у христианина чисто все, от мыслей и чувств души до последних движений и раздражений тела, — и жизнь

* Lib. I de nupt. et concup. c. VIII; lib. IV contra Julian. c. X. и lib. V. c. IX.

его, — телесно-душевно-духовная, — объединясь, да течет чисто, как чисто струится светло-прозрачная вода чистого источника, протекая по чистым местам.

Ведети — стяжавати. Стяжавать — себе присвоить, употреблять и просто иметь. Апостол внушает — владеть телом, употреблять его и содержать в святости и чистоте. Кто предается блуду, тот предает тело греху; кто прекращает этот грех, тот искупает его из сего плена, снова овладевает им и начинает употреблять его по своим целям, а не по влечению похоти. Святой Златоуст пишет: «Когда сосуд (тело) чист, мы владеем им и он пребывает в святости, когда же нечист, тогда владеет им грех. Ибо он делает тогда не то, чего мы хотим, но то, что повелевает грех». Такое владение телом требует труда, подвига, обучения тела. Почему Апостол пишет: *ведети — стяжавати.* Ведети, не в смысле теоретического знания, а в смысле деятельного опыта, — уметь владеть телом. «Следовательно, надобно учиться, и много, чтоб не предаваться нечистоте» (Златоуст). «Стало быть, целомудрие требует обучения и подвига» (Экумений). В этом — подвиг не для одних безбрачных, но и для живущих в супружестве. Страсть эта очень беспорядочна и бестактна.

Во святыни и чести. Святыня здесь то же, что выше святость, то есть чистота. Но если

взять во внимание слова Апостола о теле в других местах, то можно здесь видеть урок — держать тело, как святилище Духа Божия, благоговейно относиться к нему, как ко храму Божию. *Не весте ли,* — пишет он к коринфянам, — *яко телеса ваша храм живущаго в вас Святаго Духа суть*? (1 Кор. 6, 19). И еще: *не весте ли, яко храм Божий есте и Дух Божий живет в вас*? Вследствие чего и предписывает им, как *церквам Бога жива, нечистоте не прикасаться* (2 Кор. 6, 16—17), угрожая, что, *кто храм Божий растлит, растлит сего Бог* (1 Кор. 3, 17). К этому будет подходить и значение слова — *в чести*. В чести содержит тело тот, кто не позволяет себе падать в *страсти бесчестия* (Рим. 1, 26). Блудные дела суть по преимуществу дела срамные. Кто предается им, стыдом покрывает чело свое.

А не в страсти похотней. Надобно различать проявления незаконности в сей страсти. Плотские движения естественны в теле и в них нет греха. Грех в том, как относится к ним человек с своею свободою и совестию. Кто услаждается сими движениями, произвольно возбуждает их и готов удовлетворять им, тот похотствует. Кто частым удовлетворением сей похоти образует в себе склонность к услаждениям ее, тот болезнует похотною страстию, которая тяготит, томит и мучит его тирански.

В этом состоянии она овладевает всем человеком, и он начинает жизнь свою проводить только среди таких порядков, какие могут питать и услаждать ее. Ради сласти, доставляемой удовлетворением. Апостол Павел в своих наставлениях осуждает всю область сей страсти, начиная с первых услаждений движениями плоти и обнимая все пространство дел, навыков и порядков, в которых она властвует. Святой Златоуст пишет: «Здесь показывает Апостол и способ, как должно уцеломудряться, именно, отсекая страсти похотные», то есть первые движения ее, позывы и влечения. Блаженный Феофилакт прибавляет: «Страстию похотною называет Апостол все то, что разжигает похоть: утехи, развлечения, праздность, пышность и прочее. И от этого всего, разжигающего похоть, надобно воздерживаться, если желаешь целомудрствовать». По разрушительным действиям своим на душу и тело страсть сия у Апостола есть *похоть злая* (Кол. 3, 5), а по унижению ею разумной твари *страсть безчестия* (Рим. 1, 26).

Якоже и языцы, неведящии Бога. Достоверно известно, что в те времена римляне и греки предавались открыто всей необузданности сей страсти. И ныне лица и народы, возвращающиеся к языческим воззрениям на жизнь, преимущественно рабствуют сей страсти. В объяснение, почему язычники и все подражающие им таковы,

Апостол указывает на неведение Бога. Неведение Бога здесь разумеется не умовое, а преимущественно сердечное и совестное. В последнем случае и при хорошем познании теоретическом страх Божий отходит от сердца, а с ним и единственно сильный страж чистоты. От такого чего ожидать доброго? Кто не помнит Бога и страха Божия не имеет, тот уже без удержи предается срамным делам, «язычники таковы потому, что не предполагают будущего наказания» (Златоуст). «Не зная Бога, они не чают и должного воздаяния за дела, и все делают только в свое удовольствие» (Экумений).

Ставя поблажающих похотной страсти наряду с незнающими Бога язычниками, Апостол дает сильное побуждение к воздержанию христианам, которые возлюбили христианство и познали великую его цену. Христиане, с минуты уверования, отособлялись от язычников и в своих понятиях, и в своем поведении. Они в честь себе ставили то, что стали не то, что были прежде. Опасность возвращения на старое сильно возбуждала в них энергию устраняться таких дел и случаев. Это и ставит им на вид Апостол. «Сильно и это отвратить от блуда, что блудящий ставится в ряду с неведящими Бога» (Дамаскин). «Апостол говорит как бы: освободились вы от заблуждения, познали сущего Бога, не подражайте же живу-

щим во тьме неведения и не порабощайтесь страсти похотения» (Феодорит).

Стих 6. *И еже не преступати и лихоимствовати в вещи брата своего: зане мститель есть Господь о всех сих, якоже и прежде рехом к вам и засвидетельствовахом.*

По святому Златоусту, блаженному Феодориту, святому Дамаскину, Экумению, Феофилакту и множеству других толковников, Апостол здесь продолжает наставление об обуздании страсти похотной, и в словах: *не преступати и не лихоимствовати* видят урок не касаться чужих жен. Этого же мнения держаться заставляет и течение речи. В следующем, седьмом, стихе говорится, что Бог призвал нас не на нечистоту, но во святость. И это ставится как основание тому, что сказано в стихе шестом, следовательно, в обоих стихах мысль одна — предостережение от нечистоты, то же, что и во всем отделении — 3—8 стихи.

Не преступати и не лихоимствовати — состоит в соответствии с: *храните себе от блуда* и с: *ведети сосуд свой стяжавати во святыни*, и вместе с ними очерчивают весь круг блудных дел, запрещаемых Апостолом. *Не преступати* — пределов, положенных законом в сем отношении, *не лихоимствовати брата*, не завладевать его собственностию, привлекая к себе его жену. Святой Златоуст пишет: «Прежде говорил Апостол о блуде вообще, а здесь говорит о прелюбодеянии.

Любодействовать не должно ни с чужими женами, ни с незамужними. *Не преступати*; ибо каждому Бог дал жену и положил предел природе, именно совокупление с одною. Поэтому совокупление с другою есть уже преступление, разбой и лихоимство, даже ужаснее всякого разбоя, ибо мы не столько скорбим тогда, когда похищаются у нас деньги, сколько тогда, когда окрадывают брак». Дополняет сию речь Феодорит: «Апостол прелюбодеяние назвал здесь лихоимством, потому что непринадлежащего ему касается тот, кто подрывает супружеское согласие других, и похищает ложе, предоставленное иному. Усилил же обвинение, дав видеть, что обижаемый есть брат». Почему не прямую речь употребил Апостол, сказывает святой Дамаскин: «Словом благозвучным прикровенно означил прелюбодеяние, называя его лихоимствованием брата».

Зане мститель есть Господь. Верно, солуняне слабы были с этой стороны. Почему Апостол выставляет сильные и грозные побуждения к обузданию их. Потому же, конечно, и так много пишет им о сем предмете. Бог — мститель есть за все беззакония, но особенно за дела блудные, потому что ими больше всего унижает человек образ Божий, по коему создан. Теперь, впрочем, только напоминает Апостол, а бывши у них, пространно толковал им об этом и *засвидетельствовал*, с удостоверением, что так есть, что преступ-

ление это очень велико, мерзко пред Богом, унизительно и разрушительно для человека. Святой Златоуст излагает мысль Апостола так: «Сперва умолял, заставлял краснеть, говоря: *якоже языцы*; потом посредством доводов показал гнусность сего, употребив выражение: *лихоимствовати в вещи брата*; затем уже присовокупляет главное: *зане мститель есть Господь*. Делая сие, мы не остаемся без наказания и не испытываем такого удовольствия, которое бы равнялось ожидающему нас мучению». Апостол здесь «указует наказание к обузданию беззакония, противопоставляя страх» (Феодорит). Словами: *о всех сих* Апостол дает разуметь, что Бог — мститель есть не за одно прелюбодеяние, но и за все дела блудные, как бы так: «не подумай, что говорю это только о женах братий. Нет, и о женах других людей, и о незамужних, и об общих. За смешение со всеми ими отмщает Бог» (Феодорит).

Стих 7. *Не призва бо нас Бог на нечистоту, но в святость.*

Не призва Бог. Мы призваны в исповедание Евангелия, к вере во Христа, в христианство. Говоря: *нас*, и себя ставит в ряд солунян и всех христиан. После угроз напоминает о духе христианства. Таково звание христиан, по предвечному назначению, чтоб быть чистыми. *Бо* — ибо — указывает причину, почему Бог — мститель есть, особенно за блудные дела. Потому что они

призванию Божию прямо противоположны и не столько расстроивают должные отношения к братиям и к себе, сколько оскорбляют Самого Бога. «Бог накажет тебя, — говорит святой Златоуст, — не потому, чтоб отмстить за брата, но потому, что ты оскорбил Самого Бога. Он призвал тебя, а ты призвавшего оскорбил». Почему христианство и начинается обетом чистоты и отвержением похотных дел. Язычники, принимая крещение, обязывались отстать от них и полюбить целомудрие. Под этим условием дается им от Бога и благодать Святого Духа, которая требует от приемлющего, чтоб сосуд естества его был чист. «Диавол, — пишет блаженный Феодорит, — догматы богов несуществующих наполнил непотребством, побуждая людей вступать на сей путь (то есть непотребства); Бог же истинный повелевает нам уклоняться от сего пути и предписывает ходить путем целомудрия. Христиане резко отличались от язычников в сем отношении, так что последние дивились, что те *не сходятся* с ними *в тоже блуда разлияние* (1 Пет. 4, 4).

Стих 8. *Темже убо отметаяй, не человека отметает, но Бога, давшаго Духа Своего Святаго в нас.*

Отметать — бросать с презрением, не оказывать должного внимания и уважения, пренебрегать. Апостол говорит, что, кто пренебрегает этою заповедию и нерадит о точном исполнении ее, тот

не человеку оказывает неуважение и презрение, а Самому Богу. Не *человеку — или* брату, которого женою завладеет, *или* Апостолу, который дал заповедь о чистоте. В первом случае Бога он презирает потому, что Бог призвал его к чистоте, а он предается нечистоте; Бог говорит: Я отмститель таковым, а он — свое. Следовательно, ни во что ставит угрозу Божию и Самого Бога. Во втором — потому, что Апостолы не свои давали заповеди, а Божии; вследствие чего, кто их не слушается, тот оказывает ослушание Самому Богу: *отметаяйся вас, Мене отметается: отметаяйся же Мене, отметается Пославшаго Мя*, говорит Господь (Лк. 10, 16). У святого Златоуста видна та и другая мысль. «Бог отмщает, говорит он, не за лица, тобою оскорбленные, а за Себя. Осквернил ты себя — оскорбил Бога. Хоть блудница не имеет мужа, однако же Бог отмстит тебе, поелику Он отмстит за Себя. Делая это (прелюбодеяние), ты оказываешь презрение не столько к лицу, сколько к Богу. Это видно из того, что от мужа по крайней мере скрываешь это, а о Боге, Который видит, и не думаешь. Скажи мне, если б царь удостоил кого багряницы и многих иных почестей, а тот, получив приказание жить сообразно с саном, пошел бы и осквернился с какою-либо женщиною, кого бы он оскорбил — женщину или царя, удостоившего его награды?»

Давшаго Духа Своего Святаго в нас. В нас — нам. Кому же? — *Или* Апостолам, которые не от себя говорили, но от Духа Святого научаемы. *Не вы бо будете глаголющии, но Дух Отца вашего глаголяй в вас,* — сказал Господь Апостолам (Мф. 10, 20). Почему, кто им противится, тот не человекам согрешает, но Богу, как Анания и Сапфира (Деян. 5, 4). В этом смысле в приведенных словах будет содержаться объяснение, почему отметающий заповедь о целомудрии не человека отметает, но Бога; *или* нам — всем христианам, кои, получив благодать Святого Духа и имея Его живущим в себе, должны покоить Его и не оскорблять (Еф. 4, 30). Оскорбляется же Он больше всего нечистотою. Почему в другой раз Апостол в побуждение к чистоте выставляет особенно то, что христиане суть храм живущего в них Святого Духа (1 Кор. 6, 19). Кто вдается в блуд, тот презирает, оскорбляет и изгоняет сего небесного гостя своего. Экумений пишет: «Бог дал нам Духа Святого, а мы изгоняем Его нечистотою. Как же после этого не оскорбляем мы и давшего, и дарованного?» — В этом смысле в приведенных словах дается христианам сильнейшее побуждение к хранению себя в чистоте.

б) О братолюбии (4, 9—10)

Стих 9. *О братолюбии же не требуете, да пишется к вам; сами бо вы Богом учени есте, еже любити друг друга.*

Братья, о любви к которым поминается здесь, суть христиане, как видно из следующего стиха (10). «Не говорит о любви ко всем, но о любви к братии» (Златоуст). И притом о любви, не как о чувстве, а как о деятельности братолюбивой: «Апостол указал здесь щедрость в денежных подаяниях» (Феодорит). Если такого рода дела тотчас стали характеризовать солунян, видно, как полно воспринят был ими дух христианства. Все христиане с принятием Духа благодати становятся едино. Единясь же в духе, общатся* во взаимной благотворительности, обращая ее преимущественно на неимущих. При всем том, однако ж, любовь к братии заповедуется христианам повсюду в посланиях (Рим. 12, 10; Евр. 13, 1; 1 Пет. 1, 22), то как напоминание, то как руководство в образе исполнения ее.

Не требуете, да пишется. Апостолы слово свое соразмеряли с нуждами имевших читать их послания. Писали не затем, чтоб побольше насказать, а чтоб удовлетворить духовным потребностям своих учеников. Говоря так, Апостол употребил образ выражения ободрительный и возбудительный для солунян. Он не смягчает только строгость нравоучения, но и возбуждает энергию, и налагает некое обязательство — стоять в начатом. Святой Златоуст пишет: «Что значит, что Апостол основание всякой добродетели — лю-

* Участвуют. — *Ред.*

бовь — как бы отлагает в сторону, говоря: нет нужды писать о том. Это проистекает из великого благоразумия и духовной его мудрости. Он чрез это достигает двух целей: во-первых, показывает, что эта добродетель до того необходима, что не нужно и учить ей, ибо всякому известно то, что имеет особенную важность для всех; во-вторых, выражаясь таким образом, он больше вразумляет их, нежели даже тогда, когда бы обращался к ним прямо с назиданием. Ибо, предполагая, что они ведут жизнь праведную, хотя бы они и не жили так, и потому не побуждая их к тому, он скорее приводит их к такой жизни. Конечно, если б не было нужды писать, то надлежало молчать и ничего не говорить, но теперь, говоря, что нет нужды писать, он сделал более, нежели когда бы сказал, что нужно». Экумений несколько дополняет эту мысль: «Говоря, что они исправны в этом (братолюбии), побуждает к нему, хоть бы были неисправны, чтоб поддержать о себе такое мнение и такую славу».

Богом учени. Когда и как? — Вместе с приятием Духа благодати. Духом Святым, даемым христианам, изливается и любовь в сердца их (Рим. 5, 5). Сей Дух внушает не чувство только любви, но и уменье оказывать любовь. Он возбуждает желания, соответственные «внушениям чувства, придает к ним побуждения, указывает средства и воодушевляет нравственною силою. Апостол говорит

как бы: Дух Святой в вас есть, и Он учит вас и настраивает любить друг друга. Вы и любитесь так; любовь стала у вас естественным чувством.— И нечего учить. Об этом внутреннем научении от Духа святой Иоанн пишет как о плоде помазания (1 Ин. 2, 27). Где Бог учит, человек молчи. «Смотри, какую воздает им честь, говоря, что Сам Бог учит их сему. Вам не нужно, говорит, учиться у человека. Об этом и пророк говорит: и вся сыны твоя научены Богом (Ис. 54, 13). Это служит сильным побуждением исполнять долг любви» (Златоуст).

Стих 10. ***Ибо творите то ко всей братии сущей во всей Македонии. Молим же вы, братие, избыточествовати паче.***

Творите. Что точно не требуется писать к ним о братолюбии, как наученным тому от Бога, показывают дела любви к братиям в Македонии. Возводя дела их к Богу, как источнику, освящает их, и побуждение тем дает — продолжать. Солуняне, верно, и по природному нраву были доброхотны. Будучи у них и уроки им давая лично, Апостол дал богоугодное направление сему естественному расположению. По принятии благодати, освятившей и претворившей естество, и оно стало от Бога.

Да избыточествуете паче. Знаете и делаете. Нечего вас учить, как жить, и побуждения к тому выставлять. Остается пожелать вам и просить

вас — преуспевать в начатом более и более. Цель речи — напомянуть о необходимости восходить выше и выше в совершенстве братолюбия. Что это напоминание не прошло даром, Апостол засвидетельствовал о том после, пиша к коринфянам, где говорит, что они явились *доброхотными паче силы*, не предлагали только, но и молили принять и от них *благодать и общение*, и это уже не к македонянам только, но к святым, христианам, жившим в Иудее и Иерусалиме. Производит Апостол такое расположение у них из того, что они предали себя Господу. Готовы были все свое отдать на братий, свою участь влагая в руки Божии, веруя, что заповедавший им так действовать, не оставит промышлением и их самих (2 Кор. 8, 3—5).

в) О трудолюбии (4, 11—12)

Стих 11. *И любезно прилежати еже безмолвствовати, и деяти своя, и делати своими руками, якоже повелехом вам.*

О братолюбии помянул святой Павел будто мимоходом, чтобы только сказать им: преуспевайте в нем более и более. Теперь опять продолжает речь о том, относительно чего у солунян были лица неисправные. Узнал Апостол, что между ними *иные* были непоседы, любили блуждать по торжищам: таким предписывает безмолвствие и домоседство; *иные* не радели о своих делах:

таким заповедует — делати своя; *иные* не хотели трудиться — праздны и чужое поедают, а не только другим помогать не могут: им — *делати своими руками*. Что такие лица точно были среди солунян, видно из второго к ним послания, где Апостол пишет: *слышим бо некия безчинно ходящия у вас, ничтоже делающия, но лукавно обходящия. Таковым запрещаем и молим о Господе нашем Иисусе Христе, да с безмолвием делающе, свой хлеб ядят* (3, 11—12). Какие во втором послании обличаются недостатки, против тех в первом писал правила благоповедения, чтоб избежать необходимости обличать потом. Но как худое не вдруг исправляется, то оказалось нужным и обличение.

Хоть всем этим определялось лишь внешнее поведение христиан, однако ж Апостол сильно настаивает на исправности и в сем. Ибо, когда внешнее неисправно, очень сомнительно, чтоб исправно было и внутреннее. Почему молит их — *любезно прилежати*, поревновать о том со всем усердием (сравни: Рим. 15, 20; 2 Кор. 5, 9), φιλοτιμεῖσθαι, в честь себе ставить, как чести добиваться предлагаемого поведения.

Безмолвствовати — не в пустыню бежать на безмолвие, а бегать молвы, шума, смятений, и не только не возбуждать их, но и не участвовать в них, — сидеть дома во избежание неприятных

столкновений с кем-либо, и вообще являть нрав тихий, спокойный, миролюбивый.

Делати своя – делать только то, что каждого касается по дому и во внешних сношениях, что составляет его долг и обязанность по его положению. Есть немощь нравственная, по которой иные, и минуты не бывая без дела, все только о стороннем хлопочут, свое же упускают без внимания. Если б всякий свои только дела исправно вел, по совести и со страхом Божиим, между людьми больше было бы довольства, счастья и порядка.

Делати своими руками – трудиться, иметь такое рукоделие, занятие и труд телесный, которым можно добывать содержание себе, не на чужой счет жить, а в поте своего лица снедать хлеб свой, не злоупотреблять благотворительностию других. Феофилакт блаженный пишет: «Случилось, что одни щедро подавали нуждающимся потребное, а те, по их щедрости, нерадели о занятии делом. И Апостол справедливо одних похвалил, а другим дал полезный совет». Святой Златоуст пространнее излагает мысль: «Здесь дает разуметь, скольких зол причиною бывает праздность, и, напротив, сколько благ приносит трудолюбие. Долг любви к ближним состоит в том, чтоб не от них принимать, а им давать. А это зависит от трудолюбия, чтоб не жить в праздности, но, трудясь, давать другим; ибо сказано:

блаженнее есть паче даяти, нежели приимати (Деян. 20, 35). Бедность произошла у них от разграбления имений. Если же питаться трудами он заповедует тем, у которых было разграблено имущество за Христа, то тем более другим».

Якоже повелехом. Повелехом не трудиться только, но и своими делами заниматься и вести покойную жизнь. Но если повелевал, значит, недостатки те выдавались у солунян, так что Апостол заметил их сразу и оговорил, когда был у них и лично учил их.

Стих 12. ***Да ходите благообразно ко внешним, и ни чесогоже требуете.***

Цель предложенного благоповедения — благообразное хождение ко внешним. Внешние — это не христиане, тогда язычники и иудеи. Церковь — дом Божий. Кои не в ней, те вне ее суть, или внешние. Апостол заповедует благообразно держать себя среди них — в отношении к ним, чтоб и видимое поведение христиан было чисто, светло, общеодобрительно и никто ничего не мог сказать про них худого. Так для христиан обязательно являться видимо образцом для жизни всех сторонних, быть для них светилами. *Тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят добрая дела ваша, и прославят Отца вашего, иже есть на небесех*, заповедал Господь в лице Апостолов всем христианам (Мф. 5, 16). Благообразное хождение пред внешними опреде-

ляется у Апостола всеми предложенными пред сим правилами; здесь же он будто сводит их все воедино, прибавляя: *и ни чесогоже требуете*,— чтоб ничего ни у кого не просить, никому не докучать своими нуждами. «Слова: *да ходите благообразно ко внешним* Апостол протолковал, присовокупляя: *и ни чесогоже требуете*. Стыдно, говорит он, жить в бездействии, не трудом своим промышлять потребное, но любить жизнь нищенскую и ожидать щедрости других» (Феодорит). Святой Златоуст пишет: «Не сказал: не срамите себя, нищенствуя; однако же намекнул на это, хотя употребил снисходительный способ выражения, чтоб и дать почувствовать им (как это неприлично), и не слишком огорчить их. Ибо если собратия наши соблазняются таковыми, то внешние, которые изыскивают тысячу обвинений и укоризн, тем более соблазняются, когда видят, что человек здоровый, могущий прокормить себя, просит милостыню и нуждается в пособии других. Потому что этим *имя Божие хулится* (Рим. 2, 24). Но он ничего такого не выставил на вид, а только то, что особенно могло тронуть их, именно неблагочиние».

2. Учение о втором пришествии Христовом с нравственным из него приложением (4, 13—5, 11)

Ничто столько не сильно остепенить неисправно живущего и утвердить в исправности право

ходящего, как убеждение, что Господь снова придет в славе – воздать каждому по делам его. Это, может быть, и служило Апостолу побуждением, почему он, имея нужду по другим причинам писать о сем предмете христианского верования, вставил учение о нем в среду нравственных уроков, какие надлежало предложить солунянам. В этом, конечно, причина и того, что он не оставил этого учения голым умопредставлением, а тотчас ввел в движение нравственно-христианской жизни, указав в нем побуждение к бодренности и трезвению, сим рычагам самоуправления в ревнующих угождать Богу преспеянием в добродетелях.

а) Учение о втором пришествии Христовом (4, 13–18)

Предполагается, что солуняне, услышав от Апостола проповедь о втором пришествии Господа, вообразили, что оно совершится непременно в пределах их жизни и что причастниками благ его будут только те, которые будут живы в тот момент. Из этой мысли рождался вопрос: что же будет с умершими уже, а от незнания, как решить его, – беспокойство об участи их, вместе же с тем и о своей, потому что всякий мог умереть раньше. Апостол пишет применительно к сему: придет Господь, но царство Его будет не на земле. Он снидет с неба; к Нему в сретение восхищены будут и живые, и умершие, кои для того воскреснут

прежде, — и там всегда пребудут с Господом. Этим уяснялась оставшаяся темною для солунян сторона второго пришествия и разгонялось всякое беспокойство об умерших. Но само пришествие не представлялось в полной картине, чего Апостол и не имел в виду; здесь указаны только два момента его — начало и конец. Средины производства суда — не коснулся Апостол. И сказанного достаточно было для успокоения беспокоившихся.

Стих 13. *Не хощу же вас, братие, не ведети о умерших, да не скорбите, якоже и прочии не имущии упования.*

Не хощу не ведети — обычный святому Павлу оборот речи, когда он хочет обратить особое внимание своих читателей на какой-либо предмет, вновь ли он рассуждает о нем, или только напоминает.

Не хощу не ведети; следовательно, хочу, чтоб вы знали, хочу преподать вам точное понятие о положении умерших для вашего успокоения. В бытность свою у них он не успел преподать им всего о сем предмете. Теперь дополняет недостающее, приводившее в смущение солунян. Пояснением дела Апостол хочет доставить им утешение.

Не ведети о умерших; относительно умерших, кои названы здесь (с греческого) *усопшими*, как и прилично назвать их, пиша к верующим в воскресение, о коем здесь начинается речь. Под

умершими, по ходу речи, разумеет здесь Апостол верующих, христиан, хотя, конечно, он учил повсюду, что все люди — не христиане только, но и иудеи и язычники, — не только бессмертны по душе, но имеют воскреснуть и с телом, чтоб принять должное воздаяние за все, что с телом наделали, доброе ли то или злое (2 Кор. 5, 10). Не о всех же здесь речь, а только о верующих, потому что до других не было дела в этом случае.

Да не скорбите. Желание расположить солунян благодушно переносить смерть близких заставило писать Апостола. Цель у него — устранить неумеренную скорбь об умерших, в какую повергало солунян неведение о том, как умершие сделаются причастниками вечного во Христе блаженства. Он как бы говорит: я поясню это — и вам нечего будет скорбеть. «Ибо, — как говорит Златоуст, — многие предметы повергают в скорбь потому только, что мы не знаем их, но когда хорошо узнаем их, отлагаем скорбь». Неведения, или неверия, о воскресении не видно у солунян; и Апостол «говорит с ними так не потому, что они не верили в воскресение, но потому, что, несмотря на сие, оплакивали умерших» (Златоуст).

Якоже прочии, не имущии упования. Эти прочие, — и из иудеев часть, потому что и между ними саддукеи отвергали воскресение мертвых, — и все язычники, кои и понятия не имели о воскресении, самую же загробную жизнь загромождали

безобразными мечтами, подавшими повод многим и совсем отвергать бессмертие. Почему Апостол именует их *упования не имущими* (Еф. 2, 12). Их писатели говорят: надежды – удел живых, умершие же безнадежны (Феокрит). Солнце заходит и восходит; нам же, коль скоро однажды померкнет луч жизни, предлежит непробудно спать вечную ночь (Катул). Никто еще не возвращался из тех, коих однажды охватила хладная пауза жизни (Лукреций). – Таким свойственно оплакивать умерших, «потому что все умершие для них ничто» (Златоуст). Христианам, чающим по смерти лучшего образа бытия, не скорбеть, а радоваться должно об отходящих, что совершили течение и идут получать уготованный венец (2 Тим. 4, 8).

Какая мысль у Апостола в этом сравнении: *якоже прочии*? Хочет ли он устранить всякую скорбь, говоря: чтоб вы совсем не скорбели, как скорбят не имущии упования; или говорит только: да не скорбите в такой степени и в таком духе, как скорбят те? Блаженный Феодорит принимает последнее: «Апостол не вовсе запрещает печалиться, но отвергает неумеренность скорби и утешает упованием воскресения. Ибо не имеющим сего упования извинительно предаваться неумеренной печали. Посему-то не сказал: об умерших, но об усопших, – в самом наименовании заключая утешение: ибо за сном следует

пробуждение». Святой Златоуст настаивает на первом: «Скорбеть об умерших свойственно не имеющим упования. И подлинно, душа, совершенно не знающая о воскресении и эту смерть почитающая смертию (то есть уничтожением), естественно скорбит об умерших, как о погибших, сетует и безутешно плачет; а ты, чающий воскресения, чего плачешь?»

По духу веры и упования христианского, последнее уместнее для христиан; ибо для них смерть потеряла свое жало. И кто ясно с убеждением созерцает, что ожидает христиан по смерти, тот плакать об умерших не станет. Первое — поблажливее немощам нашим. Можно так: начинай с умеренной скорби и восходи к благодушию пред лицом смерти, провожая умерших, как провожают отправляющихся в иную страну на лучшую жизнь.

Стих 14. *Аще бо веруем, яко Иисус умре и воскресе, тако и Бог умершия во Иисусе приведет с Ним.*

Скорбь об умерших производит, *во-первых*, разлука с ними, *во-вторых*, неизвестность, что с ними будет. *Первую* причину скорби обессиливает Апостол в настоящем стихе, говоря, что, когда явится Господь, Бог приведет умерших опять к нам во взаимообщение; *вторую* — в последующих стихах, говоря, что они, воскресши, вместе с

живыми восхищены будут на облаках в сретение Господу и там всегда с Ним пребудут.

Цель у Апостола в этом стихе — не доказать воскресение умерших, а только привесть на память всю истину и яснее ее представить, чтоб само собою вышло: так чего же вам скорбеть-то? — Уяснение и оживление в сознании сей истины производит он поставлением ее в связи с воскресением Господа и кратким изречением, как молниею освещает всю область жизни и смерти. Воскресение мертвых не здесь только, но и везде поставляет святой Павел в зависимости от воскресения Иисуса Христа (Рим. 8, 11; 1 Кор. 15, 12—23; 6, 14; 2 Кор. 4, 14). Христос воскресший есть Начаток (1 Кор. 15, 20). Его воскресение есть задаток воскресения всех. Страхом смерти содержимые чрез веру в Господа воскресшего возникают* к надежде воскресения и жизни вечной. «Если Христово воскресение кажется нам достойным веры, то нельзя не веровать, что и мы улучим воскресение, потому что для нас домостроительствуется тайна вочеловечения» (Феодорит). Но воскресение Христово есть не основание только веры в воскресение всех, а и причина самого воскресения. Ибо Христос Господь и все верующие в Него составляют единое тело, живо сочетанное. Где глава, там и члены; Глава воскрес, Он привлечет к Себе и члены.

* Освобождаются. — *Ред.*

Только всякий в своем чине: начаток Христос, потом же Христу веровавшии в пришествие Его (1 Кор. 15, 23). «Он всех людей воскресил Своею плотию (положил основание сему воскресению), почему и называется *перворожденным из мертвых* (Кол. 1, 18)» (Дамаскин).

Не напрасно помянул святой Павел и о смерти Господа. Смерть Его входит в состав надежды. Он умер за грехи наши, кои очищаются верою в крестную смерть Его. Это и красит благими надеждами веру в будущую жизнь. Жизнь эту мрачит страх наказания за грехи; смерть же Господа отревает сей страх. Смерть Господа не случайна, а необходима, как и воскресение. Тою и другим дух настраивается к надежде и стоит в ней.

После слов: *аще веруем* следовало бы ожидать: *должны веровать*, что и Бог и прочее. Но святой Павел говорит прямо: так *и Бог умершия во Иисусе приведет с Ним*. По несомненной уверенности в этом он не говорит, что должны веровать или надеяться, а выставляет самое дело, надеемое и веруемое. Ему нужно было вывесть не веру из веры, а дело из дела. Умер Господь Иисус и воскрес; умерли уверовавшие в Него — и воскреснут. Но о Господе говорит, что Он *умре и воскресе* — Сам: умер Своею волею и воскрес Своею силою; верующие же будут воскрешены

силою Божиею. Почему и говорит: *тако и Бог приведет* их.

Приведет — или в круг живых: нет их теперь, отошли от нас, а тогда Бог опять приведет их к нам и увидимся. «Слова: *приведет с Ним*, дают разуметь, что они будут собраны из многих мест» (Златоуст). *Или* — приведет в царствие Господа Иисуса, да будут с Ним там, где и Он, как причастники благ, стяжанных Им для верующих в Него Своею смертию и воскресением. Сопоставляя же сие слово с предыдущим, нельзя не видеть, что оно стоит вместо — *воскресит*; приведет чрез воскресение, или воскресивши прежде. «Приведет или пред Свое лице, или к воскресению» (Экумений). Слова нашего перевода: *умершия в Иисусе*, по-гречески стоят διὰ Ἰησοῦ — чрез Иисуса. Объясняя это выражение, древние наши толковники, вслед за святым Златоустом, слова διὰ Ἰησοῦ — соединяют *или* с *умершия*, в смысле: умершие в Иисусе, то есть в вере в Иисуса Христа, — *или* с *приведет*, в той мысли, что Бог умерших приведет к жизни с телом чрез Иисуса Христа, ибо «Сын есть виновник воскресения и того, что мы узрим Отца» (Экумений); «Он будет посредником воскресения умерших и представит их пред лице Отца» (Феофилакт). Святой Златоуст, приведши это двоякое объяснение, дает, кажется, преимущество первому, ибо, минуя последнее, останавливается вниманием

только на первом, говоря: «Как же верные умирают во Иисусе? – Очевидно, имея Христа в себе». – Оно согласнее с строем речи в этом тексте, а подобозначащее себе выражение имеет ниже, в 16 стихе: *мертвые о Христе.*

Слова Апостола, что Бог приведет умерших во Христе, подают повод вопросу: что же будет с умершими не в Иисусе, или с неверующими? – Экумений решает его так: «Что же, скажет кто, разве не всеобщее будет воскресение, как будто неверующие не воскреснут? – Нет, не то, – а что не все приведутся. Ибо приведену быть означает восхищение на облаках и приведение пред лице Судии. Верные, не ложно носящие сие имя, восхищены будут на облацех в сретение Христа, а неверные долу будут ожидать прибытия Его, не будучи достойны сретить Его». Мысль эту заимствовал он у святого Златоуста, который пишет: «Апостол говорит здесь не о воскресении только, но о воскресении и чести, какою будут окружены верующие в состоянии прославления. В воскресении, говорит, будут участвовать все, но в славе – не все, а только усопшие во Христе. И так как он хочет утешить их, то утешает не только говоря о воскресении, ибо они уже знали о нем, но и о великой чести и скорости, с какою последует воскресение».

Стих 15. *Сие бо вам глаголем словом Господним, яко мы живущии и оставшии в пришествие Господне, не имамы предварити умерших.*

Сказал Апостол, что умершие во Христе введены будут опять в круг жизни с телом — во взаимообщении со всеми, теперь показывает, как это совершится, стихи 15 и 16. Но, объясняя это, открывает новые черты в явлениях последних дней, какие доселе были неведомы. Господь сказал, что в свое время избранные будут собраны со всех концов мира, чтоб блаженствовать с Ним (Мф. 24, 31; Мк. 13, 27), но что будет с теми, коих застигнет второе пришествие Господне живыми, не было сказано нигде. Это открывает Апостол теперь, говоря не от себя, а от лица Господа словами Его: *Сие бо вам глаголем словом Господним*, — словом, от Господа слышанным, — говорим так, как повелел Господь.

Какое это слово Господне? — Одни полагают, что это то же слово, которым Сам Господь живописал Свое второе пришествие, как значится в Евангелии. Но там ничего не говорится об обстоятельствах, о которых пишет Апостол здесь. Другие — под словом Господним разумеют слово, от Господа исшедшее, но не сохраненное в Евангелии, подобно: *блаженнее есть паче даяти нежели приимати* (Деян. 20, 35). На этом, конечно, можно было бы остановиться, если б не было из уст самого Апостола известно, что он получал от Господа непосредственные откровения (1 Кор. 11, 23; 2 Кор. 12, 1; Гал. 1, 12). Это последнее и должно признать единственно верным истолко-

ванием слов: *словом Господним*. И это тем более обязательно, что Апостол сам указывает на соприкосновенное сему же событию обстоятельство как на откровение. *Се тайну вам глаголю: вси бо не успнем, вси же изменимся* (1 Кор. 15, 51). Тайну же как иначе знать, как не по откровению?! Святой Златоуст пишет: «Намереваясь сказать нечто необычайное, присовокупил удостоверение: мы говорим не сами от себя, но узнавши от Христа. Пророки, желая показать достоверность того, о чем намеревались говорить, прежде всего иного говорят: *видение, еже виде Исаия* (Ис. 13, 1); или: *слово Господне, еже бысть ко Иеремии* (Иер. 1, 1); и еще: *тако глаголет Господь* (Ис. 8, 11). Многие видели и Самого Бога, сидящего на престоле (Ис. 6, 1), насколько возможно было им видеть Его. Но Павел, который не сидящего видел, а имел в себе самом Христа глаголющего, вместо того, чтоб сказать: *тако глаголет Господь*, говорил: *понеже искушения ищете глаголющаго во мне Христа* (2 Кор. 13, 3), и еще: *Павел, посланник Иисус Христов* (2 Кор. 1, 1), и чрез это показывал, что он ничего не говорит от себя, потому что посланник передает только слово пославшего. И еще: *мнюся бо и аз Духа Божия имети* (1 Кор. 7, 40). Так все вещал он по внушению Духа. Но то, что говорит теперь, он слышал от Бога (вещавшего к нему раздельными словами)».

Мы живущии оставшии в пришествие Господне. Слова сии подают повод думать, будто Апостол был убежден, что он и все верующие, в его время, доживут до второго пришествия Господня, что оно совершится при их жизни на земле. Но такого убеждения в нем предполагать нельзя, ибо это значило бы определять время пришествия Господня, а он сам говорит, что времени сего определять не следует. Таким образом, он был бы в противоречии самому себе. Почему некоторые слово: *оставшии* разумеют так, как бы стояло: оставшись, в случае если останемся, если доживем до второго пришествия Господня. Строй греческой речи не мешает такому переводу. И святые отцы, видя, что пришествие Господне не совершилось в пределах жизни Апостола, полагают, что, говоря так, «он не о своем лице говорил, а о людях, имевших дожить до того времени» (Феодорит). «Употребив выражение: *мы*, он имел в виду не себя, но разумел верных» (Златоуст). «Поелику говорил о живых (которые живы будут в пришествие Господне) и сам еще был жив, то и употребил общеобычное слово: мы живущии» (Дамаскин). Другие не допускают условия и видят у Апостола положение решительное, безусловное. И на это можно согласиться. Господь сказал: *бдите, яко не весте дне ни часа, в оньже Сын Человеческий приидет* (Лк. 12, 40). Потому что час неизвестен, никто не мог

его определить; но потому же самому всякий должен ожидать его, быть наготове, так себя иметь, как бы сию минуту имел застигнуть его последний день, и думать о себе и говорить, как о застигаемом сим днем, как о присущем уже пришествию Господа. В этом смысле и Апостол говорит о себе и о всех верующих, как о застигаемых пришествием Господним. Как тогда Апостол с тогдашними верующими, так и во всякое время все верующие должны себя иметь в сердце своем таковыми же. Вот-вот придет Господь,— и с нами, оставшимися в пришествие Господне, будет то и то.— Что доселе, ни при каких верующих, не случилось сего, не следует, что оно не сбудется при нашей жизни, и наш долг — в сердце иметь себя застигаемыми пришествием Господним — от этого не теряет своей обязательной силы. В этом смысле в Новом Завете последний день всюду представляется наступающим (1 Кор. 15, 51—52; 1 Пет. 4, 7; 1 Ин. 2, 18; Иак. 5, 8).

Не имамы предварити — не упредим, чтобы скорее, полнее их вкусить блаженной жизни с Господом, как бывает на ристалищах, где перегнавший других и скорее их достигший до положенного знака получает премию с исключением из участия в ней других.

Стих 16. *Яко Сам Господь в повелении, во гласе Архаггелове, и в трубе Божии снидет с небесе, и мертвии о Христе воскреснут первее.*

Что оставшиеся живыми в пришествие Господне не предварят умерших, это доказывает Апостол, представляя главные моменты того великого последнего события: явится Господь, воскреснут умершие, они и оставшиеся живыми восхищены будут на облаках в сретение Господу. В этом, самом дорогом преимуществе верующих, живые не будут предпочтены никакою особенностию пред умершими.

Яко Сам Господь. — Лицо, в коем сосредоточиваются все стремления и надежды христиан — начало и совершитель *пакибытия*, решитель окончательной участи всех.

В повелении, во гласе Архангелове, в трубе Божии. В этом *или* представляются только стороны и черты величия, благолепия и славы явления Господня в последний день, в противоположность смиренному сошествию Его для воплощения и в соответствии явлению Бога на Синае, *или* изображаются разные действия Божеские в возустроении всяческих* в новом виде. *В повелении*, коим Бог, в Троице покланяемый, изречет определение, что время кончилось, настал момент, да воскреснут мертвые и все да явится в обновленном виде. *Во гласе Архангелове.* Божие повеление принято будет первым Архангелом, конечно, Михаилом, блюстителем народа Божия, — прежде Израиля, потом христиан (Дан. 9, 21; 10, 5,

---

* Воссоздании вселенной. — *Ред.*

13, 21; 12, 1). Принятое повеление будет возвещено *гласом* Архангела – прочим воинствам небесным, которые посредством *труб Божиих* разгласят повеление Божие во все концы земли. Под трубою здесь разумеется не одна труба, «труб будет много; Господь же снидет по последней трубе» (Златоуст). *Божиею* называется она, как передающая Божие повеление, с силою Божиею действующая. Труба будет проводником силы Божией, все проникающей и все оживляющей; она возбудит умерших и соберет их вместе с живыми воедино. Труба и в Ветхом Завете была органом созывания народа Божия для выслушания воли Божией и исполнения ее (Лев. 25, 9; Чис. 10, 2; 31, 6).

И мертвии о Христе воскреснут первее. То же и в другом месте говорит Апостол: *вострубит и мертвии востанут нетленни* (1 Кор. 15, 52). Слово: *первее* не то значит, что прежде воскреснут умершие о Христе, то есть верующие христиане, а потом и нехристиане, как бы оставался между тем и другим воскресением какой промежуток времени, который иные расширяют даже на тысячу лет, на что никакого здесь нет намека. Апостол хочет сказать только, что прежде мертвые воскреснут, потом последует восхищение их вместе с живыми на облаках. О неверующих здесь не поминается, потому что их не касалась речь; слово Апостола к верующим было только

о воскресении верующих. Но этим не исключается общее всех воскресение.

Фотий у Экумения говорит: «Господь снидет при Своем повелении, Архангеловом воззвании и возглашении труб. Повелевает Господь, Владычнее повеление провозглашает Архангел, передают его, как эхо, все чины небесные. Господь велит, Архангел передаст повеление Владыки тем, кои под Ним, а те прозвучат его во все концы мира. — И мертвии восстанут и соберутся со всей вселенной. Так подробно изображает он воскресение мертвых, чтобы глубже напечатлеть их в душах христиан. Голос Архангела повелит собраться всем ангелам и всех приготовить к принятию Судии, готового явиться. Чтобы земля отдала принятых ею изменившимися в нетление, это совершит повеление Христово, а чтоб собрать воедино рассеянных до последних земли, это сделают ангелы, по гласу Архангела, посредством трубы Божией. Прообразом этих труб служили трубы Синайские. И когда приближается Царь, трубят в трубы». Святой Златоуст: «Какое значение имеет глас Архангела? — Такое же, как и то, что сказано о девах: востаните, прииде жених. *Се Жених грядет, исходите во сретение Его* (Мф. 25, 6). Или об этом он здесь говорит, или о том, что тогда, когда ангелы будут служить при воскресении, совершится нечто подобное тому, что бывает при царе. Именно, Бог скажет: да

воскреснут мертвии! И это будет приведено в исполнение не силою ангелов, а силою Его слова: как если б царь повелел и сказал: пусть выйдут заключенные, и пусть слуги изведут их, то сии последние исполнили бы это не своею властию, а вследствие повеления царского. Об этом и в другом месте говорит Христос: *послет Аггелы Своя с трубным гласом велиим и соберут избранныя Его от четырех ветр, от конец небес до конец их* (Мф. 24, 31). — И повсюду узришь ангелов, поспешающих исполнить повеление Божие. Воскресить есть дело Всемогущего Бога, повелевающего земле возвратить вверенное, безо всякого содействия слуг, подобно тому, как было и тогда, когда Господь воззвал к Лазарю: *Лазаре, гряди вон*! (Ин. 11, 43), а привести воскресших будет дело слуг». Феодорит: «Сам Господь всяческих прежде всего явится сходящим с небес и повелит Архангелу возопить и воскресить мертвых. Трубы же будут повсюду звучать нечто великое и дивное. — Если при звуке, какой на горе Синайской соразмерен был с слухом живших тогда, народ не перенес чрезмерности страха, но сказал великому Моисею: *глаголи ты с нами, и да не глаголет к нам Бог, да не когда умрем* (Исх. 20, 19); то кто перенесет глас, который тогда прозвучит? — *И мертвии о Христе воскреснут первее*: мертвыми называет Апостол верных, не толь-

ко уверовавших во Евангелие, но и просиявших под законом и до закона».

Стих 17. ***Потом же мы живущии оставшии, купно с ними восхищени будем на облацех в сретение Господне на воздусе, и тако всегда с Господем будем.***

Потом мы живущии... Умершие воскреснут, что же будет с живыми, в соответствие воскресению тех, об этом не говорит здесь Апостол, поспешая сказать, что с теми и с другими будет вместе. В послании к Коринфянам пишет Апостол, что, в то время как умершие воскреснут, живые изменятся в тот же образ бытия, какой восприимут воскресшие. *Се тайну вам глаголю: вси бо не успнем, вси же изменимся, вскоре, во мгновении ока, в последней трубе; вострубит бо, и мертвии востанут неленни, и мы изменимся* (1 Кор. 15, 51–52). После того, как одни воскреснут, другие изменятся и все собраны будут воедино, последует суд и разделение добрых от злых. Апостол не касается сего, ибо это не входило в его цели, и поскорее переносит внимание на последний, утешительнейший для верующих момент сего страшного последнего события – на сретение Господа и всегдашнее с Ним пребывание. Сравнявшись в образе бытия с умершими, живые равное с ними будут иметь преимущество сретить Господа на облаках.

Купно с ними — равно с ними, ничего лишнего пред теми не достанется нам. *Восхищени будем* — подымемся в сродное воскресшим в обновленном естестве место. Так сказано, чтоб означить быстроту движения, соответственно стремлению и неудержимому желанию любящих Господа быть с Ним. *Восхищени на облаках.* На облаках Господь вознесся (Деян. 1, 9), и опять приидет на облаках же (Деян. 1, 11; Мф. 24, 30); на облаках и верующих сподобит сретить Его. «Как Сам Владыка вознесся на светлом облаке, так уверовавшие в Него, как воскрешенные из мертвых, так и живые еще, носимые на облаках, сретят Судию вселенной и с Ним пребудут в бесконечные веки» (Феодорит). *В сретение Господне.* Господь снидет с неба — взять Своих; а они потекут с земли в сретение Ему, как девы в притче (Мф. 25, 1—6). Место сретения и возможно только на *воздусе*, наверху, в высших сферах атмосферы, при переходе в небесные жилища. Но здесь только сретятся, а не пребудут. С Господом будут, но не на воздухе, а там, где и Он. Он одесную Отца, а они окрест Его, или о страну Его, всякий в своем чине. *И так всегда с Господем будем* — причастниками Его славы и блаженства. Сретившись с Господом, став близ, лицом к лицу, в блаженном обращении, уже не разлучимся с Ним. Это верх чаяний, воодушевляющих христиан! — Так обетовал Сам Господь: *прииду и поиму*

вы к себе, да идеже есмь Аз, и вы будете (Ин. 14, 3). О сем молился Он к Отцу: *Отче, ихже дал еси Мне, хощу, да идеже есмь Аз, и тии будут со Мною, да видят славу Мою, юже дал еси Мне* (Ин. 17, 24). Этим утешал верующих в скорбях их ради веры святой Апостол: *аще чада, и наследницы; наследницы убо Богу, снаследницы же Христу, понеже с Ним страждем, да и с Ним прославимся. Непщую бо, яко недостойны страсти нынешняго времени к хотящей славе явитися в нас* (Рим. 8, 17—18, подобно — Кол. 3, 3—4; 2 Тим. 2, 12). Святой Златоуст пишет: «Если Господь намерен сойти, то для чего мы будем восхищены? — Чести ради. Ибо и тогда, когда царь въезжает в город, то почетные граждане выходят к нему навстречу, а преступники внутри ожидают Судию; и тогда, когда возвращается нежный отец, дети и те, которые заслуживают название детей, выезжают на колеснице к нему навстречу, чтобы видеть и приветствовать его, а те из домочадцев, которые оскорбили его, остаются дома. — Мы понесемся на колеснице Отца. Ибо как Он (Отец) подъял Самого (Господа) на облаках (Деян. 1, 9), так и мы восхищены будем на облаках. Видишь, какая нас ожидает честь! Мы встретим Сходящего и, что всего радостнее, *так с Ним будем. Кто возглаголет силы Господни, слышаны сотворит вся хвалы Его* (Пс. 105, 2)? Каких благ удостоил Он род человеческий! Прежде воскреснут умершие

и, таким образом, вместе все встретят Его. Авель, умерший прежде всех, выйдет тогда навстречу вместе с оставшимися в живых, так что они при этом не будут иметь никакого преимущества, но истлевший, столько лет лежавший в земле, встретит Его вместе с живыми, равно как и все прочие».

Фотий у Экумения решает естественно рождающийся при сем вопрос, почему Апостол говорит только об участи верующих в последний день, не поминая об участи неверов и злых. «Замечаешь ли, что, описывая воскресение, Апостол не упоминает об имеющих воскреснуть для наказания и мук? — Это делает он, как думаю, по трем причинам. — *Во-первых*, он пишет к солунянам о воскресении в утешение им. Пишущему же с целию утешения неуместно было поминать о вещах горьких и прискорбных. Чрез это он более увеличил бы скорбь, а не доставил утешения. *Во-вторых*, он писал о воскресении к верующим, — и прилично не упоминал о тех, кои имеют быть отведены в муку. Ибо верующие, по заповедям Господним живущие, не будут подлежать никакому наказанию, но будут пребывать в вечной радости и вечном блаженстве. Почему не было нужды поминать о мучениях сторонних лиц, пиша к верующим о славе, блаженстве и радостях, уготованных верным. *В-третьих*, самое воскресение он истолковывает здесь, как оно есть

само в себе и для чего есть. Воскресению же Бог определил быть во спасение людей, чтоб они вкушали вечные блага в неизреченной славе, а ад Он уготовал для диавола и аггелов его, как говорится в Евангелии, а не для людей. Если иные своими неправдами вместо уготованных им благ избирают то, что уготовано для диавола, то это бывает помимо желания человеколюбивого Владыки. Почему святой Павел, пиша о самом существе воскресения и о том, чего ради определил его Создатель всех, справедливо умалчивает о тех, кои пойдут в муку вечную».

Стих 18. *Темже утешайте друг друга в словесех сих.*

Вот цель, по которой святой Павел коснулся воскресения верующих и их блаженной участи по воскресении! Утешайте друг друга; чтоб не скорбеть об умерших, как прочие, не имеющие упования. Утешайте *друг друга* — менее смущенные и более спокойные, передавая другим слова веры о воскресении, повторяя их пред ними с сердечным убеждением, рассеивайте мрак скорби у других. Утешайте *в словесех сих* — этими словами, которые я вам передал, этим учением, этим изображением светлой участи воскресших верных, говоря друг другу: вот что будет! Прилично ли нам скорбеть? — Утешать себя этим можно не только в скорби об умерших, но и во всякой другой скорби. Ибо ничто не сильно так растворять

горечь скорбей, как уверенность, что здешняя жизнь не есть окончательная, что будет другая, в которой воздано будет скорбным здесь неизъяснимым блаженством, коль скоро скорбящие искренни в правой вере и правы в жизни. Особенно это утешительно терпящим напраслины.

б) Нравственное приложение учения о втором пришествии Христовом (5, 1—11)

Изобразив второе пришествие Господне и то, что будет тогда с умершими и оставшимися в живых, святой Павел приступает теперь к урокам, кои сами собою вытекают из сего учения. Главный урок бб) *бодренность и трезвение*, — внимание к себе и делам своим, чем правится исправная жизнь (5, 4—11). Как силу возбуждать и поддерживать бодренность и трезвение учение о дне Господнем иметь может только в таком случае, если непрестанно помнят о сем дне и непрестанно его ожидают, а это последнее печатлеется в уме уверенностию *аа) о внезапности явления Господня*, то мысль об этом и ставит святой Павел напереди, как переход к уроку своему (5, 1—3). Время последнего явления Господня неизвестно. Не отдаляй его и не приближай. Стой на страже, ибо внезапно приидет Господь, — и воздаст каждому по делам его.

аа) Внезапность явления Господня (5, 1—3)

Глава 5, стих 1. *А о летех и временех, братие, не требе есть вам писати.*

И Господь сказал святым Апостолам на их вопрос о втором Его пришествии: *несть ваше разумети времена и лета, яже Отец положи во Своей власти* (Деян. 1, 7).

Времена и лета – оба слова употребляются, как однозначащие (снеси* Лк. 1, 57 с 2 Тим. 4, 6; Деян. 20, 18 с Лк. 21, 36). Но более тонкие знатоки языков различают их, разумея под временем χρόνος – всякое неопределенное время, а под летом, – καιρός – определенное время, в какое пригодно или надлежит быть какому-либо делу или событию. Здесь Апостол имеет в мысли определенный момент явления Господня, как бы так: а относительно того, когда именно явится Господь, нет нужды писать вам. – Оба слова нередко стоят в Писании вместе (Деян. 1, 7; Дан. 2, 21; Еккл. 3, 1). Во множественном числе стоят они здесь, чтоб означить, как гадают, соприкосновенные явлению Господа обстоятельства, подготовительные к нему, для которых определены свои моменты, а прямее – по причине неопределенности дня и часа этого события.

Не требе писати – не то значит, чтоб об этом совсем не нужно было говорить и знать, но что нет нужды писать к ним, нет нужды писать теперь снова, потому что об этом сказано им лично и они то знают. Знают же они то, что об этом

*Сравни. – *Ред.*

никто ничего знать не может и, следовательно, что-либо определенное написать.

Не видно, чтоб у солунян был об этом какой-нибудь спор или недоумение, или неправильное мнение. Напоминается, чтоб вывести урок о трезвении и бодрствовании и о том, чтобы ходити во свете упования. Апостол говорит как бы: нужно было в утешение вам написать об участи умерших в пришествие Господне, я и написал. Когда же будет самое пришествие, об этом не требуется писать вам. Ибо, как знаете, об этом ничего определенного нельзя сказать и пытать о том было бы пустое любопытство, не стоящее удовлетворения. Почему святой Златоуст, приступая к толкованию сего места, напереди ставит укор пытливости. «Ни в чьей, кажется, природе, говорит он, нет столько пытливости и жадности к знанию невидимого и сокрытого, как в человеческой. Это в ней обыкновенно обнаруживается тогда, когда ум еще несовершен и необразован. Так дети неопытные неотступно беспокоят и воспитателей, и наставников, и родителей множеством вопросов, в которых не содержится ничего, кроме, например: когда бывает то-то и когда — то-то? Это же случается и с возрастными от неги или от того, что они не имеют определенного занятия. Таким образом, ум наш сильно желает узнать и даже постигнуть многое, но особенно время кончины мира. И что удивительного, если это занимает

нас, когда и самих святых Апостолов это всего более занимало? Так прежде страдания (Христова) они приступили ко Христу со словами: *рцы нам, когда сия будут? И что есть знамение Твоего пришествия и кончина века* (Мф. 24, 3)? И после страдания и воскресения Его из мертвых также говорили Ему: скажи нам, *аще в лето сие устрояеши царствие Израилево* (Деян. 1,6)? — И ни о чем ином прежде не спрашивали Его. Но не так было после. Когда они сподобились Святого Духа, то не только сами не спрашивают, но удерживают от сего и других, страждущих таким неуместным любопытством. Послушай, что теперь говорит блаженный Павел: *а о летех и временех, братие, не требе есть вам писати.*

Стих 2. ***Сами бо вы известно весте, яко день Господень, якоже тать в нощи, тако приидет.***

Сами — не по своему собственному постижению сей истины, а из прежних наставлений святого Апостола (Феодорит). *Известно весте*, знаете точно, с такою определенностию, которая не допускает никаких сомнений и колебаний, – знаете не время, а безвременность пришествия Господня: *внезапу* явится. *День Господень* — у святых пророков есть день, в который Бог обещал явить особенным образом Свою благость, всемогущество и правду (Иоил. 2, 31; Мих. 4, 6; Иез. 13, 5; Ис. 2, 12). В Новом Завете день Господень есть исключительно день второго пришествия

Христова, когда Христос Господь явится снова на земле во славе Своей, чтобы по воскресении мертвых сотворить суд над всеми людьми и завершить окончательно устроение царства Своего вечного, — со включением сюда и страшных знамений на небе и земле, какие, по слову Самого Господа, имеют сопровождать сие явление. Именуется он кроме: *день Господень* (2 Пет. 3, 10) еще: днем Господа нашего Иисуса Христа (1 Кор. 1, 8; 5, 5; 2 Кор. 1, 14); днем Иисус Христовым (Флп. 1, 6); и просто Христовым (Флп. 1, 10; 2, 16; 2 Сол. 2, 2).

Якоже тать. Сравнение взято со слов Самого Господа и обычно не одному Апостолу Павлу (2 Пет. 3, 10). «Уподобляется же татю только внезапность Владычного пришествия» (Феодорит). Когда все спят в уверенности, что нет никакой опасности, подкрадывается тать. Так подкрадется день Господень. Не сокрыто же это от нас и часто внушается для того, чтобы час тот не застал нас внезапно, как тать беспечного хозяина. Удобное для татя время — глубокая ночь. Может быть, и Господь явится в полночь, как жених в притче о десяти девах. Некоторые из учителей Церкви думали, что это, может быть, совершится в полночь Светлого Христова Воскресения, как было явление ангела в первую пасху Иудейскую в Египте*. Не отсюда ли всенощ-

* Иероним. На Евангелие от Матфея, 26, 6; Лактанций. Instit. 7, 9.

ное бдение в праздник Светлого Христова Воскресения и в прочие воскресные дни (как на Афоне).

Тако приидет, — греческое *идет,* соответственно ожиданию внезапного явления Его, по которому в каждое мгновение можно говорить: вот идет, — или для выражения несомненности пришествия Его, дело конченное — идет, как в послании к Римлянам: *открывается гнев Божий с небесе* (Рим. 1, 18). Под днем Господним не собственно можно разуметь и час смерти каждого человека. Ибо и он внезапно постигает, и после него тотчас последует предварительное решение участи каждого, как тогда — окончательное. Нравственно всякий пусть к себе прилагает внезапное наступление дня Господня, как внезапное наступление часа смертного, опыты которого повсюду и не в малом числе. Жди Господа, придет ли Он в продолжение жизни твоей, или не придет. Пусть не придет; но все же придет смерть, которая есть для тебя решительный момент. Если долгое непришествие Господа может ослаблять убеждение, что вот-вот идет, то ничто другое не сильно так возобновить его, как убеждение, что вот-вот идет смерть. Очень часты напоминания о сем. Ее и жди. А под нею и день для тебя Господень, и страшное о тебе определение Господа. Святой Златоуст пишет: «Послушай, что говорит Павел: *сами бо известно весте, яко день Господень, якоже тать в нощи, тако приидет,* — не только день

всеобщий, но и каждого собственный. Ибо сей последний уподобляется первому, потому что имеет сходство и сродство с ним. Какое значение имеет первый для всех в совокупности, такое же последний для каждого в частности. (Несколько выше.) Не составляет ли для каждого кончины века конец его жизни? Зачем много любопытствуешь о всеобщей кончине, и для чего причиняешь себе этим печаль? – Но что бывает с нами в других случаях, то же замечаем и в настоящем. Как в других случаях мы, не обращая внимания на собственные дела, разбираем чужие, говоря: такой-то блудник, такой-то прелюбодей, тот украл, этот обидел, а о своих не говорим ни слова, – напротив, больше печемся о поступках всех других людей, нежели о своих собственных, так и здесь каждый из нас, не заботясь о своей кончине, желает узнать об общем конце. Если ты хорошо приготовишься к своей кончине, то от всеобщей не потерпишь никакого зла. Будет ли она далеко, будет ли близко, это нисколько не повлияет на решение нашей участи. Потому-то и не сказал о ней Христос. Послушай, что говорит Он Апостолам: *несть ваше разумети времена и лета, яже Отец положи в Своей власти* (Деян. 1, 7). После сего, для чего любопытствовать вам? Вот что услыхали находившиеся с Петром, пожелав узнать более, нежели сколько нужно было им знать».

Стих 3. *Егда бо рекут: мир и утверждение, тогда внезапу нападет на них всегубительство, якоже болезнь во чреве имущей, и не имут избежати.*

Господь идет так неожиданно не потому, чтоб намеренно хотел застичь всех врасплох неготовыми, но так будет по причине беспечности людей. В пророческом духе святой Павел переносится к последнему времени и видит, что люди тогда будут держать себя так же, как во дни Ноя, совсем не думая, что страшная гроза готова разразиться над главою их. Господь говорит: *якоже бысть во дни Ноевы, тако будет и в пришествие Сына Человеческаго. Якоже беху во дни прежде потопа, ядуще и пиюще, женящеся и посягающе, до негоже дне вниде Ное в ковчег, и не уведеша, дондеже прииде вода и взят вся: тако будет и пришествие Сына Человеческаго* (Мф. 24, 37—39). Можно предполагать здесь у Апостола скрытое сравнение внезапного явления Господня с внезапным набегом врагов и со всеми случаями внезапных бедствий — землетрясений, бурь и подобного. *Егда рекут*; кторечет? — Имеющие жить пред пришествием Господа, но, очевидно, забывшие о сем пришествии, презирающие истину, нерадящие о спасении, страстям своим поблажающие, не думая о скором суде и решении последней участи своей. *Рекут* — то есть сложатся в уме своем и сердце, упокоятся в том убеждении, что

прочны *мир и утверждение*; все спокойно внутри и ограждение совне твердо, тверды основы благоденствия и безопасности; подобно людям, мирно в имениях своих живущим и ни о чем другом не думающим, как: ешь, пей и веселись. Подобную похвальбу со стороны лживых пророков выставляет пророк Иезекииль, с судом Божиим за это (13, 10 и далее).

Внезапу нападет всегубительство — беда, все подавляющая, все разрушающая и к тому же безысходная, от которой деваться некуда: *и не могут избежати*. Одно бы средство — совершенное уничтожение: *горы падите*; но оно неподручно, останется только ужас и отчаяние. Во втором послании изображает Апостол, что *откровение Господа Иисуса с небесе* будет с *ангелами силы Его, во огни пламенне*, чтоб дать *отмщение не ведущим Бога и не послушающим благовествования Господа нашего Иисуса Христа, иже муку приимут, погибель вечную, от лица Господня и от славы крепости Его* (2 Сол. 1, 7—9). Апостол представляет второе пришествие Христово с ужасающей стороны, давая солунянам побуждение к бодренной жизни, чтоб не впасть и им в беспечность людей мира сего, выраженную здесь словами: *мир и утверждение*, где царствует грех, привлекающий гнев Божий, чего, однако ж, не сознают беспечные по самопрельщению. Все

будут питать другие надежды и желания, а встретят — вот что!

Якоже болезнь рождающия. Этим выражаются и внезапность, и неизбежная крайность, и крайняя болезненность беды. Рождающая знает, что скоро роды, но минута рождения схватывает ее вдруг — непредвиденно, таково будет и пришествие Христово (Феодорит и Экумений). Все признаки уже ясны будут, но момент явления не будет ведом и снидет внезапно. *В оньже час не мните, Сын Человеческий приидет* (Мф. 24, 44). *Якоже бо молния исходит от восток и является до запад, тако будет пришествие Сына Человеческаго* (Мф. 24, 27).

Святой Златоуст выставляет при сем на вид одно недоумение, которое и решает: «Стоит обратить внимание на следующее обстоятельство: если придет антихрист, если придет Илия, то каким же образом, *егда рекут: мир и утверждение, внезапно нападет на них всегубительство*? Эти события, как признаки пришествия (Христова) дадут знать об оном дне. Но Христос не будет давать предзнаменования о Себе, а придет внезапно и неожиданно. Так и беременной не нечаянно приходит время родить, говорит Апостол, ибо она знает, что чрез девять месяцев будут роды. Между тем время сие ей очень неизвестно, потому что иная рождает чрез семь месяцев, иные же чрез девять, а день и час родов во всяком случае

неизвестны. Итак, вот к чему Павел говорит об этом. Действительно, он употребляет верное сравнение! Не много бывает признаков рождения; от этого многие, не предвидя его, рождали на дорогах и вне дома. Но Апостол хотел указать в этом сравнении не на одну только неизвестность времени, а вместе и на жестокость страдания. Ибо как рождающая, играя, смеясь, ничего совершенно не предвидя, внезапно бывает объята невыразимыми страданиями и терзается муками рождения, так точно будут поражены души тех людей по наступлении оного дня. *И не имут избежати*».

Отвлекшись несколько от связи и речи, можно по поводу слов о болезнях рождающей войти к мысли о значении нынешнего состояния человечества. Оно похоже на образование дитяти во чреве матери. Когда придет момент полного его образования, тогда конец и настоящему образу бытия всего: народится новое. — В отношении к каждому христианину, крещение есть начало новой жизни; труды доброделания, подвиги самоисправления, скорби терпения противностей представляют период ношения во чреве и образования нового человека — смерть будет рождением. Весь период нынешний до конца мира для всех и каждого есть период чревоношения.

бб) Главный урок — бодренность и трезвение (5, 4—11)

Стих 4. ***Вы же, братие, несте во тме, да день вас якоже тать постигнет.***

Сказав о внезапности явления Господа, Апостол выводит из того обязательство к бодренному и трезвенному житию, под влиянием всегдашнего чаяния дня Господня, по сознанию, что христиане суть сыны света и дня. Можно бы прямо после приведенных слов (2, 3) сказать, как сказал Господь: *бдите убо, яко не весте, в кий час Господь ваш приидет* (Мф. 24, 42). Но Апостол выставляет наперед характеристическую черту христиан — сыновство свету, по которому они и помимо чаяния внезапного пришествия Господня должны жить бодренно и трезвенно, действуя, как действуют днем.

Вы же несте во тме. Тьма здесь — *или* неведение вещей Божественных, как источник заблуждений и пороков. Так Феодорит: «Тьмою называет Апостол неведение, а днем ведение. Он говорит как бы: прияв луч Боговедения, бегайте начинаний тьмы, чтоб не был внезапно произнесен на вас приговор наказаний». *Или* жизнь в грехе, в делах темных. Так святой Златоуст: «Здесь он говорит о темной и нечистой жизни, так как развратные и злые люди все делают ночью, скрываясь от всех и окружая себя тьмою, ибо, скажи мне, не вечера ли поджидает прелюбодей и не ночи ли вор? И тот, кто грабит могилы, не ночью ли приводит в исполнение свое предприятие?» — Надо взять то и другое и при том в христианском значении, по коему и ведение, и

доброта жизни — все от Христа, в Коем свет, а вне Коего тьма. Апостол говорит как бы: вы не вне Христа, вы не во тьме падения, не в узах греха и диавола, не в области князя тьмы, где ни Господа, ни воли Его не ведают и сил к исполнению ее не имеют, и (возводя тьму греховную к источникам) — вы не в состоянии беспечности, нечувствия и ослепления, не омрачены суетою мирскою, не погрязли в чувственных утехах (Ин. 3, 19; 8, 12; 12, 35. 46).

Да день вас якоже тать постигнет. Тут можно полагать два смысла: *или* — вы не таковы, чтоб день вас, как тать застал. Тать подкрадывается ночью, когда темно и все спят; вы же вышли из тьмы и ночи и находитесь в состоянии хозяина, бдящего над домом, вас не застанет день, как тать, — застанет, но не как тать беспечного хозяина. *Или*, говоря, что они не таковы, разумеет: вы не должны быть таковы, чтоб день застал вас, как тать, неготовыми, вам неприлично допустить себя до того: это будет противно вашему существенному характеру — свободе от тьмы и сыновству свету. — И то, и другое к одному ведет — *да бодрствуим и трезвимся* (стих 6).

Святой Златоуст спрашивает при сих словах: «Итак, что же? Ужели последний день не постигнет их, как тать? Ужели не настанет он для них неожиданно, ужели они предузнают его?» — И отвечает: «Здесь он намекает не на известность

времени, а на соединенное с ним злополучие, то есть — последний день придет не к их злополучию, ибо и для них он наступит внезапно, однако не принесет им никакой скорби. Как вор не может сделать никакого вреда бодрствующим и пребывающим во свете, хотя бы и успел войти к ним; так точно и тот день — достодолжно живущим».

Стих 5. *Вси бо вы сынове света есте и сынове дне: несмы нощи, ниже тмы.*

Сказал, что последний день не застанет, или не должен застать их, как тать, потому что они не во тьме. Теперь поясняет, почему они не во тьме, или не должны быть во тьме? — Потому, что они сыны света. Сынами чего-либо обычно слову Божию называть тех, кои носят характеристические черты того, чего суть сынами, существенно сродны с тем, духом того исполнены. Сыны света, — Того, Который есть свет миру, — суть те, кои Евангельским учением просвещены, благодатию Святого Духа отрождены и живут во свете лица Божия и по воле Его, — светлы ведением, жизнию, надеждами. Сыновство свету означает не принадлежание только к области света, но и восприятие его в себя, проникновение им и, своего рода, светоносность, хотя заимствованную. *Бесте тма, ныне же свет о Господе*, говорит Апостол (Еф. 5, 8; — снеси*: Мф. 5, 16; Ин. 3, 21; Лк. 16, 8; Ин.

* Сравни. — *Ред.*

12, 36; Еф. 2, 2—3). «Как сыны Божии суть те, которые делают угодное Богу, так и сыны дня суть те, которые делают дела света» (Златоуст). «Как сынами геенны называются делающие достойное геенны и сынами противления — упорно противящиеся воле Божией, так сынами света и дня называются те, которые творят дела правды и света» (Экумений).

Сказанное положительно выражает затем Апостол отрицательно и притом так, что и себя, и всех верующих обнимает в общем положении: *несмы нощи, ниже тмы*. Так в картинах тень резче выставляет светлую часть и всей фигуре сообщает рельефность. Ночь и тьма — однозначащи здесь; но Апостол будто отличает их в степени: мы не только не ночи, но и не тьмы. В таком случае тьма будет означать слабейшую мрачность, случайное, преходящее омрачение. Так Святую Церковь изображает святой Павел в другом месте не имущею *скверны, или порока, или нечто от таковых* (Еф. 5, 27). В выражении: *несмы нощи*... иные подразумевают — *сыны*, а другие перефразируют: мы не принадлежим к области ночи и тьмы. Апостол хочет сказать: мы не нощные, не темные, не омраченные.

Стих 6. *Темже убо да не спим, якоже и прочии, но да бодрствуим и трезвимся.*

Вот каковы мы по своему значению и назначению. Но чтоб каждому из нас и на деле быть

таковым, надлежит нам не спать, а бодрствовать и трезвиться. *Да не спим* — не будем жить в беспечности и непамятовании дня судного, как прочии, Христа не ведущие. *Да бодрствуим и трезвимся* — да внимаем себе и тому, каковы мы должны быть и как должны действовать; и бодренно, — энергично, — будем поступать сообразно с тем, — не попустим мыслей худых, симпатий нечистых, склонностей греховных, страстных увлечений и порочных дел. Спаситель заповедует: *всем глаголю, бдите* (Мк. 13, 37). В другом месте: *внемлите же... да не когда отягчают сердца ваша объядением и пиянством и печальми житейскими, и найдет на вы внезапу день той. Яко сеть бо приидет на вся живущия на лицы всея земли. Бдите убо на всяко время молящеся, да сподобитеся убежати всех сих хотящих быти, и стати пред Сыном Человеческим* (Лк. 21, 34—36). То же внушают и все святые Апостолы: *трезвитеся и бодрствуйте*, пишет святой Петр (1 Пет. 5, 8). Святой Павел в другом месте поясняет себя: *бодрствуйте, стойте в вере, мужайтеся, утверждайтеся* (1 Кор. 16, 13).

«Здесь, — пишет святой Златоуст, — Апостол показывает, что от нас зависит пребывание дневного света. В обыкновенном дне и ночи это не зависит от нас, но и ночь приходит против нашего желания; напротив, с тою ночью и тем сном бывает не так, но можно непрестанно бодрство-

вать, можно постоянно пребывать среди дня. Смежать очи духовные и предаваться греховному усыплению есть дело не природы, а произвола. *Да бодрствуим*, говорит, *и трезвимся*. Ибо и тот, кто бодрствует, если не будет творить добро, может спать; поэтому и присовокупил: *и да трезвимся.* Подлинно, и днем, если кто бодрствует, но не трезвится, тот может подвергнуться бесчисленным опасностям. Трезвенность есть усиление бодрствования». Поясняя последнюю мысль, Экумений прибавляет: «Бывает, что иной, и бодрствуя, ничем не отличается от спящего. Апостол сказал как бы: трезвенно будем делать благое и устроять свою жизнь». По писаниям отцов-подвижников, *трезвение* есть иногда отрешение сердца от привязанностей и пристрастий, бодренность же есть напряжение деятельных сил.

Стих 7. ***Спящии бо, в нощи спят, и упивающиися в нощи упиваются.***

Обязал к бодренности и трезвению. Теперь говорит, что иначе им и нельзя действовать. Ибо небодрствование — спание и нетрезвение; упивание бывает ночью, а не днем, а вы — сыны света и дня; к вам и не должно заходить спание и упивание. Но как бодрствование и трезвение он разумеет нравственное, так в нравственном же значении должно разуметься спание с упиванием. Тут разумеются спящие беспечностию, нечувствием и ослеплением, и упивающиеся пристрас-

тиями, чувственностию, страстями, которые от упоения всем этим теряют свое христианское сознание. Поясняет свою мысль примерами из обыденной жизни. Спят и пьют обычно ночью, днем же работают и дела свои исправляют. Подразумевается: и нам, сынам света, не следует спать и бесчинствовать нравственно, но жить, как велит долг христианский, не беспечно, не без заботы о спасении души, не допуская, чтоб земные заботы поглощали все время и чувственные удовольствия держали нас, как в опьянении: и то, и другое выбивает из памяти вечную, ожидающую вас участь.

Спание и упивание древние толковники так разумеют: «Спящими называет здесь Апостол во зле пребывающих, как неподвижных на добродетель и погруженных в мечтательные прелести» (Феофилакт); «тех, кои не имеют энергичного усердия к деланию добрых дел и пребывают во грехе. Он как бы сказал: грешные живут во тьме греховной; решившимся же совершать дела правды не должно нерадеть о добродетели — спать, — не должно никогда переставать делать добрые дела. Отличительная их черта — пребывание не в нощи греха, а во свете доброделания и праводействования» (Экумений). «Но почему называет он грех сном? — Потому, во-первых, что грешник не имеет силы, нужной для совершения добрых дел; далее потому, что он непрестанно

увлекается воображением и ничего не видит в истинном свете, напротив, исполнен грез и часто безрассудных мечтаний, а если б и видел что хорошее, то не извлекает отсюда ничего твердого и неизменного. Спящий не видит того, что есть и действительно существует, а о том, чего вовсе нет, грезит, как о существующем. Таков грех и такова греховная жизнь! Она не видит существующего, то есть духовного, небесного, неизменного, а видит только то, что течет, улетает и скоро нас оставляет» (святой Златоуст).

«Под упиванием разумеет здесь Апостол не опьянение вином, а отуманение и омрачение ума грехами» (Экумений), — не то, которое бывает от вина, но то, которое от страстей, так как они омрачают и выводят из своего чина владычественное (души, то есть ум). «Вам не следует быть таковыми, ибо вы не сыны ночи и тьмы, а сыны дня чрез крещение и восприятие ига заповедей Божиих» (Феофилакт). «Опьянение души составляют и любостяжание, и пристрастие к деньгам, и плотская любовь, и все, о чем бы ты ни упомянул в этом роде, есть опьянение души» (святой Златоуст).

Стих 8. *Мы же сынове суще дне, да трезвимся, оболкшеся в броню веры и любве, и шлем упования спасения.*

Напоминание о бдении и внимании привело на мысль стражу военную, бодренную, стража —

вооружение. Апостол и переходит теперь к сему новому сравнению, которое особенно любит и употребляет часто (2 Кор. 10, 4; Рим. 6, 13; 13, 12; Еф. 6, 11). Как воин на страже внимательно смотрит, не подкрадывается ли враг, а на случай нападения вооружен для отражения врага, так и нам следует — не только смотреть за ухищрениями нравственных врагов, но и быть готовыми отразить их во всякое время, вооружившись, как следует христианину. «Не довольно бодрствовать и трезвиться, надобно и вооруженным быть. Ибо если кто не имеет оружия, то хотя бы он был бодр и трезв, его могут тотчас умертвить разбойники. Итак, если необходимо и бодрствовать, и трезвиться, и быть вооружену, а мы будем оставаться без оружия, будем наги и еще — спать, то кто помешает врагу вонзить в нас меч? Поэтому-то и вооружает нас Апостол» (Златоуст). «Сие сказал он в другом месте: *нощь убо прейде, а день приближися: отложим убо дела темная и облечемся во оружие света* (Рим. 13, 12). Да ограждают нас, говорит он здесь, вместо брони вера в Бога и любовь к ближнему, а несокрушимым для нас шлемом да будет упование обетованного спасения» (Феодорит). Вера с любовию весь состав души ограждают, не допуская неправых мыслей и движений сердца, а упование бережет главу жизни — энергию, которая тотчас падает, как скоро в душу закрадывается нечаяние.

Вера, любовь, упование, — главные отправления христианской жизни, — суть вместе и сильные оружия к отражению вражеских нападений: вера отражает стрелы лжи, неверия, заблуждения; любовь — приманки и увлечения греха и страстей; упование — все колебания верности наличными бедами и скорбями и сокрытием будущего, уверяя, что Господь никогда не оставит нас, если мы не отступим от Него, будет хранить нас и защищать и несомненно введет в царство Свое вечное. Исполненный веры, любви и упования есть сын дня. Светло у него воззрение на все сущее и бывающее от веры; светла совесть от неопускаемых никогда дел любви; светло все вокруг и впереди от упования и преданности в волю Божию: *аще Бог по нас, кто на ны* (Рим. 8, 31)? — Вот настоящий бодренник и трезвенник!

Святой Златоуст пишет: «*Облекшеся*, говорит, *в броню веры и любве*, заповедуя таким образом и вести жизнь праведную и исповедовать правые догматы. Смотри, как он объяснил, что значит бодрствовать и трезвиться, — именно — иметь броню веры и любви. Не какую-нибудь веру, но пламенную, искреннюю, соделывающую непобедимыми тех, которые ограждены ею. Подобно тому, как никто не может скоро рассечь броню и она составляет оплот для груди; так и ты огради душу верою и любовию и ни одна из разжженных стрел диавола не в состоянии будет вонзиться в

нее. Где сила души будет ограждена оружием любви, там напрасны и суетны все покушения злоумышляющих, потому что ни злость, ни зависть, ни лесть, ни лицемерие и ничто другое не в состоянии будет коснуться такой души. Не сказал просто: в любовь, но сказал, что надобно облечься в нее, как в броню крепкую. Сказавши это, далее прибавляет: *и шлем упования спасения*. Как шлем охраняет самое важное в нас, то есть голову, окружая и покрывая ее со всех сторон, так и упование не даст упасть нашему уму, но держит его прямо, как голову, не попуская ничему стороннему упасть на него. А до тех пор, пока на нее ничто не падает, мы не наклоняемся вниз. В самом деле, тому, кто огражден этим оружием, невозможно никогда упасть. Ибо *пребывают*, сказано, *вера, надежда и любы, три сия*» (1 Кор. 13, 13).

Стихи 9 и 10. ***Яко не положи нас Бог в гнев, но в получение спасения, Господем нашим Иисус Христом, умершим за нас, да, аще бдим, аще ли спим, купно с Ним живем.***

Одни думают, что здесь приводятся истины, на которых утверждается и которыми питается исключительно упование спасения, — одно из предложенных духовных оружий христианских; другие видят в приводимых истинах источник всех трех орудий — веры, любви и упования. Правда, что для солунян нужнее всего было

укрепление упования, и святой Апостол мог иметь в цели действовать особенно на сие коренное христианское чувство. Но упование одно стоять не может: оно зарождается верою и зреет под влиянием дел любви. Потому вернее, что он хотел оживить сими истинами весь строй внутренней христианской жизни. Так понимает сие святой Златоуст: «Сказавши: облекитесь и вооружитесь, Апостол приготовляет оружие и показывает, откуда рождаются вера, надежда и любовь, и как они соделываются самым крепким орудием, когда присовокупляет: *яко не положи*, — и прочее».

Не положи нас. Не с тем благоволил Бог быть нам христианами, верующими в Господа, не таково о нас определение и намерение Божие, не таково назначение наше. *В гневе.* Разумеется *или* гнев грядущий (1 Сол. 1, 10; Мф. 3, 7), то есть по суде присуждение к вечным мукам. «Не для того призвал нас Бог, чтобы предать наказанию» (Феодорит); *или* вообще состояние под неблаговолением Божиим. «Не на то определил нас Бог, чтобы мы гнев Его несли» (Феофилакт), «чтоб испытали гнев Его» (Экумений). *Но в получение спасения.* Чтоб мы получили спасение. Греческое περιποίησις, по нынешнему употреблению означает угощение — пир. В получение спасения будет — на пир спасения. То же, что в послании к Евреям: *в снабдение души* (Евр. 10, 39).

По древнему же употреблению слово сие значит более – стяжание, приобретение покупкою. «В получение спасения будет – в стяжание спасения. Он приобрел нас себе, купил нас, давши за нас цену самую высокую – кровь Единородного Сына Своего. Имея же такое доказательство любви Божией к нам, будем иметь веру в Него, любовь к Нему и к ближним и благую надежду, что Он спасет нас, так дорого купленных» (Экумений). *Господом нашим Иисусом Христом.* Ибо *несть ни о едином же ином нам спасения* (Деян. 4, 11). Все согрешили и лишились славы Божией. Теперь, если какие спасаются, то спасаются *избавлением, еже о Христе Иисусе, Егоже предположи Бог очищение верою в крови Его, в явление правды Своея, за отпущение прежде бывших грехов* (Рим. 3, 23–25). *Умершим за нас* – или для нашего блага, или вместо нас. Господь умер вместо нас, осужденных на смерть, и тем открыл верующим в Него и ходящим по заповедям Его вход в сокровищницу благ беспредельной благости Божией.

«Итак, Бог призвал нас не для того, чтоб погубить, но чтобы спасти. Откуда видно, что Он именно этого хочет? – *Сына Своего*, сказано, *дал есть* за нас (Ин. 3, 16), Он столько желает нашего спасения, что дал Сына Своего, и не просто дал, но – на смерть. Из таких размышлений рождается надежда. Не отчаивайся же, человек,

приходя к Богу, Который не пощадил даже Своего Сына. Не страшись настоящих бедствий: Тот, Кто предал Единородного, дабы спасти тебя и исхитить из геенны, пожалеет ли чего-нибудь еще для твоего спасения? Следовательно, надобно ожидать всего доброго и великого, потому что главное мы получили, если веруем.— Но мы видим пример, будем поэтому и мы любить Его. Иначе было бы крайним безумием не любить Того, Кто столько возлюбил нас» (святой Златоуст).

Да, аще бдим, аще ли спим. Бдение и сон здесь другое означают, нежели выше. Там бдение означало нравственную бодренность, а сон — беспечность «и нерадение о жизни добродетельной. А здесь сон означает смерть телесную, а бдение — жизнь» (святой Златоуст). Апостол говорит как бы: живых ли нас застанет пришествие Христово, или мы умрем до того,— все сподобимся вечно с Ним быть. «Да и по смерти, и пока еще живы, с Ним участвуем в жизни. Ибо Апостол назвал бдящими живых, а спящими — скончавшихся» — (Феодорит).

Купно с Ним живем. Купно — или так: чтоб мы все в совокупности, и живые, и умершие, вступили тогда в блаженное сожительство с Господом и всегда в Нем пребыли. Или так: вместе с Ним. Мысль одна и та же.

«Сказанное здесь имеет такой смысл: не бойтесь опасностей; если мы и умрем, то будем

живы. Не приходи в отчаяние от того, что бедствуешь: ты имеешь верный залог. Он не предал бы Своего Сына, если бы не имел к нам чрезвычайной любви. Следовательно, хотя и умрешь, будешь жив, ибо и Сам Он умер и се жив есть. Итак, умрем ли мы, или будем жить, вместе с Ним жить будем. Я не нахожу в этом ни малейшего различия, мне все равно, жив ли я, или умру: потому что с Ним мы будем жить. Будем поэтому делать все для той жизни, будем все исполнять, устремляя взор к ней» (святой Златоуст).

Стих 11. *Сего ради утешайте друг друга, и созидайте кийждо ближняго, якоже и творите.*

Во второй раз говорит такие слова святой Апостол. Сказав об утешительной участи умерших в пришествие Господне, прибавил: утешайте себя этим (4, 18). Теперь, выведши из этого урок бодренности и трезвения, снова присовокупил: утешайте и созидайте себя взаимно. Первым — утешайте, вторым — созидайте. Утешайте в скорби, созидайте, когда душа расстроится недоумениями и недобрыми движениями сердца и плоти. Настраивайте себя взаимно, сообразно изложенному, к бодренной и трезвенной жизни в вере, любви и уповании,— созидайте свои мысли, чувства, расположения и дела. *Якоже и творите.* Одобрением поощряет на продолжение такого же образа взаимносозидания и на преуспеяние в

нем. Так взаимное себя обучение в духе веры и взаимное себя поощрение на жизнь по вере есть апостольское в Церкви учреждение. «Поелику учители не имеют возможности сами всему всех научить, то Апостол дает им правило, чтоб они сами себя взаимно утешали и научали» (Экумений). «Видишь? – Так что же отговариваешься: я не учитель» (Феофилакт).

Святой Златоуст при этом тексте преимущественно останавливается на возбуждении внимания к своим делам и чувствам и к тому пути, по которому идти должно. Эта речь его обстоятельна и сильна; ее можно советовать почаще прочитывать всякому, кто не хочет заснуть на пути. Она вместе есть и образец взаимнопоощрения к трезвенной жизни. Приведем ее сокращенно.

«Посему умоляю вас, говорит он, будем всегда поступать так, чтоб никогда не заснуть. Ужели вы не видали, что часто продолжительное стояние на страже оставалось бесполезным потому, что стрегущие на малое время предавались сну? Ибо чрез этот короткий сон они теряли все, дав покушающемуся на воровство большую смелость. Ибо подобно тому, как мы не столько обращаем внимание на воров, сколько они подсматривают за нами; так и диавол более всего следит за нами, подстерегает и скрежещет зубами. Итак, не будем засыпать; не будем говорить: с этой стороны

ничто нам не угрожает, ни с этой. Часто бываем ограблены, откуда мы и не думали. Так и по отношению ко злу: можем погибнуть, откуда и не ожидали. — Будем все тщательно осматривать, не станем упиваться, — и не заснем; не будем пресыщаться, — и не воздремлем; не станем безумно бросаться на внешние блага, — и пребудем трезвенны. Оградим самих себя со всех сторон. Как ходящим по натянутому канату нельзя быть даже и мало беспечными, потому что от этого малого происходит великое зло, — оступившись, они тотчас упадают вниз и погибают, так и нам не должно оставаться беспечными. Мы идем путем узким, с обеих сторон окруженным стремнинами, на котором не могут стоять обе ноги вместе. Видишь, сколько нужно осмотрительности. Ужели не видишь, что те, которые идут путем, окруженным стремнинами, не только осторожно ступают ногами, но и внимательно смотрят глазами? Хотя бы идущий ступал в известном месте по видимому и осторожно и хотя бы нога его твердо стояла, но глаз, помутившись от того, что посмотрел в пропасть, может низвергнуть его: ему надобно думать и о себе, и о том, как ступать; посему-то сказано: *ни на десно, ни на шуее* (Притч. 4, 27). Глубока пропасть зла, велики стремнины, густ мрак внизу, узок путь. Будем внимать себе со страхом, будем идти с трепетом. Шествуя по та-

кому пути, никто не предается смеху и не обременяет себя пьянством, но идет по такому пути трезвенно и со вниманием. Идя таким путем, никто не несет ничего лишнего. Счастлив тот, кто, будучи хорошо препоясан, может благополучно пройти им. Никто в таком случае не связывает себе ног, но оставляет их свободными. Мы же, связывая самих себя бесчисленными заботами и возлагая на себя бесчисленные житейские бремена, будучи невнимательны и рассеянны, как можем надеяться, что пройдем по столь узкому пути? Тесен путь, ибо когда мы должны отдать отчет и в словах, и в мыслях, и в делах, и во всем, то поистине такой путь тесен. А мы делаем его еще теснее, утучняя и расширяя самих себя и ступая небрежною ногою. Узкий путь труден для всякого, но особенно для тучного; напротив, истощающий себя даже не будет чувствовать тесноты: кто научился стеснять себя, тот не будет жаловаться на стеснение. Итак, пусть никто не ожидает при неге увидеть небо,— этого нельзя! При роскоши пусть никто не надеется пройти узким путем,— это невозможно! Пусть никто из шествующих по широкому пути не надеется достигнуть живота. Если ты увидишь, что кто-нибудь услаждает себя ваннами, дорогим столом или многочисленною прислугою, то не почитай себя несчастным ради того, что не имеешь этого, а пожалей о нем, потому что он идет путем по-

гибели. Будем почитать счастливцами не тех, которые живут в роскоши, но тех, которые не живут в роскоши. Эти последние спешат на небо, а те – в геенну. Когда-нибудь должно же нам воспрянуть, должно открыть глаза, пробудиться, заняться вечною жизнию, прервать долговременный сон. Есть суд, есть наказание, есть воскресение и испытание дел! Господь грядет на облаках, *огнь пред Ним возгорится и окрест Его буря зелна* (Пс. 49, 3). Река огненная течет пред Ним, червь неумирающий, огнь неугасающий, тьма кромешняя, скрежет зубов! Там мука вечная безотрадная, – не будет защитника! *Кто помилует*, говорит Писание, *обаянника, змием усекнена** (Сир. 12, 13)? Когда мы сами себя не помилуем, кто помилует нас, скажи мне? Когда мы имеем возможность исправиться и не исправляемся, кто пожалеет нас? – Никто. Помилуем же самих себя. Когда мы молимся Богу, говоря: *помилуй мя, Господи*, будем говорить это и самим себе, и самих себя помилуем! В нашей власти то, чтоб Бог нас помиловал. Он Сам даровал нам это. Если будем делать достойное помилования, достойное Его человеколюбия, то Бог нас помилует. Если же мы сами себя не помилуем, то кто пожалеет нас?»

* В русском переводе: «Кто пожалеет об ужаленном заклинателе змей и обо всех приближающихся к диким зверям?». – *Ред.*

3. Перечень нравственных уроков, которыми определяется нравственный строй христианских обществ и каждого христианина во все времена и во всех местах (5, 12—24)

Хотя здесь предлагаются святым Апостолом общие наставления о том, как жить, однако ж они не как пришлось набросаны, а имеют свой порядок. Ими очерчивается вся христианская жизнь в существенных своих чертах и направлениях. Не дивно, впрочем, что Апостол имел при этом в виду и состояние солунян, хотя оно не в такой мере определяло его мысли, как в начале сей части.

Нетрудно увидеть, что в уроках этих святой Павел а) сначала предлагает добродетели, на которых держится строй, твердость и благосостояние христианских обществ — стихи 12—15; б) потом изображает характеристические черты и истинно христианской жизни в каждом христианине — стихи 16—22; в) наконец указывает последнюю цель, к которой должны все стремиться (в виде молитвы, с обнадежением в возможности достижения такой цели) — 23—24.

а) Добродетели, на которых держится строй, твердость и благосостояние христианских обществ (5, 12—15)

Добродетели, на которых держится строй, твердость и благосостояние христианских обществ — суть: аа) крепкий союз с пастырями и

между собою — стихи 12—13, и бб) взаимное поддержание среди себя истинно христианской жизни, чрез исправление открывающихся недостатков, общая друг ко другу снисходительность и деятельное ко всем доброхотство — стихи 14—15.

аа) Крепкий союз с пастырями и между собою (5, 12—13)

Союз с пастырями определяется признанием их достоинства и власти, почитанием их и любовию к ним. Союз между собою выражается общим миром в себе. Этими двумя союзами составляется и стоит дело Церкви.

Стихи 12 и 13. *Молим же вы, братие, знайте труждающихся у вас, и настоятелей ваших о Господе, и наказующих вы, и имейте их по преизлиха в любви за дело их; мирствуйте в себе.*

Пастыри называются у святого Апостола труждающимися, настоятельствующими и вразумляющими. Этими словами означаются не разные лица, а разные занятия одних и тех же лиц по исправлению своей должности. В других местах у Апостола они называются прямо пресвитерами и епископами, Духом Божиим поставленными пасти Церковь Господа и Бога (Деян. 20, 17, 28; ср.: 1 Тим. 3, 1; Тит. 1, 5, 7).

Пастыри труждаются в удовлетворении всех духовных потребностей своих пасомых: оглашают словом истины, трудясь в слове и учении (1 Тим. 5, 17), — крестят, исповедуют, преподают Тело и Кровь Господа, отправляют все другие молитвен-

ные чины, вообще вдали себя в служение святым, то есть христианам, призванным к святости и освящаемым благодатию (1 Кор. 16, 15). Апостол говорит об них солунянам: они трудятся у вас. Это *или* среди вас, *или* над вами, в образовании вас по духу новой жизни о Христе Иисусе, в развитии положенного в вас верою и крещением семени сей жизни, в возведении вас в *мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христа* (Еф. 4, 13).

Пастыри настоятельствуют,— смотрят за нравственно-религиозными порядками в христианских обществах, всем заправляют, во всем руководят, в собраниях ли церковных, или в общей жизни христиан вне их. С греческого — кои *предстоят*, в значении первенства и власти, не по духу мира, а о Господе, по его учреждению, по Его Духу, первенство свое доказывая усиленным служением всем, с сознанием ответности пред Господом. Это *предстоят* может значить и *предстательствуют*, чтоб означить, что в числе обязанностей пастыря есть и предстательство за всех верующих пред Господом. Феодорит пишет: «*Знайте*, говорит, *предстоятелей ваших*, то есть молящихся о вас и ходатайствующих за вас пред Господом». Блаженный Феофилакт соединяет то и другое значение: «Не в мирских вещах предстательствуют они, а в духовных, кои о Господе,— молят за тебя, наблюдают за тобою, вразум-

ляют и врачуют». (То же у святого Златоуста и Экумения.)

Пастыри наказуют – вразумляют – в разных случаях, особенных у каждого, требующих вразумления и руководства, потому ли, что иной недоумевает, как поступать, или потому, что поступил уже неосмотрительно и уклонился от общего строя жизни христианской и требует исправления. – Этим исполняется то, что заповедано потом святому Тимофею: *настой благовременне и безвременне, обличи, запрети, умоли* (2 Тим. 4, 2). Такое наказание, – внушение и вразумление, – идет кроме общего труда в слове и учении, который уже означен под словом: *труждающихся*.

Сими тремя занятиями пастырей определяется главное дело их – забота о спасении пасомых, или *бдение о душах их* (Евр. 13, 17).

Отношение пасомых к пастырям Апостол выражает словами: *знайте* и – *имейте их по преизлиха в любви. Знайте* – признавайте их достоинство и власть и свое подчиненное к ним отношение, с сознанием долга слушаться их во всем и повиноваться им. (В нашей речи такое значение слова *знать* очень рельефно выражается в отрицательной форме в фразе: знать его не хочу.) – Феодорит пишет: «Справедливость требует, чтоб учители удостоивались от вас всякой чести, чтобы вы воздавали им должную награду и

не прекословили тому, что они говорят». К коринфянам пишет святой Павел: *повинуйся таковым, то есть тем, кои вдаша себе в служение святым,* — и — *познавайте таковых* (1 Кор. 16, 15, 16, 18).

Имейте их по преизлиха в любви. В таком виде слово Апостола обязывает только пасомых преизобильно любить пастырей за любовь, которую сами они оказывают к ним, трудяся о спасении их. Он говорит как бы: знайте и слушайтесь их, но не по страху, а по любви, которой они вполне достойны. — Но если взять во внимание греческое слово, соответствующее русскому *имейте*, ἡγεῖσθαι — почитайте, то окажется, что Апостол заповедует еще и высокое к ним почитание. «Удостоивайте их большой чести, воздаваемой искренним расположением» (Феодорит). В Сирской библии так и переводится сие место: да будут чтимы они от вас с полнейшею любовию.

Так три обязанности лежат на пасомых в отношении к пастырям: сознавать их над собою власть, с готовностию слушаться их во всем, глубоко чтить их и любить.

Все это *за дело их*, за труд служения святым, за предстояние и предстательство и за вразумление и руководство, иначе сказать, за то, что *бдят о душах ваших* (Евр. 13, 17).

Дела пастырей только перечисляет Апостол, а о долге пасомых дает заповедь; и хотя говорит:

молим,— такое, однако ж, употребляет слово для выражения сего моления, которое отзывается и строгим внушением ἐρωτῶμεν. Нельзя, впрочем, с доверчивостию предполагать, чтоб солуняне оказывались в этом отношении неисправными. Скорее это делает он для предотвращения неисправности, так как должные отношения пасомых к пастырям легче всего могут быть нарушаемы. Так понимает святой Златоуст:

«Настоятель по необходимости имеет много причин к тому, чтоб огорчать других. Подобно тому, как врачи часто бывают принуждены огорчать больных, приготовляя им пищу и лекарство, которые нисколько не бывают приятны, хотя, впрочем, великую приносят пользу; или подобно тому, как отцы бывают часто суровы в обращении с своими сыновьями: так и учители; и даже гораздо более. Тот, кого обличают и укоряют, каков бы он ни был, вообще вместо благодарности чувствует досаду. Так же будет поступать и тот, к кому обращаемся с советом, вразумлением и просьбою. Потому-то в разных местах святой Павел и напоминает об этом. В послании к Тимофею пишет он: *прилежащии добре пресвитеры сугубыя чести да сподобляются* (1 Тим. 5, 17); и в послании к Евреям говорит: *повинуйтеся наставником вашим и покаряйтеся* (Евр. 13, 17); и здесь опять: *молим же вы, братие, знайте труждающихся у вас, и настоятелей ваших о Господе,*

и наказующих вы. Так как он сказал пред сим: *созидайте кийждо ближняго* (стих 11); то чтоб они не заключили, что их самих возводит он в достоинство учителей, он присовокупил эти слова».

Затем святой Златоуст объясняет, как законно такое требование святого Апостола: «Если кто-нибудь предстательствует за тебя пред человеком, то ты делаешь для него все, изъявляешь ему полную признательность. А сей (священник) предстательствует за тебя пред Богом, и ужели ты не будешь чувствовать к нему признательности? — Но как он предстательствует, говоришь ты? — Так, что молится за тебя, что подает тебе духовный дар, сообщаемый чрез крещение, надзирает за тобою, поучает, вразумляет тебя, в полночь, если позовешь, идет. Пусть никто не противится, пусть никто не прекословит! Кто любит Христа, тот будет любить священника, каков бы он ни был, потому что чрез него сподобился страшных таин. Скажи мне, если бы ты пожелал видеть царские чертоги, повсюду блестящие золотом и сияющие драгоценными камнями, нашел человека, у которого от них ключи, и он, по твоей просьбе, тотчас отворил бы их и пустил тебя внутрь, то не предпочел ли бы ты его всем, — не полюбил ли бы его, как свои очи, не целовал ли бы ты его? А сей (священник) отверз тебе небо,

и ты его не любишь и не чтишь?! Так, если любишь Христа, если любишь царство небесное; то уважай тех, чрез кого ты получишь его».

Сердечный союз с пастырями есть первая основа стояния христианских обществ; вторая — живой союз всех христиан между собою, выражающийся общим миром. Почему, сказав о первом, Апостол прибавляет: *мирствуйте в себе* — будьте мирны между собою. Под пастырством, — чтимым и любимым, — взаимный общий мир из многих делает единое тело, стройное и крепкое.

Мирствуйте в себе — ἐν ἑαυτοῖς — может иметь еще и такой смысл: да будет каждый из вас мирен сам в себе, мирен с Богом и с совестию, мирен в мыслях, чувствах и расположениях, не допуская лжи и неверию, страстям и увлечениям расстроивать свой внутренний мир. Это не противно первому пониманию, а им предполагается. Кто не мирен в себе, тому трудно соблюсти мир вовне, и все нарушения мира с другими начало свое имеют в немирности внутренней. Напротив, кто мирен внутренно, того что может заставить нарушить мир внешний? — К тому же, заповедуя мир взаимный, Апостол, конечно, хотел внушить, чтобы все имели мир между собою не внешно только, но и сердечно. — Следовательно, требует мира с другими не без мира внутри себя.

В иных рукописях* вместо: *в себе* стоит: *в них* — то есть в пастырях. В таком случае здесь *или* такая мысль: будьте мирны в отношении к ним, то же, что — с ними, *или* такая: будьте мирны между собою под их влиянием, руководством и блюстительством. Последнее ближе к ходу речи. Подначальство и подпастырство — охрана взаимного мира. С ослаблением подначальства взаимный союз разлагается и происходит всякое нестроение. Но и первая не неуместна. Впереди сказал Апостол, чтоб знали, чтили и любили пастырей. Теперь прибавляет: смотрите же, не нарушайте мира с ними, когда они станут укорять вас за что и вразумлять. «Видишь, — говорит Экумений, — как предугадывал он возможность зарождения неудовольствия на учителей. Обличая худое и удерживая от зла, они навлекают на себя неприязнь, несмотря на то, что на всех лежит долг любить их». Феофилакт дает новый оттенок сей мысли, говоря: «Должно мирствовать с ними (то есть с пастырями) и притом не по внешнему только виду, но в себе самих». И очень вероятно, что поводом к такой речи послужило чтение текста святого Златоуста, у которого стоит: *мирствуйте в себе в них*. — Можно сказать потому, что не погрешит, кто в слове Апостола будет видеть заповедь о всестороннем мире, о мире с пастырями и, под их руководст-

* В Синайской: ἐν αὐτοῖς; в Ватиканской: ἐν ἑαυτοῖς.

вом и блюстительством, о мире между собою и в себе.

бб) Взаимное поддержание среди себя истинно христианской жизни (5, 14—15)

Союз пасомых с пастырями и между собою служит основою составления и стояния общества христианского, а благосостояние зависит от взаимного вспомоществования и содействия всех каждому и каждого всем. Апостол и говорит теперь об этом преимущественно, однако ж в духовно-нравственном отношении, так как христианское общество устрояется на духовных началах и с духовными целями.

Стихи 14 и 15. *Молим же вы, братие, вразумляйте безчинныя, утешайте малодушныя, заступайте немощныя, долготерпите ко всем. Блюдите, да никтоже зла за зло кому воздаст, но всегда доброе гоните и друг ко другу и ко всем.*

Это *молим* имеет здесь другой оттенок в греческом, чем предыдущее. Там оно отзывается строгим внушением, а здесь умоляющим убеждением (παρακαλοῦμεν). Причиною тому — предметы речи. Там заповедовались дела правды, а здесь внушаются дела братской духовной любви.

Но к кому обращает речь святой Апостол? — К *братиям*, ко всему телу Солунской Церкви, а в лице ее и всем христианам. Взаимное друг друга назидание, взаимное друг друга поддерживание в христианской жизни и взаимноисправ-

ление заповедуются Апостолом и в других посланиях (Рим. 15, 14; Кол. 3, 13. 16; Евр. 3, 13; 10, 24). Это, однако ж, не устраняет преимущественного долга пастырей — исполнять все прописываемое. К тому же в Церкви Божией все должно идти благообразно и по чину. Потому нельзя думать, чтобы у Апостола была мысль — оставить на произвол эти высокие дела братской духовной любви, к которым притом не всякий может быть и способен. Они не могли и не могут совершиться плодоносно без указаний и руководства пастырей. Скорее надо положить, что заповедь дается всей Церкви, а исполнение сей заповеди ложится на пастырей, а под их водительством и на других, более преуспевших в жизни христиан. Святой Златоуст и за ним Экумений и Феофилакт полагают, что здесь речь Апостола обращена к пастырям, хотя не отрицают, что не только уместно, но и нужда бывает вразумлять и назидать себя взаимно, как видно из их мыслей на 11 стих.

Вразумляйте безчинныя. «Бесчинными Апостол называет тех, которые поступают против воли Божией» (Златоуст); «действуют не по чину, от Бога учрежденному» (Феодорит и Экумений). «Бог каждому определил свой чин; преступающий его есть бесчинник» (Феофилакт). Это те же лица, которые Апостол во втором послании назвал *безчинно ходящими, не по преданию, еже*

прияша от нас, также *ничтоже делающими, но безчинно ходящими* (2 Сол. 3, 6, 11). Вообще это такие, которые нерадят о своем долге и своим беспорядочным поведением нарушают общий мир и спокойствие, и срамят общество христианское пред лицом нехристиан. «Церковный чин стройнее воинского; вследствие того и ругатель бесчинен, и пьяница бесчинен, и любостяжатель, и все согрешающие. — Так как в строе они идут не чинно, но в беспорядке, то и нарушают строй» (Златоуст). Апостол заповедует их вразумлять, то есть «не с строгостию и надменностию делать им выговоры, но с снисхождением, с кротостию. Ибо тот, кому делают строгие выговоры, ожесточившись, становится более дерзким и пренебрегает ими; но посему чрез увещание надлежит врачевство сделать приятным» (Златоуст), убеждая их понять несообразность их поведения с своим званием и исправиться.

Утешайте малодушныя. «Малодушен тот, кто падает в духе от неприятностей, несчастий, от притеснений, гонений и лишений, от скорбей и болезней, малодушен не переносящий обид, малодушен не переносящий искушений за Христа. Он именно и есть посеянный на камени» (Златоуст). Как готового отпасть, долг любви обязывает всякого поддержать его, утешая и воодушевляя к терпению великими обетованиями благ, отложенных истинным христианам, которые, несмотря на

скорби, пребудут верными своему званию. И малодушные, как христиане, сами знают все это; но в час скорби и малодушия выпадают из памяти и сердца все утешительные истины христианские. Воскресить их в сознании и снова приблизить к сердцу — есть указать источник утешения и воодушевления малодушествующим.

Заступайте немощныя. Немощны и те, кои изнемогают в вере (Рим. 14, 1—2), и те, у коих *совесть немощна* (1 Кор. 8, 7, 11—12), слабые в познании веры, в убеждениях, в правилах жизни христианской, и готовые или отпасть от веры, или впасть в грехи. Христианам преуспевшим и крепким долг любви повелевает поддерживать таковых. «Подкрепляйте тех, которые не имеют непоколебимой веры» (Феодорит), «которые немощны в отношении к ней», потому что и в отношении к ней бывает немощь. Но смотри, как он не допускает, чтобы их презирали. Так и в другом месте пиша, сказал он: *изнемогающаго в вере приемлите* (Рим. 14, 1); подобно тому, как и в наших телах мы не даем погибнуть немощному члену» (Златоуст). Но, может быть, здесь разумеются и такие, которые в случаях напраслин не могут отстоять себя сами, хоть и есть способы к тому. Апостол велит заступаться за таких и поддержать их правое дело своим советом, содействием и ходатайством.

Долготерпите ко всем. Кто, встречая неприятности и оскорбления от другого, не позволяет себе подвигаться против него на немирность, гнев и неприязненные чувства, тот терпит; а кто хранит ненарушимым мирное расположение к другому, несмотря на то, что этот продолжает действовать так, что его дела постоянно колеблют такое расположение, — тот долготерпит. В общежитии — нельзя пробыть без столкновений. Предписывая долготерпение, Апостол запрещает всякое чувство неудовольствия на кого-либо из-за этого. Но как душа наша очень подвижна на неудовольствие, то Апостол почасту внушает добродетель долготерпения (Еф. 4, 2; Кол. 3, 12), указывая источник ее в любви (1 Кор. 13, 4). При слове: *ко всем*, Апостол разумеет всякого, от кого идет неприятность, или кто причиняет труд, не имея в виду его веры, верующий ли он, или неверующий. Не смотри на то, кем возбуждается тревога в сердце, а на самую тревогу, чтоб, восстановив внутренний мир, оказаться сильным к долготерпению. Тут же разумеются и все лица, о которых поминалось пред сим, — бесчинные, малодушные, слабые, и, может быть, преимущественно они, — чтоб внушить, что в отношении к ним надлежит действовать с терпением любви, без всякой горячности и раздражения. Для тех, кои хотят благотворно действовать на других, это «самое приличное свойство, сильное остепенять

самых зверских людей» (Феодорит), «победить самых непреклонных» (Экумений), «обратить и пристыдить самого грубого и самого бесстыдного» (Златоуст).

Блюдите, да никтоже зла за зло кому воздаст. Долготерпение благодушно переносит все неприятности от других. Но в кругу сих неприятностей есть особенно раздражительные, как, например, унижение, личное оскорбление, намеренное зло и подобные, которые вызывают самозащищение или, прямее, под его прикрытием, месть. Отмщать склонна падшая природа наша, так что это вошло будто в естественное право. Эта благовидность отмщения, которого сущность состоит в воздавании злом за зло, побудила святого Апостола выделить из общего круга предметов долготерпения неприятности, возбуждающие месть, чтоб поставить всех на страже против этих особенно неправых движений раздраженного сердца. Трудно удерживаться от порывов досады, гнева и мести; почему Апостол и ставит эту добродетель под общее блюстительство: *блюдите*, — и, конечно, под особенное блюстительство тех, на коих лежит долг — блюсти за всеми нравственно-религиозными состояниями христиан. Месть кладет пятно на все христианское общество пред лицом язычников. Почему справедливо на всех возлагается смотреть, чтоб она не проторглась. Кроткие и спокойные пусть удерживают и осте-

пеняют горячих. Запрещая христианам месть, Бог берет отмщение Сам на Себя: *Мне отмщение, Аз воздам, глаголет Господь* (Рим. 12, 19). Самим же христианам позволительно отмщать только добром: *аще алчет враг твой, ухлеби его; аще ли жаждет, напой его. Сие бо творя, углие огненно собираеши на главу его. Не побежден бывай от зла, но побеждай благим злое* (Рим. 12, 20–21).

Но всегда гоните доброе и друг к другу и ко всем. Вне связи речи это слово Апостола заповедует не только быть всегда готову сделать другим добро, когда представится к тому случай, но и самому изыскивать эти случаи, как бы гоняться за ними, как за самою выгодною добычею. В связи же речи, здесь указывается образ действования, противоположный отмщению. Желающий отмстить изыскивает способы, как бы сделать зло за зло; а ты, говорит, не об этом заботься, а о том, как бы сделать добро вместо зла,— и заботься усиленно, со рвением, чтоб непременно достигнуть сей цели и тем погасить пагубную вражду. «В том состоит высшее любомудрие, чтоб не только не платить злом за зло, но платить за него добром. Поистине, это такое отмщение, которое приносит великую пользу и тебе, и тому (врагу), если захочет» (Златоуст). Это правило напоминает заповедь Спасителя: *любите враги ваша, благословите кленущия вы, добро творите*

ненавидящим вас, и молитеся за творящих вам напасть, и изгонящия вы. Яко да будете сынове Отца вашего, Иже есть на небесех, яко солнце Свое сияет на злыя и благия, и дождит на праведныя и неправедныя (Мф. 5, 44—45). И святой Петр учил,— *не воздавать зла за зло, и досаждения за досаждение; сопротивное же благословлять* (1 Пет. 3, 9). И Апостол Павел повторял то же наставление в других местах: *благословляйте гонящия вы, благословите, а не кляните... ни единому же зла за зло воздающе, промышляюще добрая пред всеми человеки* (Рим. 12, 14, 17).— Слова: *друг к другу и ко всем* или то же значат, что и: ко всему телу Церкви и, в частности, к каждому христианину. Или: *друг к другу* значат — к братиям христианам, а *ко всем* — и к неверным (Златоуст, Экумений, Феофилакт). Такой образ действования в отношении к обидчикам возвышал христиан в глазах язычников более, чем самое благотворение. Ибо тут удовлетворялось и естественное доброхотство сердца, а там дела шли наперекор сердцу; чего невозрожденные язычники не могли понять по своим началам и дивились тому, как чему-то необыкновенному, каково оно и на самом деле есть.

б) Характеристические черты истинно христианской жизни в каждом христианине (5, 16—22)

Указав добродетели, на которых держится строй, твердость и благосостояние христианских

обществ, святой Павел приступает теперь к изображению *характеристических черт христианской жизни в каждом христианине* — 16—22.

аа) *Высшие проявления духовной жизни о Христе Иисусе* (5, 16—18)

Здесь *сначала* означает он высшие проявления духовной жизни о Христе Иисусе, каковы: радость, непрестанная молитва, всегдашнее благодарение — 16—18; потом определяет бб) производителей сей жизни, кои суть: α) *Божественная благодать*, у всех открывающаяся горением духа, а у некоторых сверх того и особыми дарами, каков, например, дар пророчества (19—20), и β) *собственные усилия* каждого, обнаруживающие в рассмотрении, что хорошо и что худо, и в понуждении себя на добро и противление злу (21—22).

Ход жизни духовной в каждом таков: пришедши в чувство и покаявшись, полагает христианин намерение работать Господу неуклонно и, приняв благодать чрез таинства, начинает, духом горя, ревновать о Богоугождении, уклоняясь от всякого зла и творя всякое добро. Когда вследствие трудов и подвигов в сем порядке душа начинает очищаться от страстей, приходит к ней чувство здравия и спасения, исполняет сердце радостию, какою радуется больной, когда выздоравливает. В то же самое время сердце более и более прилепляется к Господу и, неотступно держа в нем внимание, зарождает непрестанную

молитву, в которой сказуются не одни прошения, но прошения с благодарением — за все, что получено, получается и имеет быть получено (Кол. 4, 2). Все это означил святой Павел в кратких, но многообъятных положениях; только в показаниях своих он идет не снизу вверх, а сверху вниз.

Стих 16. *Всегда радуйтеся* — радостию *о Господе* (Флп. 3, 1; 4, 4) и *о Дусе Святе* (Рим. 14, 17), которая водворяется в сердце под влиянием живой веры, теплой любви и крепкого упования, и бывает столь глубока, что никакие внешние беды расстроить ее не могут. В христианине такая радость столь же естественна, как естественна радость у сына, принятого снова в объятия любви отцом, которого он прогневал, у пленника и узника, ожидавшего казни и смерти и получившего свободу, у должника неоплатного, с которого сняты долговые обязательства, и вообще у человека, находившегося в последней крайности и вдруг неожиданно получившего полное счастие. Что у этих делается внешно, все то в высшем значении совершается у христианина в духе. Человек создан на радость — на жизнь райскую; потерял ее чрез грехопадение; теперь в Господе Иисусе Христе благодатию Святого Духа опять восстановляется он в первый свой чин. Хоть внешно он еще не в раю, но внутри уже получает райский строй. Оттого и радуется. В житейском быту люди находятся в веселом расположении

духа, когда нужды не тяготят, отношения с другими мирны, дела текут исправно и впереди не грозит никакая беда. У христиан грехи прощены, нравственные силы восстановлены благодатию, мир с Богом водворен, совесть блюдется чистою ко всем и ко всему, уверенность, что Господь хранит и сохранит его до конца непорочным, непоколебима, упование блаженства вечной жизни глубоко. В такой обрадовающей атмосфере живя, он не может не быть в постоянно отрадном состоянии духа. Но существенная основа радости христианина — обновление падшего естества. В возрождении полагается семя новой жизни, по образу воскресшего Господа (Рим. 6, 4). Начав с сего момента ходить в обновленной жизни, он более и более высвобождается из уз растления греховного и преисполняется чувством здравия духовного. Это чувство почти то же, что чувство воскресения. Отсюда всегдашняя радость жизни о Господе. Из всего сказанного видно, что радость христианина есть отражение его духовного состояния и есть потому не произвольное чувство. Как же она предписывается? — И предписывается держать себя в таком же состоянии духовном, которое приносит непрестанную радость, окружать себя такими убеждениями, которые навевают отраду в душу, не лишать себя вкушения предлагаемых всех духовных благ о Господе, которые не могут не веселить сердца, не

чуждаться никогда трудов и подвигов, которые, хотя узким путем, но ведут в живот. Апостол не того хочет, чтоб христианин мечтами какими развивал в себе радость, а чтоб — делом, вступив в обрадовающую область света и живота. И сколько последняя неизбежна для истинного христианина, столько же радость неразлучна с истинным христианством. Почему она многократно и предписывается в Слове Божием (Флп. 3, 1; 4, 4; Рим. 12, 12; 2 Кор. 6, 10; Рим. 14, 17; Иак. 1, 2). Когда внутри мир и радость, тогда внешние беды и скорби не влияют на христианина, так что он другими только может почитаться скорбящим, сам же в себе присно радуется (2 Кор. 6, 10).

Стих 17. *Непрестанно молитеся.*

И в других посланиях святой Павел заповедует *пребывать* (Рим. 12, 12) и *терпеть в молитве, бодрствующе в ней* (Кол. 4, 2), *всякою молитвою и молением молиться на всяко время духом* (Еф. 6, 18). Постоянству и неотступности в молитве научает и Сам Спаситель притчею о вдовице, неотступностию прошения умолившей неправедного судию (Лк. 18, 1 и далее). Видно, что непрестанная молитва есть не случайное предписание, а неотъемлемая черта духа христианского. Жизнь христианина, по Апостолу, *сокровенна со Христом в Боге* (Кол. 3, 3). В Боге и пребывать ему неотлучно должно вниманием и чувством, что и есть непрестанная молитва. С другой

стороны, всякий христианин есть *храм Божий*, в коем *живет Дух Божий* (1 Кор. 3, 16; 6, 19; Рим. 8, 9). Сей-то *Дух*, всегда в нем пребывающий и ходатайствующий, молится о *нем всегда воздыханиями неизглаголанными* (Рим. 8, 26), научая его самого непрестанной молитве. Самое первое воздействие благодати Божией, обращающей к Богу грешника, обнаруживается устремлением его ума и сердца к Богу. Когда потом, по покаянии и посвящении жизни своей Богу, благодать Божия, совне действовавшая, чрез таинства низойдет в него и пребудет в нем, тогда делается в нем неизменным и всегдашним и то устремление ума и сердца к Богу, в коем существо молитвы. Оно обнаруживаетсяв разных степенях и, как всякий другой дар, должно быть возгреваемо (2 Тим. 1, 6). Возгревается же по роду своему: трудом молитвенным и, особенно, терпеливым и целесообразным пребыванием в молитвах церковных. Непрестанно молись, — трудись в молитве, — и приобретешь непрестанную молитву, которая сама уже станет совершаться в сердце без особых напряжений. Всякому очевидно, что заповедь святого Апостола не исполняется одним совершением положенных молитв в известные часы, но требует всегдашнего хождения пред Богом, посвящения всех дел Богу, всевидящему и вездесущему, возгреванием теплого к небу обращения умом в сердце. Вся жизнь, во всех ее проявлениях,

должна быть проникнута молитвою. Тайна же ее — в любви к Господу. Как невеста, возлюбившая жениха, не разлучается с ним памятию и чувством, так душа, с Господом сочетавшаяся любовию, неотступно с Ним пребывает, теплые обращая к Нему беседы из сердца. *Прилепляяйся Господеви, един дух есть с Господем* (1 Кор. 6, 17).

Стих 18. ***О всем благодарите. Сия бо есть воля Божия о Христе Иисусе в вас.***

Обрадованному получением неоцененных благ в Господе Иисусе и непрестанно предстоящему Богу в молитве естественно изъявлять благодарные чувства к облагодетельствовавшему его. Почему, коль скоро есть радость и молитва в сердце, есть там и благодарение. Несмотря, однако ж, на то, как радость и молитва, так и благодарение предписываются христианам во многих местах Писания в напоминание, чтоб не оставляли без внимания этого естественного движения обращенного к Господу духа. Так к ефесянам заповедует Апостол возгревать в сердцах своих песни духовные, *благодаряще всегда о всех о имени Господа нашего Иисуса Христа Богу и Отцу* (Еф. 5, 20); филиппийцев учит *ни о чемже пецыся, но во всем молитвою и молением со благодарением прошения* свои сказывать к Богу (Флп. 4, 6); колоссянам внушает: *благодарни бывайте... И все, еже аще творите словом или делом, вся во имя Господа Иисуса Христа, благодаряще Бога и*

Отца Тем (Кол. 3, 15, 17); и еще: *в молитве терпите, бодрствующе в ней со благодарением* (4, 2). Когда заповедуется благодарить *о всем*, то имеются в виду *или* блага, которых сподобляется христианин в благодатном царстве Христовом, или, кроме этого, и те блага, которые всякий получает от всеблагого промысла по естеству, как то: бытие и все потребное к благобытию. Греческое выражение ἐν παντὶ — *во всем* наводит на мысль, что Бога благодарить должно во всех обстоятельствах жизни, в радости и горе, в счастии и несчастии. Ибо всеблагий Бог всем воспитывает человека для вечности, имея в виду раскрыть в нем все добрые его стороны. И детская преданность в волю Божию умеет видеть во всех случаях жизни отеческое о себе попечение Божие, и благодарной являться не за одно приятное, но и за то, что бывает неприятно. Святой Златоуст пишет: «Всегда благодарить есть свойство души любомудрствующей. Ты потерпел какое-нибудь зло? Но, если хочешь, оно вовсе не будет злом. Возблагодари Бога, и зло обратится в добро. Скажи ты подобно Иову: *буди имя Господне благословенно во веки* (Иов. 1, 21)».

Сия бо есть воля Божия о Христе Иисусе в вас. На что такова воля Божия? Благодарить ли только, или и радоваться, и непрестанно молиться? — На все эти три проявления духовной жизни. Ибо они неразлучны и составляют одно

постоянное настроение духа в спасаемых — радостно-молитвенно благодарное. Непрестанное возношение ума и сердца к Богу, в радости духа с благодарением, — неотъемлемые плоды духа в сердцах истинно верующих. Когда говорит Апостол: такова воля Божия, то хочет сказать, что это не мой совет, а прямая воля Божия во Иисусе Христе, вам открытая. Причем намекается, что, хотя бы нигде прямо Господом не выражены были такие заповеди, само устроение спасения нашего, им совершенное, таково, что сподобляющийся его, вступающий в порядки жизни, спасение приносящие, и уверенный, что восприявший его во свое общение Господь не оставит его, и, начавши в Нем свое дело, несомненно и до конца доведет его, сознает в духе своем лежащее обязательство — с Господом всегда пребывать в радости и благодарной молитве. Воля Божия — *в вас*, не исключительно только в вас, но в вас, как христианах; следовательно, в вас, наряду с другими христианами. Таково христианство, что принявший его и вкусивший плодов его всегда радуется, непрестанно молится и о всем благодарит.

бб) Производители духовной жизни о Христе Иисусе (5, 19—22)

Стих 19. *Духа не угашайте.*

С высоты духовной жизни нисходит теперь Апостол к самому ее источнику и роднику. Обыч-

но живет человек в беспечности и нерадении о Богослужении и спасении. Зовущая ко спасению благодать пробуждает спящего грешника; он, внявши сему зову в чувствах покаяния, восходит до решимости посвятить прочее* жизнь свою на дела Богоугодные и тем содевать свое спасение; это решение обнаруживается ревностию, которая становится мощною, когда сочетавается с нею Божия благодать, посредством Божественных таинств. С сей минуты христианин начинает духом гореть, то есть неослабно ревновать об исполнении всего, на что совесть указывает ему как на волю Божию. Сие горение духа можно поддерживать и усиливать, можно и погасить. Возгревается он паче всего делами любви к Богу и ближним, составляющей существо сего духа, верностию вообще всем заповедям Божиим с покоем совести, безжалостными к себе подвигами душевно-телесными, молитвою и Богомыслием. Погашается отклонением внимания от Бога и дел Божиих, неумеренным озабочением себя делами житейскими, поблажками чувственным удовольствиям, плоти угодием в похоти, пристрастиями. Погасни сей дух, погаснет и жизнь христианская. Человек опять становится, как был, нерадивым и беспечным, и начинает жить, как живется, не заботясь крепко, на худое ли он попадает или на доброе. Предостерегая от сего пагубного шага, Апостол и внушает не угашать духа, то есть этого

* Оставшуюся. — *Ред.*

духа ревности, склоняясь на то, что противно ему, а, напротив, возгревать и питать его тем, что сродно ему. Что здесь святой Павел выразил так коротко, то в послании к Римлянам изъясняет в трех положениях: (будьте) *тщанием не ленивы, духом горяще, Господеви работающе* (Рим. 12, 11). «Не только будьте тщательны, но неослабны; не только имейте дух, но пламенейте духом, то есть будьте усердны и ревностны» (Златоуст на это место послания к Римлянам). Гореть духом значит посему, всеусердно ревновать о том, чтобы угождать Господу, святую волю Его исполняя неопустительно, как делают рабы в отношении к господам, а не угашать духа – не угашать сей ревности. Святой Златоуст пространно рассуждает о сем горении духа. Приводим кратко слова его:

«Какая-то густая мгла, и мрак, и облак разлиты над всею землею. Указывая на это, Апостол говорил: *бесте иногда тма* (Еф. 5, 8). Нас окружает ночь, так сказать, безлунная, и мы среди этой ночи ходим. Бог же дал нам ясную лампаду, возжегши в душах наших благодать Святого Духа. Но, приняв сей свет, одни сделали его более ярким и ясным, как, например, Павел, как Петр, как все святые; а другие погасили, как пять дев, как те, которые потерпели кораблекрушение в вере, как коринфский блудник, как отпавшие галаты. Посему Павел говорит теперь: *Духа не*

угашайте, то есть дара; потому что так обыкновенно называет он дар Святого Духа. Погашает же его нечистая жизнь. Ибо подобно тому, как, когда кто-либо нальет воды, или бросит землю на свет в светильник, или, даже ничего такого не делая, когда только выльет из него масло, – потухает свет, так потухает и дар благодати. Если ты привнес земное, если ты предался заботам о текущих делах, то ты уже погасил дух. Погасает пламень и тогда, когда не достает елея, именно, когда не творим милостыни. Так как он сам пришел к тебе по милости Божией, то, когда не находит в тебе сего плода, отлетает от тебя. Ибо он не пребывает в душе немилостивой. – Итак, не будем угашать его. Всякое злое дело погашает сей свет: и злоречие, и обиды, и все подобное. Как бывает с огнем, – что все чуждое ему уничтожает его и все сродное с ним его усиливает, – так бывает и с этим светом».

Так обнаруживается общехристианский благодатный дух, за покаяние и веру нисходящий в душу каждого в таинстве крещения или возвращаемый в таинстве покаяния. Огнь ревности составляет существо его. Но направления он может принимать разные, смотря по лицам. У иного он весь обращается на самоисправление в строгих подвигах, у иного – преимущественно на дела любви, у иного – на благоустроение христианского общества, у иного на распространение

Евангельского учения проповедию, как, например, в Аполлосе, который *горя духом, глаголаше и учаше известно, яже о Господе* (Деян. 18, 25). Во всех сих направлениях не угашать духа значит не подавлять его требований, внушений и устремлений, а благоразумно удовлетворять им, обращая все во славу Божию, во спасение свое и братий о Господе.

Некоторые под духом здесь разумеют особенный дар воспринимать внезапные озарения ума, входить в созерцание Богооткровенных истин, известных ли уже, или новых, с неудержимым желанием сообщать эти озарения и внушения Духа другим в сильном и одушевленном слове. Не угашать такого духа значит не мешать ему обнаруживаться и действовать в себе и других, во благо Церкви. Но в таком случае — это будет то же, что: *пророчествия не уничижайте*. Как Апостол пишет уроки жизни в кратких положениях, так что каждое из них содержит свое особое правило, то нет повода в этих двух изречениях (стихи 19—20) видеть одну и ту же мысль. Скорее следует допустить, что святой Павел, сказав о хранении общехристианского благодатного духа сего, — духа жизни о Христе Иисусе, — напомнил и о духе пророческом, к которому не везде тогда относились как должно, помянул как бы мимоходом, не имея нужды много говорить о сем особом даре, ни о других благодатных дарах.

Это тем удобнее принять, что тотчас за: *пророчествия не уничижайте*, следуют такие уроки, которыми определяется должное употребление общего благодатного духа жизни о Господе, в понуждении себя на всякое сознаваемое добро и в противлении всякому сознаваемому злу.

Стих 20. *Пророчествия не уничижайте.*

В первенствующей Церкви был особый дар пророчества (Рим. 12, 6; 1 Кор. 12, 10), и те, которые обладали им, именовались пророками. Имя сей дар получил от прозрения в будущее и проречение его, но действия его не ограничивались этим одним. *Пророчествуяй человеком глаголет созидание и утешение и утверждение* (1 Кор. 14, 3), – определил святой Павел в другом месте. Следовательно, пророчество обнимало всякого рода Божественные истины и предлагало их, – только всегда как непосредственное откровение Божие. Сознание непосредственного откровения есть отличительная черта духа пророчества, оттого имеющему пророчество присвояется ведение всех таин (1 Кор. 13, 2), и пророчествование поставляется однозначащим с предложением откровения (1 Кор. 14, 6, 30). Видно, что дар сей не всегда был исключительным достоянием некоторых лиц, но он мог находить и находил на всякого верующего. Возбужденный сим духом верующий сознавал, что получил откровение и чувствовал побуждение и способность созерцае-

мую им по откровению истину воодушевленно изложить другим верующим и их воодушевить ею, подобно как сам воодушевлен. Кто в общем собрании верующих, сознавая, что ум его обнят истиною новою, важною, свыше ему внедряемою, которую потому скрывать от других он считал делом, противным воле Божией, — вставал и предлагал ее собранию, тот пророчествовал, — о будущем ли говорилось, или о настоящем и прошедшем, или сокровенное нечто, всегдашнюю цену имевшее предлагалось, или это было нечто такое, что он доселе не так ясно сознавал, или чего совсем не знал. Все это, однако ж, было такого рода, что верующие из того могли почерпать только созидание, утешение и утверждение (1 Кор. 14, 3). В этом состоянии и речь изливалась в более возвышенном тоне, с большею живостию и энергиею, чем в обычном, более спокойном учительстве.

Очевидно, что уничижать сей дар, то есть ни во что его ставить, и ради того, конечно, ограничивать или совсем устранять его проявление и действие в собрании христиан, значит лишать христианское общество всегда необходимого притока оживительных благодатных возбуждений, не говоря уже о том, что это есть явное противление Духу Божию и оскорбление Его (Еф. 4, 30). Святой Апостол и запрещает это делать. — Но по какому поводу? После в Коринфской Церкви

обнаруживались недолжные отношения к сему дару, и святой Павел вынужден был делать по сему поводу особые распоряжения и постановления (1 Кор., глава 14). Было ли что подобное в Солуни, не видно. Может быть, святой Апостол предотвращал только возможное или имел в виду обратить только более усердное внимание к проявлениям сего духа, столько плодотворным особенно в юной Церкви, где многое надлежало восполнять и разъяснять. Святой Златоуст так объясняет это: «В те времена многие пророчествовали, одни истинно, другие ложно. Диавол, будучи лукав, хотел по поводу дара пророчества низвратить все в Церкви. Вследствие того и тот, и другой предсказывали будущее — и демон, и дух, хотя первый пророчествовал ложно, а другой истинно, и неоткуда было взять признака, по которому можно было бы отличать одного от другого: ибо и те, и другие пророки учили, не давая отчета в своих словах, подобно Иеремии или Иезекиилю. Так как в это время у фессалоникийцев многие пророчествовали, то, сказавши: *духа не угашайте*, он благовременно присовокупил и следующие слова: *пророчествия не уничижайте*. Он хочет здесь выразить следующую мысль: по той причине, что у вас есть несколько лжепророков, вы ради их не противодействуйте пророкам истинным и не отвращайтесь от них».

Та же мысль у блаженного Феодорита, Экумения и Феофилакта.

Стихи 21 и 22. *Вся же искушающе, добрая держите. От всякия вещи злыя* (от всякого вида зла) *отгребайтеся*.

Вся же искушающе, добрая держите. Если слова сии поставлять в связи с непосредственно предшествующими: *пророчествия не уничижайте*, то есть из-за ложных пророков не пренебрегайте и истинных, то в них надо видеть апостольское руководство, как поступать в отношении к пророкам ложным. Он как бы решает недоумение: «Что ж? Неужели нам принимать и лжепророков? – Нет. Но все искушайте,– то есть и ложное, и истинное с испытанием разбирайте, и потом пророчества, оказавшиеся добрыми, принимайте, то есть почитайте их за истинные и имейте во внимании» (Феофилакт). Когда кто говорит как пророк, «искушайте, подлинно ли это пророчество» (Златоуст). «Распознавайте, что от Духа Божия и что от противника; и, отвергая, что от прелести, держитесь того, что от истины» (Феодорит). Для распознания, от Бога ли то, что говорят в пророческом духе, или это есть собственное мечтание говорящего и прелесть вражеская, в первенствующей Церкви был особый дар различения духов (1 Кор. 12, 10). В наше время для различения, от истины ли речь,– воодушевленная и увлекательная,– служит поло-

жительное учение Церкви. Это пробный камень всех учений. Что с ним согласно, то принимай, что несогласно, отвергай. И это можно делать без дальних рассуждений. Дар различения духов, живя и действуя в Церкви, определенно разграничил, что истинно и что ложно. Последуя указаниям Церкви, будешь то же делать, как бы ты последовал благодатному дару различения духов.

Но если слова сии поставить в связи с словами: *духа не угашайте*, то в них надо видеть продолжение изображения исходного деятельного начала истинно христианской жизни. Дух жизни о Христе Иисусе, зарождаемый сочетанием благодати со свободою, обнаруживается жаром ревности о Богоугождении и спасении. К чему стремится и чего ищет сей дух, Апостол определяет то в другом месте так: *елика суть истинна, елика честна, елика праведна, елика пречиста, елика прелюбезна, елика доброхвална, аще кая добродетель и аще кая похвала, сия помышляйте* (Флп. 4, 8). Чтоб ревнующий в сем духе мог сознательно склониться на что-либо прямо не хорошее, этого и подозревать нельзя. Но и во внутренних движениях, и в сплетениях внешних обстоятельств много есть такого, что на вид только хорошо, а в существе дела не хорошо, и, последуя чему, можно уклониться от пути истины и добра. Апостол и придает к духу ревности

рассуждение, которое должно определить, чего в данном случае надо держаться и от чего отклоняться. В другом послании он полнее изображает это, говоря: *не сообразуйтеся веку сему, но преобразуйтеся обновлением ума вашего, во еже искушати вам, что есть воля Божия благая и угодная и совершенная* (Рим. 12, 2). Предмет рассмотрения и исследования есть воля Божия – то, чего хочет от тебя Бог в тех или других обстоятельствах. Общая воля Божия уже выражена в заповедях и всем известна. Ее нечего исследовать. Но приложение заповедей может быть разнообразно, а какое именно следует избрать в предлежащем сочетании случайностей, это должен определить всякий сам тут, на месте, в момент действования. Определяет обновленный благодатию ум. Одно внешнее, письменное откровение уже просветляет ум и возочищает* совесть. Благодать же, нисшедши в святых таинствах и сочетавшись с духом человека, образует духовное чутье воли Божией, которое негласно, но тем не менее верно определяет, как поступивши, поступишь Богоугодно. Это то же и у святого Иоанна *помазание от Святаго* (1 Ин. 2, 20, 27), и что *чувствия обучена... в разсуждение добра же и зла* в послании к Евреям (5, 14). До этого совершенства доходит рассуждение *долгим учением* (там же), но зачатки его даются и открываются

* Заново очищает. – *Ред.*

с самого начала. Опыты жизни у внимающего себе, при помощи записанных опытов святых и советом единомысленных, под невидимым руководством благодати Божией, – суть школа обучения. Ревнующий дух один, сам по себе, может быть слеп. Очи для него – рассуждение, указывающие, куда ему должно направляться и какой стороны держаться.

Когда рассуждение определит, что хорошо и что худо, ревнующий дух естественно уже доброго держится, а от злого удаляется. Только нерадивый и беспечный может еще внимать внушениям зла и раздумывать, не поблажить ли на этот раз позывам страстей. У кого же дух горит ревностию, кому, следовательно, присущ страх Божий, у кого жива совесть, кто полон любви к Спасителю своему, тот может чувствовать приражения злых страстей, но поблажать им – никак. Для этого надо наперед погаснуть духу – горящему, сему противовесу пламени страстей. Таким образом, *добрая держать*, а *от всякаго зла отгребаться* или, что то же, – *уклоняться от зла и творить благо* (1 Пет. 3, 11) суть два отправления единого жизненного христианского начала, всегда неразлучные – как бы две ноги шествующего вслед Господа путем святых Его заповедей.

Доброе держите, – узнанное добро примите в сердце, обымите его любовию и держите не

однократно, а во всю жизнь, как неизменное правило вашей деятельности. *От всякия злыя вещи отгребайтеся,* — «не от той только или другой, но от всякой» (Златоуст). С греческого — от всякого вида зла, — то есть от зла в словах, делах, помышлениях и чувствах, или от всякой даже тени, малой черты зла. Воля Божия — норма. Противного ей ни за что не допускать, и, коль скоро недоумение предлежит, лучше пропустить дело, чем сделать сомнительное, чтоб всегда ясно было сознание исполнения точной воли Божией пред лицем всевидящего Бога. Замечательно слово: *отгребайтеся.* Оно заставляет представлять шествующего путем заповедей Господних похожим на идущего среди терний или густой липкой травы, которые на каждом шагу мешают свободному движению ног и вынуждают его, прежде переступания с одной ноги на другую, расчищать себе дорогу, отгребаясь от прилипшей травы или зацепившегося колючего терния. Сравнение это дает разуметь, что в ревнующем о Богоугождении и спасении против всякого доброго начинания возникает злое помышление, а иногда и влечение, источаемые неочищенным еще страстным сердцем, — и что при исполнении первого не обойдешься без того, чтоб не побороться с последними. Надо презреть их, отвергнуть, возненавидеть, и таким образом отгрестись от них, чтоб свободнее держаться доброго. — Тут намекается

на то, о чем святой Павел пишет в послании к Римлянам: *обретаю закон, хотящу ми творите доброе, яко мне злое прилежит. Соуслаждаюся бо закону Божию по внутреннему человеку: вижду же ин закон во удех моих, противувоюющ закону ума моего, и пленяющ мя законом греховным, сущим во удех моих* (Рим. 7, 21—23). Таким образом, горящий духом, благодатию Божиею укрепляем, то отклоняет себя от зла, то преклоняет к добру. Противление злу и принуждение себя на добро — два постоянные его занятия, облегчающиеся по мере ослабления страстей и преспеяния в добре. Цель его стремлений — дойти до того, чтоб во всем составе естества его царствовало одно добро.

в) Последняя цель, к которой должны все стремиться, с обнадежением в достижении ее (5, 23—24)

Что должен иметь в виду всякий христианин, в духе ревности о Богоугождении и спасении работая над собою, в принуждении себя на добро и в противлении себя со злом, — это есть очищение себя от всех страстей, чтоб ни в одной части естества его не оставалось ничего нечистого, а весь стал он чист и непорочен пред лицем Самого всевидящего Бога. — На то и избраны христиане еще прежде сложения мира, чтоб *быть им святыми и непорочными пред Ним в любви* (Еф. 1, 4). Падший принял в себя семена злых страс-

тей, которые привились ко всем отправлениям его жизни и все их отравляют ядом своим. Когда благодатию Божию он восстанет и положит намерение не поблажать более страстям, а жить прочее* по воле Божией, и самим делом начнет так поступать, тогда страсти, не получая пищи, начнут слабеть и слабеть, пока совсем не погаснут. Напротив, естественные отправления сил, освобождаясь от тлетворного действия страстей, под действием благодатных влияний, подвигов и благочестивых упражнений, начинают воспринимать первоначальную свою доброту, к какой предназначены в творении и в какой вышли из рук Творца. Когда станет все в христианине чисто и совершенно, тогда он становится святым; пока же идет к сей степени – освящается. К совершенству сему ведет своего избранника Бог, хотя не без участия собственных усилий человека и напряжений его ревнующего о спасении духа. Почему святой Павел и молится об этом Богу, научая, конечно, и самих солунян непрестанно воздыхать о том к Его благости.

Стих 23. *Сам же Бог мира да освятит вас всесовершенных (во всем), и всесовершен ваш дух и душа и тело непорочно в пришествие Господа нашего Иисуса Христа да сохранится.*

С горящим духом, исполняя всякое узнанное добро и от всякой тени зла удаляясь, становится

---

* Впредь. – *Ред.*

христианин на путь к совершенному очищению. Кто так настроился, тот у преддверия святости. Такими видит святой Павел солунян и, как бы снарядивши их в добрый путь, напутствует благожеланием, чтоб Бог помог им и до конца дойти. Выражает это он молитвою к Богу, от Коего всякое благо и всяк дар совершен.

Сам же Бог... Не надейтесь на свои усилия и труды; они не доведут вас до цели, если не возьмет вас в Свое покровительство и попечение Сам Бог. Но вместе будьте уверены, что когда вы со своей стороны употребляете все старание, то и Сам Бог не оставит вас, придет к вам на помощь и Своим содействием увенчает успехом труды ваши. Когда, таким образом, Сам Он воздействует в вас, не сомневайтесь, что достигнете искомого, — *Бог мира*. Освящение и зачинается водворением начатков внутреннего мира с Богом и совестию, и, зрея само, крепит сей мир. Это преимущественный плод освящения. Обычно благодетелей величать титлами благ, от них полученных; и Апостол, сознавая, что высшее благо от устроенного в нас Богом спасения есть мир, именует его Богом мира, — не здесь только, но и во многих других местах (Рим. 15, 33; 16, 20; Флп. 4, 7, 9 и другие). *Да освятит* — да соделает *святыми и непорочными и неповинными* пред Собою (Кол. 1, 22), чтоб нигде в вас не оставалось никакой *скверны, или порока*, и чего-либо *от*

таковых, но чтоб вы были *святы и непорочны* во всем (Еф. 5, 27), очищены от всякой *скверны плоти и духа* (2 Кор. 7, 1). *Всесовершенных*, с греческого во всех частях — ὁλοτελεῖς (как и по-славянски в скобках — *во всем*). Как грех и страсти проникли все части естества человеческого и соплелись с ними, так и освящения желает Апостол тоже во всех частях, чтоб благодать Божия, провождаема будучи всюду усилиями самого человека, все преисполнила собою и от всего отребила все греховное, и все уды, бывшие прежде рабами *нечистоте и беззаконию в беззаконие*, преобразила в рабов *правде со святынею* (Рим. 6, 19).

Дальнейшие слова поясняют, что значит всестороннее во всех частях освящение: *и совершен ваш дух*, и прочее.— Всесовершен, с греческого — ὁλόκληρον ὑμῶν — целое вас, все ваше, целый состав ваш. Что же это все ваше? — Дух, и душа, и тело. Все эти составные части естества человеческого да сохранятся в непорочности в пришествие Господне. Как имение какое приобретши, надобно еще хранить, так надо хранить и стяжанную трудом с помощию благодати чистоту и свободу от страстей. Поминутно угрожает опасность увлечений и падений, от коих может соблюсти только помощь Божия. Почему не говорит: сохраните, но *да сохранится*,— Тем же Богом мира, Который производит и всестороннее

освящение. На какой бы кто степени ни стоял, страх падений не оставляет его, а следовательно, нужна помощь в охранении его свыше. И это до самого исхода, или до пришествия Христова.

Дух и душа и тело — Богооткровенное указание на состав естества человеческого. Как малый мир, человек совмещает в себе все виды жизни, проявившиеся в его предшественниках по лествице творения. В нем есть и растительно-животная жизнь, и животно-душевная вместе с душевно-человеческою, и духовная, исключительно ему принадлежащая и его характеризующая. Их и означают слова: тело, душа и дух. Тело — наш животно-растительный организм, со всеми его отправлениями и потребностями; душа — начало тех внутри нас сознательных явлений, кои начинаются чувственными восприятиями, влечениями и ощущениями и оканчиваются научными построениями, многообъятными начинаниями и предприятиями, произведениями вкуса; дух — орган Богообщения, Бога сознающая, Бога ищущая и Богом живущая сила. Существенные черты его — сознание и свобода, движущие его начала суть: вера в Бога, чувство всесторонней зависимости от Него и уверенность в Нем. Проявления жизни его суть: страх Божий, действия совести и жажда Богообщения, выражающаяся (со внешней стороны) недовольством ничем тварным. Это и есть то дыхание жизни Богоподобной, которое вдохнул

Бог при творении в первозданного. Сочетавшись в человеке с душою животною, оно претворило ее в душу человеческую, которая потому в своих действиях являет основательное сродство и с животными, и с духом. Как в духе отличительная черта человека, то сему духу даровано преобладающее в человеке положение над душою и телом, под условием полной покорности самого его Богу. Нормальный строй человека таков: дух в Боге, под его управлением – душа, под тем и другою – тело. Когда же отпал человек от Бога, дух потерял власть над душою, а эта – над телом. Жизнь падшего стала преимущественно плотская – чувственная, с слабою душевною и еще слабейшею духовною. Предваряющая – зовущая Божия благодать, приближаясь к человеку, действует прямо на дух его и, оживотворяя его стихии – страх Божий, совесть и жажду Богообщения, обращает его к Господу Спасителю, Который, сочетавая с ним навсегда благодать в таинствах, возвращает ему в человеке опять преобладающее положение. С сей минуты облагодатствованный дух начинает властно распоряжаться душевными силами и действиями, в видах преобразования ее всей по своим началам, или одухотворения ее. Привыкши к иного рода занятиям и вкусам, душевный человек не вдруг уступает: отсюда – борьба, неизбежная принадлежность истинно христианской жизни. Тело – страдательное

орудие душевно-духовной жизни. Падшая жизнь — греxолюбивая, страстная, чувственная, в нем преимущественно образует свой престол, оседлость и твердыню. Благодать Божия, руководя дух в трудах восстановления человека от падения, научает его прежде всего взять эту крепость, в которой укрывается и от которой получает подкрепление все греховное и страстное. Отсюда, тотчас по обращении, строгие подвиги телесные,— распятие плоти со страстьми и похотьми,— чтоб вытеснить отсюда всякое растление и тем лишить его опоры. Цель труда — отрезвить тело и сделать его покорным орудием духа в его целях и стремлениях.

Отсюда всякому понятно, когда дух, и душа, и тело — непорочны? — Дух непорочен, когда весь в Боге, и душе не покоряется, а ее себе подчиняет и по-своему направляет и устрояет; душа непорочна, когда, подавляя в себе всякую страстность, во всем следует созерцаниям, внушениям и вкусам духа и ничего противного тому не допускает ни в науках, ни в искусствах, ни в начинаниях,— и телом владеет, не ему покорствуя, а его себе обращая в орудие; тело непорочно, когда не творят угодия ему в похоти, а держат его в строгой мере естества, отревая все похотное.

Святой Златоуст, Феодорит, святой Дамаскин, Экумений, Феофилакт под духом разумеют Божественную благодать, сообщаемую верующим в

крещении, и молитву о сохранении духа в непорочности понимают как молитву о сохранении неугасимою сей благодати, соделывающей нас непорочными. Это не опровергает предложенных пред сим мыслей. Дух человека падшего, сам по себе, не может действовать соответственно своему назначению. Силу на то он получает от нисходящей на него Божией благодати, без которой действия его не бывают видны, и его будто нет. Так что хранить дух есть то же, что хранить благодать, и хранить благодать — то же, что хранить дух. Святой Златоуст подтверждает это, говоря: «Когда всецело сохраним в себе дарование (Святого Духа), тогда и наш дух останется невредим». — Экумений высказывает ту же мысль, когда говорит: «Если не погасим благодати Святого Духа худыми делами, то она сохранится в нас целою, светло воспламеняя собственный наш светильник (то есть дух наш). Если же дух в нас пребудет сохранно цел, то и душа, и тело соблюдутся непорочными», — благодать, пришедши в нас, не творит новых сил, а восстановляет падшие и расстроенные. Если, по благодати, обнаруживаются в нас духовные действия, то не иначе, как от духа нашего, восстановленного благодатию. И сама благодать не есть нечто, отдельное от Бога, а есть восстановление Богообщения, прерванного падением и теперь снова возвращаемого вследствие Богом же произведенного

обращения духа к Богу и предания себя Ему. Возвышение благодати в нас есть расширение и углубление Богообщения. Верх его указал Спаситель, когда сказал: *аще кто любит Мя, слово Мое соблюдет; и Отец Мой возлюбит его, и к нему приидем, и обитель у него сотворим* (Ин. 14, 23). Располагает же к соблюдению слова Господня и силу к тому подает и, следовательно, подготовляет пригодную для Боговселения храмину — Святой Дух — это высшее благо непосредственно соединено с непорочностию духа, души и тела.

Выразив такие высокие благожелания, Апостол спешит устранить всякое колебание надежды в исполнении их, восставляя в сознании их уверенность в верности Бога Самому Себе.

Стих 24. ***Верен призвавый вас, иже и сотворит.***

Сотворит все сие, — чего я вам желаю, — и какими быть вам заповедую, такими и сделает вас, так что несомненно вы предстанете пред Господа в пришествие Его непорочными. Это так верно, как верен призвавший вас. Призвал — не бросит. Как призвал Он в царство Свое, куда ничто не войдет нечистое, то, призвавши для царства, и очистит вас для вступления в него. *Начный — и совершит* (Флп. 1, 6). «Если Он призвал вас ко спасению, а Он истинен, то верно спасет, потому что желает сего» (Златоуст). В

этом — основание надежды спасения и для всякого христианина. Кто мог бы приступить к Богу, или изречь пред Ним обет Ему единому работать, если б не нисходила в сердце его уверенность, что не хотящий смерти грешника никогда не оставит его и какими весть путями проведет его к желанному концу (снеси: 1 Кор. 1, 9; 10, 13; 2 Сол. 3, 3; Евр. 10, 23; 11, 11). — Не колеблись. Исполнит Господь обетования Свои, только и ты будь верен Ему и во всем, требуемом от тебя, исправен. Ищи, стремись, трудись, не ослабевая, — и будет. Слаб и изменчив человек; решения его шатки. Но Бог, благодатию Своею, в предающих себя Ему, умеет шаткую волю человека приводить в согласие с Своею волею и выполнять в людях их же силами намерения Свои о них.

4. Заключительные желания (5, 25—28)

В заключение святой Апостол изъявляет несколько сердечных своих желаний. Кратки здесь выражения, но полны глубокого смысла и чувства. Тут видна вся душа святого Павла, его сердечный строй, Дух, направлявший его слова и дела. Вы видите, что он весь предан Богу и всего ожидает от Его вседействия и благости, прося молитв о себе (стих 25); видите, что он дышит любовию к детям своим и желает выразить ее самым нежным образом (стих 26); видите, что ничто столько его не интересует, как плодотвор-

ность проповедуемого им учения (стих 27). Наконец, как в нем, по его сознанию, трудится благодать Божия и все производит (1 Кор. 15, 10), так сей же благодати желает он, паче всякого иного блага, и солунянам (стих 28). – И почти у всех его посланий таково заключение.

Стих 25. *Братие, молитеся о нас,* – чтоб Бог хранил здоровье, подавал силы, устроял благоприятные обстоятельства для проповеди Евангелия. В других посланиях он выражает это прямее: *споспешествуйте ми в молитвах о мне к Богу* (Рим. 15, 30), *молящеся... да Бог отверзет нам двери слова, проглаголати тайну Христову* (Кол. 4, 3), *да слово Господне течет и славится, якоже и в вас* (2 Сол. 3, 1). Вся забота у него об успехах Евангелия, и всего нужного для сего ожидает он от единого Бога.

Но чего ради Апостол просит молитв о себе, когда с ним, как и со всеми Апостолами, по обетованию своему, Сам Господь, споспешествующий им и слово их утверждающий знамениями (Мк. 16, 20; Мф. 28, 20)? – Так заставляло его делать не одно смирение, коим был исполнен, и не одно желание своим смирением и других научить смиренному о себе образу мыслей (Златоуст, Феодорит), но особенно сознание силы общной молитвы. Таков дух жизни о Христе Иисусе, что всякий в отдельности сознает себя ничем, и если имеет что или чает что иметь, то только

в силу общения со всем телом Церкви, коей глава — Христос. Оттого христиане все всегда молятся друг о друге, — и хотя каждый сознает, что Отец Небесный есть и его Отец, но язык его не может произнести: Отче мой, а всегда взывает по заповеди: Отче наш. Взаимная молитва — прямой плод братской сердечной любви и свидетельство живого общения всех между собою, по коему касающееся одного, касается всех. Она составляет душу христианских обществ и всей Церкви, — и земной, и небесной.

Если же Апостол просит молитв у братии, то кто же может обойтись без них? — Сознавая это, святой Златоуст говорит к христианам, слушавшим его беседу: «Если Апостол сказал это (то есть молитеся о нас) по смиренномудрию, то мы не по смиренномудрию, а ради великой пользы и вследствие желания приобресть чрез вас нечто великое говорим: молитеся и о нас, — и говорим это не ради только того, чтобы говорить, но искренно желая ваших молитв. Ибо если я принял на себя обязанность ходатайствовать о всех вас и должен буду дать отчет в этом, то тем необходимее становится для меня молитва ваша. Ради вас я принял на себя большую ответственность; следовательно, и вы должны большую подавать мне помощь».

Стих 26. *Целуйте братию всю лобзанием святым.*

«О, какая теплота (любви)! Так как он, будучи в отсутствии, не мог сам приветствовать их лобзанием, то приветствует чрез других. Так и мы делаем, когда говорим: поцелуй за меня такого-то» (Златоуст). Любовь влечет ко взаимным объятиям и целованиям. Благодать Божия, изливаясь в сердца верующих, изливала в них любовь (Рим. 5, 5), – и они все не намерением только и желанием любили друг друга, но носили в себе самую силу любви, живую и действенную, которая и влекла их друг к другу. Объятие и целование были внешним выражением внутреннего сочетания душ. Апостол же, кроме того, желал обнять и целовать солунян, как чад, рожденных его благовествованием (1 Кор. 4, 15). Не могши сам лично это сделать, он поручает то своим преемникам-пастырям, равно как и прочитать пред всеми сие послание. Можем вообразить эту умилительную картину, когда пастыри Солунской Церкви, собрав всех христиан воедино и прочитав пред ними послание, начали всех обнимать и целовать от лица Апостола. В других посланиях Апостол просит всех целовать *друг друга* (Рим. 16, 16; 1 Кор. 16, 20; 2 Кор. 13, 12; 1 Пет. 5, 14). Может быть, это взаимное целование всех имело место и здесь от радости, что Апостол жив, помнит их и любит, и продолжает утверждать их в общении с Господом. Так бывает в светлое Христово Воскресение, во свидетель-

ство общей всем единой радости о воскресении Христа Господа.

Целовать заповедует Апостол *лобзанием святым*, таким, какое могут давать святые святым и какое прилично принимать святым от святых: в чистоте сердца, с почтительным отношением друг к другу, как к лицам, Бога в себе носящим. Или святым лобзанием он называет *лобзание любви*, как святой Петр (1 Пет. 5, 14), в противоположность лобзанию предательскому, каково было Иудино (Экумений).

Святой Златоуст в этом слове Апостола видит побуждение для всех нас хранить взаимную любовь, которая делает нераздельными и разделенных пространством: «Сохраняйте и вы в себе огнь любви, ибо расстояние не составляет для нее препятствия; напротив, она наполняет собою все отделяющее ее (от любимого предмета) пространство и везде находится».

Стих 27. ***Заклинаю вы Господем, прочести послание сие пред всею святою братиею.***

Как послание было надписано *Церкви Солунстей*, то нечего было и поминать о том, чтобы оно было всеми прочитано. Но оно могло быть прочитано каждым порознь; с чем естественно соединялось единоличное толкование и единоличное разумение писанного, а этому в Церкви Божией не следует быть. Не о том поминает Апостол, чтобы оно всеми прочитано было, но —

пред всеми, в общем собрании, чтоб и толкование его, где нужно, было общее и разумение одинаковое у всех. При этом он дает разуметь, что писанное все считает для солунян законоположением; законы же обычно читались на площадях, публично пред всеми. Но как в этот первый раз послание должно быть прочитано в общем всех собрании — Церкви, так, конечно, читалось оно и всякий раз, когда было на то желание или нужда в том. В этом нельзя не видеть указания на то, что читать писания апостольские в церкви есть учреждение апостольское.

Но зачем заклинание? — Верно, святой Павел предвидел, что по каким-либо опасениям или соображениям пастыри могли не пред всеми прочитать послание сие. В отклонение этого он заклинает их именем Господа — прочитать пред всеми; чем лишает силы все побуждения и причины, какие пастыри могли представить для непубличного чтения. Читайте пред всеми, что бы из этого ни вышло. Такова воля Господня, и рассуждать нечего. Поступая иначе, будете чужды общения с Господом. Пред таким грозным изречением не могли устоять никакие соображения.

Что именно могло бы удержать пастырей от публичного чтения, не видно. Можно и не пытать сего, удовольствовавшись мыслию, что Апостол или знал, или наверное предполагал нечто та-

кое. — Не то ли, что в послании содержались обличения, которые, конечно, касались некоторых известных личностей. Жалея их или опасаясь раздражить их, пастыри могли не читать пред всеми послания. Хотя, все одно, все узнали бы их и без публичного чтения, но для обличаемых это было бы легче. Эту благовидность отклоняя, Апостол заклинает прочитать послание пред всеми. Обличение чрез это оказывалось действеннее для обличаемых и полезнее для других. Обличаемые пред всеми, пред всеми же должны исправиться. Другие же все узнавали из сего, что такие и такие поступки неодобрительны и что, уклоняясь от них, они не особенное какое дело делали, а исполняли предписание апостольское. Притом заклинание ограждало пастырей. Обличаемые могли говорить: зачем они так осрамлены при всех? Пастырям было на что опереться: мы не могли иначе сделать; заклял нас Апостол именем Господним.

«Так страшны были для древних заклинания! Но, увы, не таковы они ныне, не таковы они для нас» (Феофилакт). Заклинание именем Господа налагает сильнейшее обязательство к исполнению того, о чем кто просит другого. Оно связывает совесть, затрагивая живые узы общения с Господом и угрожая разорванием его в случае неисполнения. Святой Златоуст пространно рассуждает о важности заклинаний именем Господа

и приводит пример, как исполнение просимого при таком заклинании ценно в очах Самого Господа. Одна раба, находясь в последней крайности, просила не свою, а другую знатную госпожу заступиться за нее пред ее господами; истощивши все убеждения, она прибавила наконец и заклятие: «Не презри прошения моего, чтоб и Христос не презрел тебя в день судный». Встревоженная заклятием этим, госпожа та поспешила к господам рабы и устроила ее дело. И в ту же ночь она увидела отверстые небеса и Самого Христа. Она удостоилась такого видения, заключает святой Златоуст, именно потому, что обратила сердечное внимание на заклятие.

Стих 28. *Благодать Господа нашего Иисуса Христа с вами. Аминь.*

Таково заключительное благожелание, равно как и — *аминь*, подтверждающий сие молитвенное благожелание, — во всех посланиях святого Павла с малыми отличиями. И в начале послания желает благодати, и в конце, потому что она есть начало и конец в деле нашего спасения; всегда и во всем нужна столько, что без ней никто ничего не может сделать достойного Христова царствия. Как сынами царствия люди становятся чрез новое благодатное рождение, так жизнь и деятельность их по духу сего царствия могут быть устрояемы только благодатию же. Христианин, сын царствия, благодатный — одно и то же. Как, на-

против, безблагодатный — уже не христианин и не сын царствия. Пиша к христианам, Апостол писал к облагодатствованным. Если желает им благодати, то в той мысли, — да сохранится, да приумножится, да возрастет. Лучшего благожелания для христиан быть не может. Где благодать Христова, там и все блага Христовы. — С другой стороны, желание благодати есть напоминание о долге исполнять условия, под коими благодать вселяется в сердца верующих и пребывает в них. Будь сам верен благодати, и благодать никогда не отступит и не оскудеет. В сем отношении Апостол как бы говорит солунянам: «Постарайтесь привлечь себе обильнейшую благодать, живя достойно того, что уже даровано вам» (Феофилакт).

«Сия же благодать да хранит и нас от всякого пути неправого; да живем во славу Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь» (Он же).

ПОСЛАНИЕ
К СОЛУНЯНАМ
ВТОРОЕ
ИСТОЛКОВАННОЕ
СВЯТИТЕЛЕМ
ФЕОФАНОМ

1. Повод к написанию и содержание послания

Неизвестно, сколько времени спустя по отправлении первого послания к Солунянам, но очень вероятно, что немного, Апостол Павел получил новые вести о состоянии Солунской Церкви, достойные внимания и требовавшие его участия. Кто-нибудь из верующих солунян приезжал или по своим делам, или нарочно будучи послан тамошними блюстителями христиан, и рассказал о том, что там происходило. Хоть это был слух, ибо говорит: «слышахом» (3, 11), но он был обставлен такими удостоверениями, что святой Павел не имел основания сомневаться в верности его и не мог потому не озаботиться положением тамошних христиан.

Чего именно касался этот слух, о том можно догадываться из содержания послания, как и делают все толковники. Говорилось, что солунские христиане примерно держат себя в христианских правилах, вера их крепка, любовь пламенеет и расширяется, и они, несмотря на гонения и притеснения, остаются непоколебимо преданными Евангелию Христову; но что между ними ходят опять неправые мысли относительно второго пришествия Христова, которые тревожат их и

смущают. Прежде они беспокоились за умерших, не понимая, что будет с ними в пришествие Господне. Послание святого Апостола рассеяло эти беспокойства. Но они нашли себе другой источник. Привзошло мнение, будто пришествие Господне уже настоит, вот-вот откроется, что день, что час. Это одних, вероятно, поражало страхом, от представления тех потрясающих явлений, которыми имело сопровождаться сие пришествие, а в других, может быть, раздражало сильнейшее желание поскорее увидеть славу царствия Христова; и всех поставило в такое настроение, что об них можно было сказать: «подвиглись от ума» (2, 2). Мнение это тем более приобретало стойкости и тем более тревожило, что явились люди, которые уверяли, будто получили откровение в этом роде; иные ссылались на то, будто слышали так из уст самого Апостола; другие же предъявляли даже послание, будто самим Апостолом Павлом писанное. Не дивно, что и первое послание делало эту мысль по крайней мере вероятною там, где Апостол говорит о нечаянности явления Господня. При этом говорилось также, что тот старый недостаток солунян,— страсть к беспечной, праздной и непоседной жизни, который замечен был Апостолом во время личного пребывания его в Солуни и об исправлении которого он тогда же настаивал и писал сверх того в первом послании,— остается между христиана-

ми. Некоторые предаются ей по-старому, не думая об исправлении своего поведения.

Получив такие вести, святой Павел не мог не озаботиться внести порядок в тамошнее настроение, успокоить умы, рассеять неправые мысли, исправить недобрый нрав. Почему пишет к ним послание второе. Его побудила к этому апостольская ревность и отеческая любовь к обращаемым. Он не мог сносить, чтоб на христианах виднелось какое-либо пятно, и всякую Церковь ревновал представить Господу чистою, не имеющею никакой скверны и порока.

Таков повод к написанию послания. Но как о нем мы делаем наведение из содержания послания, то нечего и поминать, что таково и содержание его, какое предполагает сей повод. В нем святой Павел: 1) благодаря Бога за преспеяние солунян в христианских добродетелях, поощряет их на дальнейшие успехи, особенно на терпение гонений и скорбей упованием будущих благ (глава 1); 2) рассеивает неправые мысли, будто уже настоит день Христов, предсказывая, что не придет день Господень, пока не явится враг истины — антихрист (глава 2); и 3) побуждает к исправлению бесчинно ходящих и убеждениями, и строгостию власти апостольской (глава 3). Но не трудно заметить, что главное в сем послании — установление точных понятий о признаках второго пришествия Христова. Похвала добрым

качествам солунян и воодушевление их на терпение есть как бы только введение к изложению сих понятий, а наставление об исправлении бесчинников есть частное прибавление, хотя для всех назидательное, но не всех касающееся, потому что неисправны были только некоторые лица. Блаженный Феодорит не дает перевеса ни одному из показанных предметов, но святой Иоанн Дамаскин, а за ним потом Экумений и Феофилакт главным предметом и целию послания главною считают учение о признаках второго пришествия Господня. При этом другие предметы и цели, естественно, уже должны расположиться в показанном порядке.

2. Время и место, когда и где написано послание

Христианская древность не без основания передала нам, что второе послание написано после первого, – и содержание послания неотразимо печатлеет убеждение в этом. Между тем нашлись лица, которые нагадали, будто второе послание написано прежде первого. Как много веса в этом гадании, можно судить по тем основаниям, на которых хотят его утвердить. Один, например, говорит: в 17 стихе 3 главы второго послания в словах: *сице пишу*, указан признак, по которому надлежало различать истинные послания святого Павла от подложных; указанию же такому уместно стоять в первом, а не во втором послании.

Но такой признак указан был святым Павлом по тому поводу, что сделано было покушение пускать под именем его послания не его (2, 2), а такое покушение уже предполагает непременно существование хоть одного истинного послания, каковым и было первое. К тому же сам Апостол в этом втором послании дает знать, что одно его послание уже было в руках солунян, когда говорит: *«Держите предания, имже научистеся, или словом, или посланием нашим»* (2, 15). Поэтому второго послания уже никак нельзя считать первым. Другому показалось, будто само содержание второго послания может наводить на мысль, что оно писано прежде первого. Оставляя в стороне его предъявления в этом смысле, приводим на память всякому, что содержание-то второго послания осязательнее всего и показывает, что оно писано после первого, и именно в пополнение его, в дальнейшее разъяснение и точнейшее определение некоторых содержащихся в нем предметов. Тогда как в первом послании еще только поминается о том, как и среди каких обстоятельств солуняне приняли веру христианскую, во втором говорится об их преуспеянии в христианстве, о превозрастании их веры и умножении любви (1, 3). Тогда как в первом послании говорится о внезапности явления Господня и о необходимости потому всегда быть готовыми к сретению Его, по безвестности времени, когда Он

придет, во втором устраняется ложный из того вывод, что уже настоит день Господень, чем определялось неопределимое время (глава 2). Тогда как в первом высказано только общее правило о тихой безмятежной и трудолюбивой жизни (4, 10 и далее), во втором пространно обличается противное тому поведение некоторых лиц (3, 6—16). К тому же когда святой Павел говорит во втором послании: *«молим вы о пришествии Господа нашего и нашем собрании о Нем не скоро подвизатися умом»* (2, 1—2), без всяких пояснений, что такое наше о Нем собрание; то надо думать, что он сделал это потому, что прежде определенно сказано, что значит это собрание; сказано же оно в первом послании — 4, 16.

Так по всему видно, что второе послание к Солунянам написано не прежде, а после первого, как всегда принималось и принимается всеми. Когда же именно? — Немного спустя после первого, в тот же год, когда святой Павел находился еще в Коринфе и, вероятно, пред концом его там пребывания. Что святой Павел был в ту пору еще в Коринфе, это видно из того, что в надписании послания сего он вместе с собою ставит и спутников своих — Силу и Тимофея, а они оба вместе были при нем только в Коринфе. После же отбытия святого Павла из сего города, святого Тимофея встречаем при нем в Ефесе (Деян. 19, 22); но о святом Силе нигде уже потом не

поминается как о спутнике святого Павла. Поэтому нельзя относить написание второго послания к Солунянам к какому-либо времени после пребывания святого Павла в Коринфе и к какому-либо другому месту, кроме Коринфа. Что оно писано к концу пребывания святого Павла в Коринфе, можно наводить из того, что в нем (3, 2) Апостол просит молиться об избавлении его от злых и лукавых человеков, чем намекает он, вероятно, на восстание против него в Коринфе (Деян. 18, 12–17); а оно случилось пред концом его там пребывания (Деян. 18, 18). Таким образом, если первое послание написано в 54 году, то нет основания относить к позднейшему этого года времени написание и второго.

3. Разделение

Из содержания сего послания уже видно, какой состав его и какие в нем части.

После обычных надписания и приветствия — 1, 1–2 святой Павел сначала хвалит доброе в солунянах и воодушевляет их на терпение — 1, 3–12; потом рассеивает их неправые мысли о втором пришествии Христовом с нравственными из того уроками — глава 2; наконец обличает бесчинно ходящих и убеждает их исправиться, вставляя это обличение в заключительную речь — глава 3. Означим эти части так: часть первая — воодушевительный очерк светлой стороны

солунян; вторая — вероисправительная; третья — нравоисправительная.

Более подробное развитие мыслей каждой части будет помещаемо в самом Толковании.

ТОЛКОВАНИЕ

ВТОРОГО ПОСЛАНИЯ СВЯТОГО АПОСТОЛА ПАВЛА

К СОЛУНЯНАМ

ПРЕДИСЛОВИЕ

а) Надпись и приветствие (1, 1—2)

Глава 1, стихи 1 и 2. *Павел и Силуан и Тимофей Церкви Солунстей о Бозе Отце нашем и Господе Иисусе Христе. Благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа.*

Эта надпись и приветствие слово в слово сходны с надписью и приветствием первого послания к Солунянам. Желающий пусть обратится к тому, что в Толковании того послания сказано на эти стихи. Здесь приложим только несколько замечаний наших толковников, которые они, кроме того, делают на некоторые речения.

Павел и Силуан и Тимофей. — Сим вторичным сопоставлением в ряд с собою сотрудников своих дает разуметь святой Апостол, что и сие послание пишется в том же духе и в тех же обстоятельствах, как и прежнее. Из чего, кроме исторических соображений, справедливо наводят, что оно писано не долго спустя после первого.

О Бозе Отце нашем и Господе Иисусе Христе. Если относить сии слова к приветствию, то будет: приветствуем Церковь Солунскую от лица, во имя, по благоволению Бога Отца и Господа Иисуса Христа. Так блаженный Феодорит: «Выражение *о Бозе Отце* подобно тому, что и нами пишется в письмах, ибо и мы обыкновенно прописываем: такой-то такому-то желает радоваться о Господе».

Если же относить их к словам: *Церкви Солунстей*, то они будут указывать на дух сей Церкви, что она не в чужое какое имя собрана, а во имя Бога Отца и Господа Иисуса Христа. «Ибо бывают церкви не о Отце и Сыне, каковы церкви эллинские и еретические» (Экумений). Иудеи могут говорить, что их синагога — во имя Бога, но она не во имя Бога Отца, тем паче не во имя Господа Иисуса Христа, потому есть ничто. Все истинные блага нисходят к нам по благоволению Бога Отца чрез Господа нашего Иисуса Христа, Сына Божия воплощенного. Потому те, которые не во имя их собираются, всуе собираются:

нет в них истины, они идут не путем Божиим и не причастны благодатных обетований. Сказать: «Церкви о Бозе Отце и Господе Иисусе Христе» есть то же, что сказать: истинно христианской Церкви. Ибо это значит то же, что сказать: Церкви, состоявшейся и продолжающей быть по благодати Бога Отца и Господа Иисуса Христа, то есть Церкви, которую усыновил Себе Бог, Отец верующих, и которую Господь Иисус Христос, Начальник веры нашей и Спаситель душ, призвал к вере, живо соединил с Собою в крещении, приобщил к телу Своему, или телом Своим соделал, и Духом Святым преисполнил. Но такая только Церковь и есть истинно христианская Церковь, которая в Боге Отце чрез Господа нашего Иисуса Христа. Равно и христианин истинный познается из того, если он есть в Боге Отце, по благодати всыновления, и с Иисусом Христом — Сыном Божиим соединен, как член с своею главою, и Духом Святым преисполнен и водится. Да памятует же всяк, что он чрез крещение стал сыном Богу, членом Христовым, жилищем Духа Святого, и, памятуя это, пусть держит на совести, что он должен жить, как всыновленник Божий, и действовать всегда в Духе Святом, или Им во всем водиться.

Благодать вам. «Большая часть людей все делает и предпринимает с тою целию, чтобы заслужить себе благорасположение и начальников,

и тех, которые знатнее их, и они высоко ценят это благорасположение и считают себя счастливыми, когда достигают того, чего желали. Но если так важно для человека заслужить расположение подобных себе людей, то какую цену должно иметь для нас то, когда мы сподобляемся Божией благодати? Поэтому-то Апостол всегда в начале своих посланий полагает такого рода благожелание благодати и молится о том Богу» (Златоуст).

Благодать вам и мир. «Когда кого Бог облагодатствует, тогда для него ничего не бывает невыносимого, а все легко переносится и проходит. Почему блаженный Павел, зная, сколь великое благо в жизни есть благодать, ее желает солунянам молитвенно. Ибо коль скоро она будет присуща в них, то они не только не будут чувствовать тяготы искушений, но еще и, *миром* Божиим наслаждаясь, пребудут несмущенны и покойны. Поминает он им о благодати еще и для того, чтоб, если и привнидут к ним искушения, они, вспомнив о благодати, коею спасены, утешились и, подкрепившись в духе прежде полученными многоценимыми благами, не отчаивались при встрече искушений и лишений малозначительных» (Феофилакт); или (как святой Златоуст) для того, «чтоб они, вспомнив о благодати Божией, коею спасены от больших зол, не пришли в уныние, подвергаясь меньшим, но в ней находили для себя утешение».

От Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа. Не нагадал бы кто из этого, будто у Апостола та мысль, что Бог есть Отец наш и Господь Иисуса Христа. Не на это должны наводить слова Апостола, а на то, что Бог Отец и Господь Иисус Христос равночестны и равновластны. Он как бы говорит: от Бога, Который есть Отец наш, и от Иисуса Христа, Который есть Господь наш. Слова: Бог и Господь – указывают на Божеское естество единое во Отце и Сыне. В посланиях к Тимофею так и стоит: *от Бога Отца нашего и Христа Иисуса Господа нашего*, то есть от Христа Иисуса, Который есть Господь наш и Бог. Блаженный Феодорит пишет: «Здесь научил нас Апостол и равномощию Отца и Сына; ибо, сказав: *о Бозе Отце нашем*, присовокупил: *и Господе Иисусе Христе*, и, опять, после слов: *от Бога Отца нашего*, приложил: *и Господа Иисуса Христа*; потому что одни и те же блага подаются нам Отцом и Сыном.

Часть первая
ВООДУШЕВИТЕЛЬНЫЙ ОЧЕРК СВЕТЛОЙ СТОРОНЫ СОЛУНЯН (1, 3—12)

После того, как было отослано к солунянам и ими получено первое послание, святой Павел получил новые вести о состоянии сей Церкви, в общем очень утешительные; но в некоторых частностях тамошние христиане требовали исправления, — и относительно догматов веры, и относительно поведения, — что и побудило его написать второе послание.

Начинает он его с утешительного, — с похвалы за то, что в них есть хорошего, с воодушевлением на твердость в добре и молитвою о том, — начинает так для того, чтоб проложить дорогу и речам исправительным и расположить к любовному их принятию. Солуняне преуспевали в добродетелях, какие и прежде отметил в них Апостол и какими отличаться должно всякое христианское общество (1 Сол. 1, 3). Радуясь тому, Апостол 1) благодарит Бога, что в них превозрастает вера и множится любовь, так что он не мог не хвалиться пред другими как этими их добродетелями, так, особенно, терпением среди

гонений и скорбей (стихи 3, 4). Как эта светлая сторона внутренняя омрачилась неотрадным положением внешним и, следовательно, с этой стороны солуняне требовали преимущественно поддержки, то святой Павел вслед за тем 2) выставляет такие истины, которые могли воодушевить солунян на терпение и ни во что ставить все нападки, именно: будет суд, на котором неверы, — гонящие, — будут посрамлены и осуждены на вечные мучения, а верующие, — гонимые, — прославлены (стихи 5—10). Затем, так как это счастливое разрешение их участи на суде зависит от непоколебимости в вере и постоянства в доброй и христианской жизни, то Апостол прилагает 3) молитву о том, чтоб Бог сподобил солунян выдержать себя до конца, как требует христианское звание, для прославления в тот день Господа в них и их в Нем (стихи 11—12). Судя по сему содержанию первой части послания, очень справедливо озаглавить ее: воодушевительный очерк светлой стороны Солунской Церкви.

1. Похвальные качества христианской жизни солунян (1, 3—4)

Стих 3. *Благодарити должни есмы Бога всегда о вас, братие, якоже достойно есть, яко превозрастает вера ваша, и множится любовь единаго коегождо всех вас друг ко другу.*

«Апостол изображает похвалу в виде благодарности и как удивляется вере их в Бога, так

удивляется и любви их к ближнему, а тем и другим свидетельствует о совершеннейшей их добродетели» (Феодорит).

«Видишь, каково преспеяние солунян, что Апостол благодарение за них воссылает Богу, – не за то, что просто веруют, но что превозрастает вера их, и не за то, что просто любят, но что богатеют в любви» (Дамаскин).

Благодарити Бога... Хочет хвалить за преуспеяние в христианской жизни, но, сознавая, что сей успех от Бога, к Нему первее* относится с благодарением, располагая к тому же и солунян. Таким образом, и хвалит, и отсекает позывы к самохвалению. Вместе с тем, указывая источник их совершенств в Боге, налагает на совесть обязательство – блюсти их, как дар свыше, и усовершать, как вверенный талант.

Должни есмы. «Исповедует себя должником Богу за успех» (Амвросиаст). Совесть апостольская обязывает к тому. Апостолы глубоко к сердцу принимали всякий успех христиан. Не внешно относились к делу христианства, а сердцем прилежали к нему. Не так, что проповедь – сказана, Евангелие – возвещено, а там, как себе всякий хочет. Они считали своим долгом не возвестить только о Христе, но укоренить христианство в сердцах и ввести его в жизнь. Почему всеусердно заботились о том и непрестанно молились, а

---

* Сначала. – *Ред.*

затем радовались, когда исполнялось их желание, и благодарили за то Бога. И о солунянах молился Апостол, чтоб Бог преисполнил их христианскими добродетелями (1 Сол. 2, 12; 3, 12). Теперь, видя, что его благожелания и молитвы исполняются, благодарит за то Бога.

Якоже достойно есть. Или — благодарить должны, как и следует, как долг велит, *по справедливости*. Сознавая, что успех ваш от Бога, по справедливости и долгу обязаны мы благодарить Бога, ибо успех ваш — и наше благо. *Или* — благодарить должны *по достоинству*, достодолжно, в такой мере, в какой великим считаем благом ваше преспеяние, «чтоб за неоцененный дар величайшее воздать благодарение» (Амвросиаст). — То и другое можно совместить в следующей мысли: как требует светлое состояние ваше в христианстве, которое (состояние) от Бога. Несправедливо разлучать эти черты и, принимая одну, отвергать другую. Они в жизни неразлучны. Кто не восчувствовал блага, тот не станет благодарить; а кто восчувствовал, тот вместе с тем сознает себя обязанным благодарить и старается выразить свою благодарность соответственно чувству блага полученного. Древние толковники и не разлучают их, а принимают то и другое. Экумений: «Или *праведно* — есть или *весьма много*, как следует благодарить Того, Кто даровал такие вели-

кие блага». Феофилакт: «Сказал так для того, чтоб мы не возносились и самою благодарностию, как бы делали этим нечто особенное, ибо тут мы делаем то, что должны делать. Почему назвал это дело (благодарность) *долгом.* Или говорит так для того, чтоб внушить, что благодарить должно и словом, и делом, ибо только такая благодарность есть настоящая благодарность».

Из этого действия святого Павла, что он Бога благодарит за успех солунян в христианстве, несмотря на скорби и гонения, блаженный Феофилакт выводит следующие уроки: «Трем вещам научает нас здесь Апостол: если что окажется в нас исправное, то мы не себя за то должны честить, но Бога благодарить и, Ему все приписывая, не возноситься тем; если кто страждет, то это не плача и слез достойно, а благодарения к Богу*, – и этим (страждущим) надо радоваться, а не падать в духе; не должно завидовать тем, кои являются преуспевшими, а радоваться о том и благодарить Бога за своих братий, – так что уязвляющиеся добром, которое видят в других, Самого Бога бесчестят». «Если Павел благодарит Бога за чужие блага, то что должно постигнуть тех, которые не только не благодарят, но еще терзаются завистию?» (святой Златоуст).

* Златоуст: «Он ободряет их сердце, внушая, что по поводу переносимых ими страданий надлежит не плакать и страдать, а благодарить Бога». – *Авт.*

Так к Богу возносит Апостол ум солунян, чтоб отвлечь их внимание от внешних скорбей. С тою же целию и в них самих он указывает не на что другое, а на веру и любовь, говоря как бы: не смотрите на внешнее, каково бы оно ни было, а смотрите лучше на те сокровища, какие зреют в сердце вашем, под сим внешним гнетом. Вера и любовь, точно, суть сокровища христианского сердца, об умножении и хранении коих у христиан должна быть первая и главная забота.

Вера превозрастает, любовь множится, или богатеет, расширяя круг деятельности в разнообразии дел любви и в количестве лиц, ею согреваемых и благодетельствуемых. Вера, в себе пребывая, есть основа, точка опоры и отправления для любви — растет, пребывая непоколебимою среди искушений и бед. Любовь ширится на основании веры, множась, как цветы на хорошей почве.

Говоря: «вера превозрастает», Апостол дает мысль, что она поднимается выше всех неприятных случайностей, перерастает их, стоит, как утес, среди волн несокрушимый. Беды за веру глубже внедряют веру в сердце и делают ее непоколебимою. Тут она входит в сок и кровь и становится неотделимым элементом жизни. Оттого дорогою бывает и хранится, как жизнь, и потеряна или отнята быть не может даже и вместе с жизнию. Апостол и ставит умножение бед признаком возрастания веры. Святой Златоуст пишет: «Когда

усиливаются порывы ветров, когда идут проливные дожди, когда со всех сторон поднимается жестокая буря, когда сгущаются волны, и вы, несмотря на это, остаетесь непоколебимыми, то это служит признаком не чего-либо другого, как только того, что возросла и превозросла, и более возвышенною сделалась вера ваша. Подобно тому, как при наводнении все низменные места покрываются водою, а возвышенные остаются недостижимыми для нее, — так и вера, которая достигла известной высоты, уже не ниспадает. Посему-то не сказал Апостол: возрастает, но: *превозрастает*».

Надо заметить, что вера у солунян росла в силе и напряжении; это не мешало, однако ж, некоторым предметам веры быть неверно понимаемыми. Апостол знал, что так было, и, однако ж, свидетельствует, что вера их превозрастает. Вера может быть сильна и при неполноте содержания. Сильная вера, стоя непоколебимо в усвоенных истинах, питает готовность охотно принять и хранить всякую истину, которая во Христе Иисусе. Таковая по ошибке может принять за истину и какие-либо неправые мысли, но вместе чужда упорства — стоять в однажды принятом, хотя бы обличаема была и неправость того, а тотчас оставляет ложь, как только она разъяснена бывает. Апостол пишет к ним как к таковым.

Множится любовь. Общие скорби теснее сближают скорбящих за одно и то же. Далее скорби вызывают сострадание, сострадание — взаимное вспомоществование и поддерживание, что и есть дело любви. Так скорби усиливали любовь; любовь же в свою очередь облегчала страдания и придавала мужество. «Видишь ли, — говорит святой Златоуст, — что в скорбях помогает нам и то, когда мы взаимно ограждаем и поддерживаем друг друга. Это доставляет тоже великое утешение».

Единаго коегождо вас друг ко другу. Столько речений употреблено, чтобы выразить, что у них в любви никто другому не уступал; все равно пламенели ею, друг пред другом ревнуя о ней. И она всех их тесно связывала, как братьев или членов одной семьи. «Апостол показал сим, — говорит Экумений, — что взаимная друг ко другу любовь была равна у всех их, и никто не имел ее ни больше, ни меньше». Указывая на то же, святой Златоуст выводит из того и очень назидательный урок о неуместности между христианами исключительной к некоторым любви. «Обрати внимание на любовь солунян. Они не так поступали, чтобы одного любить, а другого нет; напротив, их любовь была равна ко всем. Ибо на это указывает Апостол, когда говорит *единаго коегождо вас друг ко другу*; потому что их любовь в равной мере простиралась на всех как на

членов одного тела. Правда, и в наше время мы находим любовь между многими, но такую любовь, которая бывает причиною раздора. Ибо когда мы будем по два или по три соединяться между собою, и эти два, или три, или четыре будут находиться между собою в большем согласии, а от всех прочих будут отделяться, так что между теми и другими уже не будет взаимного содействия и во всем доверия, то это будет расторжение любви, а не любовь. Если любовь, которая должна распространяться на всю Церковь Божию, сосредоточим мы на одном или двух только, то этим повредим и самим себе, и им, и вообще всем. Какая польза от того, что такого-то ты любишь весьма сильно? Это любовь человеческая. А если не человеческая, но ты любишь его для Бога, то люби также и всех. Ибо Бог заповедал столько же любить и врагов. Если же Он заповедал любить врагов, то тем более тех, которые нас ничем не огорчили».

Стих 4. ***Яко самем нам хвалитися о вас в церквах Божиих, о терпении вашем и вере во всех гонениих ваших и скорбех, яже приемлете.***

«Дознав великость постигших вас скорбей и вашу твердость, с какою отражаете их, хвалимся вами, превознося ваше мужество и в других Церквах» (Феодорит). Этим дополняет святой Павел изображение похвальных черт солунян. В первом послании он отметил в них, как отличные

стороны, *дело веры, труд любви, и терпение упования* (1 Сол. 1, 3). Во втором послании удостоверяет, что эти качества не только сохранились в них, но и взошли на высшую степень совершенства. Что вера превозрастает и любовь множится, об этом сказал он пред сим. Теперь говорит, что и терпение уповательное не отстает в совершенстве от тех двух добродетелей; но выражает это не прямо, а выставляя общеизвестность их высокого терпения и общую ему похвалу. Слава о нем всюду, так что отражение ее падает и на нас, и мы не можем удержаться, но, увлекаясь общею вам похвалою, и сами начинаем хвалиться вами. Так мысль сего места — указать превозрастание и терпение; все же прочие речения служат приличною обстановкою сей главной мысли.

Самем нам хвалитися о вас. Может быть, здесь и такая мысль: ради высокого терпения вашего, весть о коем всюду прошла, и нас хвалят, и великую честь воздают нам во всех Церквах. Но общепринятое понимание то, что Апостолы сами хвалятся терпеливою верностию вере солунян при всех нападках на них. *Самем нам хвалитися*. Необычно нам хвалиться, но великость вашего терпения заставляет нас забыть нашу сдержанность. Или так: другие хвалят. Этого мало, не удержались и мы сами и стали хвалиться вами, в честь себе ставя вашу твердость в вере. Апостол и прежде называл уже их *венцем*

похваления для себя, только пред Господом в пришествие Его (1 Сол. 2, 19). Теперь же хвалится ими еще здесь, конечно не буквально говоря: вот каковы наши ученики, но всячески намекая на то,– и не для того, чтоб себя вознесть, но силу Евангельской истины и благодати Божией, такую власть являющих над сердцем, что ради их верующие готовы бывают на все лишения, в мысли имея их примером поощрить и воодушевить и других к тому же (Амвросиаст). Что не себя хвалит Апостол, а благодать, в этом можем удостовериться его исповеданием, что он *благодатию Божиею есть еже есть* (1 Кор. 15, 10). Запрещающий хвалиться чем-либо, кроме Господа (1 Кор. 1, 31; 3, 21), и здесь, конечно, хвалится о Господе, показывая, что Господь совершил и совершает в солунянах и какими их являет благодатию Своею. Можно, значит, хвалиться и не оскорблять Бога, хвалиться похвальбою, чуждою гордости, все хорошее относящею ко благодати Божией, которая одна совершает в людях, при всех трудах их личных, всякое истинное и пред Богом ценное добро.

В церквах Божиих — тех, кои были около Коринфа, в Афинах, например, и в других местах. Пиша второе послание к Коринфянам, Апостол упоминает о многих святых, *сущих в Ахаии* (2 Кор. 1, 1). Круг деятельности Апостола Павла, в

полуторагодичное его пребывание в Коринфе, наверное, не ограничивался одним Коринфом.

О терпении вашем и вере. «Здесь он указывает на то, что уже много прошло времени от начала их страданий, ибо терпение заметным становится в течение долгого времени, а не в два или три дня. И не просто говорит только о терпении. Конечно, терпение выражается уже и в том, когда человек не наслаждается обещанными ему благами; но в настоящем случае он говорит о большем терпении. О каком же это? – О таком, которое рождается вследствие гонений. Что он именно на это намекает, видно из того, что он дальше присовокупляет и говорит: *во всех гонениях ваших, и скорбях, яже приемлете*» (Златоуст). «Терпение и там есть, когда нескоро получают обетованное благо, но терпение в искушениях и скорбях более высоко и более дивно» (Экумений).

Высота терпения в том, что, несмотря на бедствия, все стоят твердо в принятом исповедании. Почему под терпением Апостол видит и веру, указывая, из-за чего терпят, и вместе из какого источника почерпают силу терпеть. Терпите, а все веру держите, полюбивши ее, убедившись, что она есть единая истинная вера, и в убеждении почерпая побуждение терпеть, и им привлекая свыше силу на терпение. О превозрастании веры солунян поминал уже выше Апостол; здесь,

конечно, указывает на те стороны веры, которыми особенно поддерживается терпение, именно: что по вере в Господа Иисуса Христа и благодати, от Него принятой, Бог стал их Богом, а они Божиими, получили область чадами Божиими быти, почему состоят в особой милости Божией, под Его блюстительством, и если не наслаждаются счастием здесь, то ради того, чтоб чрез это усугубилось ожидающее их истинное блаженство вечное на небе. Можно потому сказать, что *терпение и вера* в сем месте то же есть, что *терпение упования* в первом послании (1 Сол. 1, 3). Словом *вера* Апостол указал на дух терпения. Ибо терпение не само по себе ценно в очах Божиих, а по тому расположению, с каким терпит кто.

Гонения и скорби обнимают внешнюю и внутреннюю сторону бедственного положения солунян. Гонения совне теснят. Тут разные неудовольствия и притеснения в житейских делах, лишения прежнего положения в обществе, отнятие имений и подобное. Подвергаясь всему этому не по какой-либо вине, а за одну веру, солуняне не могли не чувствовать, что терпят напраслину; чувство же напраслины делает лишения наиболее чувствительными. Апостол и не дает мысли, чтоб они оставались нечувствительными к сим лишениям. Он видел, что они скорбели, но не падали в духе от скорби, а препобеждали ее верою и при всем несчастии благодушествовали. Ради этого

благодушия, поглощавшего внешние неприятности, Апостол и не скорбит и не сетует о страданиях солунян, хотя любил солунян, как отец, но хвалится тем пред другими. Самим же солунянам пишет об этом, чтоб этим еще более воодушевить их на твердость в вере, по убеждению, что это дело похвально не для них только, но и для учителей их, и для самого христианства; чем внушалось, что если ослабеют, то бросят тень на самое Евангелие, а чрез то и на Самого Господа. С другой стороны, и то внушалось, что страдания не со всех сторон уничижительны. Если Апостол так высоко ценит их, тем паче Бог. Есть Око, всегда благоволительно взирающее на скорбящих, похваляющее и ободряющее их.

Слова: *яже приемлете*, дают разуметь, что скорби еще продолжались в то время, как Апостол писал сие послание; а вместе и то, что солуняне охотно несли их, не уклонялись и не противились, а желательно соглашались на них. Этим они могли бы обезоружить врагов, но те оказывались ненасытными. Святой Златоуст пишет: «Они жили постоянно среди врагов, которые старались со всех сторон наносить им вред; и, несмотря на то, они обнаруживали непреклонное и непоколебимое терпение».

«Да устыдятся поэтому, — прибавляет он, — те, которые ради покровительства человеческого переменяют свои убеждения. Ибо еще в самом

начале Евангельской проповеди люди бедные и жившие дневным трудом вступали в борьбу с людьми, которые управляли государством и занимали в нем первые места, — когда еще ни один царь и ни один правитель не находился в числе верующих, — и выдержали они непримиримую вражду и, несмотря на то, не отказались от своих убеждений».

2. Утешение солунян в терпении и воодушевление на твердость в нем (1, 5—10)

Внутренно, в добрых христианских расположениях и чувствах, преуспевали солуняне, но внешнее положение их не было отрадно. Апостол и спешит утешить их в скорбях и воодушевить на терпение. Для сего выставляет такие истины, которые более всего сильны к тому способствовать. Страждущему напрасно и утешение, и подкрепление одно: есть Бог, Который видит правоту мою и при ней тяготу скорбей, и будет время, когда Он воздаст каждому по правде Своей. Всякий, терпевший хоть какую-нибудь небольшую напраслину, засвидетельствует, что это так есть. Эти истины и живописует теперь святой Павел. С особою силою восставляет он в их сознании сначала: а) удостоверение в несомненности воздаяния, стихи 5—7, и затем: б) изображает обстоятельства, при каких оно совершено будет, и особенно каково оно будет, стихи 8—10.

Как солуняне заявили уже свое благодушие в терпении, то, конечно, их духу присущи были эти убеждения, под влиянием которых оно и зрело в их сердцах. И святой Павел не возродить их хочет в первый раз, а оживить, придать им более силы и животворного воздействия на страждущие сердца, подтвердив их истинность своим апостольским словом и придав им через то Божественный авторитет.

а) Удостоверение в несомненности воздаяния (1, 5—7)

За удостоверением, что будет суд и праведное воздаяние, Апостол нейдет далеко. Он заимствует его из самого положения солунян. Из того, говорит, что вы терпите такие напраслины, видно, что будет суд, на котором вам будет воздано, а гонители ваши будут отмщены. Этого требует правда Божия. Святой Павел употребил здесь то же доказательство, каким сильнее всего подтверждается и бессмертие души, или бытие загробной жизни. Праведные здесь страждут, а беззаконные благоденствуют. Если есть Бог, и Бог праведный, — а Он есть, — то, несомненно, будет другая жизнь, когда первые получат должную награду, а вторые — должное наказание.

Стих 5. *Показание праведнаго суда Божия, во еже сподобитися вам царствия Божия, егоже ради и страждете.*

Показание, грамматически, не: в показание, или в доказательство, а что есть показание, дока-

зательство, или что служит доказательством. Мысль: благодушно переносимые вами гонения и скорби, как перстом, указывают на имеющий быть праведный суд, на котором присуждено будет вам (или чтоб вам получить на нем) в награду блаженное царствие небесное.

Показание праведнаго суда Божия. Что же указывает на такой суд: благодушное терпение или гонения и скорби? — И то, и другое. Благодушное терпение указывает в терпящих убеждение, что будет суд, на котором восторжествует их правое дело. Это убеждение дает им силу терпеть, не падать под тяжестию бед. Что так было и в солунянах, не должно подлежать сомнению, иначе в них и не состоялось бы терпение. Блаженный Феодорит так и перефразирует мысль Апостола: «Претерпеваемые вами скорби показывают, что вы ясно знаете награды за претерпение опасностей и ожидаете небесного царствия, ведая праведное определение Законоположника. Ибо сие значат слова: *показание праведнаго суда Божия*». Но из этого личного убеждения как же выходит, что действительно будет суд и праведное воздаяние? — Этот вывод посредствуется тою не требующею доказательства истиною, что есть Бог, благий и праведный. Сию истину носит всякий в сердце своем с убеждением в непреложности ее, которое выше всяких доказательств. Ни одно доказательство не доходит до силы этого

непосредственного убеждения. Благодушное терпение за правое дело Божие зарождается и зреет в сердце не иначе, как под действием сей непосредственной истины, твердо содержимой тем же сердцем, которое и терпит, и благодушествует в терпении. Итак, как из того, что есть Бог, благий и праведный, несомненно следует, что Он не попустит неверным всегда торжествовать над верными Ему, но всеконечно определил в совете Своем день, когда одних прославит, а других посрамит; так и из благодушного терпения, образующегося в сердце под несомненною истиною бытия Бога, благого и праведного, тоже несомненно следует, что будет суд и праведное воздаяние. Так выходит, если смотреть только на то, что происходило в сердцах солунян и для солунян. Но как отсюда то же самое могли выводить и другие? – На это наводили их неправедные гонения и скорби. Они могли не видеть, что в сердце солунян, но не могли не видеть, что они страдают, и страдают за правое дело. И из этого одного у них тотчас само собою выходило заключение: итак, будет праведный суд; быть не может, чтоб так оставалось навсегда, чтоб то есть правые страдали, а неправые торжествовали. Будет время, когда каждому будет воздано по достоинству, чего заслужил. Но и у них этот вывод посредствуется тою же несомненною и не требующею доказательства истиною, что есть Бог,

благий и праведный, Которого существенное свойство есть – воздавать каждому по делам его. Итак, терпение ли иметь во внимании, или гонения и скорби, из того и другого выходит, что будет суд и воздаяние, и выходит чрез посредство истины бытия Бога праведного. Апостол и выставляет ее в следующем стихе – 6-м. И в других местах Писания предметы сии сопоставляются вместе. Так, в одном говорится, что желающий угождать Богу должен быть готов на всякие искушения (Сир. 2, 1); и в другом: *веровати подобает приходящему к Богу, яко есть, и взыскающим Его мздовоздаятель бывает* (Евр. 11, 6). С Богоугодною и праведною жизнию неразлучны как искушения, или скорби и гонения, так и вера в мздовоздаяние, или в бытие праведного суда Божия. Мысль Апостола можно так выразить: гонения и скорби, которые вы, верующие и живущие по вере в духе любви, терпите, тогда как враги ваши и гонители наслаждаются счастием и притом на ваш счет, – доказывают, что будет день, когда правосудие Божие вам воздаст блаженством за теперешние лишения. Или так: ваше благодушное терпение и твердость в вере среди гонений и скорбей служит залогом того блаженства, которого сподобит вас некогда Бог, по беспредельной правде Своей воздавая должное вашей самоотверженной верности.

Во еже сподобитися вам царствия Божия. Цель и значение суда — воздать каждому по делам его. Что касается до вас, то для вас он будет затем, чтоб вы получили царствие. Для вас суд не страх и трепет, а отрада и утешение. Что страждете напрасно, это уже показывает, что сподобитесь царствия. Уже присудил его вам Бог, оно уже ваше, настань только суд.

Егоже ради страждете. Переносите гонения и скорби в той надежде, тем утешаясь и воодушевляясь, что за терпение непременно получите царствие. Пересмотри жития мучеников, и удостоверишься, что, при силе веры и любви к Господу, у всех их глубоко в сердце лежала уверенность в получении неописанного блаженства за кратковременные страдания. Светлость предстоящего им по мукам в другой жизни царствия со Христом Господом заслоняла от них ужасы мучений, какие готовились им мучителями. *Яко недостойны страсти нынешняго времени к хотящей славе явитися в нас*, удостоверяет Апостол (Рим. 8, 18). Все одушевлялись надеждою: *с Ним страждем, да и с Ним прославимся* (там же, стих 17).

Или так: страждете, ибо этим только путем можно войти в царствие. Тесен путь и узки врата, вводящие в живот (Мф. 7, 14). Господь страдал, страдали Апостолы и пророки, и всем, идущим по стопам их, неизбежны скорби. В мире только скорби предуказал своим Господь (Ин.

16, 33). Как Меня, говорит, гонят, так будут гнать и вас (Ин. 15, 20). Но *блажени изгнани правды ради, яко тех есть царствие небесное* (Мф. 5, 10). Святой Златоуст пишет: «Итак, причина их страданий заключается не в том, что их гонители сильнее их, но в том, что этим именно путем они должны войти в царствие: *яко многими*, говорит, *скорбми подобает нам внити в царствие Божие* (Деян. 14, 22)».

Кроме сказанного, в словах: *показание праведнаго суда Божия* наши толковники видят и другие оттенки мыслей, не чуждых назидания. Святой Златоуст пишет: «Апостол как будто так говорит здесь: чтобы открылась в том правда Божия, что Он вас увенчает, а тех накажет». Экумений пространнее выражает ту же мысль: «Это терпите вы для того, чтоб в удостоении вас царствия небесного явлено было Божие правосудие. Затем попускает вам Бог быть в скорбях, чтоб, когда воздаст Он вам за то царствием небесным, показать в том Свое правосудие», — «в показание, что суд Божий праведно удостоит вас царствия» (Феофилакт). Как бы так: будет за что сподобить вас царствия: вы его себе выстрадаете. Апостол утешает их, показывая, что они будут увенчаны за свои труды и заботы, согласно с требованием справедливости» (Златоуст). «Смотри, страдание за Христа доставляет царствие небесное по правде, а не по одной благодати.

Этим он восторг помышления их горе и воодушевил презирать скорби» (Экумений). Или: «Великое доставил им утешение, показывая, что они не по благодати увенчаются, а по правде, получая царствие как возмездие за собственные труды и поты» (Феофилакт).

Ко всему высказанному можно прибавить и такую мысль: верные, при всем старании быть чистыми пред очами Божиими, не могут похвалиться тем: ибо кто чист от скверны? Они ненавидят грех и преследуют его в себе, а он все прорывается и вызывает на себя праведный суд Божий. Суд сей и совершается тем, что они подвергаются временным страданиям для избавления от вечных мук, — для того, чтоб, удовлетворив относительно их правде Божией здесь, там открыть им беспрепятственный вход в царствие. *Судими, от Господа наказуемся, да не с миром осудимся*, говорит тот же Апостол в другом месте (1 Кор. 11, 32). Но из этого же видно, как неумытна правда Божия: и малых грехов не оставляет она без наказания. Праведным, ради постоянной их ревности об исполнении воли Божией, за впадения в грехи как бы против воли, воздает она здесь временными страданиями. Что же должно после этого ожидать тех, кои не веруют и никакой заботы не имеют о делах, Богу угодных, а предаются всякой неправде и нечистоте? Мукам их меры не должно быть. На это

именно и указывают страдания верующих в Господа и ходящих по воле Его. Святой Апостол Петр в утешение терпящим гонения пишет: *время начати суд от дому Божия; аще же прежде от вас, кая кончина противящимся Божию Евангелию? И аще праведник едва спасется, нечестивый и грешный где явится*? (1 Пет. 4, 17—18).

Стихи 6 и 7. ***Аще убо праведно у Бога, воздати скорбь оскорбляющим вас, а вам оскорбляемым отраду с нами, во откровении Господа Иисуса с небесе, со Аггелы силы Своея.***

Вывод из неправедных страданий за дело Божие, что будет суд и воздаяние, посредствуется, как говорилось выше, понятием о Боге праведном. Эту истину и ставит теперь Апостол, как начало и основание для сказанного пред сим. Будет суд, и вы по нему получите царствие, потому что сего требует правда Божия. Праведно у Бога воздавать всякому по достоянию. По сему закону правды, вы за скорбь получите отраду, а оскорбляющие вас — скорбь. Будет же это не в настоящем порядке вещей, но по втором славном пришествии Господа с небес с сонмами ангелов — сотворить суд над всеми живущими на земле.

В стихах 6 и 7 продолжается мысль, достаточно выясненная выше. Сделаем только несколько замечаний на употребленные здесь речения.

Аще (*убо*, по-гречески нигде не читается) *праведно*, – если праведно – «не сомнение выражает, но усиливает высказываемую истину» (Феодорит). Условие это такое, что при нем тотчас подразумевается: но несомненно праведно. Такой оборот речи, мысль же такая, как если б Апостол сказал: так как праведно. В иных местах, в подобной речи, греческая условная частица: *если* – εἴπερ, по-славянски и переводится прямо: понеже, яко. Так Рим. 8, 9, 17; 1 Пет. 2, 3.

«*Аще* поставлено здесь вместо ибо, подобно тому, как и мы употребляем такое же выражение, говоря о предметах, которые считаем несомненными и неоспоримыми. Вместо того, чтобы сказать: ибо весьма справедливо, он говорит: если справедливо. Употребил – *если*, говоря о том, на что все были согласны» (Златоуст). «У слышащих само собою выходило при этом наведение: но это праведно» (Феофилакт). Апостол и имел в мысли вызвать собственное суждение солунян, возбудив естественно чувство правды, всем общее, и, таким образом, воздвигнув в умах и сердцах своих читателей защитника и подтвердителя истины воздаяния праведного. «Такого рода суждения устраняют всякое сомнение, потому что они сами знали, что это справедливо. Ибо если это справедливо пред людьми, тем более пред Богом» (Златоуст).

Пред Богом, у Бога, в Его советах и решениях, если взять во внимание существенные Его свойства, — у Бога, Который есть сама Правда, Который видит и страдания ваши, и благодушное терпение ваше за Него Самого, за дело Его на земле, дело веры в Него и Сына Его, к которой Он Сам призвал вас, Сам помог вашим умам и сердцам принять ее и теперь помогает вам стоять в ней. Судите сами, праведно ли у такого Бога воздать вам отрадою, а врагам вашим муками?

Воздати. Слово это означает оба решения и действия праведного суда Божия: вознаграждение (Лк. 14, 14) и отмщение (Рим. 12, 19). Воздаяние идет и в настоящем периоде бытия, но не полное и не всеобщее. Оно здесь в видах исправления и очищения. Настоящее же воздаяние последует по воскресении, вследствие всеобщего Страшного суда. Воздаяние предполагает соответствие делам и заслугам. «Что ж? Ужели воздаяние будет равняться делам? — Нет, напротив, смотри, как из того, что он говорит после, открывается, что и наказание будет гораздо суровее, награда гораздо значительнее» (Златоуст).

Скорбь оскорбляющим. Правда воздает тем, чем кто неправдовал. «Что столь справедливо, как то, чтоб утесняющие добрых в сем веке в будущем потерпели то же, что теперь делают другим?» (Амвросиаст). Но какова будет эта

скорбь? — Ниже (стих 9) она называется погибелью.

А вам оскорбляемым отраду. Отрада — не одно только освобождение от внешних теснот и нужд, как мы говорим: наконец-то дал Бог вздохнуть нам свободно; но и положительные блага, — утешающие и услаждающие, — как и между нами говорится: в этом моя отрада, утеха, радость. Но какова будет эта отрада? — Ниже (стих 10) дается мысль, что она будет предметом удивления для всех, и тех, кои получат ее, и тех, кои будут смотреть только на сподобившихся ее. Эти скорбь и отрада рельефнее изображены, — Апок. 14, 10—13.

С нами — то есть с Апостолом Павлом и спутниками его, или со всеми вообще Апостолами, трудящимися над устроением на земле царства Христова, среди таких бед и опасностей, что в другом месте он называет себя и их *насмертниками* (1 Кор. 4, 9). По сей причине Апостол и мысли не допускает, чтоб ему и всем Апостолам не была отложена на небе великая отрада, удостоверяясь в том словом Господа, Который говорит: *Аз завещаваю вам (пребывшим в напастях), якоже завеща Мне Отец Мой, царство, да ясте и пиете на трапезе Моей во царствии Моем* (Лк. 22, 29, 30). Если и солунянам известно было такое обетование Господа, то каким утешением одно это слово — *с нами* — должно было исполнить

сердца их! И сколь большую силу убеждения приобретало чрез то ведомое Апостолом доказательство истины воздаяния праведного! — «Утешает их, выставляя их общниками Апостолов» (Дамаскин); «общниками и трудов, и венцов апостольских» (Экумений); «уравнивая их, таким образом, венцами с теми, которые совершили бесчисленные и гораздо большие подвиги» (Златоуст).

б) Обстоятельства, при каких воздаяние совершено будет (1, 8—10)

Апостол, утешая солунян в терпении и воодушевляя их на твердость в нем, удостоверял их, как мы видели, в несомненности воздаяния оскорбляемым и оскорбляющим. Когда же будет это воздаяние?

Во откровении Господа Иисуса с небесе со Аггелы силы. С этих слов 7-го стиха 1-й главы послания святой Павел начинает изображать обстоятельства, при которых совершится суд и воздаяние. Это делает он потому, что ничто столько не сильно, с одной стороны, удержать от падения и отпадения, а с другой — воодушевить на благодушное терпение всяких напраслин за правое дело, как созерцание картины будущего праведного суда и воздаяния. Святой Златоуст пишет: «Апостол указывает здесь на время воздаяния, и (далее) посредством описания (самого

события) возводит их мысли горé, как бы отверзая своим словом небеса и представляя оные их взору, окружает Господа ангельским воинством, начертывая, таким образом, блестящее изображение как самого места, так и того, что на нем находится, дабы чрез сие дать солунянам возможность несколько прийти в себя» (2 Сол. 1, 7), то есть вздохнуть от теснот, утешиться, предвкусить отраду чаемую.

Во откровении. Открывается сокрытое. И Господь теперь сокрыт. Он был сокрыт и во время земной жизни. Воскресение на мгновение открыло славу Его, но Вознесение снова сокрыло Его. Надлежало *небеси прияти Его до лет устроения всех* (Деян. 3, 21). И хотя Он седит одесную Отца во славе и, как глава Церкви, вседействует в ней и членах ее, но все сие действуется невидимо и постигается только верою, или чувством очищенного сердца. Тогда же, в конце веков, Он откроется очевидно для всех во славе, яко Царь и Владыка всех, тем, что снидет с неба и виден будет всем. «Ныне сокрыт Господь, но не падайте духом, Он откроется» (Феофилакт).

Со Аггелы силы. Везде в Слове Божием второе пришествие Христово изображается так, что Его сопровождать и окружать будут сонмы ангелов. Ангелами силы Его здесь они названы, как вестники силы Господа, или исполнители Его велений, в коих откроется Его беспредельная

сила, как, например, вострубят — и мертвые восстанут, и подобное. Иные понимают, что ангелы силы Его — то же, что ангелы воинства Его, как и у нас обычно называть рать — силою. Явится Господь, сопровождаемый ангелами, которые составляют воинство Его. Иные толкуют ангелов силы — ангелами сильными, мощными (Экумений, Феофилакт).

Стих 8. *Во огни пламенне, дающаго отмщение неведущим Бога и не послушающим благовествования Господа нашего Иисуса Христа.*

Во огни пламенне есть *или* принадлежность явления Господа, если соединять сии слова с предыдущими словами: *во откровении Господа с небесе, или* есть орудие наказания грешников, если соединять их с последующими: *дающаго отмщение*. В других местах Писания и явление Господа сопровождается огнем, и муки грешников полагаются в геенне огненной. В этом месте течение речи допускает соединение сих слов и с предыдущим, и с последующим. Древние толковники также принимают то одно, то другое понимание, а то — и оба вместе. Блаженный Феодорит пишет: «Представил сперва грядущего Судию, потом силу служащих Ему ангелов, и после сего самый род наказания: осужденные предаются пламени огненному». «Огнь будет орудием воздаяния» (Амвросиаст). Экумений другого мнения: «Во откровении, говорит, Христовом, име-

ющем быть во *огни пламенне*, о чем и Давид говорит: *огнь пред Ним предыдет и попалит окрест враги Его* (Пс. 96, 3)». Фотий у Экумения и Феофилакт то и другое понимание удерживают. Фотий: «*Во огни пламенне,* — *или* дает разуметь образ наказания, какое понесут неведущие Бога и неприемлющие Евангелия, *или* указывает на самое пришествие Владычнее, которое будет в пламенеющем огне. Так толковали те, кои были прежде нас». Феофилакт: «*Во огни пламенне* надо относить, или к: *дающаго отмщение*, как бы сказал: наказующего неверных геенною*; или так: *во откровении Господа с небесе*, имеющем быть во огне пламенном, как говорят Давид (Пс. 96, 3) и Даниил: *река огненна течаше пред Ним*» (Дан. 7, 10).

Дающаго, настоящее вместо будущего, в значении неизменного определения быть чему так, а не иначе, или с тем, чтобы дать отмщение. *Отмщение* не как месть, а как праведное, заслуженное наказание, коим удовлетворяется не чувство Судящего, а требование правосудия, воздающего по заслугам. Явление Господа изображается как явление Судии, карающего недоброжелателей христиан и христианства не с тем только, чтоб

* Феофилакт прибавляет ниже: «Заметь, что *во огни пламенне* говорит вместо: во огне жгущем, но не светящем. Для грешников огнь будет только жгущ, но не светящ; для праведников светящ, но не жгущ». — *Авт.*

утешить страждущих, утолить беспокойное чувство их: за что же мы страдаем, а те в счастии? Но и с тем, чтоб дать внушение им самим — не отступать от веры и не падать, ибо суд будет без всякого лицеприятия.

Неведущим Бога и непослушающим благовествования. Сказал выше Апостол, что оскорбляющим верующих солунян воздано будет скорбию; потом прибавил, что это будет, когда явится Господь дать отмщение неведущим Бога и непослушающим благовествования. Выходит, по течению речи, что те *оскорбляющие* или суть одно и то же с сими *неведущими и непослушающими*, или составляют часть их, более достойную наказания. Феофилакт пишет: «Кого прежде назвал *оскорбляющими*, тех теперь называет неведущими Бога». Святой Златоуст усиливает: «Если те, которые не слушаются Евангелия, подвергнутся наказанию, то чего не испытают те, которые при этом непослушании еще оскорбляют вас?» (То же Феодорит и Экумений.) Если для утешения гонимых нужно было удостоверение, что неверы, теснящие верующих, не всегда-то будут торжествовать, то этим оборотом речи цель такая вполне достигалась. «Заметь, прошу тебя, мудрость Апостола, — говорит Златоуст. — Он не сказал здесь: оскорбляющим вас, но: непослушающим Евангелия. То есть говорит: если не в отмщение за вас, то в отмщение Самого Себя (Господь)

необходимо должен подвергнуть их наказанию. Таким образом, это сказано для большего удостоверения в том, что во всяком случае гонители должны быть наказаны».

Неведущие Бога и неслушающие Евангелия обнимают весь круг лиц, имеющих подвергнуться гневу Божию и наказанию. Осуждены будут на вечные муки не только неведущие Бога, ибо и такие безответны (Рим. 1, 20), но и не покоряющиеся Евангелию. На суде не будет принята в оправдание и такая речь: я знал Бога, верил в Его творчество и промышление, признавал обязательство слушаться совести и чаял будущей жизни. И такой окажется виновным, если не веровал в Евангелие. Этим словом Апостол осуждает не только безбожников, материалистов, пантеистов, но и самых разумных деистов. Спасение вечное будет уделом только тех, кои веровали в Евангелие и перетворены Божественною благодатию. Очевидно также, что под непослушающими Евангелия Апостол разумеет не только тех, кои не принимают Евангелия и разума своего не покоряют под иго веры, но и тех, кои хоть принимают Евангелие, но не живут по требованию его, воли своей и своих чувств не подчиняют предписаниям Евангелия. На эту последнюю мысль наводит глагол: *непослушающим*, который обнимает и ту, и другую сторону послушания.

Во времена Апостолов неведущими Бога себя обличали преимущественно язычники (1 Сол. 4, 5; Гал. 4, 8; Рим. 1, 28; Еф. 2, 12), а непослушающими Евангелия преимущественно иудеи (Рим. 10, 3, 16, 21; 1 Сол. 2, 15—16). Может быть, святой Павел так и разумел. Но если мы с словом Апостола будем смотреть на наше время, и тем более на время суда, то будем вынуждены признать, что Апостол здесь обозначил не те или другие народы, а скорее нравственно-религиозные качества и состояния, заслуживающие Божие отмщение, которыми себя губящие возможны среди всех народов. Это тем более позволительно, что и язычники не слушали Евангелия, и иудеи оказались незнающими Бога, не узнав дела Божия во Христе Иисусе (Ин. 8, 54—55; 15, 21).

Стих 9. *Иже муку приимут, погибель вечную от лица Господня, и от славы крепости Его.*

Здесь объясняет Апостол, в чем будет состоять отмщение и как оно постигнет их. *Муку приимут* — понесут праведное по делам наказание, которое будет крайне болезненно, так что его лучше нельзя охарактеризовать, как назвав *погибелью вечною.* Слова: *скорбь оскорбляющим* — указывают только на нечто чувствительно неприятное; *дающаго отмщение* — дают предчувствовать грозность присуждения наказания, но не определяют его; *во огни пламенне* — если понимать сии слова, как орудие наказания, полнее

определяют, что это будет за наказание. Но здесь уместно еще ожидание прекращения мучений. Когда же сказал: *муку приимут, погибель вечную*; то, этим довершив изображение картины горькой участи неверов и грешников, окончательно поражает их, присуждая им вечную безотрадность.

Погибель вечная, — прежде (1 Сол. 5, 3) *всегубительство*, — есть вечное погибание. Будут чувствовать, что окончательно гибнут, и между тем носить убеждение, что никогда не погибнут, в каждый момент снова будто рождаясь для новых мучений: «Будут страдать и не истощаться; самый огонь будет некоторым образом возрождать их, чтоб потом пожирать» (Амвросиаст).

«Есть много людей, которые возлагают благие надежды не на то, что они воздерживаются от грехов, а на то, что полагают, будто геенна не так страшна, как говорят о ней, но слабее той, какою угрожают нам, и притом временна, а не вечна; и много умствуют по этому поводу. Между тем я со всех сторон могу представить доказательства, что она не только не слабее того, как ее представляют в угрозах, а еще гораздо ужаснее. Для подтверждения сего довольно того опасения, какое возбуждают одни слова о геенне, если мы даже не будем раскрывать их смысла. А чтоб удостовериться, что она не временна, послушай, что говорит здесь святой Павел о людях, неведущих Бога и неверующих в Евангелие, именно, что

они приимут погибель вечную. Каким же это образом вечное может сделаться временным?» (Златоуст). «Итак, где оригенисты, баснословящие о конечности мучений?» (Феофилакт).

От лица Господня, по еврейскому идиому*, то же, что *от Господа*, от Самого Господа, а не чрез посредников, лично услышать от Него приговор, и силою Его ввержены будут в геенну. Подобное значение в Деяниях, где выражается ожидание времен прохладных от лица Господня (Деян. 3, 20). Не просто же сказал: от Господа, – а от лица Господня, чтоб означить страшность Судии Господа для неверов и грешников и при этом неумытность** суда и отмщения. Страшно будет взглянуть им в лице Господу: оно погонит их, или они побегут, чтобы только не встретить лица Его. Ибо очи Его «пламень огня» (Апок. 19, 12).

От славы крепости Его, от мощи Его славной, или от славы мощной. Этим выражается грозное величие Всемогущего Судии, яко Бога. «Не просто приидет, но со славою крепкою. И слава Его не без мощи будет, и мощь не без славы; то есть Он явится как Царь Всемощный» (Феофилакт). – *Лице* означает грозность; но грозность без силы — ничто. У Судии в последний день будет явно то и другое. Неверы и грешники не гнев только грозный и неумолимый увидят на лице

---

* Обороту речи, который невозможно перевести дословно. – *Ред.*

** Неподкупность. – *Ред.*

Господа Судии, но и мощь беспредельную, которая покарает их, ввергнув в муку, из коей никто уже не изымет их никогда. То и другое ощутят они, — проникнутся чувством и грозности, и беспредельной силы карающей и, подавлены быв сим чувством, отражены будут от Него, как молниею, лишь только изыдет из уст Его грозное решение участи их: *отыдите от Мене*, и низринутся в геенну. Но то же самое лице и та же самая сила будут разливать неизъяснимую отраду в сердцах всех уверовавших и пребывших верными вере. Святой Златоуст пишет: «Апостол хочет здесь выразить, что наказание грешников легко совершится, что для сего не нужно великих усилий, а довольно будет только прийти и явиться Господу, и всех виновных постигнет наказание и мука. Пришествие Его для одних принесет радость, а для других мучение».

Слова: *от лица Господня и от славы крепости Его*, — некоторые из инославных толковников западных перефразируют так: будучи удалены от лица Господня и от славы Его, — полагая, что в этом и будет состоять мука вечная. Мысль эта, по строю речи, здесь неуместна, и вообще неверна. Точно, будущие наказания утяжелятся тем, что грешные удалены будут от лица Божия, зрением Коего услаждаться будут праведники, но состоять будут не в этом одном. И внешнее их положение будет безотрадно не по причине

только отсутствия благ, но и по причине положительных мучений. Подобно как и блаженство праведных, при всеублажающем лицезрении Божием, будет иметь и внешнюю обстановку всю такую, какой прилично быть при том лицезрении.

Стих 10. *Егда приидет прославитися во святых Своих и дивен быти во всех веровавших, яко уверися свидетельство наше в вас, в день он.*

Вот цель второго пришествия Господня! Затем приидет, чтобы прославиться и дивным быть во святых и уверовавших. Отвержение неверов и грешников совершится будто мимоходом. Величие и грозность явления Господа отразит и поразит их. Все же внимание Господа будет обращено на то, чтобы удивить* милость Свою в прославлении верных Своих. Какое теплое и успокоительное утешение для страждущих из-за веры в Господа!

В соответствие предыдущему, — неверам погибель вечная, а вам — дивная слава, — хоть не прямо о славе их говорит, а о прославлении в них Господа, но этим еще более увеличивает светлость ожидающего их в будущем состояния, давая понять, что их слава будет часть некая славы Божией, — Божеская слава.

Господь Сам в Себе всегда славен и дивен, но во святых Своих и верующих не всегда и не

* Проявить. — *Ред.*

вполне Он ныне славен и дивен. В лице их Его уничижают и не благоговеинствуют пред Ним. Тогда же Он покажет, что суть святые и верующие в Него, какую благодатную силу носят они в себе на земле и какою духовною славою облечены души их под покровом бренного тела и несветлого внешнего положения. Что теперь сокрыто, то тогда явлено будет всем. Господь облечет их славою, какою Сам облечен, так что не только чуждые Ему, но и сами верующие и ангелы удивятся тому и прославят Его Самого. *Не у явися что будем* (1 Ин. 3, 2). И на сердце человеку не всходило, что уготовал Бог любящим Его (1 Кор. 2, 9).

Дивен бывает Бог во святых Своих (Пс. 67, 36), и удивляет хотения Своя в них* (Пс. 15, 3), нередко еще здесь. Это и необходимо в видах устроения спасения рода человеческого. Дивным являлся на земле Сам Господь; дивны были святые Апостолы, в скудельных сосудах носившие великую Божию благодать, покорившую всю вселенную; дивны были святые мученики, страшные муки претерпевшие радуясь, даже слабые жены, девы юные и дети; дивны были преподобные, в строгих лишениях рай находившие. Особенно дивны нравственные изменения: из пьяниц — в трезвых, из блудников — в целомудренных, из

* В русском переводе: «Дивно являет в них все Свои желания». — *Ред.*

гневных — в кротких, из скупых — в щедрых, из гордых — в смиренных. Но здесь это не всеми видится и чтится. Тогда пред всеми воссияет свет славы благодати Божией,— и явно будет, какие совершенства кто стяжал трудами на земле, и в каких проявляется Божеская слава. Ибо слава та не внешно будет одевать их, а проторгаться изнутри, из тех святых качеств, какие составляют строй души их.

Та и цель у Апостола в речах сих, чтоб отогнать мрачные мысли, к каким повод могли подавать гонения и скорби. Святые отцы на эту сторону и обращают более внимания при толковании. Вот их мысли. Феодорит: «Показал Апостол великость наказания неверов, наименовав его вечною погибелию; теперь дает видеть и славу уверовавших, сказав, что Сам Бог в них прославится и сделается дивным. В настоящей жизни одни пребывают в злостраданиях и трудах, а иные, живя порочно, наслаждаются обильными благами; в день же суда — праведные будут прославлены и сподоблены венцов, а жившие порочно преданы мукам». Святой Златоуст: «Когда гонители увидят, что те самые, которых они мучили, презирали и подвергали осмеянию, сделались близкими к Нему, тогда откроется слава Его, или, правильнее говоря, в этом будет состоять и Его слава, и слава сих последних; Его слава потому, что Он не оставил их, но окружил

их большим блеском, — их слава потому, что они сподобились такой чести». Он же: «Когда злосчастных, и уничиженных, и перенесших тысячи страданий, и при всем том сохранивших веру в Него Он сподобит такой славы, тогда обнаружится сила Его, потому что, хотя здесь верующие были по видимому Им оставлены, однако там удостоятся славы. В этом-то особенно откроется вся слава и сила Божия». Экумений: «*Прославитися* — двояко разуметь можно: славно для Него то, что много будет святых, коих Он преисполнит благ Своих; или так: Он прославлен будет святыми, при виде Его в Отчей славе седящим одесную Отца, как Бога всяческих. Можно и третью мысль допустить, что святые возбудят бесплотные силы прославить Его, при виде скольких и коликих благ сподобит Он верных Своих. *Дивен быти*, — как прославиться Ему подадут повод святые, так и дивным явиться, — потому что тех, кои в жизни сей казались столь уничиженными и отверженными, так что их гнали и убивали, удостоил стольких и толиких благ» (у Феофилакта те же мысли).

Яко уверися свидетельство наше. Некоторые видят в сих словах объяснение слова: *уверовавших*, как бы так: придет Господь дивным быти в уверовавших — подразумевается: в вас, или: и в вас, — так как и вы уверовали свидетельству нашему, то есть свидетельству о Христе Иисусе, или

проповеди Евангельской,— так как это свидетельство принято вами с верою, поверовалось вами. В таком случае — *в день он,* — будут относиться к прославлению и дивности Господа во святых: когда придет прославиться и дивным быти в день той; слова же: *яко уверися свидетельство наше в вас,* — будут составлять вносное предложение, как бы стоять в скобках. — Феофилакт пишет: «Дивен будет Бог в тот день, потому что уверовано вами слово наше и проповедь,— то есть потому, что вы уверовали и соделали себя достойными тех благ, кои дарованы будут тогда верным». То же и Феодорит: «*В день он* — отнести должно к сказанному выше, то есть Господь дивен будет во всех веровавших в день он. Свидетельством назвал он проповедь; сказал же, что они поверовали сему свидетельству».

Святой Златоуст, имевший в своих беседах всегда нравственные цели, между прочим видит здесь и такую мысль: «Так как многие притворяются верующими, то прежде смерти никого не ублажай, ибо только в день он обнаружится, кто истинно уверовал». Эту же мысль удерживает и Экумений: «*В день он* явно будет, что вы уверовали, ибо ныне многие притворяются верующими». И при таком понимании словами: *яко уверися*... объясняется предыдущее: *веровавших,* только в другом отношении. При этом не нужно, однако ж, придумывать, что — *яко уверися*... есть

вносное предложение и — *в день он* — передвигать на другое место.

Но, кажется, ближе всех к течению речи будет толкование святого Дамаскина, по которому — *яко уверися*... тогда откроется не искренность веры веровавших, а Божественное достоинство самой веры. Он говорит: «Та истина, которую мы ныне проповедуем, в тот день — πιστευθήσεται — окажется непререкаемо верною». Ныне неверы имеют смелость говорить: в кого вы веруете, и во что, и для чего? — относясь с словами уничижения и к вере, и к Самому Господу — предмету веры, и к верующим. И будто торжествуют, высясь своим мудрованием над простотою веры верующих. Тогда воссияет слава веры, торжественно пред всеми откроется, что она-то и есть единственная руководительница, Богом дарованная живущим на земле, на все время стояния земли, и что следовавшие ей, несмотря на множество противлений, не ошиблись в чаянии своем. Свидетельство Апостолов, что они проповедуют не свое, а Богом и Господом им преданное и Святым Духом внушаемое,— окажется верным, и все признают то. И Господь дивным явится в уверовании веровавших — *оправдится во словесех Своих*, и *победит внегда судити Ему* (Пс. 50, 6). Что слово *уверися* стоит в прошедшем, а не в будущем времени, это не мешает сказанному пониманию. Апостол ставит внимание наше в тот

момент, когда это совершится, и как бы говорит: дивен будет Господь в уверовавших, ибо вот — смотри — оправдалось свидетельство наше.

Этим кончает святой Павел изображение будущего суда и воздаяния. Так долго держал он внимание на сем предмете ради того, что нет другого предмета, который бы силен был столько отрезвлять ум и такую придавать бодренность и энергию нравственным силам, как созерцание того, какой будет конец всему. Холодная строгость нравоучительная — действовать по одному сознанию долга, чужда Божественному учению. Оно окружает человека побуждениями, на которые сочувственно отзывается человеческая природа на всех степенях своего развития. Святой Златоуст учит относительно сего так: «Мысль о царствии побуждает нас вести жизнь добродетельную. Правда, тот, кто вполне добродетелен, руководствуется не страхом (наказаний) и не желанием приобресть царство, но Самим Христом, подобно тому как делал Павел. Но мы будем помышлять о благах в царстве небесном и о мучениях в геенне, и по крайней мере таким образом будем правильно образовывать и воспитывать себя, будем таким образом побуждать себя к исполнению того, что должны исполнить. Когда в настоящей жизни увидишь что-либо хорошее и великое, тогда подумай о небесном царстве, и убедишься, что виденное тобою ничтожно. Когда

увидишь что-либо страшное, то подумай о геенне, и ты посмеешься над тем, что показалось тебе страшным. Когда овладеет тобою плотская похоть, помысли об огне, размысли о самом удовольствии от этого греха, что оно ничтожно и что даже не приносит собою удовольствия. Если опасение преступить законы, которые здесь изданы, имеет такую силу, что удерживает нас от злодеяний, то тем более — памятование о будущем, непрестанное мучение, наказание вечное. Если опасение оскорбить земного царя удерживает нас от стольких преступлений, то тем более опасение оскорбить Царя небесного. Если один вид мертвеца до такой степени смиряет наш ум, то тем более — геенна и огнь неугасающий, тем более — червь неумирающий. Если бы мы постоянно помышляли о геенне, то не скоро низринулись бы в нее. Для этого-то Бог и угрожает наказанием. Если бы размышление о геенне не приносило нам великой пользы, то Бог не изрек бы сей угрозы; но так как память о ней может способствовать надлежащему исполнению великих дел, то Он как бы некоторое спасительное врачевство посеял в наших душах — ужас возбуждающую мысль о ней» (под 8 стихом).

3. Молитва Апостола о преуспеянии солунян в христианских совершенствах (1, 11—12)

Столь великие изрек Апостол обетования верующим! Но получение их не от одной веры

зависит, а условливается верностию вере до конца и точным исполнением ее требований, — всего, к чему обязывает звание христианское. Так как успех в этом не одними усилиями человеческими приобретается, а дается преимущественно благодатию Божиею, то святой Павел и присоединяет молитву, чтоб Господь сподобил сего солунян.

Стих 11. *За сие и молимся всегда о вас, да вы сподобит званию Бог наш, и исполнит всяко благоволение благости и дело веры в силе.*

За сие — «того ради, чтоб и в вас прославился и дивен был Бог» (Экумений). В следующем 12 стихе так и значится. *И молимся всегда о вас*. И временную, и вечную участь обращенных к сердцу приняв, Апостол неутомимо молится о них, как сердобольный отец о чадах, желая, чтоб они истинно сподобились всех благ о Христе Иисусе, Господе нашем.

Сподобит званию. Звание, в Писании Святом, есть или призывание к вере в Господа Иисуса Христа (1 Сол. 2, 12); или состояние, соответствующее сему призванию, когда кто таков и есть, как требует христианское звание (2 Пет. 1, 10; Еф. 4, 1); или плод звания, — то, к чему приводит призвание, — *упование звания* (Еф. 4, 4), *звание небесное* (Евр. 3, 1). Как солуняне уже призваны к вере, то, конечно, Апостол здесь желает им *или* того, чтоб Бог сподобил их явиться достойными сего звания, выдержать себя до конца так, как

оно требует, *или* того, чтоб сподобил их получить, что отложено на небесах сему званию, облаженствовать их всею полнотою благ, кои благость Божия благоволила уготовать верующим. То и другое можно принять, — и то, что здесь требуется, и то, что там обещается. Ибо в сущности они нераздельны. Нынешнее — необходимое условие тамошнего. Когда есть в нас то, к чему обязываемся здесь, будет и то, что там уготовано; а когда нет здешнего, то и тамошнего не жди. Блаженный Феофилакт пишет: «Что ж, разве они не были званы? — Да, были. Но не о том звании говорит Апостол, ибо по тому много званных. И не имевший брачных одежд был зван, званы были и пять дев, но (ни тот, ни эти) не вошли. Звание здесь Апостол разумеет то, которое подтверждается делами и которое собственно и есть звание, как и вера настоящая есть вера деятельная».

Что же нужно для того, чтоб солуняне ходили достойно звания, того желает далее святой Павел: *и исполнит всяко благоволение благости*. Благоволение благости — то, чего хочет благость Божия людям, все блага, кои дарованы нам в Господе Иисусе Христе: благодать возрождения, освящение, Богообщение, всыновление, которое прямо названо у Апостола *благоволением хотения* Божия (Еф. 1, 5). Желает Апостол, чтобы Бог все это исполнил на солунянах, чтоб, получив

отпущение грехов, поревновали они очиститься и от страстей и, развив в себе добрые расположения и чувства, соделались достойным жилищем Триипостасного Бога. Экумений перефразирует сие место так: «Молимся, да исполнит в вас Бог всякую благую волю Свою. Воля же и благоволение Божие есть, да все люди спасутся и улучат вечное блаженство». Феофилакт прибавляет: «Чтоб всякое благоволение Божие, то есть все, что Ему благоугодно, исполнилось в вас, и вы явились такими, какими быть вам желает Бог, ни в чем не имея недостатка». Тот и другой заняли такие мысли у святого Златоуста, который говорит: «Дабы вполне удостоверился Бог, что вам уже ничего более недостает для того, вы соделались такими, как Он желает».

Возведши же благодатию и благоволением Своим солунян на такое нравственное совершенство, Бог исполнит в них и *дело веры в силе.* Дело веры – вообще то, для чего вера Христова основана и учреждена на земле. Апостол желает, чтоб это совершилось в солунянах. Или дело веры – показание своего верования делом (святой Дамаскин) пред другими, несмотря на неприязнь их за то; следовательно, дело веры – плоды веры вообще и в особенности терпение гонений за веру. У Феодорита читаем: «Умоляем Бога всяческих, чтоб вас, сподобившихся призвания, исполнил всех благ, и вы произрастили плоды

веры». По святому Златоусту, дело веры – перенесение гонений, и, по Феофилакту, Апостол желает, «да соделает Бог в солунянах терпение гонений совершенным. Терпение есть дело веры, так что, кто не имеет терпения, тот дела веры не показывает».

В силе – *или* во всей полноте, по всему величию благоволения благости, и по всему значению веры, совершеннейшим образом. *Или* силою Своею, свыше ниспосылаемою, силою благодатною, укрепляющею людей на все дела веры и особенно на терпение. «*В силе*, то есть усилив вас и укрепив» (Феофилакт). «Да исполнит дело веры в вас, собственною Своею (Божественною) силою. Ибо от сей последней рождается первое. Если Он даст силу исполнить нам дело веры, то, конечно, исполнит и благоволение Свое в нас» (Экумений).

То и другое, благоволение благости Божией и дело веры в людях, обнимают все, что требуется для того, чтоб нам сподобиться звания, или явиться такими, какими быть нам оно требует, или, что то же, ходить достойно звания (Еф. 4, 1). Первое указывает, что от Бога; второе – что от людей. Там все устроение спасения и благодатные силы; здесь собственная наша деятельность, труд, усилия в духе веры, или по исполнению обязательств веры, хотя все это имеет значение только при укреплении силою свыше. Звание христианское

исполняется не одною благодатию и не одними усилиями человека, а тем и другим вместе. Святой Дамаскин пишет: «Молится так Апостол, чтоб соделать их более ревностными. Делает так не за тем, чтоб отстранить то, что должно быть, от нас, но чтобы не много о себе думали, а, напротив, чтоб даже и во всем том, на что от благодати Божией получили способность, призывали Бога в помощники; потому что, если понадеемся на себя самих, весь труд наш ни во что будет. Словами *да исполнит* показывает, что они еще несовершенны. Ибо тогда совершенство, когда пройдет время подвига. Но, пока кто еще подвизается, пусть боится, не пасть бы. Почему и сказано: *прежде конца не ублажай* (Сир. 11, 28). Святой Златоуст выводит отсюда: «Смотри, как незаметно смиряет их Апостол. Чтобы они, как люди, совершившие великие подвиги, не возгордились от избытка похвал и не предались лености, он говорит, что, до тех пор, пока они находятся в сей жизни, им недостает чего-то. Подобно тому и в послании к Евреям он говорит: *не у до крове стасте, противу греха подвизающеся*» (Евр. 12, 4).

Стих 12. *Яко да прославится имя Господа нашего Иисуса Христа в вас и вы в Нем, по благодати Бога нашего и Господа Иисуса Христа.*

Вот для чего желает Апостол солунянам, чтоб в них осуществилось все Христово, желает им

полного совершенства в христианском звании! Для прославления Господа в них и их в Нем.

Это прославление или здесь еще, или там. Если *там*, то мысль у Апостола такая: молимся о полноте совершенства вашего в звании христианском, чтоб, когда придет Господь прославитися и дивен быти во святых Своих и верующих, явился Он славным и дивным и в вас, прославив вас и удививши милость Свою на вас. Так Экумений: «Если будет так (то есть как молимся), то как во святых прославится Бог, как сказано выше, так и в вас. Прославится же, сподобляя рабов Своих толиких благ. И для них будет славно сподобиться сего».

Если *здесь*, то, по святому Дамаскину, «слова Апостола подобны изречению Господа: *тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела, и прославят Отца вашего, Иже на небесех*» (Мф. 5, 16). Апостол говорит как бы: «Если будет в вас все сказанное, то еще в сей жизни имя Господа прославится в вас и вы в Нем» (Феофилакт). Как это, решает святой Златоуст: «Каким образом Господь прославится в нас? — Таким, что мы ничего не предпочитаем Ему. Каким образом мы прославимся в Нем? — Таким, что мы получаем от Него силу не ослабевать тогда, когда постигают нас несчастия. Ибо, когда случается с нами какое-либо искушение, тогда в одно время прославляемся и Бог, и мы.

Именно, Его прославляют за то, что Он нас сделал так крепкими, а нам удивляются за то, что мы соделали себя достойными сего». Решает это и Феофилакт своим образом: «Когда увидят вас терпящими всякое искушение из любви к Владыке своему, то это в славу Ему будет, что то есть Он столько благ, что рабы готовы умереть за Него, и столько силен, что укрепляет вас на терпение. Но и вы в Нем прославитесь тем, что столько верными оказываетесь, что все претерпеваете. Ибо слава раба в том, чтобы быть верным Владыке своему».

По благодати Бога нашего и Господа Иисуса Христа. Если сподобимся того, что Бог прославится в нас и мы в Нем, то все это Божие, а не наше, все благодать Христова. «То есть Сам Бог даровал нам сию благодать, чтоб прославиться в нас и чтобы мы прославились в Нем» (Златоуст). «Сами мы недовольны* к сему и недостойны сего; но все совершает в нас благодать Божия» (Экумений). «Благодать Божия есть и то, если Господь прославляется в нас, когда мы ничего не предпочитаем Ему как сладчайшему всего, и то, если мы прославляемся в Нем, когда получаем от Него силу переносить все искушения» (Феофилакт).

С вестями о светлой стороне солунян получил святой Павел сведения и о неисправностях

---

* Недостаточны. – *Ред.*

их, из которых одна омрачала их христианское ведение, а другая их христианское поведение. Первая состояла в том, что они допустили себя увлечься мнением, будто уже настоит* день Христов; вторая в том, что некоторые из них продолжали предаваться праздности и жить на чужой счет. Таких важных уклонений от правды Апостол не мог оставить без обличения и исправления. И исправляет первое во 2-й главе; а второе в 3-й, там и здесь вставляя и другие нравственные уроки, и свои благожелания солунянам. Отличим их, назвав одну вероисправительною, а другую нравообличительною.

---

* Приблизился, настал. – *Ред.*

Часть вторая
ВЕРОИСПРАВИТЕЛЬНАЯ (глава 2)

Распространилась между солунянами уверенность, будто настоит день Господень. Иные говорили об этом в духе пророческом, иные ссылались на слово, слышанное будто от Апостола; нашлись и такие, которые указывали на послание, будто святым Павлом писанное, в котором подтверждалась та же мысль. Слыша это, солуняне не потрудились проверить слышанное тем, что лично от Апостола слышали, а тотчас, как услышали, поверили и пришли в смятение: одни от страха, другие от радости, что вот скоро узрят Господа и соберутся к Нему. Апостол пишет им теперь, что не следовало им так теряться ни по каким причинам, стихи 1—2,— зная наперед, что пришествию Господню должно предшествовать явление антихриста, с соприкосновенными тому обстоятельствами, как об этом говорено было им лично Апостолом в бытность его у них,— стихи 3—5. Знаете, и держитесь этого знания, что есть нечто, удерживающее явление антихриста. Когда это удерживающее отстранится, тогда явится

антихрист, а после него Господь, чтоб убить его духом уст Своих и разорить все его дело,— стихи 6—8.

Таков порядок мировых событий, по преднамерению Божию, по плану промышления Его о роде человеческом. Тут виден и внутренний, сокровенный закон, управляющий ими, и последняя цель, к которой все идет.

Этим неправые мысли солунян исправлялись вполне, и смятение их должно было утишиться. Но святой Павел благорассудил решить и еще один соприкосновенный вопрос, который естественно мог родиться, по поводу пророчения о явлении антихриста, и снова смутить успокаиваемое братство,— именно: если такой богоборник будет этот антихрист, то не будет ли от него какой опасности и нам, самой вере нашей и нашему упованию? Не погубил бы он и нас? Апостол отвечает на этот возможный вопрос: не беспокойтесь. Человек беззакония точно придет вооруженный, по действию сатаны, всем, что может прельщать; но действительно прельстит и увлечет только тех, которые *любве истины не прияша*. У этих попустит Бог действовать духу льсти, и они поверят лжи, стихи 8—12. Вам же уверовавшим и возлюбившим истину нечего опасаться. Вы избраны ко спасению и к получению славы Господа за то, что поверили, и освящены благодатию

Духа Святого, стихи 13—14. Только пребудьте верными преданному нами вам учению, что и дарует вам Господь, стихи 15—17.

Святой Златоуст говорит, что святой Павел касается здесь «великих таин». Начиная речь о втором пришествии Господа, в первом послании Апостол писал: *сие глаголем вам словом Господним* (1 Сол. 4, 15). Здесь хоть он не говорит этого, но все сказанное им не есть его личное воззрение, а есть несомненно Божие откровение. Апостол пишет в пророческом духе. В писаниях апостольских, внушенных Духом Божиим, только тогда позволительно видеть свои им личные мнения и советы, когда они сами о том говорят; когда же не говорят, тогда все сказанное ими должно быть признаваемо за Боговдохновенные истины. Такова и эта речь святого Апостола Павла. Это замечание вызвано некоторыми западными инославцами.

Все означенные в предложенном кратком обозрении сей главы мысли совместим под следующими пунктами: а) исправление неправых мыслей о втором пришествии Господнем и откровение об антихристе, стихи 1—8; б) изображение козней антихриста и указание, кого он прельстит, 9—12; в) светлая участь верующих, поколику они верны вере.

а) Исправление неправых мыслей о втором пришествии Господнем и откровение об антихристе (2, 1—8)

Глава 2, стихи 1 и 2. *Молим же вы, братие, о пришествии Господа нашего Иисуса Христа, и нашем собрании о Нем, не скоро подвизатися вам от ума, ни ужасатися, ниже духом, ниже словом, ни посланием, аки от нас посланным, яко уже настоит день Господень.*

Молим. Молит, но сквозь это моление виден укор. Было все объяснено обстоятельно; но вот привзошли чуждые речи, и все забыто, сразу увлеклись. Апостол говорит теперь: просим вас не позволять себе этого, как может просить снисходительный наставник оказавшегося неисправным ученика. Греческое ἐρωτῶμεν наводит на такую речь: будто спрашиваем, подразумевая: зачем так сделано?

О пришествии Господа... и нашем собрании о Нем. О — относительно пришествия... и собрания... *Пришествие Господа* — у святого Павла везде есть личное прибытие Его с неба для завершения Своего благодатного царства царством славы и произнесения суда над противившимися истине. *Собрание наше о Нем* — то же и здесь, что в первом послании, — когда все верные и святые восхищены будут на облаках в сретение Господу на воздухе (1 Сол. 4, 17). *О Нем* — греческое ἐπ', к Нему, около Него. Он — центр; свои

Ему все расположатся окрест, всякий в своем чине, и составят единое целое, Единым Господом живущее, всеблаженное и всесветлое. Такую утешительную, светлую картину наперед восставляет святой Апостол в умах солунян ради того, что имел вслед за сим говорить о мрачном образе антихриста и дел его, чтоб этим последним не смутить их, а вместе и затем, чтоб внушить, что не о моментах явления Господа заботиться должно, а о том, чтоб сделаться достойными сретить Его на воздухе, о чем он твердил им в конце предыдущей главы.

Не скоро. Не тотчас, как только слышите слово, не сразу, не неподумавши. Уже они позволили себе прийти в смятение. Потому мысль у Апостола та: зачем это попущено? Он прикровенно выражает им свой укор, что как только услышали, не разобравши, кто говорит, и правду ли говорит, пришли в смятение.

Подвизатися от ума, сдвигаться с точки, или основы, ума, терять ум, теряться. Греческое слово употребляется о волнениях от страха, радости, горя. — *Ни ужасатися*, с греческого — пугаться от внезапного стука. Поверив, что вот-вот явится Господь, пришли в испуг, как громом пораженные, не зная, что начать и за что взяться.

Ниже духом. Разумеет не дух лжи, но тот дух, который проявлялся в членах Церкви, дух пророчества, или откровения и прозрения в тайны

Божии. Так все святые отцы: Златоуст, Феодорит, Дамаскин, Экумений, Феофилакт. В собраниях христиан находил на иных дух, — они поднимались, начинали речь воодушевленную. Эта речь наиболее касалась созидания Церкви в вере и любви; но она могла обнимать и прошедшее, и прозревать в будущее. Были лица, особенно отличавшиеся прозрением в будущее. Когда святой Павел говорил о себе, что Дух повсюду в Церквах говорит, что его ожидают узы и страдания (Деян. 20, 23), то разумел этот дух пророческий, проявлявшийся в тогдашних Церквах, чистоты ради веры и жизни первых верующих. Говорил ли кто в этом духе у солунян о наступлении дня Господня, утверждать нельзя. Может быть, никто и не говорил так, и святой Павел, только предупреждая такой случай, говорит: хоть бы и в пророческом духе кто стал говорить вам, не верьте, чтоб пресечь всякую возможность обольщения. Так святой Златоуст: «Хоть бы кто-нибудь, имея дух пророчества, сказал вам это, не верьте. Ибо когда я был у вас, то объяснил вам все, относящееся к этому предмету, поэтому вам не следует переменять своих мыслей касательно того, чему вы были определенно научены». Из того, что послание, будто Апостолом писанное, и слово, будто им сказанное, действительно были предъявляемы в подтверждение мысли о наступлении дня Господня, можно бы с вероятностию заключить,

что были действительно предъявления и о таких внушениях духа пророческого. Но та очевидность, что тогда как *слово и послание* здесь представляются принадлежащими святому Павлу, речение: *ниже духом*, никак не может относиться к нему, — значительно ослабляет эту вероятность, заставляя видеть особый оттенок и в смысле этого речения. Апостол хотел выразить как бы такую мысль: не только когда (ложно) предъявляют вам мое будто слово и мое будто послание, не верьте, но если б кто известный у вас как пророк действительно стал так учить, не принимайте его речей. Это похоже по смыслу на слова Апостола к галатам: *аще ангел с небесе* (1, 8). Если кому угодно будет принять, что солуняне на самом деле слышали внушения говоривших в духе пророческом, то надобно тогда подразумевать: *как будто*, — как будто в пророческом духе, а не действительно в пророческом духе: ибо действительный дух сей не лжив. Святой Дамаскин пишет: «Никто да не ужасает вас, ни тот, кто *кажется* говорящим по духу откровения». — Феодорит выражается резче: «Если будут выдавать себя за прорицателей и пророков, не велим верить». И это могло случиться без особого злого умысла. Размышляя о том, что день Господень не придет с усмотрением, и утвердившись в решении ожидать, по слову Господа, каждочасно Его явления, мог иной перейти к заключению, что

уже действительно так есть: настоит день, и затем, воодушевившись этою мыслию, сказать о том слово в собрании. Такой мог казаться говорящим в духе, тогда как говорил от себя. Не всякая воодушевленная речь от Духа. Чтоб верующие не подвергались опасности заблуждения по сему поводу, в Церкви пребывал дар рассуждения духов.

Ниже словом, ниже посланием. Слово — здесь, иные полагают, есть слово Самого Господа, по преданию дошедшее, или Его же слово, в Евангелии написанное (Мф. глава 24; Мк. глава 13; Лк. глава 21). Но очевидно, что под словом здесь понимать надобно слово, исшедшее от Апостола Павла, как и послание, только такие, кои ложно ему приписывались, как показывают слова: *аки от нас. Слово и послание* свои выставляет Апостол ниже, в 15 стихе, как единственный источник Божия откровения для солунян. И теперь, при ложных мыслях о наступлении дня Господня, одни говорили: сам Апостол так сказал; другие: так написано в послании его. Или говорили, — один: я слышал; а другой: на, — вот и послание. Слова: *посланным*, нет в греческом тексте, а стоит только: *аки от нас*. Почему все почти и относят эту фразу не к посланию только, но и к *слову*. Есть такие, кои и к *духу* ее относят, но это перепутывает и затемняет речь.

Яко уже настоит, с греческого: как будто уже настал, *день Господень*, последний день, день окончательного решения участи всех и каждого. В этом вся неправость в мнениях солунян. Ждать пришествия Господа надлежит всегда, по заповеди Самого Господа; но определять момент пришествия не следует, потому что его знать никто не может, кроме Бога. Солуняне определили, и тем погрешили, присвоив себе право Божие. Апостол и вразумляет их, говоря как бы: нельзя так решить, и вы так не делайте, как бы кто ни убеждал вас к тому. Не видно, чтоб были какие злонамеренные распространители лжи, иначе слово Апостола было бы и сильнее, и определеннее. Мысль та могла распространиться будто невзначай. Кто-нибудь сказал в собрании: вот-вот Господь придет! Другой подтвердил: да и Апостол будто так говорил; третий прибавил: да и в послании так написано,— или: есть и послание о том. И пошел повсюду говор, и всех привел в смятение. Обсудить же дела никому не пришло на мысль. Слово Апостола о внезапности явления Господня оправдывало будто заключение, что вот-вот, при дверех! Экумений наводит, что они смущались по неведению и страшливости.

Стихи 3—5. *Да никтоже вас прелстит ни по единому же образу: яко аще не приидет отступление прежде, и открыется человек беззакония, сын погибели, противник и превозносяйся паче всякаго*

глаголемаго бога, или чтилища, якоже ему сести в Церкви Божией аки Богу, показующу себе, яко Бог есть. Не помните ли, яко еще живый у вас, сия глаголах вам?

Да никтоже – или выражает свое им желание, или дает предостережение: смотрите, остерегайтесь, или прямо заповедует никого не слушать. – *Прелстит.* Уж они поддались прельщению. Теперь, исправив их образ мыслей, говорит, чтоб вперед держали себя твердо в правом образе мыслей, не поддаваясь обману. *Ни по единому же образу.* Никаким из показанных и обличенных способов, или никаким и другим способом. «Таким образом он предостерег их со всех сторон от заблуждения» (Златоуст). Этим одним речением «отверг все вместе виды обольщения» (Феодорит).

Яко аще... Ибо если не придет отступление... Что же из этого следовать должно, не сказано. Это надобно дополнять читающему самому, и оно само собою дополняется, то есть если не придет отступление прежде, не придет и день Господень. Экумений пишет: «За этими словами надобно доразумевать: не будет и пришествия Господня». Почему опустил такие слова Апостол? – Не потому, что, заговорившись о свойствах антихриста, забыл; а потому, что рассудил употребить обычную фигуру умолчания, или прехождения, как видно из пятого стиха. Не помните ли?.. сказал

Апостол: если не придет прежде отступление и человек беззакония, такой-то и такой-то... И еще следовало бы, может быть, прибавить что-нибудь в этом роде; но он пресекает речь и говорит как бы: да что много о том писать? Припомните сказанное... Припомнив же сказанное, они должны были привесть на ум и то, что, пока не явится этот человек беззакония, не приидет Господь. «Тут он открывает им, а чрез них и нам, самый великий признак пришествия Господня» (Феодорит).

Не приидет отступление. Слово *отступление*, одно, без пояснения, от чего и какое, не дает определенного понятия. Потому сам собою рождается вопрос, что здесь разумеет Апостол? — Древние толковники все полагают, что *отступление* употреблено здесь вместо *отступник* и означает самого антихриста. Святой Златоуст пишет: «Здесь он говорит об антихристе и открывает великие тайны. Что такое отступление? — Отступлением он называет самого антихриста, так как он имеет погубить многих и привести к отступлению: *якоже прельстити*, как сказано, *аще возможно, и избранныя*» (Мф. 24, 24). То же и Феодорит: «Отступлением назвал Апостол самого антихриста, дав ему имя сие по делам его, потому что он покусится всех довести до отступления от истины». Так и все другие; только Экумений после того прибавляет догадочно: «Или отступлением

называет он удаление от Бога, самое дело (а не лицо)».

Инославные западные толкователи разумеют не лицо, а особое явление в жизни человечества, — не всякий, однако ж, одно и то же. Ближе, конечно, к истине те, кои, подобно Экумению, разумеют отступление от Бога, от веры и истины, о котором поминается и в других местах Писания. Так как слово сие не пояснено здесь каким-нибудь прибавочным словом, то смысл его следует определять течением речи. Следующие за ним слова: *человек беззакония превозносяйся паче всякаго бога* и прочее, дают разуметь, что и отступление будет в том же роде, совершится то есть в области религиозно-нравственной. Видеть, следовательно, в этом отступлении что-либо политическое, например восстание иудеев или падение Западной Римской империи, значит уклоняться от того, что хотел сказать святой Павел. Отпадение папы со своими от истинной Церкви, а потом Лютера и Кальвина еще глубже отпадение от истины, чрез отпадение от папской отпадшей Церкви, хотя совершались в области религиозной, но как у Апостола с отступлением тесно связано явление антихриста, а его нет, то под ним не следует разуметь и этих событий.

Апостол, очевидно, говорит о том отступлении, которое совершится в последние дни, пред вторым пришествием Господа. Об этом поминает он

в других посланиях. В первом послании к святому Тимофею пишет он: *Дух же явственне глаголет, яко в последняя времена отступят нецыи от веры, внемлюще духовом лестчим и учением бесовским* (1 Тим. 4, 1). Похоже на это у него 2 Тим. 3, 1; и у святого Петра 2-е послание 3, 3. Святой Иуда свидетельствует, что все Апостолы говорили об этом одинаково: *поминайте глаголы прежде реченныя от Апостол Господа нашего Иисуса Христа: зане глаголаху вам, яко в последнее время будут ругатели, по своих похотех ходяще и нечестиих. Сии суть отделяюще себе от единости веры...* (Иуд. стихи 17—19). И Сам Господь предрекал, что в конце мира *многие лжепророки возстанут и прельстят многих* и что за *умножение беззакония изсякнет любы многих* (Мф. 24, 11—12), так что, когда придет Он, *обрящет ли веру на земли* (Лк. 18, 8)?

По этим удостоверениям рисуется в голове очень неутешительная картина нравственно-религиозного состояния людей в последнее время. Евангелие будет всем известно. Но одна часть пребудет в неверии ему, другая — наибольшая — будет еретичествовать, не Богопреданному учению следуя, а построевая себе свою веру, своим измышлением, хотя на основании слов Писания. Этим самоизмышленным верам числа не будет. Начало им положил папа, продолжили его дело — Лютер с Кальвином; положенное же сими после-

дшими в основу свое личное постижение веры из одного Писания, дало сильный толчок измышлениям вер. Их и теперь уже очень много, а будет еще больше. Что ни царство, то свое исповедание, а там — что ни область, а далее — что ни город, а под конец, может быть, что ни голова, то свое исповедание. Где сами себе строят веру, а не принимают Богопреданную, там иначе и быть нельзя. И все такие будут присвоять себе имя христиан. Будет часть и содержащих истинную веру, как она предана святыми Апостолами и хранится в Православной Церкви; но и из этих немалая часть будет по имени только правоверными, в сердце же не будет иметь того строя, какой требуется верою, возлюбив нынешний век. Вот какая широкая ожидается область отступления. Хотя имя христианское будет слышаться повсюду, и повсюду будут видны храмы и чины церковные, но все это только видимость, внутри же отступление истинное. На этой почве народится антихрист и вырастет в том же духе видимости без существа дела. Потом, отдавшись сатане, явно отступит от веры и, вооруженный его обольстительными кознями, всех, не содержащих христианства во истине, увлечет к явному отступлению от Христа Господа, заставив себя самого почитать за бога. Не увлекутся избранные, но он будет иметь покушение прельстить и их, аще возможно. Чтоб этого не случилось, прекратятся

дни те злые. Явится Господь и упразднит антихриста и все дело его явлением пришествия Своего.

Вот какое, надобно полагать, отступление разумеет Апостол! Оно точно есть дело, факт, а не лицо, но такое, которое состоит в тесной связи с лицом, с человеком беззакония и сыном погибели. Это будет отступление, в которое увлечет главный отступник — антихрист. Отступление людей в ложные веры и в нехристианские настроения сердца подготовит почву для вырождения* антихриста и арену для его действования. Но не это отступление тут разумеется, а то, которое произведет антихрист. Он, явясь и усилясь, завершит отступление внутреннее тем видимым отступлением. Это будет громкое отступление, единое вполне достойное такого имени, почему и стоит у Апостола с определенным членом. Потому же, может быть, оно не пояснено у него и другим каким прибавочным словом, — как потом Юлиана именовали отступником, не поясняя отчего. Таким образом, в словах Апостола: *аще не приидет отступление прежде и явится человек беззакония*, не два периода означаются, а одно последнее время, в которое совершится то и другое. Святые отцы это и выражали, разумея под отступлением отступника — антихриста, имеющего произвести общее отступление. От него в за-

* Произведения на свет. — *Ред.*

висимости ставит отступление и сам Апостол Павел, как видно из стиха 9 и далее, и святой Иоанн Богослов в Апокалипсисе 13, 4 и далее. Инославные западные толковники отступили от мысли святого Павла, разумея здесь то — подготовительное — отступление.

Человек беззакония — пребеззаконный, пропитанный беззаконием, сущность которого — беззаконие. Беззаконно родится, беззаконно будет жить, сам беззаконствуя и расширяя беззаконие всюду, в беззаконии и погибнет. Он будет полное осуществление беззакония, и ничего в нем не будет, кроме беззакония. Не одно только богоборство будет отличать его, хотя оно будет очевиднее всего, а всякий грех. «Человеком беззакония назван он, потому что совершит тысячи беззаконий и других доведет до совершения их» (Златоуст). «И сам много нагрешит, и других многих введет во многие грехи» (Экумений).

Но он будет человек, как и всякий другой, из души и тела состоящий, только полное орудие сатаны. Не сатана в образе человека, и не воплощение сатаны, а человек, в котором будет жить сатана и действовать чрез него как орудие свое всепослушное. Святой Златоуст спрашивает: «Кто же он будет? Ужели сатана?» И отвечает: «Нет, но человек некий, который восприимет всю его силу (энергию)». То же и Экумений: «Не сатана будет антихрист, а человек, сатаною обладаемый

и действуемый (осатаненный). Он будет какой-нибудь еврей, искусный в магии и составлении специй».

Сын погибели — погибельный, в пагубу себя произвольно отдавший и идущий в нее с сознанием, что погибнет. У нас похожи на это фразы: пропащий человек, или отчаянный. Таков был и Иуда (Ин. 17, 12); таков и сей зверь из бездны, который после богоборства в пагубу пойдет (Апок. 17, 8, 11). Фраза *сын погибели* может означать и крайнее развращение, но это в отношении к антихристу сказано уже в слове *человек беззакония*; здесь уже указывается на жалкий конец его. Но не сам только он погибнет, а и других многих введет в пагубу. Прельстит их следовать своей воле и ученью, и тем сгубит, как ниже говорится (стих 12). Будет находить удовольствие в том, чтобы увлекать других в пагубный путь свой; вся забота его будет о том, как бы побольше сгубить людей. «Сыном погибели назван потому, что и сам погибнет» (Златоуст); «и сам погибнет, и других ввергнет в пагубу» (Экумений); или «послужит для них виною пагубы» (Феодорит).

Противник. Не указывается, кому и чему он будет противник. Определить это дают следующие слова и все течение речи. Из них видно, что он будет противник Богу и Христу Господу. Можно: противник всякой истине, и особенно истине христианской, и, следовательно, — спасения

рода человеческого; но это одно и то же. Святой Златоуст называет его — ἀντίθεος — богопротивник, у святого Иоанна Богослова он именуется антихристом (1 Ин. 2, 18, 22; 4, 3; 2 Ин. 1, 7). Ἀντίθεος может означать еще вместобожник, то есть вместо Бога себя ставящий, равно как и антихрист — может означать и вместо Христа себя выставляющий. Последующие слова Апостола оправдывают это. Он во всем будет противником Богу и Христу, всему Божескому и христианскому, чтобы на место их поставить, или заставить себя почесть за бога и христа. Вот слова святого Златоуста: «Он будет каким-то богопротивником ἀντίθεός τις — отвергнет всех богов, и велит поклоняться себе вместо Бога». Феодорит пространнее: «Губитель человеков (сатана) подражает вочеловечению Бога и Спасителя нашего; и как Господь, восприяв естество человеческое, совершил наше спасение, так и он, избрав человека, способного принять в себя всю его действенность, покусится обольстить им всех людей, именуя себя христом и богом, обличая лживость так именуемых богов, которых сам поддерживал в протекшие века».

Превозносяйся паче всякаго глаголемаго бога или чтилища. Пиша к коринфянам, Павел употребил слово: *глаголемии бози*, в том смысле, что их называют богами, а они не суть боги. Там ему надлежало выставить ту истину, что *никтоже Бог*

ин, токмо един, — что *нам един Бог Отец, из Негоже вся, и мы у Него, и един Господь Иисус Христос, Имже вся и мы Тем* (1 Кор. 8, 4—6). Здесь у Апостола другая цель. Он хочет показать не истинность единого Бога против всех ложных богов, а дух превозношения антифея и антихриста над всем, что почитается богом. Потому *глаголемый бог* есть здесь всякое существо, которое в то время люди будут почитать богом. Как в то время будут истинные чтители единого Бога, в Троице поклоняемого, то и он разумеется под тем же понятием. Над всем этим антихрист будет выситься, давая разуметь, конечно, что всякий чтимый бог ничто сравнительно с ним и что его одного должно чтить как Бога. Речения эти Апостол мог заимствовать у пророка Даниила, который пишет: *возвысится и возвеличится над всяким богом, и на Бога богов возглаголет тяжкая... и о всех бозех отцев своих не смыслит* (внимания на них не обратит)... *и о всяком бозе не уразумеет* (знать его не будет хотеть), *понеже паче всех возвеличится* (Дан. 11, 36—37). *Чтилище* есть предмет благоговейного религиозного чествования, предмет, или божески чтимый, или ради Бога чтимый, то есть или божество, или храм, священные вещи и действия, все входящее в чин богопочтения внешнего. В первом смысле *чтилище* будет то же, что *глаголемый бог.* Апостол говорит как бы: *превозносяйся паче всякаго*

глаголемаго бога, или, что то же, *чтилища*. Во втором дается новая черта превозношения, что антифей и антихрист сочтет недостойным себя всякий вид богопочтения, какой застанет среди людей, все их презрит, отвергнет и конечно* заведет свой новый: ибо богом себя выставит, а бог без богопочтения не бывает. Первая мысль здесь уместнее, но и второй можно не чуждаться; ибо что он сядет в храме, как бог, есть уже часть чина богопочтения, как видится, главная, источная, по которой будет учреждено и все другое; чем заменится всякое другое богопочитание.

Якоже сести ему в церкви Божией, яко Богу. Церковь здесь — храм, ναός здание. Какой же это храм? Вот ответы древних толковников, — святого Златоуста: «Будет восседать в храме Божием, не Иерусалимском только, но и повсюду в церквах». Феодорита: «*Церковию Божиею* Апостол называет храм, в котором антихрист восхитит себе председательство, покушаясь выдать себя за бога». Феофилакта: «В храме сядет, не Иерусалимском собственно, а просто в церквах Божиих и во всяком храме Божием». Будет же где-нибудь центральное место действования антихриста, и будет конечно определенный момент, в который он явит себя таким. Главный храм того места и разумеет Апостол. В этом храме и воссядет он, как бог; а затем будет садиться в таком

* Наконец. — *Ред.*

значении и во всяком другом храме, который встретит лично. Или, может быть, в одном храме лично воссядет, в других же свое восседание засвидетельствует каким-либо иным способом. В Апокалипсисе говорится об образе зверином. Не его ли всюду поставят в храмах? Само собою разумеется, что если он произведет широкое отступление от христианства, то заберет с христианами и храмы. Как в них после сего оставаться христианскому строю и чину неуместно будет, то заведут что-либо новое, по духу нового бога. И тут первое место будет занимать то, чем будет означаться восседание антихриста в храме. В какое же место сам придет, там сам лично воссядет, как бог. Всячески в словах Апостола предрекается факт, а не выражается идея.— Потому неуместно иные думают, что здесь восседанием в храме означается то, что антихрист объявит себя богом, и все признают его таким.

Показующему себе, яко бог есть. Такою окружит себя помпою в храме, такую даст себе обстановку посредством призрачных знамений, что все приставшие к нему увидят в этом проявлении будто бога, как некогда Ирод, облекшись в одежду царскую и седши на судище пред народом, показался сему последнему чем-то необыкновенным, так что чудилось, будто и голос у него не человеческий, а божеский (Деян. 12, 21—22). Святой Златоуст говорит: «Будет стараться показать

себя богом; ибо совершит великие дела и явит великие знамения». Экумений: «Всякие покушения употребит — делами, знамениями и чудесами явить, будто он бог».

Не помните ли, яко еще живый у вас, сия глаголах вам. Прервал Апостол речь, как замечено уже, и, не договаривая, что, пока этого всего не будет, не приидет Господь, обращает внимание солунян к тому, что лично говорил им, и давая им самим дополнить не конченную речь. *Сия глаголах* — говорил об этом, об этих обстоятельствах, предшествовать имеющих пришествию Господню. Говорил, а они забыли: в этом укор и урок дорожить словом, исходящим из богодухновенных уст. Забыли, или, может быть, перетолковали, сбиты будучи распространившимися ложными речами и смешавши понятия о повсечасном ожидании Господа с решительным наступлением дня Господня. Так, святой Павел во всем помянутом о явлении антихриста ничего не сказал нового. Все то объяснял он в первой проповеди. Следовательно, учение о конце мира с обстоятельствами, ему предшествующими и последующими, то есть речь о втором пришествии Христовом, суде, рае и аде, составляла неотъемлемую часть первоначального благовествования и предмет неотложный первого верования. Следовательно, далее нельзя легкомысленно относиться к сим предметам и, содержа другие члены веры, позволять себе

построевать своеличные о том воззрения, помимо учения, Апостолами преданного и Церковию хранимого.

Заметим мимоходом, что об антихристе нигде не говорится с такою определенностию, как здесь. Но не случись недоумений у солунян, святой Павел не написал бы о том, довольствуясь личною речью к солунянам и веря, что они хорошо и верно помнят сказанное им. Если б теперь слово Апостола об антихристе дошло до нас не в Писании, а чрез предание от солунян, слово истинно апостольское и богодухновенное, и мы содержали бы сие учение по одному преданию сему; с какою бы глубокомысленною важностию выступали против нас не принимающие преданий — инославные, обличая в веровании неопределенной молве предания, как они имеют обычай выражаться? Они уже и здесь успели нечто нагадать от своего смышления. Святой Павел здесь только говорит с такою определенностию, а в других посланиях уже не поминает о сем. Следовательно, говорят, Апостол изменил образ оглашения первою проповедию и воздерживался уже говорить потом об обстоятельствах второго пришествия. На самом деле следует из этого только то, что Апостол не писал более с такою определенностию, хотя поминал во многих местах; не писал же потому, что подробно объяснил все в первой проповеди, поминая и о возможности ук-

лонения от истины, подобно солунянам, и тем предотвращая заблуждение, а потому и повод писать о том.

Стих 6. *И ныне удержавающее весте, во еже явитися ему* (антихристу) *в свое ему время.*

И ныне, — иные так: знаете, что ныне, в настоящее время, явиться антихристу мешает; а другие так: теперь вы знаете, что удерживает его. За первое стоит то, что и в 7 стихе говорится подобно сему: *держай ныне,* и притом так будто проще и ясней; за второе — строй речи в греческом тексте, по которому нельзя иначе перевесть сего места, как: *теперь знаете.* То или другое примет кто сочетание, главная мысль текста остается одна и та же, ибо сила речи не в этом. Наш славянский и русский перевод держит второй перевод: *теперь знаете.* Теперь, то есть припомнив сказанное лично и имея во внимании то, что написано перед сим, *вы знаете.* Тут будто у святого Апостола своего рода умолчанье. Давши солунянам сообразить и только что прописанное, и толкованное лично, он делает из того вывод: и вот вы теперь знаете, что его удерживает; а отсюда к главному предмету сей части послания легок переход: а что его удерживает, то служит причиною и того, что Господь отсрочивает Свое явление. Этим одним он рассеивал уже все их недоумение.

Удерживающее – «мешающее, препятствующее» (Экумений). «Что же такое это удерживающее явитися ему, или препятствующее?» (Златоуст). Вопрос не лишний. В этом речении – главная мысль Апостола (вместе с другим: тайна беззакония уже действуется). Но между тем оно одно не дает определенного понятия и открывает пространное поле догадкам. Для нас безопаснее всего придержаться отеческих мнений. Приведем их и сделаем общий из них вывод. Святой Златоуст пишет: «Одни полагают, что под этим должно разуметь *благодать Святого Духа*, а другие – *Римское государство*». То же повторяют Феодорит, Экумений и Феофилакт, хотя некоторые из них предполагают и другие мнения. Так Феодорит пишет: «Под удерживающим иные разумеют Римское царство, а иные благодать Духа, то есть антихрист не придет, пока пребывает благодать Духа». И ниже: «Признаю истинным утверждаемое другими. Благоугодно Богу, чтобы антихрист явился во время скончания (мира). Посему *Божие* определение не позволяет ему явиться ныне. Но полагаю, что изречение сие заключает в себе и другой еще смысл. Поелику Божественный Апостол знал сказанное Господом, что Евангелие должно быть проповедано всем народам, и тогда кончина (Мф. 24, 14), но видел также, что преобладает еще служение идолам; то, следуя Владычнему учению, сказал, что прежде

сокрушится держава суеверия и повсюду воссияет спасительная проповедь, и тогда явится сопротивник истины». Фотий у Экумения: «Явится в свое время, то есть когда настанет определенное ему и Богом попущенное, или соизволенное, время». Севир у того же Экумения: «Удерживает и не допускает беззаконному явиться Дух Святой. Когда Сей, по причине умножения зла в людях, отстранится и отступит, тогда беззаконный тот возымеет свободу открыться и выступить на среду, — мешать будет некому».

Вывод из приведенных мнений всякий и сам легко сделает: когда Евангелие пройдет по всем народам, обитающим на земле, и выберет из них всех способных принять его, и ради того освятиться и переродиться благодатию Святого Духа, тогда не для чего будет более оставаться настоящему порядку вещей, придет кончина мира, или последние дни, в кои определил Господь снова прийти сотворить суд над всеми живущими на земли, чтоб одних ввесть в царство славы Своея, а других предать горькой участи, ими изволенной. Сему пришествию Господа, по Апостолу, будет предшествовать явление антихриста, в котором Бог попустит раскрыться злу во всей широте и силе, чтоб обнаружились и сами себя обличили те, которые суть его части. Таким образом, после того или вместе с тем, как Божиих всех уже выдаст род человеческий и больше их ожидать

нечего и не Божии все выступят налицо, сбросив личину; тогда жатва будет готова. Пошлет Господь жателей — и затем конец всему. Как созрение жатвы имеет свой определенный срок, так и эти последние явления имеют свое, Богом определенное время. И добро, и зло уже засеменено, развивается, растет. Созреет же и то, и другое в свое время. Раньше того определенного срока сему быть нельзя. Теперь, как на вопрос, почему жатели не являются на поле, прямой ответ тот, что время еще не пришло, жатва не готова; так и на вопрос: почему не видно тех чаемых мировых событий, прямой ответ: еще не пришло Богом определенное проявлению их время. Но сюда же принадлежит и явление антихриста. Следовательно, и он не является по той же причине. И вот что удерживает его. Божие определение, как сказали блаженный Феодорит и за ним блаженный Фотий, которое одно выдвигает события на сцену мира или отодвигает их назад, не в угоду кому-либо, а по своему непостижимому для нас плану мироправления.

Некоторые из целей мироправления Богу угодно было открыть нам в слове Своем. Применив их к нашему предмету, можем и в них видеть *удерживающее* антихриста. Мир стоит за тем, чтобы вложенная Господом в род наш, — как квас в тесто, — сила спасения произвела свое дело. Сила спасения — Божественное Слово и

благодать, приемлемые верою и проводимые в жизнь самоотверженною ревностию о Богоугождении. Ходит Слово Божие по земле, возбуждает усыпленных и приводит их к источникам благодати, — и они, быв перерождены, становятся деятелями своего спасения во славу Господа, всем спасение устроившего. Этого рода явления повсюду, — и среди неверных, и среди заблуждших, и среди правоверующих; ибо и званные не все избраны, как не все рыбы, попавшие в мрежу, гожи к столу. Этим, рожденным свыше, *иже не от крове, ни от похоти плотския, ни от похоти мужеския, но от Бога родишася*, дана область *чадами Божиими быти* (Ин. 1, 12—13). Из них-то Господь и строит Свое царство духовное. Они — материал, готовимый на земле для неба Словом Божиим и благодатию, когда им предается свободное произволение. Когда сии силы выберут с земли весь гожий материал и царство Божие вполне созиждется, тогда спасение Господне совершит Свое дело и настоящему порядку вещей незачем будет оставаться. Мир стоит потому, что еще не все, гожие в царство Христово, вступили в него, или не столько еще их вступило, сколько нужно. *И ины овцы имам*, сказал Господь, *яже не суть от двора сего, и тыя Ми подобает привести... и будет едино стадо и един пастырь* (Ин. 10, 16). Когда совершится это, тогда конец; тогда же и явление антихриста.

Отсюда удерживающее его явление будет то, что еще не совершила вполне своего дела сила спасения, Господом вложенная в род наш. Ее продолжающееся действие удерживает его. Перестанет она действовать, тогда и он выступит на среду. Разложив это общее на части, составляющие его, получим: мешает явиться антихристу то, что еще не всеми слышано и не всеми принято Евангелие и что благодать Духа Святого еще пребывает и еще имеет дело в роде человеческом. — Из святых отцов и учителей Церкви, как мы видели, одни — одну, другие — другую сторону действующей во спасение нашей силы выставляли, удерживающею явление антихриста. Но это то же, как бы каждый из них указывал обе, ибо они неразлучны.

Наши толкователи удерживающею антихриста силою, между прочим, считали и Римское царство. В их время, когда Римское царство еще существовало, можно было на то указывать, основываясь на пророчестве Даниила. В наше время какой-нибудь вес можно давать подобной мысли разве только в таком случае, если под Римским царством разуметь царскую власть вообще, — и это таким образом: царская власть, имея в своих руках способы удерживать движения народные и держась сама христианских начал, не попустит народу уклониться от них, будет его сдерживать. Как антихрист главным

делом своим будет иметь отвлечь всех от Христа, то и не явится, пока будет в силе царская власть. Она не даст ему развернуться, будет мешать ему действовать в своем духе. Вот это и есть *удерживающее*. Когда же царская власть падет, и народы всюду заведут самоуправство (республики, демократии); тогда антихристу действовать будет просторно. Сатане не трудно будет подготовлять голоса в пользу отречения от Христа, как это показал опыт во время Французской революции. Некому будет сказать: veto — властное. Смиренное же заявление веры и слушать не станут. Итак, когда заведутся всюду такие порядки, благоприятные раскрытию антихристовских стремлений, тогда и антихрист явится. До того же времени подождет, удержится. На такие мысли наводят слова святого Златоуста, который в свое время царскую власть представлял под видом Римского государства. «Когда, говорит, прекратится существование Римского государства (то есть царской власти), тогда придет антихрист. Потому что до тех пор, пока будет бояться этого государства (этой царской власти), никто скоро не подчинится антихристу; но после того, как оно будет разрушено (власть эта прекратится), водворится безначалие – и он устремится похитить всю и человеческую, и божескую власть».

Можно бы основательно возразить, что народ сам будет блюсти свою веру. Но, как уже и

впереди говорилось, трудно допустить, чтоб вера с течением времени все более и более возрастала в силе. Светлые некоторых писателей изображения христианства в будущем приятно встречать, но нечем оправдать. Царство Христово благодатное, точно, расширяется, растет, полнеет; но не на земле — видимо, а на небе — невидимо, из лиц, там и здесь, в земных царствах, приготовляемых туда спасительною силою Христовою. На земле же предуказывается господство неверия и зла. Оно видимо и расширяется; и когда уже очень возобладает, тогда дело будет стоять только за началом. Подай только кто влиятельный пример, или голос сильный, и отступление от веры начнет совершаться. Этот толчок и дан будет антихристом. Отсюда можно положить, что удерживающее антихриста есть вместе и то, что нет еще должной подготовки в людях к принятию его; перевеса еще не взяли неверие и нечестие, много еще веры и добра в роде человеческом.

После всего сказанного сами собою понятны слова: *во еже явитися ему в свое ему время*. «Явитися» не Господу и не отступлению, а человеку беззакония — антихристу. *Свое ему время* — не то, какое ему бы хотелось избрать, а какое назначено ему Божественным Промыслом. Он явится не против воли Божией. В Божиих планах мироправления стоит и он, и подготовка его, и последствия того. Не потому так, чтобы Бог

хотел такого зла людям, а потому, что люди сами себя до того доведут. Этот момент отодвинул Бог до последней возможности, ожидая, не явится ли кто еще желающий к Нему обратиться и служить Ему. Когда уже некого будет такого ждать, примет Господь удерживающую руку, зло разольется, и антихрист явится. Дал Бог свободу и не хочет отнимать ее, только окружает ее всегда такими указаниями, которым внимая она может избирать доброе направление. Но не приневоливает, ждет, чтобы она сама избирала доброе. Если она избирает злое, сама виновата. Это, однако ж, не нарушает Божиих благих намерений. Господь возьмет все Свое и не потерпит никакого ущерба по причине уклонения многих. А они свое получат: возлюбили пагубу, и она придет на них.

Стих 7. *Тайна бо уже деется беззакония, точию держай ныне, дондеже от среды будет.*

Беззаконие, грех действовал уже в роде человеческом со времени преступления Адамова, и хотя он не совсем понятен и в своем происхождении, и особенно в силе обольщения людей, но все уже переиспытали его и узнали, коль великое он есть зло. Посему надо полагать, что под словом *тайна беззакония* Апостол дает разуметь нечто особенное. Есть у сатаны свои глубины (Апок. 2, 24), свои скрытные замыслы и планы, все в духе сатанинском. Пагубные действия его видны, а дальние его цели скрытны. Апостол как бы

намекает: к чему доселе стремился сатана — видно было, обнаружилось уже. Что же теперь он замыслил, еще не видно. Тайна в том, что замыслы его еще не открылись. Прежде он действовал так, теперь — иначе, а как? — еще не видно. Иначе же он начал действовать, потому что и Бог иначе воздействовал на род человеческий в Господе Иисусе Христе. До пришествия Христова он применился уже, как сбивать с пути людей, а теперь, видя, как отовсюду теснит его крест Христов, только начал свои противукозненности.

Если возьмем во внимание *тайну благочестия*, о которой говорит тот же Апостол в другом месте, то по противоположности можем навесть и в чем тайна беззакония. Тайна благочестия в воплощении Бога: «Бог явился во плоти» (1 Тим. 3, 16), — то, что Иисус, глаголемый Христос, есть Бог Слово, принявший на Себя человеческое естество. Вера в это разрушает царство греха сатанинское. Тайна беззакония, придуманная сатаною, будет ухищрение сатаны подрывать и извращать сию веру. Для этого язычников держал он в их прелестях пред лицом христианства, представляя им Христа с самой уничиженной стороны, как распятого на кресте. В сказаниях о мучениках это всегда первым возражением и было против веры и обличением верующих со стороны языческого разума. А в тех, которые, видя во Христе не простого человека, обращались к

Нему, он всячески покушался затмить и извратить тайну воплощения в Нем Бога Слова. Это и начал уже он производить в христианах иудействующих, в евионеях, докетах. И после не остановился, но во всяком веке новую выдумывал кознь на прельщение верующих и ослабление, или извращение, в них веры в Боговоплощение. В настоящее время на Западе бездна христоборцев, и все они как ни разны в частных воззрениях, сходятся в одном,— в неверии в воплощение Бога Слова во Христе Иисусе. Это-то зло будет расти, и Сын Человеческий, пришедши, едва ли обрящет веру на земле (Лк. 18, 8). Вот какая тайна тогда откроется и придет въявь!.. Тайна беззакония, конечно, предполагает нравственное развращение, и его преобладание в последнее время представляется в Апокалипсисе под видом жены любодейцы великой, у которой на лбу надпись: *тайна* (Апок. 17, 5); но нравственная испорченность у христиан — снаружи, а внутри — неверие в Господа. Порчею нравственною они приводятся к неверию; когда же неверие возобладает сердцем, тогда разлив безнравственности уже не имеет пределов. Неверие есть движущая скрытная сила беззакония, тайна, в нем кроющаяся.

Так понимают тайну беззакония древние наши церковные толковники. Блаженный Феодорит пишет: «Думаю, что Апостол означил сим поро-

дившиеся ереси, потому что ими диавол доводит многих до отступления от истины. Наименовал же их *тайною беззакония*, потому что в них сокрыта сеть беззакония. Потому-то и пришествие антихриста Апостол назвал выше *открытием*. Ибо что всегда приготовлял втайне, провозгласит тогда открыто и явно». То же говорит и святой Дамаскин: «Тайною беззакония называет Апостол учения еретиков и ложные их догматы. Ибо они предшествуют ему, пролагая ему путь и подготовляя время прельщения. Ереси же изошли в мир от времен апостольских. Подобное говорит и Иоанн Евангелист: *Якоже слышасте, яко антихрист грядет, и ныне антихристи мнози быша* (1 Ин. 2, 18), разумея еретиков».

Тайна уже деется беззакония, — указывая кознь сатаны уже в действии, уже явились антихристы-предшественники. Апостол хочет этим подать мысль: мог бы явиться и главный антихрист, но есть некто, удерживающий его. Кто? — Бог и Господь наш Иисус Христос. Его воплощение еще не совершило своего дела. Спасительная сила Его начала только действовать со времени сошествия Святого Духа. Надо дать ей время всюду проникнуть и оживотворить всех способных принять животворное ее действие. Когда она совершит свое дело, тогда и тому сыну погибели позволено будет выступить. Моменты сии сокрыты в советах Божия промышления. Можно

потому говорить, что эти-то советы Божии и определения и удерживают явление антихриста.

Прежде сказал: *удерживающее*, здесь говорит: *держай*; разумеет же одно и то же, только с двух сторон: там — определение Божие, а здесь — Самого Бога и Господа, приводящего в исполнение Свое определение. Слова: *от среды будет*, не значат: уничтожится, престанет быть, а устранится, сойдет со сцены, прекратит свою сдерживающую деятельность. *Ныне* — не во время только Апостола, а во все время, *дондеже днесь именуется* (Евр. 3, 13). Этим обнимает Апостол все время, пока держай будет держать.

Экумений пишет: «Итак, когда настанет предел Божия определения,— и удерживающее ныне определение явится исполненным, тогда уже без всякой задержки откроется беззаконник». То же и Феофилакт: «Когда исполнится Божие определение, удерживающее ныне явление антихриста, и настанет определенное ему время, тогда он и откроется».

Стих 8. ***И тогда явится беззаконник, егоже Господь Иисус убиет духом уст Своих, и упразднит явлением пришествия Своего.***

И тогда, когда то есть не станет удерживающего, или он отстранится, сойдет со среды, *явится*, выступит на среду, родится и начнет действовать *беззаконник*, никакого закона знать не хотящий и действующий только по внушению

губителя рода человеческого, в угоду своему развратному, злому и гордому нраву; он явится как всемирный владыка, которому все поклонятся, как означено выше. Всего хода дел, как он этого достигнет, не изображает Апостол, хотя приемы, какие он будет употреблять, указывает ниже. Здесь же говорит только наперед, что как великим ни покажется он, но Господь дохнет только, — и его не станет.

Егоже Господь Иисус убиет, лишит жизни, поразит насмерть, как человека смертного, достойного всякой кары. *Духом уст Своих* — или словом, или дохновением: скажет слово, или дохнет только, и жизнь того пресечется. По Экумению, дух уст есть повеление и приказ, и как бы дуновение. Еще Исаия провидел, что *жезл из корене Иессеова... убиет нечестиваго духом устен Своих* (Ис. 11, 1, 4). И в Апокалипсисе Христос Господь, наименованный Словом Божиим, изображается так, что из уст Его исходит оружие острое, как видно, в знак решительности, скорости и непощадности праведного суда Божия и гнева, его сопровождающего; вследствие чего Он и зверя, и лживого пророка его, прельстившего многих знамениями своими, ввергнет в *езеро огненное, горящее жупелом* (Апок. 19, 15, 20). Можно потому положить, что и у Апостола здесь убиение духом уст есть окончательное решение участи беззаконника низвержением его в ад.

И упразднит, праздным сделает место его, исключит его из числа живых, — то же что и *убиет*. Греческое слово дает намек и на то, что с упразднением беззаконника Господь разорит, разделает* и дела его. Вся помпа его, все призрачности обманчивые исчезнут, и все увидят ничтожность его и лживость показности его. *Явлением пришествия Его*, или актом пришествия, самим пришествием, или образом пришествия, тем видом, в каком оно совершится. То и другое означает, что как тает воск от лица огня, как исчезает дым пред лицем ветра, так пред лицем Господа, грядущего на суд, не постоит беззаконник и все дело его, все развеется как прах. Так величественно, всемощно и грозно для человека беззакония и всех грешников будет пришествие Господне! Блаженный Феодорит пишет: «Апостол, сколько можно было, показал великость Владычнего могущества. Ибо, пришедши с небес, говорит он, скажет только, и предаст конечной гибели губителя. Сие предвозвестил и пророк Исаия; ибо, сказав: *изыдет жезл из корене Иессеова* и описав, какой это жезл, присовокупил: *и духом устен убиет нечестиваго*» (Ис. 11, 1, 4).

Но думается, что в этом изображении можно видеть и всеочистительную силу второго пришествия Господня *в огни пламенне*, как помянуто выше (1, 8). Теперь всякий грех и беззаконие

---

* Покончит. — *Ред.*

ходят по стогнам мира, подняв главу, в смеси с добродетелью и правдою и даже с преобладанием над ними. Тогда же отделятся праведники от грешников, и сии последние заключены будут в одно неисходное место. На сцене мира останется одна чистота, святость и правда. Это имеющее быть очищение всего сущего и изображает Апостол под видом упразднения беззаконника и дела его явлением пришествия Господня. Придет Господь, — и как гонит свет тьму, и ветр — туман, так и Он прогонит и стеснит всякую неправду и грех в место, им определенное. И настанет всесветлое царство истины и добра.

Об этой ничтожности беззаконника и всей призрачной помпы его пред величием и силою Господа говорит Апостол прежде изображения льстивых и опасных для немощи нашей козней его, чтоб держать упование и надежду на Господа в бодренном и крепком виде, а это для того, чтоб последующим изображением козней антихриста не навесть уныния и ужаса на солунян. Он внушает им: придет сын погибели, но не бойтесь, вы вот в какого Господа веруете! Святой Златоуст пишет: «Явится беззаконник. Что же потом? — Тотчас за этим следует у Апостола утешение, ибо он прибавляет: *егоже Господь убиет*. Подобно тому, как огонь, когда только приближается, еще прежде чем подойдет, приводит в оцепенение и уничтожает малых животных, которые даже

вдали находятся; так точно и Христос одним Своим появлением и пришествием убиет антихриста. Довольно только того, что Он явится, и все это погибнет. Едва только явится Господь, как уже положит конец обольщению».

б) Изображение козней антихриста и указание, кого он прельстит (2, 9—12)

И сказанного довольно бы к успокоению солунян. Но Апостол видел возможность извлечь отсюда урок и воодушевление — строго и искренно держаться принятой Божественной истины. Потому продолжил речь об антихристе, изображая его лживость и лжелюбие имеющих пристать к нему на пагубу себе. Тут решаются следующие вопросы: как антихрист будет иметь успех? — Посредством ложных знамений и обмана (стихи 9, 10). Как ему поверят? — Поверят лжи потому, что в самих нет истины и искреннего к ней отношения (стихи 10, 11). Что из этого будет? — Все неверы и неправые приимут суд, будут осуждены и наказаны, — пойдут в пагубу (стих 12). Вывод отсюда: радуйтесь, что приняли вы истину и содержите ее. Это одно избавит вас от козней антихриста, от увлечения вслед его и от пагубных последствий того. Под Христом Господом вы в безопасном пристанище. Только держитесь.

Стихи 9 и 10. *Егоже есть пришествие по действу сатанину во всякой силе и знамениих и*

чудесех ложных, и во всякой лсти неправды, в погибающих, зане любве истины не прияша, во еже спастися им.

Таков будет антихрист! Он явится во всеоружии ложных знамений и всякого обмана, в льстивых речах, выдуманных сказаниях, в хитрых сопоставлениях лиц и вещей.

Егоже есть пришествие. Речь не о самом пришествии, а о том, каково оно будет. *Есть* — стоит вместо несомненного будущего. Дело решенное — быть его пришествию таким, как оно здесь изображается. Так судил и соизволил всеправящий Бог.

По действу сатанину — не пришествие его будет, ибо он явится на свет по общему закону происхождения людей, а вооружение его знамениями. Он будет действовать силою сатаны. И в Апокалипсисе говорится, что змий (древний) *даст ему силу свою и власть великую* (Апок. 13, 2). Сатана на него иждивит всю силу свою, ибо конец и ему самому.

Во всякой силе, знамениих и чудесех ложных. Все это одно и то же — призрачные изумляющие дивности. Он будет подражать Господу и святым Апостолам; только у них было все истинно и в видах истины, а у того все будет призрачно и ложно, и в видах лжи, чтоб дать ей ход. В Апокалипсисе примерно означаются некоторые из сих дивностей: *огнь сотворит сходити на землю пред человеки*, сделает икону зверину и

даст ей дух, так что она говорить станет (Апок. 13, 13–15), и подобное. Но все то будут магические дивности и фокусы. Святой Златоуст пишет: «Он обнаружит великую силу, но в этом ничего не будет истинного. *В чудесех ложных*, говорит, — или обманчивых (кажущихся), или вводящих в обман. Цель всего будет составлять обольщение, Апостол предрек это, чтоб не прельстились (имеющие жить) тогда». Феодорит прибавляет: «Чудеса будут не истинные, а такие чудеса производят и обманывающие проворством рук, потому что показывают за золото, что вовсе не золото, и делают что-либо иное, что вскоре и обличается». Экумений несколько определеннее: «Ложны знамения будут или потому, что он будет показывать их призрачно и глаза отводить, или потому, что чрез них он будет вводить в ложь, — так будет представлять вещи, что может прельстить и верующих».

И во всякой лсти неправды. Это другой вид его приемов, — обманывание, завлечение в обман речами и разными уловками и хитростями. Пустить в ход всякого рода обольщения и словом, и делом, — обольщение неправедное, одно выставляя, когда другое есть на деле. Дивностями он произведет обаяние, а этими льстивостями расположит поверить лжи и отстать от истины. *Лесть в руце его*, по пророку Даниилу, *и лестию разсыплет многих* (Дан. 8, 25).

В погибающих. Как ни велики и ни разнообразны будут усилия и приемы антихриста к тому, чтобы прельщать и увлекать в свою ложь, успех он будет иметь, однако ж, только в кругу тех, кои одного с ним духа, то есть отпали от Бога и Господа, сердцем презирают Его заповеди и, ведая, что путь их ведет в пагубу, не сходят с него, предавшись участи своей в нечаянии. Как сам он — сын погибели, то и привлечь к себе успеет только погибающих. И погибающие эти погибнут не по определению Божию, а потому, что возлюбили пагубный образ жизни и нрав. Бог все употребляет к образумлению и обращению грешников, и, когда уже ничем их взять нельзя, и не предвидится, чтоб можно было, тогда предает их в руки произволения своего. И всякий в жизни своей встречает людей, которым что ни говори, они все свое, как остолбенелые и окаменелые. Во время проповеди своей святые Апостолы повсюду встречали таких и засвидетельствовали устами святого Павла, что *слово крестное погибающим юродство есть, а' спасаемым нам сила Божия есть* (1 Кор. 1, 18), и что сами они суть *овем* (погибающим) *воня смертная в смерть; овем же* (спасаемым) *воня животная в живот** (2 Кор. 2,

* В русском переводе: «Ибо мы Христово благоухание Богу в спасаемых и в погибающих. Для одних — запах смертоносный на смерть, а для других — запах живительный на жизнь». — *Ред.*

15—16). Во время же антихриста, его юродство будет казаться погибающим мудростию, и его пагубное зловоние — благоуханием. Тут то же будет, что при холерных поветриях, которые захватывают тех только, у которых есть к ним предрасположение.

Зане любви истины не прияша, во еже спасатися им. Вот почему они суть погибающие! Потому, что не приняли спасительной истины. Бог видел, что люди гибнут, ниспадши в бездну греха и в пагубные узы рабства страстям и сеятелю их, диаволу. Для того послал Сына Своего Единородного, чтоб проложить им путь исходный и указать его в вере в Него и в благодати, приемлемой по вере. Весть о сем всюду разнесли святые Апостолы. Принимавшие поступали в число спасаемых, не принимавшие оставались в пагубе. Таковы они во время Апостолов, таковы после их доселе, такими окажутся и в последние дни. Всю эту массу видит апостольское богопросвещенное око ума и дает им надпись: *погибающие.* У солунян пред лицом были эти погибающие неверия ради. Апостол говорит как бы: вот в этой области неприявших нашего спасительного слова он будет иметь успех, а не среди вас, уверовавших, и подобно вам имеющих уверовать. Достойно замечания, что Апостол словом своим обнимает не только тех, кои не приняли истины христианской, как бы слушать ее не хотели; но и тех, кои

слышали ее, поняли, в чем дело, и не приняли ее, и даже тех, кои приняли умом, но не полюбили ее сердцем; обнимает не только неверов — нехристиан, но и христиан по имени, а не в сердце, кои равнодушны к исповедуемой ими вере и не ревнуют о том, чтоб быть послушными требованиям ее, стать тем, чем именуются, индифферентны к ней. Ибо говорит: *любве истины не прияша*, не полюбили истины, нет ее у них на сердце, хоть и видят ее. Истину видят, а сердце держат на стороне, противной истине. Потому сами в себе суть ложь и, будучи таковы, полюбят ложь.

Существенная спасительная истина есть та, что Бог послал в мир Сына Своего — Спасителя миру. Святые отцы потому слова: *любве истины не прияша*, толкуют так: не приняли Христа Господа. Ибо Он есть и любовь беспредельная, и истина всесовершенная. Святой Златоуст пишет: «Любовию истины он называет Христа. Ибо Христос был и то, и другое, и приходил ради того и другого по любви к нам и чтоб открыть истинное значение всего». То же Феодорит и все другие. Но это одно и то же. Ибо надобно не только принять Евангелие, но и сочетаться с Господом, или в этом сочетании и состоит надлежащее принятие Евангельской истины. Тот только и извлекается из массы погибающих, кто прилепляется к Господу Иисусу Христу, становится

един дух с Ним, прививается к Нему, как к единой истинной живой лозе.

Стих 11. *И сего ради послет им Бог действо лсти, во еже веровати им лжи.*

Это страшное нравственное наказание Божие! *Послет*, — не так, что нарочно пошлет не желаемое ими, а пропустит к ним ими желаемое и искомое. Злой дух лести и лжи постоянно порывается всеми завладеть, всех омрачить и увлечь в ложь; но Бог не пускает его, когда среди не следующих истине есть еще такие, которые подают надежду обращения, еще не совсем предались ложным путям, еще думают иногда отстать от лжи и стать на стороне истины, — не пускает, чтоб не потерпели они от него насилия внутри, ибо он может колебать и твердых, а не только этих слабых. Когда же наконец они совсем опустят руки и предадутся избранному ими пагубному пути, сложатся с ним и сочетаются сердцем, а о том, чтоб отстать от него, и думать перестанут, тогда Бог примет Свою удерживающую злого духа лести руку, и он, пропущенный, устремится на них, пройдет в сердце их и там начнет оказывать действо льсти, влечь ко лжи, — и привлечет. Они восприимут ложь всем сердцем, и затем обнаружат ее и вовне, пристанут видимо к антихристу. Но этим сделается только то, что выйдет наружу скрывшееся внутри. Святой Златоуст пишет: «Для чего, скажешь ты, Бог попустит

быть всему этому? — Не бойся, возлюбленный, но послушай, что говорит (Апостол): (*антихрист*) возобладает только над погибающими, которые, хотя бы он и не пришел, не уверовали бы». Феодорит прибавляет: «Сие же: *послет им Бог действо лсти*, сказано Апостолом вместо — попустит явиться льсти, чтоб оказались любители лукавства. Ибо не пошлет лесть сию Бог, но истребит ее словом уст Своих». Экумений: «*Послет*,— не так принимай, чтоб Бог послал, но так выражать обычно Апостолу попущение от Бога». Феофилакт: «*Послет* — вместо попустит ему прийти. Смотри, сначала они отвергли истину; и тогда оставил их Бог, и ложь овладела ими».

Стих 12. *Да суд приимут вси не веровавшии истине, но благоволившии в неправде.*

Да суд приимут,— праведно подвергнутся осуждению. Попустит Бог,— раскроется их злой нравственно-религиозный строй, и они созреют для суда. Ложь самообличительна; и следующие лжи сами себя обличают. Безответны они будут на суде, потому самому, что поверили очевидно пагубной лжи и не поверили очевидно спасительной истине.— *Вси не веровавшии истине, но благоволившии в неправде.* С греческого,— *все эти*, неверовавшие и прочие, кои не приняли в сердце с живою верою Евангельской истины, и жизни своей, своих чувств и расположений не установили по ее требованию, а, напротив, лежали сердцем

своим, — благоволили ко всякой неправде, и к неправым мудрованиям, и к неправым нравам, находили удовольствие пребывать и погрязать в сих неправостях.

Очевиднейшим же обличением их будет то, что они поверят антихристу. Святой Златоуст пишет: «Заграждены будут уста тех, которые осуждены на погибель. Каким образом? — Они не уверовали бы во Христа, хотя бы антихрист и не пришел; но он придет с тою целию, чтобы изобличить их. Для того, чтоб они тогда не сказали, что так как Христос (видимо человек) назвал себя Богом, то по этой именно причине мы и не уверовали в Него; потому что мы слышали, что Бог един, от Которого все, и вследствие того мы не поверили, — этот их предлог (к оправданию) отымет у них антихрист. Ибо, когда он придет, и, несмотря на то, что он не заповедует ничего праведного, а только одно беззаконие, они уверуют в него, единственно ради ложных его чудес, — тогда заградятся уста их. Ибо если ты не веруешь Христу, то тем более ты не должен верить антихристу. Первый говорил, что Он послан Отцом, а сей последний (будет говорить) совсем другое. Посему-то Христос и говорит: *Аз приидох во имя Отца Моего, и не приемлете Мене; аще ин приидет во имя свое, того приемлете* (Ин. 5, 43). Но мы, скажут, видели знамения? — И от Христа совершено было много великих чудес;

поэтому скорее следовало уверовать в Него. Кроме того, об антихристе много было предсказано: что он беззаконник, что он сын погибели, что пришествие его (с помпою будет) по действу сатанину; тогда как, напротив, о Христе, — что Он есть Спаситель и принесет бесчисленные блага». — Та же речь у Феодорита, Экумения и Феофилакта.

в) Светлая участь верующих, поколику они верны вере (2, 13—17)

Выше (стихи 11—12) изображена участь неверующих Евангельской истине и благоволящих неправде: за то, что не веруют, они будут преданы духу лжи, им увлекутся к поклонению антихристу и потом осуждены будут на вечные муки. Верующим же солунянам, а в лице их и всем христианам, определена другая участь. Они возлюблены Богом, избраны и призваны во спасение и славу с Господом вечную. Апостол как бы внушает: «Вам же бояться нечего. Ваше будущее столь светло и радостотворно, что мы только Бога за то благодарить должны». В такую связь поставляют это отделение, стихи 13—17, с предыдущим святой Дамаскин и блаженный Феофилакт. Святой Дамаскин: «Изложив, что касается невероваваших иудеев, и показав, какой будет их конец (говоря: *да суд приимут*), излагает теперь и то, что касается уверовавших». Феофилакт:

«Поелику сказал нечто страшное, могущее смутить нетвердую душу, то теперь успокоивает сердце, научая, что все это страшно для других, погибающих, для коих и определено. О вас же мы Бога благодарить должны, — за то, что Он избрал вас и предопределил во спасение, по предуведению, что вы достойны». Ряд мыслей у Апостола такой: сперва свидетельство и удостоверение, что солунянам отложена Богом светлая будущность в избрании и призвании, стихи 13, 14; далее указывается непременное условие к улучению ее в верности вере, стих 15. Но так как Божии только обетования непреложны, а условие верности со стороны шаткой воли человека нельзя считать непременно исполнимым, то Апостол прилагает молитву об утверждении верующих и во здравом учении, и в доброделании, требуемых верою христианскою, стихи 16, 17. Коротко: мысль Апостола такова: вам же нечего бояться. Вы избраны во спасение и славу; только стойте. И помоги вам Господи!

Стих 13. *Мы же должни есмы благодарити Бога всегда о вас, братие, возлюбленная от Господа, яко избрал есть вас Бог от начала во спасение, во святыни Духа и веры истины.*

Мы... то есть святой Павел с своими сотрудниками, *должны благодарити*. Чувствуют себя обязанными благодарить Бога за светлое состояние солунян в настоящем и еще светлейшее,

ожидающее их будущее, — по любви к солунянам, их благо почитая своим, и по преданности долгу апостольства, которого успех виден в их обращении и вере. Вместо того, чтобы сказать: вам же будет хорошо, говорит: благодарить Бога должны. Так и мы часто выражаемся, когда хотим сказать свою мысль о благосостоянии своем или других: нечего печалиться — Бога благодари, или благодарим...

Братие, возлюбленная от Господа.

Предначинает изображение благих обетований и надежд указанием на согревающую их отвсюду любовь — и свою, называя их братиями, и Господню, напоминая им о возлюблении их Господом. Это сладостное титло; но не по благозвучности слова, а по существу дела. Господь засвидетельствовал Свою к ним любовь избранием и призванием их к вере и благодатному освящению. Но, уверовав и освятившись благодатию, они сердцем начали ощущать теплое веяние сей любви. Таковы и все истинные христиане. Они в объятиях любви Господней, как растения в теплице. Она их питает, растит, укрепляет, совершает.

Яко избрал есть вас Бог от начала. Благодарит за изначальное избрание. Ибо *от начала* здесь то же, что в других местах — *от век* (Еф. 3, 9, 11): *от век и от родов* (Кол. 1, 26), или *прежде век* (1 Кор. 2, 7), *прежде лет вечных* (2 Тим. 1, 9).

Подобное благодарение возносит он к Богу и в послании к Ефесянам: *якоже избра нас в Нем прежде сложения мира, быти нам святым и непорочным пред Ним в любви* (Еф. 1, 4). Вот куда возносит он умы верующих солунян! И говорит как бы: еще ничего не было; пребывал только Единый Триипостасный Бог, и Сей, всеблаженный в Себе Бог, тогда еще думал об вас, имел вас во внимании и расположился к вам, восхотев избрать вас и присвоить Себе. Конечно, Он избрал вас *по предуведению* (Рим. 8, 28), что вы окажетесь достойными (Феофилакт); но и то, что оказались вы достойными, есть Его же благости дело (Экумений). Если так почтены вы Богом и такою заботою Его окружены, то чего вам смущаться?

Избрал есть... во спасение во святыни Духа, и веры (с греческого *в вере*) *истины*. Тем — неверам пагуба, а вам отложено спасение, к коему вы и избраны. Это спасение откроется во всей силе в вечности, как и пагуба тех, но начало ему полагается и стяжание его совершается здесь. Начинатели, производители и совершители спасения суть благодать Святого Духа и вера. Слыша проповедь истины, веруют, поверив, сподобляются благодати Святого Духа чрез принятие таинств, и, ею обновленные, начинают содевать свое спасение, пребывая верными святой воле Божией. Этот спасительный строй есть уже преддверие вечного спасения, или его начало; ибо смерть

ничего в нем не изменяет. И в очах Божиих, и в вере верующих, — это уже есть спасение вечное.

Всю мысль иные выражают так: от начала избрал вас Бог во спасение, тогда же положив освятить вас Духом и дать уверовать в истину. Осуществление же сего Божия предопределения видят в словах следующего стиха: *в неже призва*, то есть к освящению Духом и вере, которые и есть в вас, как видите: ибо вы и веруете, и Духом освящены, что и есть свидетельство вашего изначального избрания. Но святой Златоуст без этого круговращения мысли пишет: «Как избрал во спасение? — Это объяснил (Апостол), когда сказал: *во святыни Духа*, то есть что освятил вас Духом и истинною верою, — освятил вас Духом, ибо от этого зависит наше спасение, а не от дел, ни от подвигов, но от истинной веры». То же Экумений: «Избрал вас ко спасению, и избрал чрез освящение Духом Своим Святым и чрез веру истинную».

Два производителя нашего спасения: благодать и вера, один от лица Божия, а другой от нас. Сначала веруем, потом сподобляемся благодати Святого Духа; но и самая вера не без благодати. Что Апостол ставит впереди освящение от Духа, а после веру, не изменяет ни порядка, ни значения спасительных действий. В деле спасения неразлучны благодать и свобода. Они и в то время, как полагается начало спасению, и во все то, как

оно совершается, до конца ни на одно мгновение не разлучаются, и это как в общем содеянии спасения, так и в каждом частном ко спасению относящемся деле, так что, коль скоро прекращается действие одного какого из сих производителей, останавливается и дело спасения. Недостанет нашей тонкости ума на то, чтоб точно определить, кто когда из них предшествует и кто последует. Безопаснее всего вообще полагать, что в спасающихся всегда действуют благодать и свобода вместе: ни свобода ничего не может сделать спасительного без благодати, ни благодать действовать во спасение без свободы.

Древние наши толковники имели в виду и в настоящем месте указать, что наше и что от Бога в деле спасения. Так блаженный Феофилакт пишет: «Словами: *во святыни Духа*, Апостол показал, что Бог спас нас, освятив Духом. Потом, чтоб кто не сказал: так что же? мы ничего не принесли? — прибавил: *и в вере истины*, то есть освятил нас, привнесших веру истине, то есть вещам истинным. Ибо не лжам каким мы поверили, но самой истине». Экумений то же говорит о вере: «Мы только ее одну привнесли, и Он освятил нас Духом». Так в начале спасения, так и в продолжении его. Святой Златоуст спрашивает: «Почему сказал прежде не о вере, но об освящении?» И отвечает: «Потому что и после освящения мы имеем в ней великую нужду, чтоб нам не

совратиться». Так же отвечает и Феофилакт. Но это не значит, чтоб самую веру они признавали присущею в нас без действия благодати. В приведенных словах уже видна мысль, что вера сама есть плод всеосвящающего Духа, хоть она не выражена. Но ее определенно выразил Экумений: «Для того прежде сказал: *во святыни Духа*, чтоб показать, что мы и не уверовали бы, если бы благодать Духа не освящала нас». Стало, от нас ничего нет? — От нас желание и посильное искание, а дело всегда от благодати. Желание веры, согласие на нее, избрание ее — наше; самая же вера живая есть дело благодати.

Стих 14. ***В неже призва вас благовествованием нашим, в получение славы Господа нашего Иисуса Христа.***

В неже — во что, к чему и призвал. К чему же? — Одни говорят: ко спасению; другие: к освящению и вере. Но это одно и то же, ибо спасение с производителями его неразлучно. Где освящение благодатное и вера, там и спасение. — *Призва благовествованием нашим*. Бог призвал вас чрез нас. Мы говорили вам слово; но в этом вы не должны видеть ничего человеческого. Бог нас привел к вам, Бог дал нам слово, Он же сообщил и силу сему слову такую, что, слушая его, вы приняли его и согласились пойти на зов сей. «Видишь ли, — вопрошает святой Златоуст, — как (Апостол) дает им знать, что ничто не

зависит от них, но все от Бога». «Чтоб, услышав о вере, – пишет Феофилакт, – они не превозносились, как и сами привнесшие нечто, дает разуметь, что и это от Бога. *В неже призва*. Во что? – Во еже спастися освящением и верою, так что хоть вы уверовали, но это есть благодать Призвавшего. Ибо если б Он не призвал вас благовествованием нашим, то как бы вы услышали?»

В получение славы. Начало спасительного пути – призвание, средина – содевание спасения действием благодати освящающей и веры, конец – получение славы вечной. В первом послании говорил, что Бог положил нас в *получение спасения* (1 Сол. 5, 9); здесь говорит: призвал *в получение славы*. Когда получим славу, тогда вполне откроется, что спасены и какова сила спасения. Слава со спасением неразлучны. Но здесь слава сия сокрыта внутри, как сокровище в скудельных сосудах, а там она просияет и вовне. Посему Апостол в другом месте и говорит о себе, что он поднимает все труды и скорби по благовестию с тем благим желанием, чтоб уверовавшие улучили *спасение* в Господе *со славою вечною* (2 Тим. 2, 10). Получение славы Господа нашего Иисуса Христа есть получение той славы, которою Он Сам славен, восседя одесную Бога и Отца. Так Он Сам удостоверяет: *идеже есмь Аз, ту и слуга Мой будет* (Ин. 12, 26). О сем и в

последней молитве Своей молился ко Отцу: *да видят славу Мою, юже дал еси Мне* (Ин. 17, 24).

Надобно заметить, что в нашем славянском переводе слова: *в получение славы*, и в русском: *для достижения славы*, точно ту мысль содержат, что спасаемые призваны к соучастию во славе Господней. Но греческое слово περιποίησις означает не получение, а снабдение, и не столько себя, сколько другого, не столько получение, сколько доставление. Потому все древние наши толковники, вслед за святым Златоустом, понимают сие место так, что не — верующие получат славу, а что чрез верующих прославится Господь, то есть верующие призываются благовестием во славу Господа, для прославления Господа. С этим согласен и древнейший перевод сирский, в коем такая мысль: «Да будете украшением Господу, чтоб то есть чрез вас прославился Господь». Вот слова святых отцов! Святой Златоуст пишет: «И того нельзя считать маловажным, если Христос наше спасение признает Своею славою. Ибо слава Человеколюбца в том, чтоб как можно больше было спасающихся. Велик поэтому Господь наш, если Он в такой мере желает нашего спасения. Велик и Дух Святой, совершающий наше освящение». Экумений: «Слава Христу, что многие имеют спастися верою в Него, как и выше сказал: прославится во святых Своих (1, 10). Смотри, как высоко ставится человек, когда Христос

во славу Себе вменяет спасение наше». Феофилакт говорит словами святого Златоуста и прибавляет: «Кто не возлюбит такого Владыку? И кто не поревнует о славе Его, то есть о своем спасении?» Феодорит только намекнул о будущем прославлении верующих, и тотчас приглашает прославлять Господа: «Это и будет в надлежащее время (то есть получение славы), а мы воспрославим Подателя благ, потому что сподобил нас спасения и преподал нам Духа Святого, так что и все прославляют Его о нас».

Принимающим это древнее понимание надо иметь в мысли, что в таком случае здесь не то только разуметь должно, что спасением верующих прославляется Господь, но что верующие долгом своим должны считать прославлять Господа и все делать, чтоб имя Его в них славилось, а не хулилось, как и в другом месте заповедует Апостол: *куплени есте ценою. Прославите убо Бога в телесех ваших, и в душах ваших, яже суть Божия* (1 Кор. 6, 20). Последнее напоминание очень идет к нам, кои призываемся ко спасению не особым актом благовестия, а самым рождением; потому что часто забываем, коль великая сим оказывается нам милость Божия, и не только не славим Господа, но и самой веры своей не чтим как следует.

Стих 15. *Темже убо, братие, стойте, и держите предания, имже научистеся, или словом, или посланием нашим.*

Темже, — имея такое назначение, каково прославление Господа, или получение славы Господней, такими мощными будучи вооружены средствами, каковы вера и всеосвящающая благодать Святого Духа, таким покрываемые Божиим благоволением, какое выражается в изначальном вас избрании ко спасению, *стойте*... Так говорит военачальник воинам, вооруженным и поставленным в строй против врагов, указывая впереди наградные венцы. И у Апостола видна мысль: есть из-за чего постоять. Вы — спасаемые — в противоположность погибающим. Вот в какой вы поставлены чин возлюбившим вас Господом. Стойте же, иначе все потеряете. «Необходимо вам, которые таких сподоблены благ, быть твердыми» (святой Дамаскин). Бог избрал вас от века, привел вас к вере, даровал благодать. Употребите же с своей стороны усилие — стоять неуклонно в порядке новой введенной у вас жизни. Свое усилие стоять есть неотложное условие спасения. Оно — главная движущая жизненная сила христиан. Все прочее — средства! Не стань его, жизнь остановится. Слова: *держите предания*, объясняют, в чем стоять должно: должно строго держать, хранить, соблюдать все, что преподано им Апостолами. Не слышателями только будьте, но и исполнителями. Слышали, приняли; исполняйте же, чтоб все видели, что вы не имену-

стесь только, но и самим делом Христовы — истинные христиане.

Предание... в нашей обычной речи значит сказание, или обычай, или поверие, переходящее от предков к потомкам с незапамятных времен. Потому граничит с неопределенною молвою, подлежащею обсуждению и критике. В слове Божием, в устах Апостола Павла, оно означает преподание Божественного учения и взято от занятия учителей, кои в классах преподают (παραδίδουν) уроки, и, когда идут в класс, говорят, что идут εἰς τὴν παράδοσιν, давать урок. Таким образом, *предание* и здесь равносильно Божественному Откровению новозаветному и обнимает собою все, что внесено в человечество вследствие заповеди Господа: *шедше научите* (Мф. 28, 19). Блаженный Феодорит пишет на это место: «Правилом учения признавайте, что нами вам преподано, что мы проповедали вам, когда были у вас, и что написали, когда оставили вас».

Слово или послание суть способы преподания Божественной христианской веры. И писание есть такое же предание, как и слово. Но в церковном употреблении потом Преданием стало называться исключительно учение, устно Апостолами преподанное и хранимое Церковию. Так потребовалось течением церковной жизни. Когда Апостольские писания стали общеизвестны и вошли в один состав, тогда ту часть Божественного

откровения, которая в них заключалась, все почерпали из сих писаний. Между тем многое веровалось и было совершаемо в обществах христианских, чего нет в этих писаниях. На вопрос: откуда же это? отвечалось: так устно научили и лично учредили и завели святые Апостолы, или так предано Апостолами, или просто: предание есть. И стали, таким образом, это не писанное Апостольское учение, или Божественное откровение, называть Преданием, а какое заключалось в писаниях Апостольских — Писанием. Уважали же и то, и другое одинаково; одинаково дорожили и тем, и другим. Святой Златоуст пишет на настоящий текст: «Отсюда очевидно вытекает, что (Апостолы) не все предали (верующим) чрез послания, но многое сообщили и без письмени*; между тем и то, и другое равно достоверно. Посему мы должны признавать достоверным и церковное предание. *Есть предание, больше не ищи ничего*». Так говорили и предшествовавшие святому Златоусту учители Церкви, и последующие ему.

Многое из преподанного Апостолами устно и заведенного ими лично вошло потом в писания преемников их, пастырей Церкви, а многое оставалось и ими незаписанным, а хранилось в сердцах, или в практике, в порядках жизни христианских. Иное намеренно не предавалось письмени, как, например, образ совершения таинств,

* Без написания. — *Ред.*

по замечанию Кирилла Иерусалимского, ради сокрытия того от неверующих, кои недостойны ни слышать, ни читать о том, пока не уверуют. Отсюда само собою видно, как неосновательно инославные отвергают учения и чины церковные, не означенные в Писании. Не имеет цены и тот их извет, будто опасаются принять что не апостольское, потому отвергают и все, не содержащееся в Писании. Золотопромышленники собирают не то только, что явно есть золото, но часто землю и песок, и притом в большом количестве, из опасения не пропустить бы какого зернушка золота, хоть его и не видно. Так следовало поступать и им. Многое, конечно, и после Апостолов введено; но на основании апостольского предания и в том же духе. В этой же общей массе сокрыто и непосредственно апостольское. Дорого ли апостольское? — Всякому дорого. Вот и следует содержать все, содержимое Церковию, из серьезного опасения, как бы, опасаясь принять не апостольское, не попрать и апостольского. Попрание апостольского есть уже дело пагубное; тогда как принятие во уважение не апостольского (непосредственно), но согласного во всем с апостольским и проникнутого духом его, никакого вреда причинить не может. Опасение законное одно, как бы не принять чего противного апостольскому. Но за этим блюдет сама Церковь, имея постоянным законом отвергать всякое предание,

которое, являясь под именем апостольского, было бы противно апостольскому учению.

Апостолы, насаждая христианство на земле, не теорию преподавали, а жизнь заводили. Пришедши в какое-либо место, преподавали людям христианское учение, здравые о всем понятия, давали заповеди, какими добродетелями следует украшать свое сердце, заводили порядки жизни, как держать себя вовне, или определяли христианское поведение, пред лицом верующих и неверов, установляли, как следует Богу молиться в общем собрании и частно дома, как совершать таинства, как поддерживать принятое учение, и, назначив лица, которые за всем этим наблюдали бы, а иное и исполняли, и освятив их, отходили в другое место. Христианская жизнь во всем своем объеме тотчас и начиналась. Так и в другом, и в третьем месте, и во всех; так один Апостол, так и другой, так и все. И во всех концах земли, куда только достигали красные ноги благовестников, водворялись христианские порядки жизни нравственно-религиозные, семейные, церковные, общественные, все в одном духе и по одному чертежу, не на земле составленному, а начертанному на небеси, подобно чертежу скинии. Отсюда, какою Церковь вышла из рук апостольских и явилась во всем мире, такою она есть по воле и определению Самого Бога, и такою она должна быть, чтоб содевать спасение гибнущего человечества.

Вот и видим повсюду, с первых времен, в Церкви Божией мирян и освященные лица – диаконов, священников, епископов, на которых лежало проповедовать слово, освящать таинствами, благодать подающими, и руководить в жизни; видим установленные семь таинств и чины молитв и Богослужений: вечерню, утреню и обедню; видим, что у христиан не все дни были равны, но иные отлагались исключительно на молитву и удовлетворение религиозных потребностей, и что не подряд было мясоястие, а были дни, и многие, в которые определено соблюдать строгое воздержание, и притом не одновременно, а на все времена; видим, что среди христиан во всех частных Церквах были особые ревнители, которые, все оставя и от всего отрекшись, посвящали себя исключительно на молитву и Богомыслие, с строгим воздержанием и измождением плоти, в той неложной уверенности, что этим путем скорее искоренят в себе страсти, взойдут к чистоте и сподобятся ощутительного Богообщения, всем христианам обетованного, силою и действием всеосвящающей благодати, которою и руководимы были в сем притрудном пути. Таковым, в общем, является строй христианской жизни с первых времен. Что привносилось после, то привносилось в этот же чин не как новое учреждение, а как расширение или лучшее приспособление к месту и времени заведенного Апостолами. Быть

постам, обще всем христианам, в одно определенное время, есть апостольский закон. От Апостолов несомненно учреждены посты в среду и пятницу и пост в воспоминание страданий Господа. На этом основании потом в Церкви учреждены и все другие посты, и все чины постнические. Быть строгим подвижникам (аскетам) Апостолами положено, и общий закон им прописан даже в Писании (в послании к Коринфянам); а потом из этого разрослись все чины иноческие. Собираться воедино на молитву и едиными усты хвалить Бога и молитву Ему возносить есть апостольское учреждение. При них же введены и, может быть, ими же даны и некоторые песни церковные. Но потом из этого начала развилась вся разнообразная песненность церковная. Так и во всем. Весь строй христианской жизни, в общем, от Апостолов. И после к сему общему строю ничего не прибавлено, а только развились частности обширнее и разнообразнее. Но тут же сокрыты и апостольские частности. И все это, и по времени приложенное, и Апостолами преданное, хранится святою нашею православною Церковию. Все нам и дорого в Церкви. И все опасливые и благоговейные христиане строго соблюдают молитвенные и освятительные порядки, характеризующие нашу церковную жизнь, видя в этом необходимую поддержку и нрав-

ственно-религиозной внутренней христианской жизни.

Стихи 16 и 17. *Сам же Господь наш Иисус Христос, и Бог и Отец наш, возлюбивый нас и давый утешение вечно и упование благо во благодати, да утешит сердца ваша, и да утвердит во всяком слове и деле блазе.*

Сказал Апостол, что уверовавшие солуняне избраны во спасение, как об этом явно свидетельствуют дарованные им вера и благодать. Потом, чтоб они не подумали, что им самим нечего уже после того трудиться, присовокупил: *стойте и держите*... То от благости Божией вам даровано, теперь дело за вашими усилиями. Вера и благодать даны во спасение, но самое спасение все же вам следует содевать, вооружась верою и благодатию. Не станете усиливаться, чтоб быть твердыми в вере и жизни по вере, отпадете от благодати и спасения лишитесь. Наконец, чтоб они опять не уклонились в неправые помышления, будто они начатое Богом в них дело могут продолжить и довесть до конца одними собственными усилиями и трудами, прилагает молитву об утверждении их в вере и в доброй жизни, научая тем и их самих испрашивать себе у Бога помощи на все, что ни будут они предпринимать и делать, как христиане, в видах спасения. Усилия наши, а успех усилий от Бога. Видит Бог усилия и подает помощь. Помощь прилична усиливающемуся,

но бессильному сделать дело как следует, а не тому, кто лежит в беспечности и не делает никакого напряжения двинуть хоть какой-нибудь член свой. Святой Златоуст говорит: «Опять за увещанием следует молитва». Феофилакт прибавляет: «Как бы так: я сказал: стойте; но всё от Бога».

В молитве своей Апостол наперед помянул о щедротах Божиих, как делается и во всех наших церковных молитвах, ибо молящемуся всегда надобно оживлять в себе надежду на получение просимого, что и совершается приведением на память щедрот Божиих. Предмет же молитвы — то самое, что пред сим заповедал. Сказал: *стойте и держите предания*. Теперь говорит как бы: Господь да поможет вам в этом, утверждая вас во всяком слове и деле блазе, в правых догматах и в добродетельной жизни.

Сам же Господь наш Иисус Христос, и Бог и Отец наш... Начинает с Господа Спасителя, Сына Божия воплощенного, и восходит к Богу Отцу. Ибо таков и есть путь восхождения нас, отпавших, к Богу Отцу. Господь Иисус Христос есть Ходатай Бога и человеков, посредник, восстановивший союз людей с Богом. У нас все от Господа. Он в нас, и мы в Нем. Но в Нем и с Ним и Бог Отец, и есть, и зрится, и ощущается. Так на деле, так и в слове. Святой Златоуст, по обстоятельствам своей паствы, делает другое при сем

наведение, которое и нам нельзя не иметь во внимании: «Где ныне те, говорит он, которые уничижают Сына, потому что Он именуется после Отца (при сообщении) благодати крещения? Вот здесь, напротив, (Апостол) прежде говорит: *Господь наш Иисус Христос*, а потом уже: *Бог и Отец*», — «не тому научая, — договаривает Феодорит, — что Сын больше Отца, но изменением порядка показывая равночестие. Он обличает здесь хулу Ариеву и Евномиеву и ясно дает знать, что порядок имен не означает разности достоинства». Присовокупим к сему, что, помянув о двух лицах Божества, Боге Сыне и Боге Отце (впереди сказано и о Боге Духе Святом, в словах: во святыни Духа), Апостол обращается к Ним, как к единому Богу, говоря: *возлюбивый, давый да утешит* и *утвердит*. Поминая о двух, или всех трех лицах Божества, Апостолы в сознании своем не раздвояли и не растрояли единого Бога, научая тем и нас всегда и во всем созерцать нераздельно и неслиянно в едином Боге три ипостаси и веровать, что благодать, спасающая нас, есть благодать единого Бога, в Троице поклоняемого, нераздельно и неслиянно действующая в верующих, поелику дело спасения каждого совершается по прозрению Бога Отца, во святыни Духа, окроплением кровию Иисус Христовою (1 Пет. 1, 2).

Для оживления надежды на получение просимого Апостол выставляет сначала любовь к нам

Божию, источник всех Божиих щедрот, непрестанно изливающий на нас всякого рода блага: *возлюбивый*, а потом самим делом оказанную нам щедродательность: *давый*. Что же дал уже Бог? – *Утешение вечно и упование благо*. Но *вечное* относит мысль за пределы времени, и *упование* есть чаяние будущего. На чем же основаться, чтоб питать в сердце удостоверение, что хоть это дарование есть будущее, но оно столь же несомненно, как бы уже имелось самим делом? – На благодати Святого Духа, всеми верующими принимаемой и содержимой со времени крещения: *в благодати*. Дав благодать, Бог дал и утешение вечно, и упование благо. Благодать есть залог, или задаток на получение и будущего (2 Кор. 1, 22). В полученной благодати имеется ручательство на несомненное получение утешения вечного и упования благого. Как в другом месте, указав на то, что Бог Сына Своего не пощадил для спасения нашего, Апостол воззвал: *како не и с Ним вся нам дарствует*? (Рим. 8, 32), так и здесь, указав на благодать полученную, хочет внушить, что после сего все обетованное мы должны понимать как действительно имеемое.

Утешение вечно и упование благо, в таком стоят между собою отношении: благодать Святого Духа, нисшедши в сердце, исполняет его утешением и радостию; ибо плод духовный есть радость, мир (Гал. 5, 22). Это обвеселение сердца,

во времени бывающее, само не от временных явлений, а из области Божественной, которая вне времени; к тому же, начавшись, оно предназначено не кончаться, а продолжаться во все века и во всю вечность; наконец оно, зародившись и раскрываясь все более и более, в будущем предуказывает блага, *ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша* (1 Кор. 2, 9). Так *из утешения вечнаго* развивается, как плод, *упование благо*, которое есть или упование утешительное,— благо, приятно, сладостно действующее на сердце, или упование благ утешительных, обвеселяющих. Из воспринятого утешения рождается упование, которое, обратно, возвышает утешение. Это взаимнодействие делает их неразлучными. Древние наши толковники и понимают их так, как бы они выражали одно,— упование благ вечных. Феодорит эти слова перефразирует так: «Давший упование будущих благ». Экумений и Феофилакт спрашивают: «Что есть утешение вечно?» И оба дают один ответ: «Упование будущих благ, которое потому и благим называет Апостол». А что Апостол выставляет это здесь именно для оживления упования на получение желаемого им в сей молитве, на это указывает святой Златоуст, говоря: «Видишь, как он путем молитвы старается ободрить их сердце, представляя ручательства и знамения неизреченного промышления Божия о них».

Да утешит сердца ваша, и утвердит. Помянув о щедротах Божиих ко всем верующим (ибо говорит: возлюбивший *нас* и, следовательно, давший тоже *нам*, то есть вообще верующим в Господа Иисуса Христа), молится святой Апостол, чтоб Бог сделал причастниками их и солунян. Чего именно просит? – *Да утешит сердца ваша, и утвердит,* – тоже сердца ваши, или вас, как иные и дополняют. Утешение потребно скорбящим, утверждение – слабым, могущим поколебаться. То и другое нужно было солунянам. Как подвергшиеся гонениям и притеснениям, они скорбели и, как новоначальные, могли не быть тверды в христианстве. Апостол и молится, чтоб Бог, как скорбных, их утешил, а как нетвердых еще, утвердил. Утверждения желает *в слове и деле блазе.* Желает утверждения в слове, чтоб они, когда говорят, говорили по-христиански, а для того и понятия о всем имели христианские, или знали и твердо содержали все христианское учение; следовательно, утверждение в слове будет то же, что утверждение в правой вере, в правых догматах, в их понимании истинном и содержании непоколебимом. Желает утверждения в *деле блазе,* чтоб они делали одно добро, и, какое бы ни делали добро, делали его по-христиански, с христианскими чувствами и расположениями, – желает то есть им твердости в христианском поведении и в христианском настроении сердца.

«Сказанное, — говорит святой Златоуст, — относится и к догматам веры, и к правилам деятельности». Подобное сему пишет и Феодорит: «Да утвердит вас в вере, чтоб вы просияли и словом благим, и подобными слову делами». «Делом, — говорит Экумений, — Апостол означает здесь жизнь, а словом — правые догматы». Феофилакт затем перефразирует все место так: «Да утвердит вас в правых догматах и добрых делах».

С желанием утешения поставлено у Апостола в связи желание утверждения в вере и жизни по вере — не случайно, а потому, что первое невозможно без последнего. Кто не тверд в вере и в жизни неисправен, тот не жди утешения в скорбных обстоятельствах. Оно источается из свидетельства совести, что ты пред Богом прав и что, если страждешь, страждешь понапрасну. Терпящим же понапрасну Бог всегда есть ограда, утешение и избавление. На эту сторону более обращают внимания наши древние толкователи. Экумений пишет: «Быть твердым и стойким во всяком слове и деле блазе служит для христиан истинным утешением прежде получения будущих благ. И что может равняться утешению, какое доставляется свидетельством совести, что мы угождаем Христу своею жизнию и поведением?» Феофилакт тоже полагает, что Апостол желает солунянам утверждения в правых догматах и добродетельной жизни для того, чтоб они, находя

себе в сем утешение, не совратились и не пали под тяжестию того, что с ними случается скорбного. «Утвержденный (в вере и жизни), что бы ни пострадал, переносит то мужественно и не совращается, ибо сохранение правых догматов удостоверяет его в получении будущих благ, а добрая жизнь радует тем, что он страждет не как злодей, а как слуга Божий». Тот и другой заняли эту мысль у святого Златоуста, который пишет: «В том состоит утешение, чтоб мы оставались непоколебимыми. Ибо тот, кто не колеблется, все, что ни пришлось бы ему перенесть, переносит с великим долготерпением; напротив, тот, чей ум колеблется, не в состоянии совершить ни одного благого и доблестного поступка, потому что, подобно всякому расслабленному, колеблется душа, когда в ней нет убеждения, что она достигает благой цели».

Часть третья
НРАВОИСПРАВИТЕЛЬНАЯ (глава 3)

Нравоисправительная речь начинается у святого Павла с 6 стиха. Предшествующие слова с 1 до 5 стиха составляют предисловие к ней. Между тем и по форме, и по содержанию они походят более на заключение всего послания. Ибо *прочее*, как начинается это отделение, то есть наконец, напоследок всего, как бы: остается еще только сказать вам, — прямо указывает на заключительную речь. И мысли тут выраженные: молитесь о мне, — надеюсь, что будете исполнять мои наставления, — Господь да управит сердца ваши, — приличны только заключению, так что, если б тотчас после сего следовали стихи 16 — 18, не было бы заметно перерыва или возмущения порядка в течении речи. Видимо, что строгий урок об исправлении вкравшейся у солунян неисправности будто случайно вставлен в эту среду. Между тем видимо также, что он был необходим, и святой Павел не мог пропустить его. Зачем же так сделано? Нельзя думать чтоб Апостол, дошедши уже до конца послания, вспомнил, что надлежало дать такой урок, и прописал

его. Напротив, скорее положить должно, что святой Павел намеренно так поступил. Он и сначала имел в мысли дать им исправительные уроки; но, чтоб облегчить впечатление от укора, всегда не совсем приятное, так расположил речь, чтоб казалось, что говорит о том будто случайно. Укор к тому же не ко всем относился и резко его выставлять не следовало, а так поместить, будто мимоходное замечание. Вот и начал Апостол речь так, будто спешит кончить послание, и тотчас вставил свой урок. Таким образом, то, что есть будто заключение послания, стало предисловием к последней исправительной части сего послания. И, однако ж, в этих немногих словах стихов 1—5 Апостол успел поместить такие внушения, которые пролагали путь к благодушному принятию обличения и обещали успех исправления. Так понимает все сие святой Златоуст, который говорит: «Так как он намерен потом приступить к обличению, то предварительно смягчает их сердце, — и тем, что говорит: я уверен в вашем послушании, и тем, что просит у них молитв о себе, — и, опять, тем, что молится сам о ниспослании им бесчисленных благ».

а) Заключительные: прошение, надежды, благожелания (3, 1—5)

Глава 3, стихи 1 и 2. *Прочее, молитеся о нас, братие, да слово Господне течет и славится, якоже*

и в вас, и да избавимся от злых и лукавых человек; не всех бо есть вера.

Просит молиться о себе. «Равного просит как бы воздаяния» (Дамаскин). «Прежде он молился об них, чтоб им утвердиться в вере. Теперь обращается к ним с просьбою, прося их, чтоб они помолились об нем» (Златоуст). «Вместе с тем он ободряет их и воодушевляет, считая их довольными к тому, чтоб молиться об учителе» (Экумений), или представляя в них столько дерзновения пред Богом, что молитва их может споспешествовать успеху проповеди самого учителя их (Феофилакт).

Просит молиться о себе, но не о чем-либо временном, а об успехе слова, проповедать которое считал он задачею своей жизни, делом, дороже самой жизни. Любовь к Евангелию и ревность о распространении его простиралась у Апостола до самозабвения. Для этого сначала самого он предал себя на смерть, и так имел себя, как бы был насмертник (1 Кор. 4, 9). Нечего было потому заботиться о чем-либо, нужном для жизни, или о самой жизни, только бы успех слову был. «Ничего не просит собственно себе, но все Божиего» (Феофилакт), просит «не о том, чтоб не подвергаться опасностям, ибо на это он обрек себя, *на сие лежит*, как сказано в первом послании (3, 3), но *да слово Божие течет*» (Златоуст),

«да течет проповедь Евангелия и всеми с верою приемлется» (Экумений).

Слово Господне – слово Божие (1 Сол. 2, 13), то, которое Сам Господь преподал Апостолам, заповедав им научать ему вся языки, то же, что Евангелие: вы под гневом Божиим за праотеческое преступление и свои собственные грехи, – се благовествуем вам радость: Сын Божий за нас умер и отвратил за нас гнев Божий. Уверуйте, и будете приняты в милость Божию и благодать Его на благоугождение Ему.

Течет, беспрепятственно и быстро распространяется, не встречая преград, не будучи ничем стесняемо и останавливаемо (2 Тим. 2, 9). Как течет какая величавая река, широко разливаясь, так да течет чрез уста Апостолов Евангельская проповедь и напояет всю землю.

Славится, да оказывает свои славные, благодетельные действия на умы, и сердца, и нравы, и чтится за то, как нечто великое, дивное, Божественное, сначала вами, а потом чрез вас и всеми. Слава не земная сопутствовала слову Божию всюду, *Господу поспешествующу, и слово утверждающу последствующими знаменми* (Мк. 16, 20). Но это внешняя слава. Славнее было, когда уверовавшие слову принимали благодать и обновлялись. Как в этом – цель слова, а путь к сему – вера, то, прося молитв о славе слова, Апостол просит молиться, чтоб сердца всех отверзались

на приятие слова *верою* и привлекали чрез то дивные благодатные осенения. В этом, собственно, слава слова, не так блестящая, но многодейственная. Сподобившиеся сего и сами дивились, говоря: вот что сделало во мне слово! И другие говорили, дивясь: смотри, какими их сделало слово!

Якоже и в вас, – «так же, говорит, как у вас оно текло и уверовано» (Экумений); «чтоб и все так же покорились ему, как вы» (Феофилакт). Свидетельство самого святого Павла, что между солунянами проповедь его скоро распространилась, многих привлекла и славные оказала действия, так что его славили и сами солуняне, и сторонние, видевшие их веру. Тут похвала солунянам (Златоуст) за скорое их обращение и привязанность к вере. Великая похвала! Вспомнив, как у них скоро и легко водворилась вера и как, напротив, много встречает она прекрекателей в Коринфе, с отрадою останавливается на первом, желая избавления от этих последних. Он говорит как бы: вы лучше коринфян; дал бы Бог, чтоб коринфяне и окрестные, и все повсюду были таковы же, как вы. Всякий может видеть, как эта похвала уместна здесь по цели Апостола расположить неисправных к исправности. Видна мысль: столько вы славны; не допускайте же, чтоб среди вас были неисправные, бесславящие все общество своим бесчинным поведением.

И да избавимся от злых и лукавых человек. «По видимому здесь (в связи с 1 стихом) два прошения; но составляют они одно; потому что, когда побеждены будут лукавые, тогда и слово проповеди потечет невозбранно» (Феодорит). Чтоб слово Божие расширялось в Коринфе и окрест, Апостол желает избавиться вообще от врагов слова сего, мешающих его успехам. Он называет их *злыми* и *лукавыми*. Злые с греческого ἀτόπων, что значит неуместный и в отношении к людям не умеющий действовать сообразно с обстоятельствами времени, места и лиц, нелепый, бестолковый. Здесь оно может иметь значение: упорный крикун, который, не внимая никаким резонам, только поперечит, иногда крича без умолку и тем производя смятения и не давая другим вслушиваться в силу слова. Лукавые πονηρῶν, что предполагает хитрость, злонамеренность. Это, может быть, такие, которые меньше говорили, а больше действовали, строя ковы и на всех путях полагая препоны апостольскому действованию. Святой Златоуст разумеет здесь поперечителей и противодействователей: «Апостол говорит здесь о тех, которые опровергали его проповедь, восставали и враждовали против догматов веры, о людях, которые противоречили и противодействовали (его проповеди), как Именей и Александр ковач. *Зело бо*, говорит, *противятся словам нашим*» (2 Тим. 4, 15).

Иные хотели поточнее определить отношение сих лиц к вере, опираясь на следующие за сим слова: *не всех бо есть вера*. Но как вера может иметь не одно значение, то и они разошлись во мнениях. *Не всех вера*, можно так понимать: не всех вера христианская; это будет указывать на тех, которые совсем не веруют. *Или*: не всех вера правая. Это будет указывать на тех, которые хоть и приняли христианское учение, но не право его содержат, искажая своими мудрованиями. *Или*: не всех есть вера настоящая. Это будет указывать на тех, которые, хоть и право веруют, но не живут по вере, вера их слаба, не имеет столько напряжения, чтобы и нравы их устроять по своему духу. Отсюда видно, что под лицами, о коих говорит святой Павел, можно разуметь или неверов, или зловеров и лжеверов, или носящих только имя верующих (может быть, индифферентов). Первого рода людьми можно считать иудеев-фанатиков, кои, всюду восставая против Евангелия сами, нередко подбивали к тому же и язычников. Второго рода людьми можно считать иудействующих, кои, принимая Евангелие, не хотели отстать и от ветхозаветного закона, или таких, кои, принимая проповедь апостольскую, не соглашались на главный ее догмат о Божестве Иисуса Христа, Сына Божия воплотившегося, какими были евионеи, — или таких, кои покушались примешивать свои предыдущие заблуждения к

христианским истинам, как Симон волхв. Эти два рода злых и лукавых человеков уже обнаружились к тому времени, когда писано послание. Могли они быть или показаться и в Коринфе, и святой Павел мог их разуметь. Но точно ли их разумел, утверждать нельзя, не имея никакого, даже малого указания. Потому безопаснее держаться мысли святого Златоуста и других древних наших толковников, что здесь разумеет Апостол вообще противоречителей и противодействователей, каких встретил он уже в Солуни и какие явно восставали против него и в Коринфе (Деян. 18, 12 и далее). Лиц третьего рода неуместно здесь разуметь, потому что от них легко было избавиться или словом увещания, или строгостию суда, как сделано было потом в Коринфе с кровосмесником и как здесь же угрожает Апостол поступить, если *ничего не делающие, но лукавно обходящие* не послушают его повеления (стих 11).

Не всех бо есть вера. Не та мысль, что вера не ко всем идет, не для всех назначена, как бы Бог не хотел, чтоб все веровали, определив иных к неверию и пагубе. Ибо Господь есть Свет, просвещающий всякого человека, грядущего в мир (Ин. 1, 9); почему, посылая на проповедь Апостолов, заповедал им просвещать верою вся языки (Мф. 28, 19). Апостол хотел сказать просто, что не все веруют. Не все веруют потому, что

не все хотят веровать. А почему кто чего хочет или не хочет, это не всегда можно понять и истолковать; ибо глубоко сердце человека. Но в отношении к вере Христовой безошибочно можно полагать: не хотят веровать, потому что никакой не имеют заботы о спасении души. Не имеют заботы о спасении и слова о сем спасении слушать не хотят. Другие у них интересы, другой строй ума и нрава: им и неприятно слушать слово, идущее наперекор сему строю и требующее перемены их. А что они так настроились, причина тому, конечно, в предшествующей жизни и в настоящих обстоятельствах. Но все же сам себя всегда образует человек и имеет всегда силу вести свои дела, как ему рассудится. Как ни повреждается он, вследствие общего падения своими личными худыми делами, всегда остается в нем здравая сторона,– чтоб преклониться пред очевидностию истины. Очевидность же Божественности Евангельской истины всюду была представляема Апостолами до непререкаемой осязательности. И неверы безответны. Конечно, много непостижимого в том, что, когда проповедь одна и та же, лица проповедующие одни и те же, и небесные свидетельства, сопровождающие то, одни и те же,– одни из массы внимающих сему веруют, другие не веруют, третьи даже враждуют и противодействуют. Но тут нет ничего фатального и безусловно предопределенного, а всему

вина человеческое произволение. В слове Божием хоть и встречаем мы выражения, будто есть иные, отряженные на пагубу и неверие, которые так и именуются погибающими, а другие есть отряженные на веру и спасение, как учиненные в жизнь вечную (Деян. 13, 48), которые и именуются спасаемыми, но в том же слове Божием объясняется также, что это бывает по прозрению Божию (1 Пет. 1, 2) и по предуведению (Рим. 8, 28). Предвидит Бог, куда человек склонится, так и полагает тому быть. И это делает не безучастно, но все устрояет к тому, чтобы человек избрал добрый путь; и когда уже ничто не помогает, оставляет его в руки произволения его. Это все от века ведомо Богу и решено; а решено оттого, что один возлюбил пагубу, а другой спасение. Дал Бог человеку свободу и не нарушает прав ее. У нас есть какая-то склонность многое относить к фатальным определениям и многое тем разрешать для себя. На деле же все строится свободным произволением человека и самыми строгими законами правды и благости Божественной. Так и в настоящем случае, при словах: *не всех вера*, можно говорить: не все гожи к вере, или не все способны и достойны того, подобно тому, как из воинов не все допускаются служить при царских дворцах, а только способные и надежные, как говорят вслед за святым Златоустом Экумений и Феофилакт. Но настоящая истина

одна: не их вера оттого, что не хотели веровать. Это выражают сказанные толковники во многих других местах; в настоящем же сказывает блаженный Феодорит: «Призвать — дело Божие, а наше — повиноваться. Так и Господь в священном Евангелии сказал: *аще кто жаждет, да приидет ко Мне и да пиет* (Ин. 7, 37); и: *аще кто хощет по Мне ити, да отвержется себе, и возмет крест свой и последует Ми* (Лк. 9, 23); потому что не принуждает по необходимости, но взыскует доброй воли».

Стих 3. *Верен же есть Господь, Иже утвердит вас и сохранит от лукаваго.*

Среди противлений, встречаемых в Коринфе, так отрадно и успокоительно было ему вспоминать о скором и охотном принятии Евангелия многими в Солуни. Но как на земле все изменчиво, и христианству всегда угрожают опасности со стороны исконного врага всякой истины, то Апостол желает, чтоб доброе состояние солунян в вере не продолжалось только, но и все более и более крепло, не подвергаясь злу, — желает и надеется, что так будет по непоколебимой вере в верность Божию Своим обетованиям, так будет не от усилий и средств самих солунян, но от Бога, избравшего их и призвавшего. В первых стихах Апостол выражает мысль: вы лучше коринфян, — продолжая утверждать, что они служат образцом

для всей Ахаии (1 Сол. 1, 7). Теперь говорит: даст Господь, что и вперед такими же будете.

Верен Господь; а разве обещал? – Обещал тем самым, что призвал. Акт призвания означает, что на них Господь обращает все Свои благие обетования. Обетовал же Он быть с верующими *до скончания века* (Мф. 28, 20), и Духа Утешителя ниспослал, да будет с ними ввек (Ин. 14, 16), и вообще сказал, что тех, которые верны Ему пребудут, никто не восхитит из руки Его (Ин. 10, 28). Святой Павел и пребывал всегда в той уверенности, что *Начный и совершит* (Флп. 1, 6). Конечно, это не безусловно, но подразумевается: если вы не перестанете предавать себя Ему, если всегда будете искать у Него помощи, если верными пребудете святой воле Его. Это условие и прямо выражает святой Апостол в следующем 4-м стихе. Святой Златоуст пишет: «Молясь о них, святой Павел представляет и основание достоверности успеха в том, что даны были обетования, и говорит: *верен Господь*: потому что, если Он избрал вас ко спасению, то не солжет и не попустит вам совершенно погибнуть».

Иже утвердит вас, а в чем, не сказано. Но это и без пояснения можно считать очевидным. В том, о чем вся забота у Апостола, чтоб они, уверовав и обновившись благодатию Святого Духа, жили как обновленные. «Утвердит вас, как мы молились, так что вы уже не поколеблетесь» (Фео-

филакт). А молился Апостол, да утвердит их Господь *во всяком слове и деле блазе* (2, 17). Так Апостол чает, что Господь уврачует у них естественную шаткость воли в добре, будет поддерживать у них возбужденную уже нравственную энергию и возгревать неугасимым огнь ревности о Богоугождении, в коем вся жизнь.

И сохранит от лукаваго, или от всякого зла, в словах, делах, мыслях и чувствах, *или* от диавола, который учит всякому злу и подбивает на него неосторожных. Последнее прямее, — как и в молитве Господней: *избави нас от лукаваго*, — откуда, вероятно, взяты Апостолом и самые слова. От диавола отрицаются верующие в самом крещении и с того момента вступают с ним в борьбу. И он борет всех их без устали и сам, и чрез злых людей. *Сохранит*, — не значит, что вас не коснутся стрелы лукавого, но что даст вам силу отражать их и доведет вас до того, что они будут для вас нечувствительны. Как это? — Возгревая энергию духа, жар ревности о совершенной христианской жизни. Этот жар опаляет бесов и делает ревнителя неприкосновенным. В нем сокрыта сила Божия, страшная для лукавого. Почему можно сказать: сохранит тем, что утвердит. Утвердит, и будете как утес, невредимый от волн. Экумений пишет: «Поелику избрал вас ко спасению, как сказано выше, то уверен, что истинно утвердит вас, как колеблемых, и сохранит, да не

возможет против вас сатана». Святой Дамаскин так: «О чем просил молиться для себя, о том же сам молится для них. Просил молиться, да избавлен будет от злых людей, врагов веры; этого и сам испрашивает им молитвенно, да сохранены будут от лукавого».

Стих 4. *Уповаем же на Господа о вас, яко, яже повелеваем вам, и творите и сотворите.*

Что в деле спасения от Господа, то несомненно всегда будет совершаемо Им в вас, только под условием: если и вы всегда будете творить святую волю Его, чрез нас вам сообщенную. «Как бы так: Бог верен, и, конечно, совершит, что начал в вас (дело спасения), но если и вы будете действовать» (Феофилакт). Как я уверен, что Бог сделает Свое, так уповаю, что и вы будете делать свое. Но и это упование утверждается на Господе, всегда всюду готовом вседействовать во спасение, коль скоро встречает отверзтые для Него сердца верою и преданностию Ему. Будто недоговоренным осталось: умоляю же вас, исполняйте верно все, что мы заповедали вам. И спасение ваше не будет уже подлежать никакому сомнению. Ищущего и ревнивого спасает Господь, а не беспечного и нерадивого. «Чтоб не подумали, что все им будет от Бога, призвавшего их и избравшего во спасение, и чрез то не сделались нерадивыми и беспечными, требует и их собственной деятельности. Как бы сказал: истинен Бог,

избравший вас во спасение. Но необходимы и с вашей стороны дела» (Экумений).

Уповаем на Господа о вас. Греческий текст допускает и такой перевод: надеемся о вас в Господе; но мысль одна и та же. Феофилакт пишет: «В *Господе*, то есть веруем человеколюбию Божию, что Он исполнит вас силою; чтоб показать им, что все зависит от Бога. И опять не просто сказал: в Господе, но: *о вас, что творите* и прочее, дабы они, все относя к Богу, не стали ленивыми. Должно все возлагать на Бога, но так, чтоб и самим действовать».

Яже повелеваем вам, — не теперешние только наставления разумеем, но обнимаем все заповеди, распоряжения и учреждения, от Апостолов исходящие, всю волю Божию, что бы мы ни сказали вам. В решимости так именно действовать состоит обращение; на ней стоит и самое крещение, пред совершением коего спрашивают: *отрицаешилися сатаны и всех дел его*... и: *сочетаваешилися Христу*, готовностию исполнять всякую волю Его.

И творите и сотворите. «Нет нужды, говорит, много увещевать вас. Вы уже делом показали покорность. И не довольствуетесь тем, что уже сделано, но готовы приложить после сего и другие дела» (Дамаскин). Не так только: повеленное уже творите и, что еще повелим, творить будете; но вообще видит в них покорность, готовую,

пока живы, верно исполнять все, что ни повелят. Потому что в начале положили слушаться воли Божией, какую одну только и возвещали им Апостолы. «Не удовольствовался сказать: *творите*, но прибавил: *сотворите*, показывая, что мы должны до последнего издыхания ревновать о добродетели» (Феофилакт). Выставляет же здесь совершенную их покорность, чтоб расположить к исполнению и того, что имел заповедать вслед за сим. Путь пролагает к нравоисправительному уроку. «Сие сказал в побуждение им, чтоб, узнав, какого мнения о них Апостол, подтвердили оное делом» (Феодорит).

Не лишним считаем привести вполне пространное изложение сокрытых в сем тексте мыслей Апостола, делаемое святым Златоустом. «Смотри, как Апостол, чтоб не привести их к недеятельности и чтобы они сами, полагая, что все зависит от Бога, не предались сну, и с их стороны требует содействия, когда говорит им: *уповаем же на Господа о вас, яко, яже повелеваем вам, и творите и сотворите*. Он говорит как бы: правда, верен Бог и, дав обетование спасти вас, несомненно спасет, но (спасет так), как обещал. А как Он обещал? – Если мы сами захотим сего, если будем повиноваться Ему, если и сами не будем пребывать в бездействии, подобно деревьям и камням, не безусловно. Правильно употребил Апостол и это выражение: уповаем на Господа, то есть

уповаем на Его человеколюбие. Опять низлагает их (гордость), показывая, что все зависит от Бога. Ибо если бы сказал, что мы верим вам, то хотя в этом заключалась бы великая для них похвала, но зато он не показал бы того, что они поставляют все в зависимости от Бога; напротив, если бы он сказал: мы уповаем на Господа, что Он сохранит вас, и не прибавил того выражения — *о вас*, и другого: *яко, яже повелеваем вам, и творите и сотворите*, то, возложив всю надежду на одну силу Божию, он сделал бы их более преданными лености. Ибо хотя мы во всем должны полагаться на Бога, однако ж и сами мы должны быть деятельными, должны решаться на труды и подвиги. Здесь Апостол показывает тоже, что добродетель наша должна достигать надлежащей степени и совершенства и пребывать с нами до последнего нашего издыхания».

Стих 5. ***Господь же да исправит сердца ваша в любовь Божию и в терпение Христово.***

Чего надеялся солунянам от Господа и чего ожидал от них в Господе, о том теперь молит Господа. Надеялся, что Господь сохранит их твердыми в вере и добродетели и стойкими против лукавого, — и молится даровать им терпение; ожидал от солунян в Господе, что они как исполняли, так и будут исполнять всякую открытую им чрез Апостолов волю Божию, — и молится подать им любовь, в которой исполнение закона

и прочность самого терпения, молится к тому и другой направить сердца их, чтоб не внешно только были исправны и стойки, а внутренно, в самой глубине души. Так-то надежда не отстраняет необходимости молитвы, а, напротив, она-то и рождает молитву, возгревает ее и делает неутомимою.

Да исправит, с греческого, да напрямит, «да сотворит, чтоб вы прямо шли к истинной любви, не уклоняясь на распутия» (Феодорит). *Да исправит сердца.* Как? — Конечно, действием благодати во глубине души. И, однако ж, видимо, что благодать не все производит, а только направляет. Шествие же совершает сама душа, ища и напрягаясь, хотя всегда с помощию Божией благодати. Феодорит пишет на это место: «Нам потребно то и другое, и доброе преднамерение, и содействие свыше. Улучить оное умоляет и пророк: *соверши стопы моя во стезях Твоих, да не подвижутся стопы моя*» (Пс. 16, 5).

В любовь Божию — в любовь к Богу и ко всему Божественному, *или*, в объятия любви Божией, от коих возгорится любовь и к Нему, и ко всякому человеку, и ко всякому добру,— *или*, в любовь Божественную, великую, чистую, небесную. Разности в речениях, а существо дела одно. Но чего ради шествие к этой любви предполагается долгое, подверженное опасности уклонений? — Того ради, что любовь не вдруг водворя-

ется в сердце, по причине остающихся в нем страстей и страстных влечений и сочувствий. Семя любви полагается в земле сердца в минуту обращения, а крепнет она и созревает по мере очищения сердца от страстей. Труд над очищением сердца увенчивается полною любовию. В продолжение сего-то внутреннего труда над собою возможны, и бывают, уклонения от правого пути к любви. «Многое уклоняет от правого пути любви, и любоимание, и тщеславие, и скорби, и искушения. Это и многое другое не дает нам прямо шествовать к любви Божией и полюбить Его, как должно» (Феофилакт). Святой Златоуст пространнее выясняет это, говоря: «Много есть таких предметов, которые отвращают нас от любви, и много есть стезей, которые насильно влекут нас оттуда. И, во-первых, порок любостяжания, как бы охватывая нашу душу своими, так сказать, бесстыдными руками, и, крепко держа ее, даже против нашей воли влечет и удаляет ее оттуда. Потом отвлекают (нас от любви) тщеславие и скорби, часто тоже искушения. Поэтому мы нуждаемся в помощи Божией, как бы в некотором ветре, дабы наш парус как будто некоторым сильным дуновением подвигаем был к любви Божией. Вследствие того не говори мне, что ты любишь Бога даже больше самого себя. Это одни слова: докажи мне это посредством дел, что ты подлинно любишь Его больше, нежели самого

себя. Возлюби Его больше, нежели деньги, и тогда я поверю, что ты любишь Его больше самого себя. Ибо как может отрещися самого себя тот, кто не ставит ни во что денег ради Бога? Если ты не отвращаешься от любостяжания, что надлежало бы исполнять и без повеления Божия, то как отвратишься ты от самого себя?»

И в терпение Христово, или, в терпение ради Христа, или в терпение по подражанию Христу, за нас пострадавшему, такое, какое показал Сам Христос, когда подъял страсти и смерть за спасение наше, или в терпеливое ожидание второго пришествия Христова, когда Он воздаст терпящим славою и блаженством, ожидание, которым одним, после любви, поддерживается терпение. В терпении, когда оно есть, все эти черты совмещаются. Апостол всех их совместил в одном выражении, назвав терпение Христовым. Только о двух нравственных силах молится — любви и терпении. Любовь есть внутреннейшая движущая сила христианской жизни; терпение есть тоже внутренняя сила, но ограждающая жизнь ту совне. Терпение держится упованием, но силу несокрушимую получает от любви. Кто не любит, у того едва ли долго продлится терпение. И кто не терпит, у того едва ли крепка любовь. «Молитва Апостола, — говорит святой Дамаскин, — касается важных предметов, именно, чтоб любить Бога и терпеливо переносить скорби за Христа,

чтоб с любовию сочеталось терпение, или, лучше, любовь увенчивалась терпением. Ибо как скоро любим, но не оказываем терпения, то и любовь разоряется». То же пишет и Феофилакт: «Слова же *в терпение Христово, или* так понимай: чтоб нам терпеть, как Он терпел; *или* так: чтоб мы с терпением ожидали Христа и не отчаивались, но твердо веровали, что Он исполнит, что обетовал. Сочетал же с любовию и терпение потому, что любить Бога и значит, — все терпеть за Него, без ропота, благодушно». Тот и другой заимствовали свои мысли у святого Златоуста, который изъясняется о сем пространнее.

Этим оканчивает святой Апостол свою будто заключительную речь, в которой совместил, однако ж, такие благожелания и ожидания, после которых нескорбное принятие укорной речи не подлежало сомнению. Всем этим он «показал отеческое о них попечение. Поелику имел укорять некоторых из них, то наперед намащает сердца их, чтоб не сомневались, что он делает им наказ тот от многой любви» (Феофилакт).

б) Речь нравоисправительная (3, 6—15)

Обличаемый здесь недостаток уже был укорен святым Павлом в первом послании, 4, 11; 5, 14. Но там короче и снисходительнее, а здесь строже и пространнее. Верно, этот застарелый порок был общ у солунян до обращения и не считался

грехом; отчего они не скоро и исправлялись. Но он был очевиден и выдавался так, что святой Павел заметил его в первое в Солуни пребывание и тогда же дал нужные заповеди и внушения (1 Сол. 4, 11; 2 Сол. 3, 10). В подтверждение тех наставлений он сделал наказ в первом послании. Как они вдавались в то же, здесь, во втором послании, отряжает на обличение целое отделение в 10 стихов, где выставляет основание неуместности обличаемого поведения, дает против него строгую заповедь и полагает наказание ослушникам, если они будут. Ход мыслей здесь такой: подражая мне, стихи 7—9, и помня заповедь, мною лично данную, верующие должны вести себя скромно и жить своими трудами, стих 10. А у вас некоторые иначе поступают, ничего не делают, только шатаются туда и сюда, стих 11. Заповедую им исправиться, чтоб трудясь свой хлеб ели. О тех, кои не послушают сего слова моего, давайте мне знать; сами же между тем не имейте общения с ними, стих 14, не с враждебными чувствами, и в видах исправления, стих 15. Видимо желание у Апостола поскорее пресечь распространение зла, или ускорить начавшееся исправление. Для сего с особенною настойчивостию предписывает исправным в сем отношении прекратить общение с неисправными. Этим достигались две выгоды — исправные избавлялись от заразы и больше утверждались в исправности, неисправные

же были пристыжаемы и, кроме других побуждений к труду, получали новое фактическое в том, что за беструдие все их чуждались и делали их среди общества будто изгнанниками. Считая это средство столько могущественным, святой Павел особенно настаивает на нем, поминая об нем и в начале речи, стих 6, и в конце, стих 14, и возводит его в непреложный закон, изрекаемый от лица Самого Господа.

Нигде не видно, чтоб это беструдие, праздная и тунеядная жизнь в такой силе обнаружились между солунскими христианами вследствие ложного убеждения, будто настал день Господень. Если б было какое отношение этого празднолюбия к чаянию пришествия Господня, Апостол означил бы это какою-либо чертою. Но у него нет на это никакого указания. Скорее потому положить надо, что это был общий порок языческой жизни. В многолюдных городах шумная, веселая, праздная, разгульная жизнь всякому бросается в глаза. Такова она и теперь между нами. Явись Апостол в каком-нибудь из наших больших городов, он тоже бы увидел, что видел у солунян, и то же бы сказал нам, что говорил тем: ничего не делают, только суетятся, бегают из конца в конец, гоняются за утехами и веселятся. Христианам так жить неприлично. Им следует вести себя скромно, сидеть дома, заниматься работами, чтоб иметь утешение вкушать свой хлеб. Утешная,

празднолюбная жизнь так противна духу христианства. Вот Апостол и хочет отучить от ней христиан, чтоб и следа их не было на этих путях языческой жизни.

Стих 6. *Повелеваем же вам, братие, о имени Господа нашего Иисуса Христа, отлучатися вам от всякаго брата, безчинно ходяща, а не по преданию, еже прияша от нас.*

Апостол прописывает здесь общий закон для поддержания христианского благоповедения; на частный случай, о коем будет речь ниже, здесь только легкий делается намек. Апостолы, проповедуя Евангелие, между верующими с самого начала заводили новые христианские порядки жизни, как они должны были себя держать в семействе, в обществе, в церкви,– и от лица Господа дали неотложный закон: кто не будет так жить, от того отлучайтесь. Этим совершался молчаливый суд и отлучение виновных от общества христианского, ибо когда от них отлучались, то они естественно становились отлученными. Отсюда выходит, что по намерениям Господа и святых Апостолов христианские общества все, в целом своем составе, должны быть строгими исполнителями заповедей и непорочными по нравам и что соблюдение такой чистоты есть дело всего общества, будто закон самосохранения.

Повелеваем же. Прежде сказал: надеемся, что вы, что ни повелим вам, и творите, и сотворите.

Теперь говорит: *повелеваем же вам* — вот что. Прямо указывает на предыдущее. Следовательно, то сказано было в видах сего; надежде той делает приложение, или указывает случай оправдать ее.

О имени Господа нашего Иисуса Христа. Имя стоит вместо лица. *О имени* — то же, что: Самим Христом Господом, или от лица Самого Господа, Его властию, нам данною на устроение Его царства на земле. Как бы так: «Не мы говорим это, но Христос» (Златоуст). «Он узаконяет сие чрез нас» (Феодорит). «Ибо что я говорю, то Он говорит» (Феофилакт). Говорит так Апостол «или в таком смысле: Христос да будет свидетелем, что мы дали вам такую заповедь, или в таком: изрекаемое мною слово не мое, но Его» (Экумений). Всячески изрекаемое повеление есть прямая воля Божия, непреложный закон, которого ни миновать, ни криво толковать нельзя. «Говоря таким образом, Апостол показывает, с каким страхом должно взирать на это повеление» (Златоуст). Вместе видно внушение, что отступление от сего повеления бросит тень на само Евангелие, и как бы на Самого Господа. Почему и строгость такая, чтоб сторонние не могли говорить: вон чему учат, вон какая их вера, вон какой их Христос.

Отлучатися, «отделяться» (Феодорит), «отстраняться, удаляться» (Экумений), «отворачивать-

ся» (Златоуст). Ниже говорит: *не примешайтися*; но вместе так, чтоб не как врага иметь неисправного, но как брата вразумлять таким к нему отношением (стих 14). Видно, что это больше, нежели только одно отстранение от участия в делах или в образе жизни. И этим могло выражаться внушение: мы вашею дорогою не ходим и вам не советуем, которое могло отрезвляющим образом действовать на неисправного. Видя, что участием не поощряют, а безучастием укоряют его поведение, брат мог приходить в себя и исправляться. Апостол говорит более, именно, чтоб, отлучаясь от брата бесчинного, его отлучали от себя, чтоб он видел себя отчужденным от христианского общества. В этом вся сила исправительной меры, установленной Господом чрез Апостолов; об этом пространную речь святого Златоуста приведем ниже.

Всякаго брата, то есть христианина, и поколику христианин есть. В послании к Коринфянам то же заповедует Апостол не примешатися к разным лицам беспорядочного поведения, но только к лицам, принадлежащим к христианскому обществу, то есть братиям. Ибо, говорит, если б от всех таких отдаляться положить законом, то следовало бы выйти из мира (1 Кор. 5, 10).

Безчинно ходяща, «то есть живущего» (Златоуст), «такого, который живет без всякого чина, не по законам Божиим» (Экумений). Судя по тому,

о каком бесчинии говорится ниже, под бесчинно ходящими здесь разумеются праздношатающиеся, ничего не делающие, удаляющиеся от полезных трудов и только в веселиях и утехах проводящие жизнь. Так понимают все наши богомудрые толковники. Но ничто не мешает разуметь под такими всяких нарушителей чина христианской жизни, вообще таких, которые живут не по преданию, принятому от Апостолов. Апостолы всюду заводили новые чины жизни, нравственно-религиозные, семейные, гражданские, и требовали непреложно их исполнения. Нарушители сих постановлений отступали от чина, оказывались бесчинными, бесчинно ходящими. От всех таких отлучаться и их тем от себя отлучать — был повсюдный апостольский закон, о котором во многих посланиях поминает Апостол. К римлянам пиша, например, заповедует уклоняться от всякого *творящаго распри* (Рим. 16, 17); в послании же к Коринфянам перечисляет всех такого рода лиц, говоря: *ныне же писах вам не примешатися, аще некий брат именуем будет блудник, или лихоимец, или идолослужитель, или досадитель, или пияница, или хищник, с таковым ниже ясти* (1 Кор. 5, 11).

Сколько такой закон был благотворителен тогда и как желать было можно, чтоб он и в наши времена был в силе, об этом пространно пишет святой Златоуст: «Апостол хочет, чтоб мы удалялись от всякого брата, бесчинно ходящего.

Быть отлученным от целого общества братий тогда считалось великим бедствием. Поэтому Апостол подвергает всех сему наказанию. Так, в другом месте, именно в послании к Коринфянам, он сказал: *с таковым ниже ясти* (1 Кор. 5, 11). А теперь большая часть людей считает это неважным, и все теперь слилось и пришло в расстройство: мы без разбора, как случится, вступаем в общение с прелюбодеями, с блудниками, с лихоимцами. Если надлежало удаляться от того, кто только, вследствие лености, нуждается в пособии других, то тем более от прочих. И, чтобы ты узнал, какой страх внушало отлучение от общения с братиею и какую пользу оно приносило тем, кто благодушно принимал такое наказание, послушай, как тот, который гордился своим грехом, который дошел до последней степени разврата, который совершил блуд, о каковом не упоминают даже язычники, который оставался нечувствительным к своей ране, ибо в этом состоит крайняя степень развращения, как этот (самый человек), который был столько порочным, до того смирился и укротился, что Павел сказал потом о нем: *довольно таковому запрещение сие, еже от многих... темже утвердите к нему любовь* (2 Кор. 2, 6, 8). Ибо такой человек был тогда то же, что член, оторванный от остального тела. Причина того, почему тогда это внушало такой страх, была та, что тогда считалось вели-

ким благом быть в обществе верующих. Ибо тогда так жили в каждой Церкви, как (живут между собою) люди, обитающие в одном доме, которые подвластны одному отцу и участвуют в одной трапезе. Поэтому такое несчастие составляло для каждого удаление от такой великой любви. А теперь это не кажется чем-либо важным, потому что мы не считаем чем-либо важным и того, когда мы находимся во взаимном общении. Что прежде поставляемо было в ряду наказаний, то ныне, вследствие охлаждения любви, случается между вами не как наказание, мы удаляемся друг от друга из равнодушия. Ибо причину всех зол составляет отсутствие (в нас) любви; оно разрушило и уничтожило все великое и славное в Церкви, именно все то, ради чего должно радоваться».

Надобно заметить, что в словах: *не по преданию, еже прияша от нас*, предание, как очевидно, означает не учение, а порядки жизни, заведенные Апостолами, и обнимает оно все порядки. Порядки эти приняты христианскими обществами и хранились нерушимо, под титлом непреложного закона. От непосредственных приемников сих порядков, лично от Апостолов, они в неизменном виде перешли к преемникам их. Каковою Церковь вышла из апостольского века, таковою она образована непосредственно святыми Апостолами. Учение преподавалось словом и подтверждалось,

где нужно, писанием. Порядки заводились делом, непосредственными распоряжениями, хоть поминались иногда и в посланиях. В настоящем месте предание разумеется фактическое, делом введенное в жизнь. Феодорит пишет: «Предание разумеется не словами, но делами». Другие толковники под преданием разумеют здесь и пример Апостола, ибо этим распоряжение Апостола о трудолюбной жизни скорее входило в жизнь между христианами и приобретало более силы. «Преданием, — говорит святой Златоуст, — называет Апостол то, что они видели в его поступках». Экумений так: «Предание, которое я предал вам делами, быв для вас примером». «Ибо собственно это есть предание», — дополняет Феофилакт. — Напрасно потому мудрость инославных неблаговолительно относится к этому святоотеческому пониманию.

Высказав общий закон, Апостол ведет теперь речь к приложению его у солунян. Прямо бы сказал: отлучаться от бесчинно ходящих есть неотложный закон; у вас есть бесчинные, так отлучайтесь от них. Но Апостол разъясняет наперед виновность этих бесчинников (7—10); затем определенно указывает порок обличаемых бесчинников (11); потом предлагает им исправиться (12). И уже коль скоро не послушают, отлучаться от них (13, 14).

Виновность бесчинников Апостол определил силою побуждений, какие они имели к тому, чтобы быть в чине. Побуждения эти они имели в примере самого Апостола, в том, как он жил и действовал, будучи у них (7—9), и в прямой заповеди, данной им (10).

Побуждения из примера Апостолов так разъясняются: вы должны подражать нам; но мы, живя у вас, не бесчинствовали, не тунеядствовали, а день и ночь проводили в труде и подвиге. Следует и вам так действовать.

Стихи 7—9. ***Сами бо весте, како лепо есть вам подобитися нам, яко не безчинновахом у вас, ниже туне хлеб ядохом у кого, но в труде и подвизе, нощь и день делающе, да не отягчим никогоже от вас; не яко не имамы власти, но да себе образ дамы вам, во еже уподобитися нам.***

Сами весте. Ученик учителю и дети родителям, естественно, располагаются подражать. Это и держится у них всегда в сознании. И солуняне, как ученики Апостола и как дети, рожденные благовествованием его, не могли не иметь влечения к подражанию ему. Но Апостол говорит о подражании, не как о деле сердца, а как о нравственно-обязательном долге. Не солунянам только, но и другим внушал он: *подражатели мне бывайте, якоже и аз Христу* (1 Кор. 11, 1). Апостолы были зерцало христианства. Словом они его истолковывали, а жизнию представляли на

деле. Подражать им для верующего есть такой же долг, как быть верным вере во всем. И в житейском быту бывает так, что кто первый заводит порядки какие, тому все подражают; и подражание такое переходит из рода в род.

Како лепо есть вам подобитися нам. Как чиста была апостольская совесть! Как безукоризненно во всем поступали они, по всему требованию духа христианского! Живя открыто, в очах всех, они могли говорить: вот как живите! Они были уверены, что столько очей не могли видеть в них ничего укорного; а это потому, что чистыми себя видели и пред очами Божиими, ибо никогда сознательно и произвольно не склонялись они ни на что, о чем совесть свидетельствовала, что то противно воле Божией. Эта обоюдная уверенность и давала им дерзновение так говорить. Они были все пожерты Богу и Богом, и говорили так, движимые Духом, как Богу пожренные во всем. Святой Златоуст пишет: «Великое дерзновение внушает учителю та мысль, что он может, ссылаясь на свои праведные дела, делать увещание своим ученикам. Поэтому Павел и сказал: *сами весте, како лепо есть вам подобитися нам.* Ибо учитель должен больше научать жизнию, чем словом. Пусть никто не думает, что Апостол сказал сие, желая неумеренно похвалить себя, ибо необходимость заставила его сказать сие, и притом ради общей пользы».

Затем из общей суммы достойных подражания дел своих Апостол останавливает внимание только на тех, которые по противоположности своей неисправному поведению некоторых солунян строго обличали их неисправность. *Не безчинствовахом*, говорит, *ниже туне хлеб ядохом у кого*. Отрицает в себе укорные стороны обличаемых. Следовательно, те бесчинствовали и туне хлеб ели. А этому не следовало быть, подобно тому, как не было того у Апостолов. *Не безчинствовали*, с греческого,— οὐκ ἠτακτήσαμεν — не жили бестактно. Следовательно, те, обличаемые, жили бестактно, не соображаясь ни с временем, ни с местом, ни с лицами, или жили беспорядочно, (ибо τάξις — порядок), то есть не по тем порядкам, к каким обязывало их звание, например, мужа, отца семейства и подобное,— жили беззаботно, в праздности, шатаясь без толку по площадям и рынкам, предаваясь народным утехам, гулянью и веселой жизни. «Бесчинием здесь Апостол называет бывание без труда и работы, как и выше. Ибо Бог положил быть человеку в труде и для того снабдил его пригодными к тому членами; так что, кто остается праздным, тот выступает из чина Божия» (Феофилакт).

Ниже туне хлеб ядохом у кого, не ели хлеба даром ни у кого, хоть «если б и ели у кого, то это было бы не даром: *достоин бо делатель мзды своея* (Мф. 10, 10)» (Златоуст). Следовательно,

те, обличаемые, туне хлеб ели, или тунеядствовали, жили на чужой счет. Может быть, и бражничали, ходя из дома в дом, чтобы поесть и попить, и тем истощая себя взаимно или тех из своего круга, кои имели какой достаток. Имея силы работать и тем доставать себе содержание, они не стыдились всякими неправдами подбиваться к другим и объедать их.

Но в труде и подвизе день и нощь делающе. Не туне хлеб ели, но *делающе*, то есть добывая его трудами рук своих. Не сторонний кто содержал нас даром, но мы сами кормились своими трудами. «Принесши к вам Евангелие, мы ни у кого ничего не брали, но день и ночь проводили мы в трудах, чтоб чрез то приобрести необходимое для пропитания» (Феодорит). *День и нощь*, не та мысль, что только и делали, что работали, ибо надо было и есть, и спать, проповедовать в синагоге и по домам. Апостол хочет сказать: ни днем, ни ночью никто не видал нас без дела. Все время, за удовлетворением естественных потребностей тела, было у нас употребляемо, кроме проповеди, на работы. И вот чего у некоторых из обратившихся солунян недоставало: чтоб спокойно сидеть дома и с терпением исправлять работы, какие кому поручены.

Да не отягчим никогоже от вас. Солуняне уверовавшие, конечно, не сочли бы в тягость содержание Апостолов, когда, как в первом посла-

нии сказано, они оказывали благотворение даже живущим в других местах. «Отягчением считается то, когда кто берет что у кого против воли» (Феодорит), или то даже, «когда кто дает другому не с великим усердием» (Златоуст). Но ни первого от Апостолов, ни второго от солунян ожидать нельзя. Чего бы не сделали они для святого Павла, которого возлюбили крепкою любовию, как сам засвидетельствовал? Но Апостол выставляет, чем особенно он побуждаем был действовать таким образом. Отеческая его любовь к обращаемым не позволяла ему хоть малостию какою беспокоить их. Она побуждала его все иждивать для них, ничего от них не требуя и не принимая. В послании к Коринфянам он указывает побуждением к тому – опасение воспрепятствовать успеху проповеди; а здесь – эту деликатность своего отеческого чувства. Выставляет же он ее на вид с тою особенно целию, чтоб тем резче обозначить безобразие тунеядства. Он хотел внушить, как замечает святой Златоуст, такой урок: «Если я, проповедник словес учения, побоялся отяготить вас, то тем более (должен бояться сего) тот, кто вам не приносит никакой пользы».

Не яко не имамы власти. И Господь повелел *проповедающим Евангелие от Евангелия жити* (1 Кор. 9, 14), когда, посылая на проповедь Апостолов, сказал им: *в том же дому* (в коем

примут их) *пребывайте, ядуще и пиюще яже суть у них* (Лк. 10, 7). Все Апостолы так и делали. Вероятно, и святой Павел пользовался по временам сим правилом. Мог бы он воспользоваться им и у солунян, и, конечно, никто бы против этого ничего не посмел говорить. Но он этого не делал. Дух Божий, руководивший им, внушил ему другой образ действования, может быть, по характеру тех народов, среди которых суждено было ему распространять Евангелие.

Но да образ дамы вам, во еже уподобитися нам. К коринфянам пиша, другую выставляет цель, как замечено уже, именно, чтоб беспристрастнее принималась Евангельская проповедь; а здесь, чтоб дать *пример*. Чего же? — Трудолюбия, домоседства, степенности и добропорядочности. Это опять наводит на ту мысль, что, верно, праздношатайство, тунеядство, бражничество и гулячество составляли выдающуюся черту жизни солунян (в язычестве). Святой Павел заметил то с первого раза и тотчас же убеждать их стал к трудолюбию и степенности (стих 10). Но чтоб сильнее подействовать на них, сам начал с неутомимостию работать для своего содержания и бывших с ним. Пример в этом отношении, точно, мог действовать сильнее всякого слова. Образ действий святого Павла не мог не тревожить совести праздных ленивцев и не располагать их к трудолюбию. «Ибо если, — как замечает святой

Златоуст, – святой Павел, который не имел необходимости (трудиться), а имел, напротив, возможность уволить себя от такого рода занятий и, взяв на себя такое великое дело, несмотря на то, трудился, и не просто трудился, но трудился ночь и день, так что мог и другим давать пособие, то тем более другие должны были так поступать».

Стих 10. *Ибо егда бехом у вас, сие завещавахом вам, яко аще кто не хощет делати, ниже да яст.*

Второе побуждение к тому, чтобы жить чинно, бесчинные братия имели в точной заповеди, лично самим Апостолом данной. Пример можно было еще перетолковывать, но прямая заповедь обязывала, отстраняя всякую возможность уклонения. Заповедь налагала долг, пример располагал к исполнению его, указывая способ, или ведя к тому, как бы по проложенной дороге. Оба вместе должны бы победоносно воздействовать на исправление нрава, прежде криво направленного. Оба и употреблены Апостолом. И пример дан сильный, и заповедь предложена в очень строгом тоне: *кто не хощет делати, ниже да яст.* Он хочет сказать: того не за что и хлебом кормить, тот теряет как бы право на вкушение пищи, и если вкушает, то без всякого права, а или по своему нахальству, или по милости других. Вот в какой степени обязателен труд! Человек рождается на труд, как и птица на летание (Иов. 5, 7).

Так присуждено тотчас по падении. Труд — общая всем епитимия, в Адаме на всех наложенная: *в поте лица твоего снеси хлеб твой* (Быт. 3, 19). Под условием пота и хлеб дается ему вкушать. Итак, труд, телесный ли то или духовный, неизбежно обязателен для всякого. Никого и не увольняет от него Апостол. Кто не хочет трудиться, кто бы он ни был, богатый ли или бедный, *ниже да яст*, тот если и ест, ест с насилием совести, с грехом. Между тем, однако ж, не надобно выпускать из внимания, что слово Апостола обращено здесь к праздным ленивцам, чтоб совесть их растревожить, а не к другим, чтоб пресечь их благотворительность. Не та у него мысль: и не давайте ему есть. Этого суда и расправы никому он не дает. Напротив, прямо против этого говорит ниже, чтоб, делая добро, не стужали, что дают тунеядцам (стих 13). Феодорит пишет: «А сие: *ниже да яст*, Апостол сказал не подающим, но живущим в праздности. Подающим же чрез несколько слов дает совет не смотреть на худое поведение, но без сомнения оказывать свойственную им щедрость».

Стих 11. *Слышим бо некия безчинно ходящия у вас, ничтоже делающия, но лукавно обходящия.*

Выяснив основания виновности обличаемых, указывает самую вину, говоря как бы: а у вас, несмотря на столь обязательные побуждения к благочинному поведению, есть лица, которые ве-

дут себя совсем не как следует. В чем состояла неисправность этих лиц, уже было указываемо. Это *безчинно ходящие*, то есть живущие бестактно, беспорядочно, не по чину, Апостолами заведенному, в противность тому благообразию хождения, какого требовал он в первом послании (4, 12); *ничтоже делающие*, не то, что сидящие, поджавши руки, а гуляющие без дела, которым не по душе сидеть за каким-либо серьезным и постоянным трудом, а приятно проводить время в свое удовольствие, в услаждение своих чувств, очей, слуха, вкуса и проч.; — *но лукавно обходящие*, с греческого — все любопытствующие, что там-то есть, что тут-то делается, что те рассказывают, что эти задумывают, и подобное. Это глазеры, говоруны, спорники. Шатаясь по площадям, торжищам, улицам и домам, все разведывают, и не дивно, что и нарочно подсматривают, вступают в споры, откуда задоры, распри, брани и все нестроения в обществах. «Живущим в праздности, — пишет Феодорит, — свойственны пустословие, говорливость, бесполезное любопытство». Экумений указывает и причину того. «Бог дал нам, говорит он, ум деятельный. Потому, когда мы удаляем его от дел (Богоугодных), он, не имея возможности пребывать в бездействии, вдается в дела диавольские, в любопытство, болтливость, наговоры, смехотворство и подобное». То же пишет и Феофи-

лакт: «Ум наш приснодвижим*; потому, когда мы не занимаем его делами благопотребными, он предается делам непотребным, в разведывание, как живут другие, а отсюда в пересуды, празднословие и пустословие». Нисколько не видно, чтоб это были люди с явными пороками; иначе Апостол не утерпел бы обличить это, как делает в послании к Коринфянам (1 Кор. 5, 11); или чтоб это были бедные, могущие пропитывать себя трудами рук своих, которые, однако ж, не любят трудиться, а живут на чужой счет попрошайством или обманом; хоть, может быть, был кто-нибудь и такой. Это все люди праздные, попусту убивающие время. Но и таких, надо полагать, было не много, ибо святой Апостол говорит: *некия*. Их число было так незначительно, что они не мешали Церковь Солунскую, все общество верующих там, отличать теми прекрасными качествами, какие превозносит в них святой Павел в обоих посланиях. Говорит же о них он с такою строгостию и так много ради того, что и одну душу потерять жалко, и из опасения, как бы поблажка им или невнимание к их неисправности не расположили и других легко смотреть на такой недобрый образ жизни, и не подали им повода увлечься к подражанию. К тому же, пишет Апостол: *слышим*, идет слух. Кто принес или приносил почасту слух, не сказывает, но видно, что

* Всегда находящийся в движении. — *Ред.*

слух был не пустой и святой Павел верил ему. А он был столько ревнив, что не мог равнодушно сносить никакого недостатка в своих Церквах. Все их он старался представить Христу как чистых и непорочных невест (2 Кор. 11, 2).

Стих 12. *Таковым запрещаем и молим о Господе нашем Иисусе Христе, да с безмолвием делающе, свой хлеб ядят.*

Ожидалось бы, что вслед за указанием бесчинных, скажет тотчас Апостол: вот этих и отлучайтесь. Но как цель у него не суд и расправа, а исправление, то он наперед предлагает неисправным возвратиться на путь правый, и тогда уже, как не послушают, повелевает потом исправным не примешиваться к ним.

Заповедь, даемая теперь, уже была известна. Тут она повторяется только, с отеческим убеждением от лица Самого Господа исполнять ее точно. Видно, как сильно у Апостола желание, чтоб никого не оказалось непослушным, чтоб все стали благочинно живущими и не настояло необходимости от кого-либо отлучаться или делать кого-либо отлучаемым. Для того и повелевает как Апостол, и молит как отец; то и другое от лица Самого Господа. Повелевает властию, от Господа данною; умоляет любовию Христовою. Тем и другим речь свою делает и грозною, и привлекательною, со всех сторон гоня их к исполнительности. Строгость с любовию всегда победоносна.

«Поелику, — пишет Феофилакт, — выше несколько строгую держал речь, говоря: *повелеваем отлучатися* (стих 6), то теперь с большею снисходительностию обращается к ним и говорит: молим о Господе. Но чрез это завещание делается еще более веским и строгим».

Да с безмолвием делающе, свой хлеб ядят, чтоб не шатались праздно там и сям, а сидели дома, и дома сидели не сложивши руки, а за работою. Заповедуется скромная, уединенная, трудолюбивая жизнь, в противоположность праздношатайству и пустому убиванию времени. «Повелеваем не только жить в безмолвии (тихо, безмятежно), но и работать» (Экумений). «Двух вещей требует от них: как от бесчинных, — чтоб безмолвствовали, как от праздных, — чтоб работали». Ἡσυχία, безмолвие, противоположно шуму, мятежности, хлопотам, суетливости, а равно непоседству, рассеянной и праздношатайной жизни. Отсюда всякий может вообразить картину семейной, домашней жизни, какую дает в образец верующим святой Павел.

Чтоб свой хлеб ели, или, чтоб не тунеядствовали, не жили на чужой счет, а своими руками добывали себе содержание, или, чтоб, хоть свой достаток имеют, все же трудились затем, чтоб свой трудовой хлеб есть, ибо он слаще и, можно сказать, священнее. Тут же, конечно, разумеется и то, чтоб не жили подаянием, или попрошайством,

а сами своими трудами содержали себя, когда имеют силы. На сих последних налегает более святой Златоуст, ибо пишет: «Почему не сказал Апостол: если они не бесчинствуют, то пусть питаются подаянием от вас; но требует и того, и другого, чтоб они были и скромны, и трудолюбивы? — Потому, что он хочет, чтоб они, трудясь, сами себя пропитывали. Ибо это значат слова: *да свой хлеб ядят*, то есть от своих трудов, а не чужой, добываемый выпрашиванием подаяния. Он говорит о тех, которые по собственному произволу принадлежат к числу неимущих. В самом деле, отчего ты не трудишься? Бог дал тебе руки не для того, чтобы ты принимал от других, но чтоб ты сам давал другим». Феофилакт затем определеннее излагает дальнейшие его мысли: «Итак, надобно иметь труд, работая своими руками. Тому и милостыни просить не должно, кто, имея силы работать, предается праздности. Скажешь: я молюсь и пощусь. Но это не есть дело рук. Можешь и при этом иметь ручную работу. И если ты об этом нерадишь, то подлежишь суду, как празднолюбец. Скажут: как же того, кто учит (у святого Златоуста разумеются Апостолы, учители Церкви), не приневоливают работать? — У него есть работа важнейшая и труднейшая, которая не дает ему заняться ручными работами. На тебе же, лице частном, не лежит ничто такое, и ты грешишь, нерадя о труде».

Стих 13. *Вы же, братие, не стужайте, доброе творяще.*

Неисправным дал заповедь исправиться, а тем, которые были исправны, внушает пребывать в своей исправности. Будто не полон был бы урок, если б не было сказано что-либо и этим. Что же именно он внушает им? – Чтоб не скучали, не тяготились, не изнемогали, *доброе творяще*. А это *добротворяще* – καλοποιοῦντες имеет два смысла, означает или: хорошо поступая, ведя добрую жизнь, хорошее держа поведение, или: делая добро другим, благотворя. Если принять первое значение, то в словах Апостола надо будет видеть воодушевление исправных на продолжение жизни, противоположной жизни тех бесчинников, жизни безмятежной, уединенной, трудолюбной. Сидя все дома за делом, лишая себя общественных развлечений и удовольствий, отказывая своим чувствам в обычных усладах, они были как будто какие заключенники, будто теряли что, тогда как те будто выгоднее были поставлены на вид. Иным из них, конечно, могло прийти на ум, что такая жизнь скучновата. Апостол и воодушевляет их: вы, ведущие добрую, степенную и трудолюбивую жизнь, оставя ту, беспорядочную, праздную и пустую, не скучайте и не тяготитесь тем, и тем празднолюбцам не завидуйте и не соблазняйтесь их положением, будто выгоднейшим. Если принять второе значение,

то внушение Апостола будет такое: вы же, оказывающие доселе благотворение даже этим тунеядцам, привыкшим есть чужой хлеб, не отставайте от такого образа действования, не изменяйте такого к ним отношения, продолжайте благотворить им, не скучая и не тяготясь тем и не допуская мысли, будто таким образом добро ваше иждивается даром. Ваше добро нисколько не перестает быть добром от того, что те на наш взгляд недостойны милости. Бог солнце Свое сияет на злые и благие, дождит на праведные и неправедные: *будьте и вы милосерды, как Отец ваш небесный милосерд есть* (Мф. 5, 45; Лк. 6, 35). Нужду надобно видеть в просящем, а не обращать внимание на его неисправность.

И первое значение не неуместно, но ближе второе, и предпочтительнее ради того, что так понимают сие место святые наши толковники, ограничивая, впрочем, круг бесчинно живущих только теми, которые живут подаянием, имея силы трудиться. Они предполагают в Апостоле опасение, как бы христиане, слыша строгий укор праздным и заповедь им, чтоб жили трудами рук своих, не прекратили им своего благотворения, между тем как эти еще не исправились и не привыкли к труду, и, оставаясь без помощи, могли помирать с голоду. Все, что должны были делать добрые христиане, это *отлучатися*, не примешатися и тем

побуждать к исправлению неисправных; благотворения же им не прекращать.

«Видишь отеческое благоутробие? — взывает Экумений. — Недалеко простер строгость, боясь, чтоб эти бесчинники не померли с голода. Хотя заповедует отлучатися от них и чрез то вразумлять, но пока, говорит, исправятся, давайте им, чтоб не томились от голода. Довольно им и этого наказания, что вы отделитесь от них». К этому блаженный Феофилакт прибавляет: «Хотя кто из них и после этого не исправится, но ты все не стужай, делая добро». Сокращенно силу этого и предыдущего текста Феодорит выражает так: «Одним предписав законом занятие делом и безмолвие, другим советует водиться человеколюбием: *не стужайте, доброе творяще*. Худое их поведение да не препобеждает вашей щедрости».

Святой Златоуст решает при этом обычное возражение: «Итак, что же, скажет кто-нибудь: если он (праздный) от нас будет все получать в изобилии, то навсегда останется праздным? — Против этого, говорит, я указал вам легкое врачевство, именно: отделяйтесь от такого человека, то есть не придавайте ему дерзновения, показывайте вид, что вы гневаетесь на него. Между тем это (наставление) немаловажно. Ибо так мы должны наказывать брата, если действительно желаем того, чтобы он исправился. Мы должны знать, каким образом можем наказывать. Ибо,

скажи мне, если б ты имел брата по плоти, то неужели бы ты оставил его без помощи тогда, когда бы он умирал от голоду? — Я не думаю, но, вероятно, ты позаботился бы об исправлении его».

Стихи 14 и 15. *Аще же кто не послушает словесе нашего, посланием сего назнаменуйте, и не примешайтеся ему, да посрамится; и не аки врага имейте его, но наказуйте, якоже брата.*

Затем так строго обличал бесчинно ходящих и такие давал им заповеди Апостол, чтоб они исправились и не срамили собою христианского общества, долженствующего быть чистым и святым во всех своих членах и во всех отношениях. Но если наконец они не окажут послушания и пребудут в своей неисправности, то вот какое дано распоряжение: *назнаменать* их и не примешиваться к ним, и, однако ж, не питать к ним неприязненных чувств, а вразумлять, как братьев.

Первое, что надлежало сделать, это *назнаменать.* Что это за назнаменание и для кого оно? Для Апостола Павла или для солунян? Древний наш славянский перевод дает ту мысль, что солунское христианское общество, или предстоятели их, объявив неисправным повеление Апостола им и о них и видя, что они не исправляются, должны были дать знать о них святому Павлу особым посланием, означив их поименно в этом послании, для дальнейших его распоряжений,

подобных, например, тем, какие делал он потом в Коринфе относительно кровосмесника. Естественность, соответствие ходу речи и греческому тексту заставляют стать на сторону такого перевода и понимания. Ибо если о неисправных дано было знать Апостолу и если потом надлежало им объявить, что пишет о них Апостол, то они, должно быть, всем были явны, и означать их для солунян не было никакой необходимости. С этого момента объявления им воли апостольской начиналось и непримешивание к ним без особых на то распоряжений, которое и прекращалось в отношении к иным, как только те исправными являлись. И на замечании их иметь было бы делом ни к чему не ведущим. Ожидалось не это, а что-либо более строгое. Оказались неисправные; об них дано знать, или узнал Апостол и пишет строгое обличение и увещание; объявлено все это неисправным; если они исправились — хорошо; а если не исправились, что дальше ожидается? — Ожидается, что об них дадут знать Апостолу, для дальнейших распоряжений. Таков самый простой и естественный ход дела. И нет сомнения, что такова была мысль Апостола: дайте мне знать о нем посланием, а сами между тем не примешивайтесь ему, не с враждебными чувствами, а чтоб пристыдить и вразумить, как брата, любовию.

Другие *назнаменание* понимают — для солунян: означьте его для себя, или имейте его на замечании. При этом слово: *посланием* — διὰ τῆς ἐπιστολῆς, соединяют не с *назнаменуйте*, а с *словесе нашего*, так: кто не послушает слова нашего, чрез это послание вам изрекаемого или сообщаемого, того имейте на замечании, или заметьте для себя. Но такое сочетание слов может быть и не принято, ибо в таком случае ожидалось бы λογῷ... τῷ διὰ... Как этого нет, то перевод становится натянутым и произвольным. При нем надо доразумевать: изрекаемого, или сообщаемого, чтоб вышла мысль; тогда как с *назнаменуйте* оно вяжется естественно и не требует дополнений; *назнаменуйте посланием*. Дало бы особый вес этому пониманию толкование древних наших толковников. Но слова святого Златоуста на это речение: «*сего знаменуйте*, — следовательно, заповедует творить сие, дабы не были скрываемы (такого рода поступки или таковые лица)», — не могут быть решительно обращаемы в пользу такого понимания, особенно если взять во внимание, что он читал *словесе* не *нашего*, а *вашего*; при таком чтении — διὰ τῆς ἐπιστολῆς — естественно должно было отходить к *назнаменуйте*. Блаженный Феодорит, святой Дамаскин и Феофилакт не делают об этом никакого замечания. Только Экумений написал: «Сего назнаменуйте, чтоб не укрылся от вас (или не безызвестен был вам)».

Очевидно, что при таком отношении наших древних толковников к сему месту, понимание его в последнем смысле может быть необязательно и, по меньшей мере, оставлено на свободу. Для нас же славянский перевод и мысль, с ним соединяемая, должны взять перевес. К нему и склоняемся.

И не примешайтеся ему. Ко мне отпишите, а с ним не общитесь. *Не примешайтеся*, по-гречески стоит такое слово, каким означают, когда кто вмешивается в толпу и там сливается с общею массою, как, например, вино с водою. Апостол не того только хочет, чтоб никто не видал христиан в кругу этих беспорядочных лиц, но чтоб строгие христиане им самим дали заметить, что чуждаются их ради того, что считают поведение их несообразным с званием христиан, и этим отчуждением возбуждали в них совесть и приводили в стыд: *да посрамятся.* Это – молчаливое обличение и вразумление без слов. «Но, по мысли Апостола, такое отношение к неисправным предписывается как наказание сим последним. И оно точно есть не малое наказание» (святой Златоуст). «Это наказание для непослушных кажется умеренным; в самом же деле оно одно из самых тяжелых. Что тяжелее, как быть будто в пустыне, хотя находишься в городе?» (святой Дамаскин). «Весьма велик стыд, когда все отвращаются от кого» (Экумений).

И не как врага его имейте, но наказуйте как брата. Не примешиваясь к непослушному и отворачиваясь от него, не имейте, однако же, неприязни к нему, не негодуйте на него, не презирайте и не осуждайте, а наказуйте, как брата. *Наказуйте*, νουθετεῖτε, что значит: в ум влагать что, вразумлять. Вразумляйте, говорит, или этим обличительным отворачиванием от него и неучастием в его безобразных делах, или не этим только, но при этом и разумным, братским, согретым любовию словом, с жалением о нем же, зачем он таков, так себя унижает и срамит. Видимо, как святой Павел хочет в сердцах всех возгреть заботу о нравственной чистоте не своей только у каждого, но и всего общества о всем обществе в целом составе. Но конечно* выразителями и исполнителями такой заботы должны были быть предстоятели, коим вверялось попечение о спасении душ. На них, вероятно, возлагалось Апостолом исполнение и всего этого распоряжения.

Вот дышащие любовию к немощным слова святого Златоуста на сие место: «Таким образом, (Апостол) не позволяет, чтобы наказание простиралось дальше надлежащей меры. Ибо, как выше сказав: *аще кто не хощет делати, ниже да яст*, из опасения, чтоб те не погибли с голода, прибавил: *вы же не стужайте доброе творяще*; так и теперь, сказав: *отлучайтеся и не примешайтеся*

* Окончательно. — *Ред.*

ему, потом из опасения, чтоб это самое не отделило его от общества братий, ибо, усомнившись тогда в самом себе, он мог бы вскоре погибнуть, если б ему было отказано в ободрении, (Апостол) прибавил: *и не яко врага имейте его, но наказуйте якоже брата*. Этим показывает он, что великое назначил (виновному) наказание, так что оно могло лишить его всякого дерзновения. Вразумляйте, как брата, сказал Апостол, а не оскорбляйте, как врага. Кто вразумляет своего брата, тот делает это не всенародно, не выставляет его торжественно на позор*, но исполняет это втайне и с большею осторожностию, скорбя и сокрушаясь, и со слезами, и с плачем».

в) Опять заключительные благожелания и молитвы (3, 16—18)

Высказав, что нужно было для исправления нрава некоторых неисправных, Апостол опять берется за заключительную речь, которую намеренно прерывал, и спешит ее окончить. Точно спешит; ибо, выразив желание мира и указав отличительный признак подлинности своих посланий, заключает речь обычным благожеланием пребывания в них Божией благодати.

Стих 16. *Сам же Господь мира да даст вам мир всегда во всяком образе. Господь со всеми вами.*

---

* На всенародное зрелище. — *Ред.*

Желание мира в конце посланий обычно святому Апостолу Павлу. Здесь оно может быть считаемо вызванным предыдущею речью. Сделанное им распоряжение и разлад, хотя цель у Апостола была всех любовию ввести в единонравие посредством тех исправительных мер. Вот он и молится, чтоб Господь сохранил и утвердил между ними крепкий и всесторонний мир. Апостол своею исправительною мерою точно будто разделяет; но не с тем, чтоб был разлад, а чтоб те, отделяемые, образумясь, обратились от пути своего неправого и, вступивши подобонравием в общение со всеми, дали возможность всем верующим насладиться теплым миром. Святой Златоуст пишет: «Смотри, как он, когда заповедует им то, что надлежит исполнять, запечатлевает свои увещания молитвою, налагая молитвы и моления, как некоторую печать на эти сокровища. *Да даст вам мир.* Так как, вероятно, из сего (то есть того, как он им велел относиться к непослушным) могли произойти распри, потому что одни стали бы более настойчивы, а другие менее уступчивы, то не без основания молится он о том». Экумений поясняет: «Знал, что из обличений и наказов рождаются распри, когда те, на коих они падают, упорствуют. Почему и просит им мира от Бога мира».

Мир всегда во всяком образе. «Чтоб вам быть в мире с Господом и друг с другом, и избавиться

от козней сопротивников. Ибо сие значит: во всяком образе» (Феодорит). «Чтоб ниоткуда не иметь им повода к раздору, ни от слов, ни от образа действий. Ибо таким образом они без труда и тех (непослушных) сделают лучшими. Ничто столько не способствует к исправлению того, что мы желаем исправить, как мирное, безмятежное обращение и вразумление без гнева» (Феофилакт).

Господь со всеми вами. Это верх благожеланий христианских: ибо если Господь пребудет с ними, то с Ним будет изобильно множиться среди их и всякое благо во спасение. «Если, говорит, Он будет со всеми вами, то есть и с теми, коих надлежит исправлять, и с теми, кои исправлены, то все будет во благо. Не хотящих трудиться Он уврачует, а любящих труд утвердит в трудолюбии» (Феофилакт). Святой Златоуст дает при сем такой урок: «Об этом и мы можем просить для себя, если только будем исполнять то, что заповедал Господь. Ибо послушай, что говорит Христос ученикам Своим: *се Аз с вами есмь до скончания века* (Мф. 28, 20). Это сказано не только к ним (Апостолам), но и к нам, потому что из слов: *до скончания века* видно, что не только им обещано сие, но и всем тем, кто будет идти по следам их. Господь завещал: *се Аз с вами*, но это бывает только тогда, когда мы желаем сего. Ибо Он вовсе не будет с нами, если мы

сами станем удаляться от Него. С вами, говорит, пребуду вовек. Не будем же отгонять от себя сей благодати».

Стих 17. *Целование моею рукою Павлею, еже есть знамение во всяком послании, сице пишу.*

Целованием он назвал благословение и молитву, выраженную в следующем стихе. Оно есть и в первом послании, но там оно написано тем же, кто переписывал послание. Здесь же пишет его святой Павел сам и обещает вперед всегда писать его во всяком послании. Это в предотвращение обмана подлогом.

Так как некоторые успели подвигнуть солунян от ума, показывая им послание, будто Апостолом писанное, которое, однако ж, не было им писано, то чтоб и вперед не повторился у них или в другом месте такой же случай, святой Павел положил отмечать свои подлинные послания собственноручным писанием последнего благожелания: *благодать Господа* и прочее. Как бы сказал: в каком послании эти слова окажутся писанными не моею рукою, то не мое. *А* чтоб вам безошибочнее можно было поверить это, вот вам почерк моей руки: *сице пишу.* Знак этот отселе будет «*во всяком послании*, которое к вам ли, может быть, имеет быть послано, или во всяком, к кому бы то ни было, послании» (Феофилакт).

Стих 18. *Благодать Господа нашего Иисуса Христа со всеми вами. Аминь.*

Это то же, что выше: *Господь со всеми вами*. «Молитвою начал, молитвою и заключил, с обеих сторон ограждая сказанное (в послании), как великими стенами; положив твердое основание, присовокупил к этому и конец неколеблющийся. *Благодать*, говорит, *вам и мир*. И опять: благодать Господа... с вами» (Златоуст). Он будто хотел выразить такое благожелание: «Если пребудет с вами благодать, нас спасающая, то уврачует все ваши немощи, ибо такова сила благодати. Пребудет же она с вами, если вы не отгоните. Благодать обитает в душах благоумных, исполненных простой веры и братолюбия. Да даруется и нам иметь такие души, чтобы и нам быть отвсюду охраняемыми благодатию Господа нашего Иисуса Христа, нас принявшего (в число верующих) и ко Отцу приведшего во Святом Духе» (Феофилакт).

Так, «прияв апостольское благословение, воспрославим Христа Господа, глаголавшего чрез Апостолов. С Ним Отцу со Святым Духом слава и велелепие, ныне, и всегда, и во веки веков. Аминь» (Феодорит).

ПОСЛАНИЕ
К ФИЛИМОНУ
ИСТОЛКОВАННОЕ
СВЯТИТЕЛЕМ
ФЕОФАНОМ

ВВЕДЕНИЕ

В одно время с посланием к Колоссянам было написано и послано и послание к Филимону. Предлагаем и толкование сего последнего вместе с первым, хотя по содержанию оно очень прилично стоит в ряду с пастырскими посланиями, ибо дает пастырям очень назидательный пример попечения о спасении душ и того, как должно действовать в обстоятельствах, подобных тем, коих касается послание.

«Филимон был из числа уверовавших, жил в Колоссах, где дом его сохранился и до настоящего времени», — пишет Феодорит. «Он был одним из почтенных и благородных мужей» (святой Златоуст). К вере обращен самим святым Павлом, который потому пишет ему: *сам себе ми еси должен* (— 19). Где обращен, на это нет указаний. Можно полагать, в Ефесе, во время долговременного там пребывания святого Павла, ибо Колоссы с Ефесом были в постоянных сношениях, торговых и, кажется, административных. Уверовав, святой Филимон не пребыл бесплодным, но представлял и в своем лице, и во всей семье образец веры и жизни по вере. Святой Павел называет его *споспешником* своим; почему надо полагать, что он немало содействовал обращению

своих сограждан, то сам по себе, то совместно с Епафрасом; уверовавшим же пребывать в вере содействовал тем, что дом свой сделал местом собрания их, где они насыщались и учением, и таинствами. Вообще «дом его был пристанищем для всех святых, и святой Павел свидетельствует, что им *утробы святых почиша* (— 7)» (святой Златоуст). В это время, когда писано послание, не видно, чтоб он принадлежал к освященным лицам. Но впоследствии, как предание передает, он был епископом, по одним — в Колоссах же*, по другим — в Газе, и приял мученический венец при Нероне в Колоссах, вместе с Архиппом и Апфиею от правителя Ефесского. Память его, вместе с Архиппом и Апфиею 22 февраля.

Онисим — слуга Филимонов (— 16). Провинившись каким-то несоблюдением господских интересов (— 11, 18) и боясь наказания, бывавшего в те времена очень строгим, он бежал и добрался до Рима, где тогда находился в узах святой Павел. Святой Павел мог быть ему известен со времени обращения Филимона, коего мог сопровождать в Ефес; ибо рабы тогда, как были под сильным гнетом, так нередко выслуживались и были лицами доверенными у господ и пользовавшимися уважением сторонних. К числу таких, надо полагать, принадлежал и Онисим; почему Апостол в послании к Колоссянам выразился о

* Постановления Апостольские. 7, 49. — *Авт.*

нем: *иже от вас* (Кол. 4, 9), как о лице, всем известном и не бывшем на худом счету. Как доверенный Филимонов, он сопровождал его всюду, был с ним и в Ефесе, когда он обратился к вере, но сам оставался в неверии как в то время, так и после, может быть, потому, что некогда было об этом подумать. Теперь же на свободе или вместе с другими привлечен был послушать святого Павла, или, может быть, был приведен на проповедь Епафрасом, а прямее сказать, благодать Божия нашла место в нем и привела его туда, где он мог найти врачевство болевшей душе своей. Послушав святого Павла, он обратился к вере и принял во святом крещении благодать возрождения. Святой Павел очень полюбил его, так что назвал его *утробою своею* (— 12). И надо полагать, что Онисим был украшен достолюбезными качествами, которые еще паче возвысились под действием благодати, и что его погрешность пред господином своим была какая-либо случайная. По сим качествам святой Павел хотел его удержать при себе, чтоб он послужил ему в узах; но не решился этого сделать без согласия его господина, хотя был уверен, что тот ничего не сказал бы против этого. Почему положил отослать его к Филимону, чтоб сей последний, если найдет удобным, сам своею волею отдал ему Онисима на временное прислуживание в темнице (— 14). В это время надо было

посылать Тихика в Колоссы с посланием. К нему в спутники и присоединил святой Павел Онисима.

Оправданный верою и принятый в благодать Божию, Онисим все же оставался ответным пред своим господином. Посему, отсылая его к Филимону, святой Павел счел нужным написать к сему последнему послание и просить его явиться милостивым к рабу своему, виновному и беглецу, простить его и принять не как уже раба, а как брата возлюбленного, порожденного духовно от того же отца, который породил и его самого. Склонение к сему Филимона и составляет содержание и цель послания к нему святого Павла.

Считается очень достоверным, что Филимон, и сам по себе столь добрый, исполнил желание святого Павла и, приняв в свою любовь Онисима, отослал его обратно к святому Павлу, кажется, уже как свободного. Предание потом считает его епископом Береи Македонской*, и мучеником в Риме при Трояне. Онисим, епископ Ефесский после святого Тимофея, посему будет иное лицо. Память его 15 февраля.

Этими замечаниями дается ответ на все обычные относительно посланий вопросы: когда, где, по какому поводу, с какою целию написано и что содержит послание к Филимону. Но у иных рождается вопрос, стоило ли вносить в канон священных книг послание с таким частным содер-

---

* Постановления Апостольские, означенное место. — *Авт.*

жанием. Приводим решение его, предложенное святым Златоустом. «Некоторые говорят, что не нужно было присоединять это послание к канону священных книг, так как оно касается маловажного дела, только одного человека; но пусть узнают высказывающие такое неодобрение, что сами они достойны многих укоризн. Ибо не только столь малые послания и написанные о таких обыкновенных предметах следовало принять (в канон); но желательно, чтобы кто-нибудь в состоянии был рассказать нам полную историю Апостолов, дабы не только о том, что они писали и говорили, но и о прочем их образе жизни, что они ели и когда ели, когда сидели и куда ходили, что делали каждый день, в каких странах бывали, в какой дом входили и где плавали, обо всем этом рассказал бы подробно,— такой великой пользы исполнено все, что они делали! Но многие не знают происходящей отсюда пользы, и потому высказывают неодобрение. Если мы, взирая только на бездушные места, где они сидели, или были связаны, часто обращаемся к ним мысленно, представляем их добродетели, пробуждаемся от своей беспечности и становимся более ревностными, то тем более было бы так, если бы мы слышали их слова и другие их деяния. Если о друге всякий спрашивает, где он живет, что делает, куда идет, то неужели, скажи мне, нам не следует знать все это о всеобщих учителях вселенной? Кто живет

духовно, того и одежда, и походка, и слова, и дела, вообще все приносит пользу слышащим, и никакого не встречается к тому препятствия и затруднения. Впрочем, вам полезно узнать, что это послание касается предметов необходимых. Смотри же, сколько доброго в нем заключается». Указание уроков, по поводу сего послания, короче передает блаженный Феофилакт, руководствуясь все же святым Златоустом. «Во-первых, — пишет он, — оно научает нас иметь заботу и о тех, которые, по видимости, незначительны, как и Господь говорит: *да не презрите единаго от малых сих* (Мф. 18, 10); во-вторых, — что если раб, такой неразумный и недобрый, обратился, то не должно никому отчаиваться и наипаче тем, которые выросли на свободе; в-третьих, — что не должно под предлогом благочестия отторгать рабов от господ, против воли сих последних; в-четвертых, — что не должно с презрением относиться к рабам добродетельным и не стыдиться их, когда святой Павел называет чадом своим Онисима». Прибавим к сему: святой Павел не раз в посланиях своих говорил, что о Христе Иисусе *несть раб, ни свободь*. Из образа его действования относительно Онисима видим, что его слово не было голое слово, но было выражением существа дела. Благодать Божия так сродняла всех верующих, что они во глубине сердца имели себя родными братьями и сестрами, какого бы рода и

состояния кто ни был. И Спаситель указал на иные некие законы родства духовного, говоря: кто мать и кто братия Мне? — Отсюда следует, что в христианстве перемена внешнего положения ничего не значит и не требуется. Оно все обращено на устроение духа, а не внешнего положения, внося всюду свой христианский дух и всем собою открывая вход в царство Божие. «Посему, — докончим словами святого Златоуста, — блаженный Павел и дает рабам такой прекрасный совет: *раб ли призван был еси, да не нерадиши* (1 Кор. 7, 21), то есть оставайся в рабстве. А необходимее всего то, чтобы не было хулимо слово Божие, как говорит святой Павел в другом послании: *елицы суть под игом раби, своих господий всякия чести да сподобляют, да имя Божие не хулится и учение* (1 Тим. 6, 1). Даже и язычники скажут, что и раб может угодить Богу; иначе многие были бы поставлены в необходимость хулить и говорить, что христианство ниспровергает весь порядок жизни, отнимая рабов у господ и делая насилие. — После таких достоинств, хотя мы еще не все сказали, ужели кто-нибудь станет думать, что это послание напрасно включено (в канон книг священных)? Не будет ли это крайним безумием? Итак, прошу вас, выслушаем со вниманием послание, написанное Апостолом; уже получив от него столько пользы, мы получим ее еще больше при самом чтении».

Несмотря на то, что послание сие так мало*, оно по внешней своей форме имеет все, что и большие послания: имеет свое 1) *предисловие*, — 1—7, и 3) *послесловие*, — 22—25, и 2) *корпус* послания — прошение принять благосклонно провинившегося, но раскаявшегося раба, — 8—21.

---

* Послание состоит всего из одной главы, все отсылки — только к номерам стихов. — *Ред.*

ТОЛКОВАНИЕ

ПОСЛАНИЯ
СВЯТОГО АПОСТОЛА ПАВЛА

К ФИЛИМОНУ

1. ПРЕДИСЛОВИЕ

а) Надпись и приветствие (1—3)

Стихи 1 и 2. *Павел юзник Иисус Христов, и Тимофей брат, Филимону возлюбленному и споспешнику нашему, и Апфии сестре возлюбленней, и Архиппу совоинственнику нашему, и домашней твоей церкви.*

Юзник. Пиша послание к Колоссянам, святой Павел называл себя Апостолом, а здесь, вместо всякого титла, называет себя узником. Это потому, что там надлежало действовать апостольскою властию, а здесь предлежит просить, силу же прошению больше всего придают страдания и лишения за дело, которое дорого и

тому, к кому обращается прошение. Но и одно сострадание к узнику само ходатайствовало за прошение. «Он говорит это не с тем, чтоб превознести себя, но чтобы сделать полезное и убедить, — не для себя, но для того, чтобы скорее испросить милость другому. Он как бы так говорит: для вас я обложен этими узами, — подобно как говорит он в других местах (Еф. 3, 1 — *«юзник о вас языцех*; 2 Тим. 2, 9 — за благовестие стражду до уз»). Для него нет выше похвалы, как называться страдальцем Христовым: *аз бо*, говорил он, *язвы Господа Иисуса на теле моем ношу* (Гал. 6, 17). *Юзник Иисус Христов*, потому что связан был за Него. Слыша об узах Христовых, кто не устыдился бы, кто не преклонился бы, кто не отдал бы самой души своей, а не только одного раба? (святой Златоуст). «Апостол назвал себя *юзником*, узами придавая наибольшую силу просьбе своей. За вас, говорит, обложен я узами. Если б я возлюбил покой, не ходил бы по вселенной и не предлагал Евангелия всем людям, то не изведал бы сего на опыте» (Феодорит). «Этим он сильно склоняет на прошение, показывая, что содержимому в узах за Христа справедливо сделать удовольствие» (Феофилакт).

И Тимофей брат. «Апостол (как бы недовольным* себя почитая к упрошению — Феофи-

* Недостаточным. — *Ред.*

лакт) присовокупляет в сопросители и другого, дабы Филимон, слыша просьбу от многих, скорее склонился и оказал милость» (святой Златоуст).

Филимону возлюбленному и споспешнику нашему. Эти слова берут Филимона прямо за сердце и прежде изложения прошения уже склоняют на него. Любовь понуждает сделать угодное любящему содружества ради, а сотрудничество — благопоспешения ради общему делу. «Если *возлюбленный*, то надежда на него не есть дерзость или безрассудство, но знак великой дружбы; если он *споспешник*, то не только должен принимать такие просьбы, но и благодарить за них, ибо чрез это он делает добро и себе самому, устрояя одно и то же с другими дело. Таким образом, и без просьбы ты имеешь, говорит Апостол, еще другое побуждение оказать милость: если он полезен для Евангелия, а ты показываешь усердие к Евангелию, то тебе нужно не ожидать просьбы, а самому просить» (святой Златоуст). Филимон — споспешник делу Евангелия, хотя не видно, чтоб был украшен какою-либо степению священства. «Хотя не принадлежал он к клиру, но как по любви ко Христу спомоществовал всячески Церкви верующих, то и называет его Апостол соучастником в трудах своих. И много есть таких, которые, будучи достойны, отказываются от свя-

щенства, почитая себя несильными проходить, как должно, сие служение. Но по тому самому они и являются достойнейшими того» (Амвросиаст).

И Апфии сестре возлюбленней. «Она, кажется мне, была супругою Филимона» (святой Златоуст). «Хвалит Филимона, наименовав его споспешником; присоединяет к нему и супругу, как сообщницу в вере; вероятно же, что она, не будучи упомянута, стала бы противодействовать написанному в послании. Назвал ее блаженный Павел *возлюбленною*, как украшенную верою, и никто да не удивляется сему, хотя ныне оскорбляются некоторые сим приветствием; потому что, во зло употребляя самое дело, и наименование сделали укоризненным; но в древности слово это было честно и достохвально» (Феодорит).

И Архиппу своинственнику. Своинственник — συστρατιώτης, воитель одного и того же с Апостолом ополчения. Апостолы воевали с неведением и нечестием и небесными орудиями воинствования своего всех покоряли под иго веры Христовой. В этом же духе и направлении воинствовал и Архипп, в небольшом круге среди колоссян. Почему и назвал его святой Павел своинственником. Ему было вверено учение и управление Колоссайской Церкви, надо полагать, после того, как отказался от сего Филимон. Но что он был Филимону? — Сын, брат, дядя, друг? — Видно, что

он принадлежал к той же семье. Но кто бы он ни был, достаточно знать, что он был лицо, достойное того, чтоб ему было вверено попечение о целой Церкви. Святой Златоуст говорит о нем: «Это тот самый Архипп, о котором в послании к Колоссянам Павел говорит: *и рцыте Архиппу: блюди служение, еже приял еси о Господе, да совершиши е* (Кол. 4, 17). Мне кажется, что он был в числе клира («ему вверено было учение» — Феодорит), потому Апостол и к нему обращает просьбу и называет его *своинственником*, дабы содействием его достигнуть цели. Ибо если *своинственник*, то должен принять участие и здесь (как бы: воюешь вместе в деле Евангелия, повоюй и здесь). — Посмотри на смирение Павла: он и Тимофея в своей просьбе присоединяет к себе, и просит не одного мужа, но и жену, и еще иного, вероятно, друга. Он не приказанием хочет достигнуть желаемого и не обнаруживает негодования, если Филимон не тотчас послушается его повеления, но поступает как бы человек неизвестный, располагая и их сделать то же и подкрепить его просьбу, ибо не только просьба от многих, но и просьба, обращенная ко многим, способствует к получению просимого.

И домашней твоей церкви. «Церковию называет Апостол всех находящихся в доме верующих, совключая сюда и рабов» (Феофилакт). «Не опускает он из виду и рабов, ибо знал, что

часто и речи рабов могут убедить господина, особенно когда просьба касается раба; притом, может быть, они особенно и возбуждали огорчение господина против Онисима. Апостол, почтив их приветствием вместе с господами, не допускает их впасть в завидование милуемому («но располагает и их сделаться споспешниками ему в убеждении, удостоившись апостольской чести» (Феодорит). Впрочем, он не подал и господину повода оскорбляться. Если бы он назвал рабов по имени, то, может быть, господин оскорбился бы; а если бы вовсе не упомянул о них, то, может быть, тот остался бы недоволен. Посему смотри, как мудро Павел, упомянув о рабах, и их почтил своим воспоминанием, и его не раздражил. Ибо название *церковию* (всего дома) не попускает господам оскорбляться, когда они поставляются вместе с рабами. Подлинно Церковь не знает различия между господином и рабом; она различает того и другого по добродетели и порокам. Итак, если (дом твой) есть церковь, то не оскорбляйся, что раб поставляется вместе с тобою; ибо *о Христе Иисусе несть раб, ни свободь* (Гал. 3, 28) — (святой Златоуст).

Стих 3. *Благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа.*

Благодать и мир — обычные приветственные благожелания святого Павла. Благодать — сила во спасение, и всякое добро — от нее. Мир — итог

всех благ благодатного домостроительства спасения, именно умирение течения внутренней жизни, без того обычно возметаемой, как прах, действием властвующих там страстей, — помирение с течением внешней жизни, при всех соотношениях, приятных и неприятных, паче же мир с Богом во Христе Иисусе, обвеселяющий несокрушимым упованием вечного блаженства. Во всяком послании, смотря по целям его, сии благожелания могут иметь свои особые оттенки, более или менее внушительные. Для настоящего послания вот что, кроме общего значения, прозревает в *благодати и мире* святой Златоуст: «Напомнив *о благодати*, Апостол приводит Филимону на память собственные его грехи. Подумай, говорит как бы, как много грехов простил тебе Господь, как ты спасен благодатию, и подражай Господу. Испрашивает ему *мира*, — и справедливо; ибо мир бывает тогда, когда мы подражаем Господу, когда благодать пребывает с нами. Так и тот раб, который оказался немилосердым к подобному себе рабу, пока не требовал от него ста динариев, дотоле пользовался милостию господина, а когда стал требовать, тогда был лишен ее и предан мучителям (Мф. 18, 34)».

б) Начало послания (4—7)

«Не вдруг и не в самом начале послания Апостол просит о милости, но сначала выразил

удивление к этому мужу и похвалил его за добродетели, представил также немаловажное доказательство и своей любви к нему в том, что всегда воспоминает о нем в молитвах своих, и сказал, что многие находят у него покой и что ко всем он оказывает кротость и веру; потом, наконец, начинает речь и о милости, и, таким образом, с особенною силою убеждает его. Ибо, если другие получают от него то, чего просят, то тем более Павел; если, пришедши прежде других, он достоин был бы получить просимое, то тем более после других, и притом прося не для себя, а для других» (святой Златоуст).

Стих 4. *Благодарю Бога моего, всегда память о тебе творя в молитвах моих.*

Всякий раз, говорит, как молюсь, вспоминаю о тебе в молитве моей и, вспоминая о тебе, благодарю Бога моего за тебя. Говоря, что благодарит Бога за Филимона, дает ему понять, что доволен им, что признает его совершенным в христианстве и тем обвеселяет его и воодушевляет на большее добро: что не чуждо для цели послания. Но, вознося таким благодарением вместе с собою пред лице Божие и дух Филимона, научает его в Боге видеть источник своих совершенств и паче смиряться при сознании их, чем высокоумствовать о себе, стараясь всячески, подобно Апостолу, благодарным явиться пред Богом: что также недалеко от цели послания; ибо благодарить не

словом только должно, но паче делами, Богу угодными, из которых одно тотчас и предложит Апостол.

Стих 5. *Слышав любовь твою и веру, юже имаши ко Господу Иисусу и ко всем святым.*

Какие же совершенства Филимона, коими украсил его Бог, возбуждали в Апостоле благодарные к Богу чувства? — Вера и любовь. Слышу, говорит, что ты примерный христианин, и веру содержишь право и твердо, и делами любви богатишься, и благодарю Бога «за твою доброту» (Феофилакт); ибо исповедую, как и сам ты конечно сознаешь, что таковым соделала тебя благодать Божия. Сказал: *любовь и веру*, а потом: *к Господу и к святым.* И к святым можно и должно являть и любовь, и веру, как и к Господу, но, по общеутвердившемуся образу помышлений, вера приводит на ум Господа, яко к Нему естественно являемая, а любовь — святых братий, как наиболее в отношениях к ним упражняющаяся. И к Богу любовь видимою делается в любви к святым братиям. Потому, когда кто, читая сие место, будет в уме своем так распределять содержащееся в нем: веру к Господу и любовь к святым, то этого нельзя считать не соответствующим словам Апостола. Наши толковники в этом именно смысле и перефразируют сие место. Блаженный Феодорит пишет: «Прославляю Бога всяческих, ибо слышу, какую возымел ты веру в

спасшего Владыку и сколь великую имеешь любовь, и каких услуг удостоиваешь уважающих божественное». То же и у Амвросиаста: «Апостол говорит, что радуется и благодарение к Богу возносит в молитвах своих за то, что Филимон был тверд в вере и прилежал добрым делам».

Слышав — ἀκούων, — слыша непрестанно, как бы кто в уши ему твердил о том. При сих словах Филимон мог подумать об Епафрасе, как хвалителе; но мог ему прийти на ум и Онисим; может быть, и Апостол его именно разумел, говоря сие, — и разумел его потому, что так и на деле было. Онисим хвалил своего господина пред святым Павлом, выставляя его добрые качества, чтоб расположить Апостола написать к нему. Епафрас подтвердил это; и послание пишется, в полной уверенности в успехе его, к чему немало должно было содействовать и: *слыша*. Но и без того, напоминание о доброте Филимона ко всем верным будто наперед уже обязывало его явить такую же доброту и к Онисиму, ставшему теперь верным. Блаженный Феофилакт предполагаемую при сем мысль у Апостола излагает так: «Поелику ты любишь всех святых, то есть верных, то долженствуешь полюбить и Онисима, ибо и он есть уже верный, чтоб чрез это явить себя и Господа любящим. Видишь, какие понудительные он собирает в уме его помышления к удовлетворению прошения?»

Стих 6. *Яко да общение твоея веры действенно будет, в разуме всякаго блага, еже в вас, о Христе Иисусе.*

Слова сии можно относить и к молитве святого Павла так: молюсь, *яко да*, и прочее, — и к доброделанию Филимона, так: имеешь веру и любовь, побуждаясь к сему тем, *яко да*, и прочее. Наши все толковники видят здесь продолжение молитвы святого Павла. Благодарю Бога, слыша о любви твоей и вере, и молюся, да паче и паче множатся дела любви твоей и вера твоя является действенною. Святой Златоуст говорит: «Молюсь, говорит, *да общение веры твоея действенно будет*. (В чем и как?) *В разуме всякаго блага*, — то есть чтобы ты достиг всякой добродетели, чтоб у тебя не было никакого недостатка. Вера бывает действенною тогда, когда сопровождается делами. Ибо *вера без дел мертва есть*. Не сказал: вера твоя, но: *общение веры твоея* (общая с нами вера твоя), соединяя его с собою и внушая, что они одно тело, и тем с особенною силою убеждая его. Если ты, говорит, сообщник мой в вере, то должен быть сообщником и во всем другом». Блаженный Феодорит выражает сию же мысль обще кратким словом: «И прошу, и молю общего Благодетеля даровать тебе совершенное обладание благами». А Экумений слово за словом вводит в толкование: «*яко да общение веры*. Соединяя его с собою, (Апостол) как бы говорил:

общая (наша с тобою) и общетворная вера. Но (спросит кто) чего ради ты так благодаришь Бога (или о чем так молишься)? — *Яко*, говорит, *да общение веры твоея действенно будет*. Как же оно действенно будет? — Чрез познание, говорит, тобою и делание всякого блага. *О Христе Иисусе*, (εἰς Χριστὸν Ἰησοῦν, — во Христа, или для Христа Иисуса). Ибо делающий кому-либо добро делает оное Христу, особенно когда делает святым Его». Все изложенные мысли собрал блаженный Феофилакт и предлагает в таком виде: «Благодарю, — говорит Апостол, — Бога за любовь твою, моляся и о том, чтобы вера твоя, какую имеешь ты обще с нами, была *действенна*, — деятельная и живая в познании тобою всякого дела благого, то есть в том, чтоб тебе возлюблять его и в дело производить. Ибо вера тогда жива бывает, когда мы прилежим всякому делу благому, как и мертва, когда бывает без добрых дел. Приложил Апостол и: *еже в вас*, чтобы показать, что Филимон и теперь имеет уже всякое благое в себе дело, как бы так говоря: в познании всякого дела благого, и теперь в вас, то есть в тебе, уже сущего. Сказав: *общение веры*, соединяет Филимона с собою святой Павел и едино творит. Общая вера есть и единотворна, так что ты должен и едино со мною мудрствовать (одинаково со мною смотреть на вещи и лица). Или общением веры он называет милостыню,

бывающую от великой веры. Итак, Апостол говорит: память о тебе творю, моляся, да общительное и благоподатливое расположение твое никогда не престает, но паче и паче да изливаешь ты на нуждающихся всякое благо, *еже в вас*, то есть которое есть у тебя.— *Во Христа Иисуса.* Ко Христу Иисусу, говорит, возносится всякое благо, какое делаешь ты нуждающимся, особенно святым. Так и теперь, если примешь Онисима и сделаешь мне удовольствие, то Самому Христу то сделаешь».

Если отнести сии слова к Филимону, течение мыслей будет такое: благодарю Бога в молитвах моих о тебе, слыша любовь твою и веру — ко Господу и святым,— которые имеешь ты, побуждаясь к сему тем, чтоб не допустить вере своей оставаться праздною и бездейственною, но всегда держать ее действенною. *Общение веры* будет тогда значить то, что ты бросил язычество и вступил в общение с Господом и с верующими в Него, что приобщился христианской вере. Приобщившись веры единой истинной, ты ревновал и ревнуешь о том, чтоб она не была в тебе праздною и недейственною, но была действенна, не довольствуешься по имени только быть христианином, но ревнуешь и самим делом быть им, быть истинно таким, как требует вера сия. Что же побуждает и что воодушевляет его жить и действовать так? — Сознание великих благ, полученных

от веры. Слово *в разуме*, — ἐν ἐπιγνώσει, — в признании, в сознании. Уразумев и сознавая, сколько благ получил, уверовав в Господа, ревнует и сам о всяком добре, ревнует делать, чтоб вера его была действенна, что не напрасно сподоблен общения веры, а являет себя плодоносным. Говорит: в сознании *всякаго блага*. Не одно благо получено, а всякое: отпущение грехов, познание истины — полной, благодать Святого Духа, созидающая в сердце добрые расположения, мир и радость в Духе, и паче всего неложное обетование наследия царства небесного, с верными начатками оного еще здесь. Сознавая все это, ты ревнуешь благодарным явиться к Благодателю, всякое делая добро. *Еже в вас* — не в других видишь ты такие блага, как бы вдали. Но они у тебя пред глазами, в каждом из вас и в тебе самом. Вместо *в вас* стали ныне читать: *в нас*, разумея христиан вообще. Духовные блага от веры Христовой были повсюдны и всякий их испытывал. В ответ на то, зачем ты перешел к христианам, можно было смело отвечать: видишь, сколько благ она дает? — Как же не предпочесть ее всем другим верам? — При этом относительно слова: *в разуме всякаго блага* возможна и такая мысль: чтоб другим не верующим еще дать разуметь, сколько благ в вере нашей, и тем расположить их признать ее единою истинною верою и перейти и прилепиться к ней. — *Во Христе Иису-*

се, – εἰς Χριστὸν Ἰησοῦν, – двояко можно понимать: или εἰς признать равным ἐν, как в славянском переводе. Тогда будет слово сие – в связи с предыдущими непосредственно словами: в сознании всякого блага, полученного во Христе Иисусе, по домостроительству спасения, Им совершенному и учрежденному. Или εἰς оставить в своем значении, – как указателя цели и направления дел. Тогда надо будет отнести его к – *действенно будет,* – да общение веры твоея действенно будет для Христа Иисуса, в угождение Ему, во славу имени Его и в содействие делу спасения всех, Христом Иисусом совершенного и совершаемого.

Стих 7. *Радость бо имам многу и утешение о любви твоей, яко утробы святых почиша тобою, брате.*

Показывает Апостол, что побуждает его благодарить Бога за Филимона и молить, чтобы он все добрее и добрее делался, говоря как бы: любовь твоя деятельная радует меня и утешает, не потому только, что она есть зерцало твоего совершенства христианского, но паче потому, что ты упокоиваешь всех братий. Святой Павел был в таком живом союзе со всеми верующими, что все бывающее с ними принимал, как бы то с ним самим случалось: радовался, когда у них все шло благополучно, скорбел, когда кого угнетали горе и нужда, и утешался, когда кто облегчал

участь скорбящих и нуждающихся. Так и здесь, радовался он о доброте Филимона и в узах своих скорбных утешением себе имел то, что им утробы святых почиша, как бы тем была упокоеваема его собственная утроба. «Мы не только радуемся (за тебя), но и утешаемся (по причине тех упокоенных), потому что они — наши члены» (святой Златоуст).

Но зачем святой Павел написал об этом? — Затем, что это очень шло к цели послания. Такие слова внушали Филимону, что, если Апостол, столь любимый и чтимый, утешается, когда я делаю что-либо для других, не тем ли больше утешения для него будет, если я сделаю что-либо для него. Если святой Павел обращался к Филимону, как к сыну, а он любил и чтил Апостола, как отца; то такое именно внушительное помышление естественно должно было родиться в Филимоне и прежде прошения расположить уже его к удовлетворению его. Святой Златоуст говорит: «Если между нами должно быть такое согласие, что находящиеся в скорбях, хотя бы сами ничего не получали, должны радоваться, видя успокоение других, так как облагодетельствовано одно тело, то тем более (мы будем радоваться), если ты успокоишь и нас».

Имам, — ἔχομεν, — имеем. Можно допустить, что святой Павел имел при сем в мысли святого Тимофея, коего принял в сообщники писания,

или и других, бывших при нем. Но вероятнее, что он говорит здесь о себе одном, потому славянский перевод верно выражает силу мысли Апостола, хотя не выдерживает буквы.

Утробы святых почиша указывает не на упокоение только странников и бедных доставлением потребного им, хотя, кажется, это преимущественно имеется в виду; но вообще на всякое благодеяние, и духовное, и вещественное, и ко всем, — и своим, и чужим, и подавляемым нуждою, и небольшую какую имеющим нужду. Блаженный Феодорит пишет, говоря как бы от лица Апостола: «Всякой исполняюсь радости, что всякого рода услуги оказываешь святым». Но не лучше ли в сем выражении видеть не пространство благотворения, а силу и теплоту расположения, с какими делалось всякое добро. Так святой Златоуст: «Не сказал: ты кроток, ты уступчив; но говорит сильнее и выразительнее: *яко утробы святых почиша тобою*». Доканчивает сию мысль блаженный Феофилакт: «Не просто сказал: даешь святым, но упокоеваешь *утробы святых*, то есть что они вседушно приемлют человеколюбие твое как щедро и с утешительным радушием предлагаемое им».

2. Просит Апостол о милостивом принятии Онисима (8—21)

В этом прошении Апостол выставляет самые понудительные побуждения удовлетворить его,

устраняя все, что можно бы представить против того.

Стихи 8 и 9. *Сего ради многое дерзновение имея во Христе повелевати тебе, еже потребно есть, любве же ради паче молю, таков сый якоже Павел старец, ныне же и узник Иисуса Христа.*

Здесь что ни слово, то новое побуждение; и все они опираются на лицо самого Апостола. Первое — апостольская власть. Хотя святой Павел отказывается в настоящем случае действовать в силу ее, но поелику помянул о ней, то возродил в душе Филимона сознание обязанности слушать его, как Апостола, хотя бы не приложено было других побуждений. Власть сия поставлена Апостолом позади всех других побуждений, но не закрыта ими, а видится и всеми ими заправляет, всем им особую придавая собою силу. Блаженный Феодорит мысль Апостола выражает так: «Я мог бы, — говорит Апостол, — смело поступить с тобою, как горячо верующим, и велеть по праву учителя, но не делаю сего, обращаюсь же к тебе с просьбою».

Сего ради. Чего ради? — Ради того, что сказано пред сим. Поелику ты таков, что всячески упокоиваешь утробы святых, то мне нечего напрягаться действовать на тебя властию апостольскою. Довольно напомянуть тебе о нужде, и ты конечно не откажешься исполнить ее. Ибо если

для других делаешь, тем охотнее сделаешь для меня.

Дерзновение имея. «Естественный закон справедливости учит, что учителю достойно есть давать повеления ученику» (Амвросиаст). И Апостол очевидно имел в виду восставить этот закон в сознании Филимона, но как это могло показаться резким, то он смягчает его всячески. *Дерзновение*, говорит, *имея*. Дерзновение – доступ, свобода говорить кому. Он представляет Филимона великим человеком, к которому не всем свободен доступ, себя же ставит в ряд простых лиц, наводя на мысль, что если имеет что особое сравнительно с другими пред Филимоном, то это зависит от самого Филимона: сам он дал мне такой свободный к себе доступ. Затем прибавляет: *во Христе*. Это слово могло наводить и на такую мысль: власть имея о Христе, как Апостол Христов, мог бы повелеть тебе, и паче других тебе, которого родил к новой жизни во Христе. Но как пред сим он употребил слово — *дерзновение*, а не — власть, то и словом *во Христе* наводил на мысль: по причине сильной твоей веры во Христа Господа, имею дерзновение предлагать тебе все, благоугодное Господу, не по власти апостольской, а по уверенности в твоей горячей вере во Христа Господа, имея дерзновение, или доступ, говорить тебе. И слово: повелевати — ἐπιτάσσειν, употреблено смягчения ради, ибо оно значит и:

делать наказ, как бы предлагать: не угодно ли. И — *еже потребно есть*, — τὸ ἀνῆκον, — подобающее, пригодное, — к той же цели направлено. Святой Златоуст говорит: «Смотри, как он остерегается, чтобы и сказанное от сильной любви не поразило слушателя и не оскорбило его. Посему прежде нежели сказал: *повелевати тебе*, — ибо такое выражение было резко, хотя, быв сказано от любви, оно весьма легко могло достигнуть цели, — он от преизбытка осторожности делает оговорку: *дерзновение имея*, и этим показывает, что Филимон был муж великий, то есть говорит: ты сам дал нам дерзновение; потом прибавляет: *во Христе*, и этим показывает, что он говорит так Филимону по причине веры его во Христа; а потом уже и говорит: *повелевати тебе*, и не только это, но еще: *еже потребно есть*, то есть справедливое дело. Смотри, сколькими доводами он убеждает Филимона; ты оказываешь, говорит, благодеяния другим, окажи и мне, притом ради Христа, — и потому, что это дело справедливо, и потому (далее), что этого требует любовь».

Второе побуждение — *любовь. Любве же ради паче молю*. «Любви ради, какою я тебя люблю и какою любим есмь тобою» (Экумений). Власть мою оставляю позади. Обращаюсь к тебе лицом любви — братской, дружеской, отеческой. Поелику речь о деле любви, то кто победоноснее может умолить о нем, как не любовь? Ее и выставляю

пред тобою ходатаицею за мое прошение. Ради ее прошу. Все другие ходатаи (побуждения) медленно достигают успеха; любовь же быстро и сильно действенна. Ее и употребляю, потому что мне сильно желательно иметь успех в прошении. Если любишь и если дорожишь моею любовию, сделай по прошению моему. Святой Златоуст пишет: «Апостол как бы так говорит: из прежних примеров я знаю, что, и повелевая с великою властию, я получу успех; но так как я особенно забочусь об этом деле, то *любве ради молю.* Здесь он вместе выражает и то, и другое: и то, что надеется на него, потому и *повелевает,* — и то, что особенно заботится об этом деле, потому и *молит любве ради*».

Третье, четвертое и пятое побуждение. *Таков сый.* «*Молю*, будучи, говорит, таким, каковым подобает быть тому, кто силен склонить на свое прошение» (Экумений). Что же в лице его есть столь убедительное? — *Павел,* — *старец,* — *узник.* «Смотри, сколько понудительных побуждений! *Павел*, от качеств лица; от возраста, что *старец*; от того, что больше всего справедливо (что наиболее представляет прав на услышание), что и *узник Иисуса Христа*» (святой Златоуст).

Павел. «Одного этого достаточно к тому, чтобы убедить и склонить» (Экумений). «Смотри, кто проситель; одного упоминания об имени достаточно, чтобы внушить уважение и крайне упорному.

Кто слышит — *Павел*, тот слышит имя проповедника вселенной, возделавшего сушу и море, сосуд избранный, и прочее, для перечисления чего потребны тысячи языков» (Феодорит).

Старец. «Апостол присовокупил и — что он *старец*, указывая на седину, добытую трудами, и ею придавая бо́льшую убедительность слову» (Феодорит).

Ныне же и узник Иисуса Христа. «Почти Павла, почти старость, почти узы, которыми обложен я, как проповедник истины» (Феодорит). «Ратоборца, увенчанного за подвиги, кто не принял бы с распростертыми объятиями? Кто, видя связанного за Христа, не оказал бы тысячи услуг?» (святой Златоуст).

Стих 10. *Молю тя о моем чаде, егоже родих во узах моих Онисима.*

Указывает предмет прошения и тут же обставляет его такими определениями, которые против воли должны расположить в пользу прошения. Уже прежними словами Филимон был довольно подготовлен к уступчивости, но если б после того Апостол вдруг помянул об Онисиме, память о котором, вероятно, не перестала еще быть горькою и неприятною для Филимона, то этим разорил бы все, что произвели первые слова. Почему наперед сказывает, что теперь есть этот Онисим, и тем прежний неблаговидный образ его закрывает, возбудив представления о нем

самые привлекательные и нежные: *чадо мое,* — *чадо, во узах рожденное.* После сих слов, хотя бы имя Онисима и порождало какое неприятное чувство и позыв на строгость, но как его коснуться нельзя уже было, не коснувшись самого святого Павла, то всякая строгость господина к рабу тем обезоруживалась любовию и благоговением к Апостолу, который так близко принял к себе неключимого*, сделавшегося, однако ж, ключимым, раба, что стал иметь его чадом своим. Святой Златоуст говорит: «Смягчив, таким образом (тем, что сказано пред сим), душу Филимона, Апостол не вдруг объявляет имя раба, но после такой просьбы еще медлит. Вы знаете, как велик бывает гнев господ на убежавших рабов, особенно если это сделано с покражею, как сильно раздражаются они, хотя бы были добрыми господами. Посему Павел старается смягчить его всеми доводами; и когда возбудил в нем готовность сделать все, что бы ни было, и приготовил душу его ко всякому послушанию, тогда уже и высказывает вполне свою просьбу».

Молю тя. «Не велико, если кто из простых преклоняет главу, но то достойно похвалы, когда смиряет себя муж высокий. Апостол молит того, кому имел власть повелевать, чтобы во всем дать примеры ревнующим о совершенстве» (Амвросиаст). Молю — *о моем чаде. «Кто возглаголет*

* Негодного. — *Ред.*

силы Господни? (Пс. 105, 2). Кто достойно восхвалит Божие человеколюбие? Заслуживший наказание подкопатель стены внезапно стал чадом Павловым» (Феодорит). И смиренное – *молю*, и это сердечное — *о чаде* должны были победоносно действовать на сердце Филимона, который и сам себя сознавал чадом святого Павла. Любя святого Павла, он не мог не расположиться любовно и к чаду его, хотя бы сам не был в таких же к нему отношениях. Теперь чадо Павлово должно было возбуждать в нем уже родственные чувства, поколику и он то же имел рождения начало. Онисим теперь должен видеться ему уже не рабом, а братом. Ниже Апостол так и называет его, но теперь ограничивается тем, чтоб указать в Онисиме чадо свое. «Таким образом, Апостол не только укрощает гнев его, но и возбуждает в нем чувство благорасположения; я, говорит, не назвал бы его сыном, если бы он не был весьма благонадежен. Как я назвал Тимофея, так называю и его» (святой Златоуст).

Егоже родих во узах моих. «И узы не воспрепятствовали духовному рождению» (Феодорит). *Родих*, отродив водою и Духом. «Я огласил его благовестием и, уверовавшего, повелел крестить в бане пакибытия» (Феофилакт). «Его, прибегшего к божественной помощи, святой Павел, бывши под стражею в городе Риме, окрестил, провидя в нем благопотребный сосуд» (Амвросиаст). *Родих*

во узах моих. Поминает о сем, как мать о болезнях рождения. И всякий рожденный дорог, тем паче дорог рожденный при трудных обстоятельствах. «Опять для убеждения Апостол указывает на узы, говоря как бы: Онисим достоин великой чести и потому, что рожден среди самых подвигов; его надобно любить особенно потому, что он рожден среди искушений за Христа. Ибо известно, что мы питаем особую любовь к детям, рожденным среди опасностей, которых мы избежали. Так Рахиль любимого Вениамина называет *сыном болезни своея* (Быт. 35, 18)» (святой Златоуст).

Онисима. Вот когда наконец сказывает и самое имя! (святой Златоуст). По словопроизводству Онисим значит полезный, плодовитый. Не это ли подало повод святому Павлу далее приложить, что если он был неблагопотребен, то это случайно; теперь он уже не таков, уже не напрасно носит такое имя.

Стих 11. ***Иногда тебе непотребнаго, ныне же тебе и мне благопотребна, егоже возпослах тебе.***

Если бы Апостол высказал все предыдущее, не упоминая об Онисиме, то нет сомнения, что тотчас же получил бы беспрекословное согласие на удовлетворение прошения. Но когда помянул об Онисиме, то хотя, может быть, Филимон из любви и уважения к Апостолу и при сем тотчас же положил в уме сделать угодное ему; но, судя

по-человечески, не мог быть свободен от некоторых помышлений, сильных возмущать его сердце и лишать возможности с спокойным духом привесть в исполнение такое решение. Могло тревожить его: такой непотребный; как его принять? К тому же бежал и утащил (если утащил) то и то. Какая на него надежда? Апостол знал, что будут такие беспокойные помыслы, и, не желая, чтоб доброе Филимоново было совершено с тяготою, как иго, а, напротив, сделано охотно, с мирным расположением, спешит рассеять такие помыслы. Как наиболее тревожный между ними есть тот, что Онисим оказался непотребным, то на нем прежде и больше и останавливается святой Павел.

Он говорит как бы: тебе может прийти на мысль: такого непотребного принять?! Не отрицаю, что он был непотребен; но был, а не есть. Теперь, по приятии благодати возрождения, он положил, отвергшись всего худого, жить целомудренно и праведно, и благочестно, и помышляет уже не о чем-либо непотребном, но об одном том, *елика истинна, елика честна, елика праведна, елика пречиста, елика прелюбезна, елика доброхвална, аще кая добродетель и аще кая похвала* (Флп. 4, 8). Такого нельзя уже считать непотребным, или опасаться от него опять чего-либо недоброго; напротив, надобно не упустить его, чтоб пользоваться его добрыми услугами, на

которые он готов и гож теперь более, чем был прежде. Такие мысли хотел породить святой Павел в уме Филимона, назвав Онисима благопотребным и ему, и себе. Святой Златоуст говорит: «Смотри, с каким благоразумием он исповедует грех раба, и тем укрощает гнев господина. Знаю, говорит, что он был непотребен; *ныне же тебе и мне благопотребен.* Не сказал: ныне же будет благопотребен, но — есть уже таков, и не только тебе, но и мне». («Он стал благочестен и свят, и потому обоим нам благопотребен» — Феофилакт.) Апостол присовокупил и свое лицо, дабы надежды на слугу были достовернее. Ибо если он благопотребен Павлу, требующему во всем великой исправности, то тем более — господину.

Егоже возпослах тебе. Если б Апостол оставил Онисима при себе, предыдущий похвальный отзыв не успокоил бы Филимона. Ему думалось бы: это он там у тебя таким представляется, а меня, может быть, и знать не хочет. Апостол отражает такое помышление, отослав Онисима, — говоря ему тем: на, сам посмотри, каков он. Святой Златоуст говорит: «И тем еще укрощает гнев господина, что отдает ему раба его; ибо господа особенно гневаются тогда, когда ходатайствуют пред ними за рабов отсутствующих: этим самым он еще более успокоил Филимона». Он говорит как бы: я уловил беглеца твоего, но отсылаю его к тебе не связанным по рукам и ногам; сам он,

своими ногами свободно придет к тебе. С своей стороны и Онисим, сам являясь к господину, пред коим виновен, обнаруживал тем полную веру в доброту его и располагал его в свою пользу. В таком течении дела он очень походил на блудного, возвращавшегося к отцу. Если это пришло на ум Филимону, — а не прийти почти не могло, — то это очень могло его расположить явиться в принятии бежавшего раба подражателем тому, как отец принял блудного сына.

Стих 12. *Ты же его, сиречь мою утробу, приими.*

«Опять не просто употребляет его имя, но с прибавлением убедительнейшего выражения, которое нежнее слова: *сын. Утробу мою.* Этим он выражает великую любовь свою к нему. Не сказал: возьми; не сказал: не гневайся, но — *приими*, то есть он достоин не только прощения, но и чести, — почему? — Потому что он сделался сыном Павла» (святой Златоуст). Ибо Апостол словами: *утробу мою*, хотел выразить: «мой он сын, моею порожден утробою» (Феодорит). «А сказав: *приими*, — προσλαβοῦ, — внушил: приими его с любовию» (Экумений). Προσλαβοῦ, как бы: простри к нему объятия и прижми его к сердцу своему. «Прияв его, не его примешь, а мою утробу: так я его люблю, что всегда ношу в сердце моем» (Феофилакт).

Стих 13. *Егоже аз хотех у себе держати, да вместо тебе послужит ми во узах благовествования.*

Подтверждает, сколько Онисим стал благопотребен; столько, что, говорит, я хотел оставить его при себе, чтоб послужил мне в узах, следовательно, считал его и верным, так что на него можно во всем положиться, и столь благоразумным, что может все делать как должно; почему при нем можно быть совершенно покойну. К подобному же удостоверению могли послужить и следующие слова: *да вместо тебе послужит мне.* Ибо они и такую порождают мысль: ты сам не лучше бы послужил мне. Так незаметно святой Павел возвысил Онисима до уровня с господином его Филимоном. «Смотри, какова сила Евангелия: слугу сделало оно равным господину», — взывает Феодорит. «Смотри, какова мудрость у Апостола! Как он мало-помалу слугу поставил на место господина!» — прибавляют Экумений с Феофилактом.

Но не одно удостоверение в благонадежии Онисима хотел Апостол представить Филимону этими словами. Кроме того, он имел в мысли расположить его встретить Онисима с некоторым уважением, как оказавшего ему самому услугу. Филимон обязан был послужить Апостолу, как ученик учителю, и, нет сомнения, сознавал эту обязанность свою. Если положим, что, по сильной

любви к святому Павлу, он порывался послужить ему и, не имея возможности исполнить такого желания, скорбел о том; то не можем не согласиться, что ему очень приятно было услышать, что его слуга, хоть и непотребный иногда, хоть и помимо его воли и распоряжения, послужил вместо него Апостолу. Само по себе это обстоятельство не великой цены, но ему дорого то, что святой Павел сам так именно смотрит на сие служение,— недолгое со времени обращения до отправления. После сего ему естественно было встретить Онисима как оказавшего ему услугу. Святой Златоуст говорит: «Видишь ли, сколько он наперед употребляет доводов, чтобы потом внушить к нему уважение господина? Смотри, с какою мудростию он делает и это; смотри, как он обязывает одного и воздает честь другому. Ты видишь, говорит, что чрез него ты сам оказываешь мне услужение». Блаженный Феофилакт проводит далее то же внушение: «Если ты обязан послужить мне, а он делает это вместо тебя, то от этого, явно, тебе прибыль».

Стих 14. *Без твоея же воли ничтоже восхотех сотворити, да не аки по нужди благое твое будет, но по воли.*

Будто слышит возражение Апостол: говоришь, он столько благонадежен, что ты хотел оставить его при себе, однако ж спешишь поскорее проводить его от себя; вероятно, благонадежие

его не совсем надежно. — Нет, не то, говорит святой Павел. Это препровождение его к тебе имеет совсем другой смысл и другое побуждение. Я не сомневаюсь, что, если б я, оставив его при себе, только известил тебя о том, прося твоего согласия на то, ты охотно бы согласился на то. И доброе бы сделал дело. Но это добро твое имело бы некоторый оттенок вынуждения; я же не хочу, чтоб от тебя шло какое-либо добро, не ко мне только, но вообще, не по воле твоей, — так как в таком случае оно теряло бы всю цену пред очами Божиими: *доброхотна бо дателя любит Бог* (2 Кор. 9, 7). Почему и отослал к тебе Онисима, чтоб если ты распорядишься сделать его услужителем мне, то сделал это по твоей доброй воле. Апостол не настаивает на том, чтоб Онисим обратно был прислан к нему, потому что в этом не настояло крайней нужды: около него всегда много было лиц, готовых сделать для него все нужное, — но оставляет это на свободу Филимону. Святой Златоуст говорит: «Сими словами Апостол внушает, что он больше имел в виду его (Филимона), нежели раба, потому что оказывает ему великое уважение: *без твоея*, говорит, *воли не восхотех*». («И этим смягчает Филимона» — Феофилакт.) Человек тогда особенно склоняется на просьбу, когда и самое дело полезно, и устрояется оно согласно с его волею, — ибо тогда бывает два блага: и дающий получает

пользу, и принимающий находится в большей безопасности. Не сказал: *да не по нужде*, но: *да не аки по нужде*. Хотя я знал, говорит, что ты, если б и не был уведомлен об этом деле, а получил об нем известие нечаянно, не стал бы сердиться, но поступил так по особой предосторожности, *да не будет благое твое аки по нужде*. «Хочу, докончим словами Феодорита, чтоб и ты приобрел из сего выгоду, собственным своим согласием извлек пользу».

Стих 15. *Негли бо ради сего разлучися на час, да вечна того приимеши**.

Но при всем том у Филимона могло не выходить из головы: но ведь бежал, — крайнего достиг предела в преступлениях рабских: как на него положиться? — Отгоняет такой помысл святой Павел тем, что возводит сей случай к планам промышления Божия, опираясь на добрые последствия бегства. Пусть бежал; но ты не смотри на это бегство, а на то, что из того вышло. Бежал, и попал в мрежу благовестия, которою привлечен ко Господу. Сколько времени он жил у тебя — христианина со всем семейством? — но, несмотря на то, что постоянно вращался среди христиан, все оставался в язычестве — врагом Божиим, и на ум ему не приходило оставить свое нечестие и пристать к чтителям единого истинного Бога.

* В русском переводе: «Ибо, может быть, он для того на время отлучился, чтобы тебе принять его навсегда». — *Ред.*

Может быть, лежавшие на нем дела не давали ему времени подумать об этом. Бегство потрясло его, но вместе дало свободу обдумать свое положение и взыскать убежища для успокоения своего духа. Он обрел его там, где обретают его все обремененные и труждающиеся, – в Господе Спасителе, в Коем и ты сам все обрел, что удовлетворяет и покоит душу твою. Быть Господним ты, конечно, считаешь первым благом и желаешь, чтобы все улучили его. Раб твой, живя у тебя, не улучал сего блага; почему бы то ни было, но не улучал. Но, как только бежал от тебя, тотчас улучил. Итак, ты не смотри на это бегство, как на преступление, не говори: бежал Онисим, а только – отлучился от тебя, чтоб восхитить то благо, которое ты желаешь всякому восхитить и которого ему у тебя почему-то восхитить не приходилось. И что это так есть, суди по тому, что он, как только восхитил сие благо, тотчас к тебе возвращается; и ни я, ни он не встречаем ничего тому препятствующего ни в нем самом, ни в тебе, ни в соприкосновенных обстоятельствах. Не очевидно ли, что он за тем только и отлучился от тебя, чтоб сделаться христианином? Стал христианином и спешит к тебе. Он будто поручение данное исполняет. Чье же поручение? – Ты не давал его. Но не ломай головы; признай в этом промыслительное Божие устроение, и все тебе ясно будет. Так судил Бог спасти раба твоего.

Веруй сему и принимай раба своего, как лицо, промыслительным Божиим благоволением осененное. Приложи к сему и такое рассуждение: он был раб, а возвращается к тебе братом о Господе. Рабство есть временное и случайное между вами отношение; а братство о Господе есть союз между вами вечный, союз живой и нерасторжимый. Пока оба вы в Господе, ничто, ни во времени, ни в вечности, разлучить вас друг от друга не может. И вышло, таким образом, что он разлучился с тобою на час, чтоб вовеки быть с тобою неразлучным. Что он по своему расположению таков, можешь судить по тому, что он к тебе возвращается сам, не связанный. Остается тебе принять его в том же духе. И приими его, как имеющего вечно пребыть с тобою неразлучным.

Промыслительное Божие устроение в этом обстоятельстве видит святой Златоуст и все наши толковники. Святой Златоуст говорит: «Хорошо сказал: *негли* – может быть, – чтоб господин уступил (отстал от той мысли, что Онисим убежал с злым умыслом, внушая: полно, так ли? Может быть, иначе это случилось. Возбуждает у него сомнение в правости своей о бегстве раба мысли. – Экумений, Феофилакт). Не сказал: *ради сего убежал*, но: *ради сего разлучися*, дабы более благозвучным выражением скорее склонить господина к милости. Также не сказал: сам отлучил себя, но: *разлучися*, был разлучен, то есть не его

устроения дело есть это разлучение. Так и Иосиф, оправдывая братьев, говорил: *Бог посла мя семо* (Быт. 45, 5), то есть злой умысел их обратил во благо. *Ради сего*, говорит, *разлучися на час*: и время сокращает, и грех исповедует, и все обращает в домостроительство (Божие устроение). *Да вечна того приимеши*, не только в настоящее время, но и в будущее, дабы тебе иметь его всегда; он более уже не убежит».

Стих 16. ***Не ктому аки раба, но выше раба, брата возлюбленна, паче же мне, кольми же паче тебе и по плоти, и о Господе.***

Сказал: *да вечна того приимеши*. Теперь поясняет: но *вечна* — ты не можешь его иметь как раба; только братство в Господе вечно. Приими же его как брата. За тем он и отлучился, чтоб ты приял его *вечна*, и, принимая *вечна*, принял как брата: ибо иначе *вечна* приять его невозможно. Могло прийти на мысль: но мне слуга нужен, а ты брата шлешь! — Апостол внушает: ты прими его как брата, а он спешит к тебе как раб, при всем том, что сознает себя и братом тебе о Господе. И как брат, он усердно радел бы о благе твоем; но как при этом он считает себя рабом тебе, то будет усердствовать тебе вдвойне. «Оставаясь рабом, он будет предан тебе более брата» (святой Златоуст). Что он отлучился на время, это потеря. Но ты большее приобретение

имеешь в качестве возвратившегося (из святого Златоуста).

Для Онисима держать себя и служить как рабу, при сознании братства, господину своему о Господе не составляло большого труда: он не отвык еще от рабских отношений и в душе своей он имел себя не иначе, как рабом. Братство о Господе только смягчало сие рабство, теснее соединяя его с господином любовию духовною. Но для Филимона принять, как брата, раба, да еще провинившегося, не легко было. Почему эту сторону особенно и скрашивает Апостол, говоря: *не аки раба, но выше раба*. Не вдруг говорит: *как брата*, будто боясь ослепить его, осветив рабство христианским воззрением. Сначала не много приподнимает: *выше раба*, а потом уже и в братство светлое облекает раба. И, чтоб это внушение благоприятнее было, выставляет себя в пример. Я, говорит, в Онисиме вижу, паче всего другого, брата, и брата возлюбленного. То, что он брат теперь, закрывает собою в очах моих все предыдущее. Ничего не вижу в нем, кроме брата возлюбленного. Но если я так, тем паче тебе возможно так смотреть на него: он тебе не чужой, к твоему дому принадлежит; а тут присоединилось еще другое свойство — о Господе. Так он вдвойне тебе свой: и по внешним отношениям, и о Господе. Святой Златоуст говорит: «Здесь и великая добродетель. Если он мой брат, то не

стыдись его и ты. Названием *чада* (выше) Апостол выразил любовь к нему, а названием *брата* — доброе о нем мнение и себе уравнение».

Кольми же паче тебе, — блаженный Феодорит так разумеет: «Из непотребного раба сделался он братом; и если братом мне, то гораздо паче тебе, так как он тебе принадлежит и по телесному служению». А блаженный Феофилакт с Экумением так: «Вместо раба (прими) *брата*, вместо непотребного — *возлюбленнаго*, — и мне, *кольми же паче тебе. И по плоти*, то есть он достоин любви и по причине послужения тебе в мирских вещах, как искусный в устроении их и тебя упокоивающий; *и о Господе*, и по духовным к тебе отношениям». Амвросиаст же видит здесь такое внушение: «Чтобы Филимон не поддался гордостному презорству, как обычно бывает у господ в отношении к рабам, Апостол смиряет его, называя Онисима братом ему *и по плоти, и о Господе*: чем и нас учит, чтоб, отвлекая мысль от разностей между людьми по состояниям, мы все признавали себя братиями, — как происходящие от одного Адама, особенно когда в посредство привходит вера, которая отсекает всякую гордость».

Стих 17. *Аще убо имаши мене общника, приими сего якоже мене.*

Убеждение усиливается. То говорил: *прими как брата*, а здесь — *якоже мене*; и притом с такою строгостию, что это поставляется условием

общения с собою. Как бы так: избирай, или со мною быть в общении вместе с рабом — братом, или, отвергая раба, и со мною общение расстроить. Усиление такое потребовалось предыдущим: бежал, отсек себя от дома моего; как мне принять его? — Осветив это бежание домостроительством Божиим, Апостол отрезвляет господскую душу, если б она стала претить Филимону принять милостиво раба — беглеца, опасением потерять чрез это общение с ним самим. Сильнейшая болезнь, столь естественная у господина, требовала сильнейшего врачевства. Оно и предложено: ибо слова Апостола поставляли Филимона в необходимость принять Онисима; уклониться не было возможности. Святой Златоуст говорит: «Ничто так не убеждает к исполнению просьбы, как то, чтобы не просить всего вдруг. Потому и Апостол, смотри, после каких похвал, после какого приготовления, высказал эту великую просьбу. Назвал Онисима сыном своим, причастником благовестия, утробою; сказав: ты приобретаешь в нем брата, прими его как брата, — он потом уже прибавляет и: *якоже мене*. Павел не постыдился сказать это. Если он не стыдился называться рабом верных, но даже сам признавал себя таким, то тем более он не мог чуждаться этого. А смысл слов его следующий: если мудрствуешь одинаково со мною, если стремишься к тому же, к чему и я, если считаешь меня другом, то *приими его якоже*

мене». Продолжает сию речь блаженный Феодорит: «Что убедительнее, что тверже сих слов? Если, говорит Апостол, удостоиваешь какого-либо уважения общение со мною, то, как меня, прими допустившего в себе эту необычайную перемену (то есть из раба — в брата)». — Амвросиаст же заканчивает ее так: «Апостол показывает, что такое сильное имеет расположение к Онисиму, что самого Филимона, которого выше так хвалил, соглашается иметь общником своим только под тем условием, если он примет его, как Апостола. Такое слово должно было навесть страх на Филимона, чтоб, хоть по этой причине, принял его, если б не возмогла склонить его к тому любовь».

Стих 18. *Аще же в чесом обиде тебе, или должен есть, мне сие вмени.*

Отстраняется последнее препятствие: причинил ущерб. Нельзя утверждать, что Апостол считал Филимона любостяжательным, зная, сколько он щедрствовал. Но не мог не считать возможным возникновения и в его сердце такого помысла — жаления о причиненном ущербе, не из побуждений любостяжания, но как у человека домовитого, ревниво заботящегося о том, чтоб все по экономии домашней было в порядке, и притом в видах приумножения средств к благотворительности. Предполагая это, Апостол врачует немощь, и, — не входя в долгое рассуждение, —

ибо мог привесть сильные побуждения к ни во что вменению понесенного ущерба из начал веры, — сразу отсекает ее: *мне вмени, аз воздам*. Если бы Апостол стал рассуждать, житейская мудрость против всего нашла бы возражения; но тут нечего было возражать. Одно можно было возразить: где тебе взять? Но Филимон не мог не знать, судя и по себе самому, что Апостолу, столько любимому, что ради его и очи свои извертеть готовы бывают, стоило только слово сказать, и ему надавали бы столько, что он мог бы купить на то самого Филимона и со всем домом его, и со всем имением его. Таким образом, это: *мне вмени, аз воздам* безвозражательно отсекало всякое жаление об ущербе. Но и не это одно, — оно отсекало и всякое желание вознаграждения и поставляло Филимона в состояние, настроение и желание — ни во что вменив понесенный ущерб, изгнать не только из сердца, но и из мысли всякие счеты. Поставь всякий себя на место Филимона, и тотчас увидит и восчувствует, что взять что-либо от Апостола было для него делом немыслимым. После сего душа его совершенно умиротворялась, и желание Апостола, не встречая более препон, беспрекословно принималось к исполнению. Святой Златоуст обставляет сии слова такими наведениями: «Смотри, как и когда помянул он о проступке: на конце, после того, как сказал о нем многое. Так как потеря имуще-

ства обыкновенно раздражает людей больше всего, то, дабы Филимон не стал жаловаться на это, — ибо оно, вероятно, было у него похищено, — Апостол упоминает теперь об этом и говорит: *аще же в чесом обиде тебе*. Не сказал: если украл что-нибудь, а как? *Аще в чесом обиде*. Здесь он и признал проступок, и вместе представил его проступком не раба, но как бы друга в отношении к другу, выразив его названием, означающим более несправедливость, нежели воровство. *Мне сие вмени*, то есть считай этот долг за мною; я заплачу тебе». Продолжением их могут служить слова Амвросиаста: «Апостол здесь уничтожает всякое извинение раздражения против раба; на случай, если б Филимон стал жаловаться, что понес такой ущерб, что простить, кажется, уже и не должно, и невозможно. Если б это действительно было, на этот случай Апостол говорит: *мне вмени*».

Стих 19. *Аз Павел написах рукою моею, аз воздам: да не реку тебе, яко и сам себе ми еси должен.*

Удостоверяет Апостол, что он не к слову только сказал это, но возымел решительное намерение воздать. Для чего дает расписку, говоря: «Вместо обязательства имей у себя это послание; все оное написал я сам, признаю себя должником и обещаюсь уплатить долг» (Феодорит). Письмо все писано рукою святого Павла, но расписку

собственно составляют слова настоящего текста: аз воздам. Как намерение воздать было у святого Павла решительное, так и удостоверение не оставляло никакого сомнения. То и другое условливало победу над сердцем Филимона. Святой Златоуст говорит: «Слова сии говорит святой Павел и искренно, то есть с искренним благорасположением, и обличительно, если бы тот отказался принять раба, тогда как святой Павел не отказался дать за него собственноручную расписку. Этим он весьма сильно тронул Филимона и Онисима избавил от всякой тяготы. *Моею рукою*, говорит, *аз написах.* Ничего нет пламеннее, ревностнее и стремительнее этого сердца!»

Да не реку тебе, яко и сам себе ми еси должен; то есть — «чрез меня сподобился ты спасения» (Феодорит). Ты обязан мне своим спасением, своею вечноблаженною жизнию. С этим какой житейский долг может идти в сравнение? Почему я мог бы тебе сказать: прими Онисима, и того ущерба, какой он причинил тебе, не принимай в счет. Отнеси это на уплату того долга, каким сам ты мне должен. Ты самим собою мне должен, а то, чем Онисим тебе должен, составляет малость из имения твоего. Если б он и все твое имение сгубил, и тогда это не шло бы в сравнение с тем, чем ты мне должен; потому что ты собою мне должен, а имение твое что значит пред тобою? Так, если б Онисим сгубил все твое имение, и я попросил

тебя простить ему все в уплату за себя самого, и ты сделал так; и тогда не все бы еще ты уплатил мне за себя, много бы еще оставалось за тобою. А если простишь ради меня ту малость, какою должен тебе Онисим, то ее и в счет нечего брать. Так я мог бы тебе написать, говорит Апостол, и не обещая тебе уплаты ущерба. Но я не делаю этого; напротив, обещаю уплату и действительно уплачу ее: так что все, что желательно мне от тебя получить, ограничивается благосклонным принятием тобою в милость Онисима, чада моего, брата нашего с тобою о Господе. Этого ли не сделаешь для меня ты — собою самим мне должный? — Такая мысль видна у Амвросиаста: «Апостол самого Филимона обременяет большим долгом, чтоб он тем охотнее оказал милость рабу и чрез него малость некую уплатил за себя» (перифраз).

Святой Златоуст следующее побуждение выставляет к написанию сих слов. Слова: я уплачу; вот тебе расписка! могли породить в душе Филимона неприятную мысль, что Апостол не доверяет ему, не верит, что он способен к такой добродетели — бескорыстно простить Онисима. В отклонение такого помышления Апостол говорит как бы ему: не подумай, что я не уверен в тебе. Разве я не знаю, как чувствуешь ты, что должен мне и самим собою? Стоит мне сказать тебе слово, и ты все сделаешь. Если я иначе устрояю это

дело, на это есть другие причины, а не неуверенность моя в тебе.— Это пространный перифраз слов святого Златоуста, которые кратки и сжаты. «Чтобы Филимону не показалось обидным, что Апостол, прося его о рабе — воре, будто не надеется получить просимое, то он исправляет и это: *да не реку тебе*, говорит, *яко и сам себе ми еси должен*, то есть должен не тем, что твое, но тобою самим. И это сказал он от любви, в силу взаимной дружбы и того, что слишком полагается на него. Смотри, как он везде заботится о том и другом,— и о том, чтобы просить с полною уверенностию, и о том, чтобы не показаться слишком дерзновенным». Пояснее излагают эту мысль Экумений с Феофилактом. Последний пишет: «Чтоб не показалось укорным Филимону, что Апостол, будто не надеясь на него, не просит его о рабе — воре просто так (безо всего), но (предлагает уплату) и дает собственноручную расписку,— ибо это давало знак, что Филимон будто жестокосерд и к учителю своему невнимателен,— чтоб это не показалось, Апостол приведенными словами дает разуметь, что доверяет ему и надеется на него очень».

Но в этих словах можно видеть не то одно, почему их написал Апостол, но и то, почему сделал прописанное. Если б Апостол попросил простить Филимона, не предлагая уплаты, то не благоволящие к Евангелию могли бы говорить: вот

он Евангелие и веру обращает в средство к достижению житейских целей. Обратил Филимона к вере и теперь требует, чтобы тот принял обокравшего его раба без востребования украденного. — Чтоб не говорили так и не клали укора на нашу веру и Евангелие, я и не говорю тебе, пишет Апостол, что так как ты сам собою мне должен, потому прости даром провинившегося раба; напротив, обещаю уплатить тебе весь ущерб, причиненный бежавшим, и прошу, как милости, принять его в твое доброе благорасположение. Высшего я не обращаю в средство к достижению низшего. Вера наша не расстроивает установившихся порядков общей жизни, а только влагает в них иной дух, который свыше есть от Господа.

Стих 20. *Ей, брате, аз да получу еже прошу у тебе (да пользуюся тобою) о Господе: упокой мою утробу о Господе.*

Устранив могшие в душе Филимона родиться помышления наперекор его прошению и желанию, Апостол, в стихах 20 и 21, снова начинает склонять Филимона сделать ему удовольствие милостию к Онисиму, хотя и прежнее все к тому же было направлено. Так разумеет святой Златоуст: «Оставив искренние объяснения, он опять обращается к прежнему, к делу, хотя и предыдущее тоже относилось к делу; ибо у святых к делу относится и то, чем они выражают свои душевные расположения».

Ей, — ναὶ, — да, *брате*, сделай так. «То есть прими его. Это нужно добавочно доразумевать здесь» (святой Златоуст). *Да получу еже прошу у тебе* есть не буквальный перевод греческого текста, а перифрастическое выражение содержащейся в нем мысли. По-гречески стоит: ἐγώ σου ὀναίμην. Ὀνίναμαι значит пользу от чего получить; а далее раду быть чему, или обрадовану быть чем. Речь у Апостола или желательная, или условная. Мысль будет такая: да, брат, сделай так, прими Онисима. Я желал бы от тебя, должного мне и самим собою, именно таким образом получить пользу; или: если ты сделаешь так, то я сам получил бы от тебя пользу, был бы упользован тобою, утешен и обрадован тобою. Экумений пишет: «Я да наслаждусь, или — я бы насладился (в таком случае) твоими о Господе добрыми делами, или исправлениями». Феофилакт прибавляет: «Я да наслаждусь твоими благодеяниями, не в мирских вещах, а в тех, кои о Господе». *О Господе*, в духе веры в Господа, в порядках благоугождения Ему и спасения о Нем. Ὀναίμην — ὀνησαίμην, отсюда Ὀνήσιμος — полезный. В словах Апостола вышло приятное созвучие. Прими Онисима, да будешь и сам ты мне ὀνήσιμος — полезным, — или, да буду и я онисимен, упользован тобою и обрадован.

Упокой утробу мою о Господе. Наши толковники все читают: о Христе. Выше, стих 12, —

Апостол назвал утробою Онисима; но здесь говорит он о сердце своем. Такую сильную выражает заботу об Онисиме, что покоя не имеет и не будет иметь, пока не увидит, что он опять находится в благоприятных обстоятельствах. Этим внушает он Филимону: если ты любишь меня, щадишь и радеешь о покое сердца моего, прими его, и упокой тем мое сердце: ибо без этого оно не может быть покойно. Если не хочешь сделать это ради меня, сделай то ради Христа; «окажи милость Господу, а не мне» (святой Златоуст). *Утробу* святой Златоуст толкует: «любовь мою к тебе». То же повторяет Экумений. А блаженный Феофилакт прибавляет к сему: «Упокой мою к тебе любовь, или сердце мое ради Христа».

Стих 21. ***Надеявся на послушание твое, написах тебе, ведый, яко и паче, еже глаголю, сотвориши.***

«Знаю благопокорность твоей души; потому и пишу, смело полагаясь, что сделаешь для меня и больше того, о чем просил» (Феодорит). «Какой камень не смягчился бы от этих слов? Какой зверь не укротился бы от них и не оказал бы готовности к точному принятию прошения? Приписав ему столь великие добродетели, Апостол не перестает еще оправдывать себя (как бы извиняться), и оправдывается не просто, не повелевая и не требуя со властию, но *надеявся*, говорит, *на послушание твое, написах тебе.* Как в начале

послания он сказал: *дерзновение имея* (стих 8); так и здесь говорит то же, запечатлевая послание» (святой Златоуст).

Если б это только одно сказал Апостол, то и этим одним заставил бы Филимона исполнить просьбу свою, хоть бы тому почему-либо и не совсем того хотелось, потому что добрые на нас надежды других обязательно нудят нас оправдать сии надежды. Но когда прибавил затем: *ведый, яко и паче, еже глаголю, сотвориши*, то тем препобедил всякое в нем сопротивление и напряг его силы поспешнее исполнить просимое. «Сказав это, Апостол сильное возбуждение производит в Филимоне. После сего ему, имея такую у Апостола славу, что сделает и больше, нежели сколько он просит, стыдно уже было не сделать, если не другое что большее, по крайней мере столько, сколько просит» (святой Златоуст). «Ибо так бывает обыкновенно, что всякий, кто видит, что о нем доброе имеют мнение, старается показать себя действительно наилучшим» (Амвросиаст).

3. Послесловие (22—25)

а) Распоряжение с извещением — 22; б) поклоны — 23—24 и в) заключительное благожелание — 25.

а) Распоряжение с извещением о своем прибытии

Стих 22. *Купно же и уготови ми обитель: уповаю бо, яко молитвами вашими дарован буду вам.*

Купно же, вместе с тем прошу, или прошу также. *Уготови обитель* – ξενίαν, что значит – странноприимная комната, комната для гостей. В доме зажиточных и тогда, как и теперь, нарочно имелись и имеются комнаты на случай приезда кого-либо. У Филимона сверх того была, как видится, и особая странноприимница. Так если и в доме была комната, и еще была особая странноприимница, то *обитель* уготовлять нечего было: она всегда бывала готова. Зачем же пишет об этом святой Павел? – Затем, чтоб засвидетельствовать свое дружеское к Филимону расположение и уверенность в его к себе дружестве, – чтоб и делом показать, что совершенно на него полагается и относительно Онисима уверен, что будет сделано, как пишет. Святой Златоуст говорит: «И это было свидетельством, что совершенно полагается на него, или, лучше, и это в пользу Онисима, дабы те не были беспечны, но зная, что Павел придет и узнает все касательно его, отложили всякое злопамятство и скорее оказали ему милость. Ибо великое было благоговение к Павлу, Павлу – старцу, Павлу – узнику». Так и другие наши толковники понимают. Феодорит пишет: «Сие Апостол сказал не просто, но чтоб, ожидая его прибытия, уважил и его послание». «Ибо, – дополняет Амвросиаст, – бывает, что к отсутствующим мало имеют внимания и заботы делать им угодное». Экумений же с блаженным

Феофилактом прибавляют к сему: «Филимону могло прийти на мысль: если б не для Онисима, то ты и слова меня не удостоил бы. Апостол наперед врачует эту возможную немощь, говоря: не для него только пишу, но чтоб попросить тебя уготовать мне обитель». Этим он оказал ему большой почет, всем его предпочетши. Ибо святого Павла все наперерыв готовы были бы принять и упокоить.

Уповаю бо. Видно, что, пиша сие послание, святой Павел питал надежду, что скоро избавится от уз. Что-нибудь в течении дел подавало ему эту надежду. *Молитвами вашими*. Показывает силу братской молитвы верующих и ее для всех без исключения необходимость; свидетельствует и смирение свое: Апостол, избранник Господень, знаменоносец*, до третьего неба в молитве восхищенный, не допускает, однако ж, в себе самонадеянности и самоуверенности, но смиренно ожидает себе помощи свыше молитвами других. Блаженный Феофилакт пишет: «Двум вещам научаемся из сего: первое — сколь велика сила молитв, если и такой Апостол имеет нужду в помощи их! Второе — что тем паче нам надобно смиряться, если святой Павел смиряется пред учениками своими, ожидая помощи от молитв их». *Дарован буду вам*. То есть избавлюсь от уз и приду к вам; увидимся и насладимся взаимною верою и любовию.

* Чудотворец. — *Ред.*

Уповаю, что вы вымолите сию милость у Господа. Слова сии показывают уверенность Апостола, что они очень любят Апостола и сильно желают его видеть (святой Златоуст). Он не просит их молиться, но уверен, что они молятся и испрашивают себе, как великого блага, увидеть Апостола. *Вам* — и всему дому Филимона, и, может быть, вообще колоссянам. Ибо нельзя думать, что, намереваясь прийти в Колоссы, он имел в виду одного Филимона с семейством. Не помянул он об этом, пиша к колоссянам, может быть, и потому, что хотел почтить особенно Филимона, ему предоставив честь известить о том всех верующих, которые у него же в доме и собирались на молитву.

Но как же,— Апостол из Рима хотел пройти в Испанию, а тут пишет, что надеется из уз побывать в Колоссах; а немного спустя и филиппийцам скажет, что надеется скоро прийти к ним (Флп. 2, 24)? Верно, изменил он свое намерение, потому что после написания послания к Римлянам (третий год шел после того) в Малоазийских Церквах открылись нужды, требовавшие личного присутствия святого Павла, как показывает и послание к Колоссянам; привзошли лжеучители, возмущавшие покой веры верующих. А тогда он писал, что в этих странах нет ему более дела (Рим. 15, 23—24).

б) Поклоны

Стихи 23 и 24. *Целует тя Епафрас спленник мой о Христе Иисусе, Марко, Аристарх, Димас, Лука, споспешницы мои.*

Поклоны посылаются от тех же лиц, от которых шли и ко всем колоссянам. Там об них и сказано, что можно было сказать. Здесь разве малое нечто прибавить можно. Епафрас там назван соработником (Кол. 1, 7), а здесь спленником. Это не означает, что и он был в узах: ибо там святой Павел жил о себе и имел свободу принимать кого хотел. Епафрас мог быть при нем беспрепятственно и не подвергаясь насилиям или каким-либо правительственным мерам запрещения и строгости. Он был, таким образом, пленник любви к Апостолу. Нес, конечно, и он скорби, и лишения, и опасения; но все терпел благодушно, не хотя его оставить. Почему, воистину, был как в плену, — спленник без оков. Святой Златоуст пишет о нем: «Павел называет его *спленником*, выражая, что и он был в великой скорби. Таким образом, если не для самого Апостола, то для этого мужа просьба должна быть услышана, ибо тот, кто находится в скорби и, оставив свои дела, заботится о других, должен быть услышан. С другой стороны, Апостол здесь наперед обличает Филимона, если бы он не оказал милости собственному своему рабу, тогда как согражданин его сделался спленником Павла и

вместе с ним терпит страдания. И еще прибавляет: *спленник мой о Христе Иисусе*, то есть за Христа». «Не ради человеческого чего-либо *спленник*, но за Евангелие страдая вместе со мною», прибавляет блаженный Феофилакт.

О всех прочих лицах сказал Апостол, что они содейственники его, вместе с ним трудятся в благовестии и делают за него все, чего он по причине уз не мог сам делать. Напоминание об них не могло остаться без влияния и на цель послания. Пред лицом Филимона и они теперь выступали ходатаями за Онисима. Святой Златоуст говорит: «Апостол приветствует Филимона и от лица их, дабы скорее склонить его к послушанию, и называет их *споспешниками* своими, дабы таким образом сильнее убедить его к исполнению просьбы». Он говорит как бы ему: «И сии вместе со мною просят тебя, и достойно есть оказать благосклонное внимание к таким лицам и удовлетворить желание их» (Феофилакт).

Из лиц, помянутых в послании к Колоссянам, здесь пропущен только *Иисус нареченный Юст*. Нельзя сомневаться, что и он, знакомый с колоссянами, был знаком и с Филимоном, и что потому поклон от него не мог быть чужд его желанию. А что пропущен, это надо счесть случайностию, не могущею наводить тени на братские и дружеские отношения, — и довольно, — не пытаясь определять, почему именно так случилось.

в) Заключительное благожелание

Стих 25. *Благодать Господа нашего Иисуса Христа со духом вашим. Аминь.*

Таково, вообще во всех посланиях, заключительное благожелание святого Павла. И сам исповедует, и других учит исповедовать, что в деле христианства все от благодати. Это первый и последний предмет желаний и молитв христианских, и друг другу, и себе самим.

Благодать есть благодать Духа Святого, но подается она от Господа Иисуса Христа. Но есть путь, коим низошла в начале и доселе нисходит благодать. Утешитель не приходит, если не Им.

Благодать Духа нисходит на дух человека и потом пребывает с сим же духом. Он есть нечто сродное с Божественным, а потому есть приятелище и сосуд для благодати. Бывает он таким, когда, отвергнув все вещественное, тварное, временное, по вере в Господа Спасителя, всего себя предает Богу, одно общение с Которым и может его удовлетворять и упокоивать. *Аминь.* Воистину так есть, и иначе быть не может, и всяк, познавший сию истину, прочитав такие слова Апостола, от всего сердца изречет: аминь, аминь, аминь!

Приложим в конце, как заключают толкование сего послания блаженный Феодорит и Феофилакт. Первый пишет: «Сим законам должны следовать сподобившиеся божественного учения;

так надлежит учить рабов, чтобы не оставляли служения господам, и чтобы все служило к прославлению Владыки Христа». Второй наводит: «Видишь, какую пользу получили мы из этого кажущегося кратким и не требующим объяснения послания? Уверься же из сего, что в Писании ничего не следует оставлять без исследования, но во всем, как изреченном от Духа, искать духовного некоего смысла, и из всего извлекать себе пользу. И конечно Утешитель, изрекший все его, тем, которые добре, с добрым намерением и усердием ищут, даст и обрести искомое. От Него да будем и мы всегда просвещаемы и руководимы и к истинному боговедению, и к истинно богоугодному житию, не бывая ни лжеучениями увлекаемы, ни ложною сластию мира прельщаемы. Которые из нас рабы, да облагородим себя верою и добродетелию, а которые — господа, возревнуем, видя рабов святыми и Апостолами, не оказаться низшими их в царствии Владыки, ради нас зрак раба приявшего, Христа истинного Бога нашего, Коему слава, и держава, и честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь».

ПОСЛАНИЕ
К ЕВРЕЯМ,
ИСТОЛКОВАННОЕ
СВЯТИТЕЛЕМ
ФЕОФАНОМ

ВВЕДЕНИЕ

Послание к Евреям не имеет обычного надписания, кто и к кому пишет. Потому у приступающего к чтению сего послания с первого взгляда не может не рождаться вопрос: кто же написал сие послание и к кому?

1. Кто написал послание к Евреям?

Пусть не обозначено, кто написал сие послание; но кто бы ни приступал к чтению его, коль скоро он не принял прежде какого-либо насчет происхождения его предубеждения, вопрос этот не может долго оставаться не решенным. Не успеет он прочитать первых двух-трех глав, как вынужден будет сознать: это писал святой Павел. Чем дальше будет он простираться в чтении, тем больше эта мысль будет в нем устанавливаться и крепнуть и, наконец, обратится в полное убеждение, когда дойдет он до послесловия (с 13, 18 и д.). Тут, что ни слово, то указание на святого Павла.

Таким образом, если бы даже никаких других верных указаний на происхождение послания сего от святого Павла не имели мы, оно само сказало бы о сем. Но послание сие не вчера найдено, а с самого начала написания вдано было

в руки христиан и до настоящего времени было ими чтимо и употребляемо, — и всегда как послание святого Павла. Почему, если кому недостаточно удостоверения самого послания от святого Павла, тот может подкрепить его свидетельством христианской древности о таком происхождении и тем разогнать всякое недоумение.

Свидетельства сии начинаются в веке апостольском и даже из среды самих Апостолов. Вот как они шли, пока завершились соборными определениями.

Первое о сем свидетельство принадлежит святому Петру. Во втором своем послании пишет он: *сих чающе* (то есть нова небесе и новы земли) *потщитеся нескверни и непорочни Тому обрестися в мире, и Господа нашего долготерпение, спасение непщуйте, якоже и возлюбленный наш брат Павел по данней ему премудрости написа вам, якоже и во всех своих посланиих, глаголя в них о сих* (2 Пет. 3, 14—16). Сим святой Петр свидетельствует, что святой Павел писал к тем, к коим и сам он пишет. Но он пишет это к уверовавшим евреям. Следовательно, и святой Павел к ним же писал. У святого же Павла к Евреям послание известно только одно, которое и содержится в кодексе Священных Книг Новозаветных. Какое же другое послание, как не это, мог разуметь святой Петр в приведенных словах его? При сем надлежит признать, 1) что

святой Петр второе свое послание писал после первых уз святого Павла в Риме, из которых полагается написанным его послание к Евреям, в промежуток времени между сими узами и вторыми; 2) что святой Павел, посылая свое послание к определенному обществу христиан, имел в намерении, чтобы оно ими было распространяемо повсюду между евреями; и 3) что святой Петр видел такое намерение святого Павла исполнившимся на деле.

Истина, о коей говорит в приведенных словах святой Петр, есть следующая: чающе кончины века и второго пришествия Христова, постарайтесь так жить, чтобы тогда явиться нескверными и непорочными. У святого Павла эта мысль во всех почти посланиях встречается; да она составляет неотъемлемый член веры Христовой и входила всегда в первоначальное начертание благовестия. Перечитай, кому угодно: Тит. 2, 11—14; Кол. 3, 1—11; Флп. 3, 17—21; Еф. 5, 1—11; Гал. 5, 19—26. В послании к Евреям она излагается в 10, 19—31. *Да держим*, говорит, *исповедание упования неуклонное*, поощряя друг друга к делам любви, и это *толико паче, елико видите приближающийся день судный.* Ибо *верен обещавый.* Если отступим от веры, или согрешим и так останемся в грехе; то на суде нечего уж нам более ожидать, кроме осуждения строгого и наказания страшного.

То, что истина сия не одними и теми же словами выражается у святого Павла, как и у святого Петра, не мешает признанию силы сего свидетельства. Да это и не требуется словами святого Петра.

Второе свидетельство дает нам святой Климент, папа римский, в своем первом послании к Коринфянам, писанном в 70—96 годах. Читая сие послание, нельзя не видеть, как полно было усвоено святым Климентом послание к Евреям. Многократно встречаются у него и положения, и фразы, и слова, буквально взятые из сего послания. Так, о Спасителе он говорит, что Он есть сияние славы Бога и что Он толико лучший есть Ангелов, елико преславнее паче их наследствовал имя. Об Ангелах говорится: *творяй Ангелы своя духи*, а о Нем: *Сын мой еси Ты... седи одесную Мене* (у Климента гл. 36; в послании к Евреям святого Павла гл. 1). О святом пророке Моисее пишет, что он верен во всем дому Божию, как слуга верный (гл. 43 и 17). Это слова послания к Евреям — 3, 2—5. Словами же сего послания воздаются у него хвалы и ветхозаветным праведникам, как то: Енох преложися и не обретеся (у Климента гл. 9; в послании к Евреям 11, 5); Авраам, послушав слова призвания, изыде из земли своея, в надежде, оставя меньшее, наследовать большее — небесное (у Климента гл. 10; в послании к Евреям 11, 8, 19, 26); и о всех святых обще

говорится: изгнание прияша и узы темниц, камением побиени быша, избиени быша, проидоша в милотях, в козиих кожах (у Климента гл. 45, 17; в послании к Евреям 11, 32 и 9). Есть у него и другие подобные места. Хотя святой Климент не говорит, что берет такие речи из послания к Евреям святого Павла, но это и без такого указания очевидно.

Что же отсюда следует? Сказать, — что поелику так дело есть, то надо заключить, что послание к Евреям древнее писаний святого Климента, или принадлежит веку апостольскому, — будет мало. Должно прибавить, что оно и апостольского происхождения: во-первых, потому, что тогда, кроме Апостолов, никто так и написать не мог; во-вторых, потому, что, не будь оно апостольского происхождения, святой Климент не стал бы так усердно изучать его и усвоять, как это видно из его послания к Коринфянам. Он сам — ближайший ученик Апостолов и доверенное их лицо. Только их слову мог он такое оказать внимание и так его возлюбить.

Но от какого Апостола могло оно произойти? — Не от иного какого, как от святого Павла. На него указывает все содержание послания, и особенно — послесловие; ему особенно близок был и святой Климент, которого он в послании к Филиппийцам называет споспешником и сподвижником своим (4, 3). Такой из сказанного

вывод о происхождении послания к Евреям делает и Евсевий, говоря, что, судя по сему, оно справедливо причисляется к прочим посланиям святого апостола Павла*.

Далее у святого Игнатия Богоносца, у святого Поликарпа и у святого Иустина Философа есть места, которые с большею или меньшею определенностию указывают на послание к Евреям. Особенно это должно сказать о святом Иустине Философе, который, в разговоре с Трифоном, Господа Спасителя именует вечным иереем Всевышнего по чину Мелхиседекову (§ 118); а в Апологии первой — посланником, каким именем Он нигде, кроме послания к Евреям, не называется (Евр. 3, 1). Хотя при сем имени святого Павла не упоминается, но очевидно, что послание к Евреям было в употреблении и признавалось авторитетным, то есть апостольским и, следовательно — Павловым, ибо в нем всюду видна рука святого Павла.

В Церкви Александрийской постоянно идут уже определенные указания на происхождение послания к Евреям от Апостола Павла. Об этом свидетельствует Пантен, основатель Александрийской катехизической школы, Климент Александрийский, его ученик, и Ориген, ученик этого последнего. Все они писателем послания к Евреям почитают святого Павла, — и только пред-

---

* Евсевий Памфил. Церковная история. Кн. 3, гл. 38.

лагают себе вопрос, почему святой Павел не поставил своего имени в начале послания, как делал обычно, и решают его: что никак не дает повода предполагать, что они сколько-нибудь колебались в своем убеждении.

Не излишне заметить, что Ориген в своих писаниях до двухсот раз цитирует послание к Евреям, и почти везде с указанием, что то суть слова святого Павла. В основание же своего убеждения он полагал не то только, что мысли послания указывают на святого Павла, но и то, что об этом шло у них постоянное предание от древних мужей*.

После этих писателей в Александрии и все последующие на послание к Евреям смотрели, как на Павлово. Таковы — святой Дионисий, святой Александр, святой Афанасий Великий, Антоний Великий, Дидим, Феофил.

Церковь Сирийская выразила свою уверенность в происхождении послания к Евреям от Апостола Павла в переводе Пешито, сделанном во втором веке, где в числе посланий святого Павла стоит и сие послание, — и на соборе Антиохийском против Павла Самосатского, в деяниях которого приведены были из сего послания следующие места: 2, 14; 4, 15; 11, 16, — а одно — 12, 1, с прибавлением: по словам Павла учителя. После сего святой Иаков Низибийский и святой

* «Οὐ γὰρ εἰκῆ οἱ ἀρχαῖοι ἄνδρες ὡς Παύλου αὐτὴν παραδεδώκασι» (Евсевий Памфил. Церковная история. Кн. 6, гл. 25).

Ефрем Сирианин приводили места из сего послания всегда со словами: святой Апостол или блаженный Павел говорит. Завершает и запечатлевает свидетельства о сем Сирийской Церкви собор Лаодикийский, который, в 60-м правиле своем, перечисляя книги Святого Писания, в ряду новозаветных книг ставит и послание к Евреям в числе посланий святого Павла.

Свидетельства прочих восточных Церквей о сем передаются главнейшими их учителями, которые все послание к Евреям приписывали святому Павлу. Таковы: Евсевий Кесарийский, Кирилл Иерусалимский, Епифаний Кипрский, Василий Великий, Григорий Богослов, Григорий Нисский, святой Златоуст, Феодорит.

Пересмотрев все сие, не можем не признать неопровержимо истинными слова блаженного Иеронима,— что послание сие признается Павловым не только всеми восточными Церквами, но и всеми церковными писателями из греков*.

На Западе после святого Климента следы указания на послание к Евреям находим в писаниях святого Иринея, хотя немногие. Так он говорит**, что Бог все создал и все содержит *глаголом силы Своея* (Евр. 1, 3), что закон в своих очистительных священнодействиях есть

---

* Иероним Стридонский. Epistolae ad Dardanum. 129.

** Святой Ириней, епископ Лионский. Против ересей. Кн. 2, гл. 30, § 91.

тень грядущаго (кн. 4, гл.11, § 4.— Евр. 10, 1; 8, 5; 9, 23), что Енох *угодил Богу и преложился* (кн. 5, гл. 5, § 1). Евсевий поминает о другой книге святого Иринея, под заглавием — *Разрешение недоуменных вопросов*, и уверяет, что в ней тоже приводятся некоторые изречения, из послания к Евреям заимствованные. Современное святого Иринея свидетельство о послании сем дает и перевод Святого Писания на латинский язык — Itala, где вместе с другими посланиями святого Павла имеется и послание к Евреям. Известно было сие послание и Тертуллиану, который придавал ему и апостольский авторитет (De pudic. c. 20).

После сего латинские писатели около ста лет с небольшим не поминают о сем послании, хотя оно читалось в общеупотребительном переводе Святого Писания — Itala. Quotidie ecclesiarum lectione celebratur*. Но потом, начиная с Илария, процветавшего в половине 4 века, его опять начали приводить латинские писатели, и именно как послание Павлово. За Иларием делали это — Люцифер, святой Амвросий, Филастрий, Гавденций, блаженный Иероним, Августин. При последнем послание сие признано апостольским на соборе Иппонийском и соборе Карфагенском.

Что пресекалось употребление послания к Евреям латинскими писателями, это не может

* Иероним. Указ. соч.

служить доказательством, что на Западе в это время сомневались в подлинности и апостольском достоинстве его, потому что, как сказано, употребление его в Церкви не пресекалось. Это могло быть допущено по требованию обстоятельств того времени. Так и объясняют, полагая, что так делалось по причине маркионитских и новацианских заблуждений.

После соборных определений нечего уже задавать себе вопрос, кто написал сие послание, или сочинять недоумения, что, может быть, не святой Павел написал его.

2. К кому написано?

Не означил святой Павел и того, к кому написано послание сие. Но и это тотчас обнаруживается. Содержание послания указывает, что оно писано к евреям.

Но к каким евреям, уверовавшим или еще чуждым веры, или к тем и другим вместе?

Читая первые главы, можно подумать, что пишется оглашение ко всем вообще евреям, ко всему еврейскому народу, без различия уверовавших от неуверовавших. Но потом, с пятой главы, начинают встречаться довольно определенные указания, что речь обращается к уверовавшим, которые давно уже веруют (5, 12), много послужили и служат святым, то есть христианам нуждающимся (6, 10), и много пострадали за

веру (10, 32—34). Особенно же это видно из послесловия (13, 18 и далее).

Тут новый вопрос: ко всем вообще верующим евреям писал святой Павел или к верующим из них, жившим в определенном месте и области?

Святой Павел, видимо, пишет к своим искренним чадам по вере, к своим питомцам, которых желает видеть в уверенности, что и им доставит чрез то радостное утешение (13, 19—23). Но таковые были у него повсюду. Где ни основывал он Церкви, первыми учениками его были евреи, из которых многие предавали себя на служение святому Павлу и становились неразлучными его спутниками и сотрудниками. Начиная с Антиохии в Сирии, чрез Малую Азию по всей почти ее широте и долготе, чрез Македонию, Ахаию и Иллирик до Рима и Испании, по всему пространству апостольских трудов святого Павла, были сонмы уверовавших по его слову евреев, его любивших и им любимых. Если мы спросим себя, к кому бы из них святой Павел скорее мог написать послание, то, при всех усилиях, не можем найти на это определенного ответа; и к тем, и к другим, и к третьим мог он написать, а к кому именно написал, сказать нельзя. Так думать заставляют упоминаемые в послании частные обстоятельства.

Обстоятельства сии показывают, что послание писано к определенному обществу христианскому;

но когда станем сличать их с тем, что известно из деяний и посланий святого Павла, видим, что одно более идет к одному месту, другое — к другому, третье — к третьему.

Так, когда святой Павел говорит о тех, к коим пишет, что они давно уже просвещены верою, что в начале своего просвещения они потерпели разграбление имений и многие страсти, что потом, однако ж, несмотря на это, они усердно служили и служат святым и что даже его собственным узам сострадали (5, 12; 6, 10; 10, 32 и далее); то такие напоминания невольно заставляют думать, что он пишет послание к определенным лицам, к определенному обществу и области. Особенно это видно, когда говорит он: молитесь, чтобы мне поскорее возвратиться к вам, или: вот скоро вместе с Тимофеем я увижу вас (13, 19, 23).

Если станем теперь доискиваться, к какой бы Церкви верующих могли быть приложимы такие черты, то найдем, что давность просвещения верою более всех идет к христианам Иерусалима и вообще Палестины, но что недалеко от них в сем отстают также антиохиане, дамаскинцы, киликиане, кипряне, финикиане и киринейцы (Деян. 11, 18 и далее). Разграбление имений имело место в Иерусалиме, чему виновником был сам же святой Павел (Деян. гл. 8); но с ним в этом сходны и солуняне, как свидетельствуется в послании к ним (1 Сол. 2, 14). Многие страсти приходилось

терпеть уверовавшим повсюду. Это было и в Иерусалиме, и в Риме, и в Солуни, и во всех тех местах, где жили верующие из иудеев, к коим писал свое послание святой Петр, так как он неоднократно говорит в нем о претерпеваемых страданиях и воодушевляет к перенесению их терпеливому. Места же сии, заметим мимоходом, были отчасти те же, в коих действовал и святой Павел, как то: Вифиния, Галатия, Асия. Служением святым особенно отличались Церкви Македонские и Ахайские, как видно из послания к Коринфянам. Узам святого Павла сострадали, или участие к нему во время их показали, филиппийцы и колоссяне. Это когда он был в узах в Риме; когда же был держим в них в Кесарии, тогда то же показать ему могли христиане палестинские. Обещание посетить и увидеть, незадолго пред написанием сего послания, дал он филиппийцам и колоссянам, прося Филимона приготовить ему и помещение. То обстоятельство, что он ставит при себе святого Тимофея как сшественника и спосетителя, подает мысль, что тем, коих он намеревался посетить, приятно было увидеть и святого Тимофея; это же могло быть особенно для ликаонцев, ефесян и филиппийцев.

Принимая во внимание все эти применения, можно гадать, что это послание было отправлено святым Павлом к евреям или Иерусалима и Палестины, или Антиохии и Сирии, или Ликаонии и

Фригии, или Асии, Македонии и Ахаии. И (не наши) толковники Писания перепробовали приурочивать настоящее послание ко всем этим местам, с прибавлением еще Александрии с Кринеей и Испании.— Очевидна крайняя затруднительность сказать что-либо определенное о сем предмете. Большая, впрочем, часть из них останавливается на Иерусалиме, или вообще на Палестине. Последняя мысль есть мысль наших древних толковников. К ней и нам можно присоединиться.

Говорим — можно, а не должно; потому что по всем исчисленным данным лучше будет оставить сей вопрос без определенного решения, а сказать только: писано послание к определенному обществу христианскому, или к христианам определенной области, а к какому именно — определить затруднительно. То только несомненно, что общество сие находилось в кругу апостольской деятельности святого Павла. Можно к сему прибавить, что святой Павел, направив послание в одно место, имел в виду, чтобы оно прошло и все другие места, где были лица, для которых могло быть благопотребно сие послание. По указанным выше чертам, верующие из евреев всех почти мест, где основаны святым Павлом Церкви, читая сие послание, могли думать, что оно к ним именно направлено, и тем охотнее принимать написанное. В этом случае послание сие можно

назвать соборным, или окружным — ко всем верующим из евреев.

Понуждаемся приложить еще и следующее: нельзя отрицать, что при написании сего послания святой Павел помышлял о евреях еще не уверовавших. На такую мысль наводят не только общие рассуждения о превосходстве христианства пред иудейством, но и некоторые частные указания (4, 7; 7, 18; 8, 13; 10, 1). Об этом придется еще сказать несколько слов ниже.

Таким образом, можно положить, что послание, быв направлено в определенное место, назначалось для всех не только верующих, но и неверующих евреев. Приявшие послание, верующие евреи распространяли его между всеми другими верующими евреями, а чрез них и между евреями еще не уверовавшими. Последним могли сказывать на словах, что это послание нарочно писано для евреев, не называя писавшего. Под сим титлом послание сие и ведано было во всей древности и повсюду: πρὸς Ἑβραίους — к Евреям. Может быть, даже оно так надписано было самим святым Павлом.

Тут причина и тому, почему святой Павел не поставил своего имени в начале послания. Потому что желал, чтобы евреи читали сие послание спокойно. Имя святого Павла неприятно отзывалось в ушах многих евреев и уверовавших; неверовавшие же терпеть его не могли. Если бы

поставил его Апостол в начале послания, скольких читателей отталкивало бы это от прочитания его? Не видя же ничего в начале и почитая послание содержащим добрые указания о пути Господнем, все спокойно брали его в руки, читали и вчитывались, пленяясь здравыми его рассуждениями и внушениями. Вследствие чего верующие естественно утверждались в вере, а неверующие располагались к ней: что и составляло главную цель послания. Если бы Апостол поступил иначе, то он сам оказался бы разорителем своего дела.

Так объясняет умолчание имени писавшего святой Климент Римский, как говорит Евсевий: «А что нет в послании надписания: *Павел Апостол* – этому так надлежало быть; потому что он писал, говорит Климент, послание к евреям, которые имели к нему предубеждение и подозревали его. Так он поступил весьма благоразумно, что с самого начала не отвратил их от себя объявлением своего имени»*.

3. Повод, цель и побуждение к написанию послания

Поводом к сему послужили отпадения уверовавших евреев опять в иудейство и удаление их от общения с христианами в их молитвенных собраниях (10, 25). Опасаясь повторения таких случаев и расширения круга отпадающих, святой

* Церковная история. Кн. 6, гл. 14.

Павел пишет к евреям, убеждая их пребыть верными вере, единой, спасительной. Опасения отпадений были не напрасны. У иудеев были свои Апостолы из сонма ревнителей, которых нарочно рассылали всюду для привлечения к иудейству прозелитов из язычников и наблюдения за верностию закона иудеев. Когда пошла христианская проповедь, они не могли смотреть на нее равнодушно и не противодействовать ей, особенно видя, как прозелиты их охотно переходили в христианство. Возбуждение против святого Павла в Солуни и Берии было их дело. Их же дело было и смуты в Риме, по причине которых евреев всех выгнали из Рима при Клавдии. Но что было в сих местах, то, конечно, повторялось и в других, и не переставало повторяться. Такие возбуждения несомненно сопровождались не одними гонениями верующих — крепких, но и отпадениями от веры слабых. И нельзя было не позаботиться об удержании их в ограде веры.

К тому же не оставались в покое и иудействующие христиане. Они начали отделяться от настоящих христиан вслед за Апостольским собором, сначала, может быть, без противодействия, а потом и противодействовать стали. Галаты были повреждены в вере, надо полагать, ими. То же, конечно, могло повторяться и в других местах. Иудействование разумное, без почитания иудейства неотложным условием в деле спасения,

было терпимо, как переходное состояние. Но иудействование в качестве условия спасения было ересь пагубная, и уклонение к нему есть настоящее отпадение от веры Христовой. Отпадение верующих иудеев, некрепких в вере, в такое иудействование с верою, можно предположить, случалось в большем количестве, нежели отпадение в полное иудейство. Мог ли святой Павел не позаботиться о таких?

Усилено быть могло опасение умножением отпадений, увеличением гонений и притеснений. Вначале христиане из иудеев подвергались гонению только от прежних своих собратий по вере. И тогда не только вне Иерусалима, но и в самом Иерусалиме они встречали покровительство и защиту со стороны римских властей, которые, не почитая христианство противным своему язычеству, а только особым религиозным толком между иудеями, не позволяли по такому поводу одним теснить других. Но ко времени происхождения послания к Евреям власти эти начали отличать христианство от иудейства и почитать его неблагоприятным язычеству. Почему стали и с своей стороны противодействовать ему. Слабые христиане из евреев, теснимые таким образом и от своих кровных, и от язычников, и не видя исхода из своего тяжелого положения, падали духом и отпадали к старой своей вере и охотнее, и

быстрее, чем прежде. Надо было поддержать и таких, воодушевляя притом их и к терпению.

По всем этим поводам святой Павел пишет послание к Евреям, изображая превосходство христианства пред иудейством по всем тем сторонам, с которых иудейство доселе не несправедливо почитаемо было единою богоугодною верою.

И в других своих посланиях, почти во всех, святой апостол Павел обращается к евреям с словом вразумления. Но там большею частию речь его направляема была к тому, чтоб убеждать их — не одних себя считать чадами Божиими и наследниками обетований, данных отцам их, и чрез такие внушения водворять мир между верующими, которые, во всех местах его проповеди, состояли из иудеев и язычников. Почему речь его там к иудеям шла в связи с речью к язычникам. Здесь же, в послании к Евреям, Апостол обращается исключительно к одним иудеям, раскрывая им, что прежнее домостроительство прешло* и должно уступить место новому, совершеннейшему, как это было предсказываемо по всему пространству Писания.

Отсюда сами собою становятся очевидными цели, какие имел в виду святой Павел, пиша свое послание к Евреям.

Первою было то, чтоб предотвратить усиление отпадений от веры. Это видно из многократных

* Прошло. — *Ред.*

увещаний святого Апостола – не отпадать и не отступать. Так, сказав, что новозаветное домостроительство спасения совершено *Сыном Божиим, носящим всяческая глаголом силы своея* (2, 1), прилагает он: *сего ради подобает нам лишше внимати слышанным, да не как отпадет* (2, 1). Затем, это увещание не раз повторяется, в ряду разных рассуждений. В одном месте говорит он: *блюдите, да не когда будет в некоем от вас сердце лукаво, исполнено неверия, во еже отступити вам от Бога жива* (3, 12); в другом: *блюдите да не отречетеся глаголющаго* (12, 25); и ко всем вообще взывает: да *держитеся исповедания* (4, 14). Видно сие и из неоднократного напоминания о пагубных следствиях отпадения. Так, в начале послания говорит он: *слово, глаголанное ангелами*, коль скоро было нарушаемо, подвергало нарушителей праведному наказанию. Как же избежим мы кары небесной, если пренебрежем *слово*, которое, *зачало приемше глаголатися от Господа, слышавшими в нас известися*, сопровождаемо бывая свидетельством о себе свыше в *знамениях, и чудесах, и Духа Святаго раздаяниях* (2, 2–4). В другом месте, далее, впечатлительно представляет он, что те, которые верою сочетавшись со Христом Господом и вкусив в Нем неизреченных благ, отпадают, – второе* распинают Господа, и за то, как земля, пившая многократно сходящий на нее

* Снова. – *Ред.*

дождь и износящая терния и волчцы, подлежат клятве и пожжению (6, 4–8). К подобному предостережению возвращается он и после, когда говорит, что кто отвергался закона Моисеева, тот подвергался смерти, коль же горшей муки достоин тот, кто отвергается Сына Божия? – Таковый попирает кровь заветную, и Духа Святого оскорбляет, – и Сам Бог подвигается на отмщение ему, говоря: *Мне отмщение, Аз воздам.* Но *страшно впасть в руце Бога живаго.* Вот что ожидает таковых: *страшно некое чаяние суда и огня ревность поясти хотящаго сопротивныя* (10, 27–31). Видно сие и из всего содержания послания, в котором живописуется превосходство новозаветного домостроительства пред ветхозаветным. Сердцем восприявший все сказанное, не мог не почувствовать, что, оставляя христианство и отпадая опять к иудейству, он не на лучшее обращается, а на худшее, или на то, что не имеет более никакой цены, – и вследствие того не мог не остановиться в попятном движении к иудейству. Произвесть такое впечатление и такое получить от него следствие конечно и имел в виду святой Павел, пиша сие послание.

Второю целию было воодушевить к терпению скорбей и лишений за веру. Веру ослабляли и углаждали путь к отпадениям беды и гонения. Оставив гонимых без воодушевления к перенесению их мужественному, святой Павел ослабил бы

силу всех предыдущих увещаний и сам же пресекал благотворное действие своего послания. Почему, представляя образцы веры и сопровождавшего ее мужества в терпении прискорбностей за нее по всему течению ветхозаветной истории, заключал: *толик имуще облежащ нас облак свидетелей... терпением да течем на предлежащий нам подвиг, взирающе на Началника веры и совершителя Иисуса*, — и проч. (12, 1 и далее). На сие воодушевление посвящены 11 и 12 главы.

Чтобы святой Павел имел в виду исправление каких-либо нравственных недостатков среди иудеев уверовавших, этого не видно. Нравственных уроков очень немного; в кратких изречениях они помещаются в 12 и 13 главах между другими предметами и все общего свойства. Но того нельзя отвергать, что он имел в виду не одно только удержание в вере веровавших, но и привлечение к вере не уверовавших еще иудеев, как о сем поминалось уже у нас выше. Мысль эта сама собою рождается при чтении послания. И только возьмись читать его неверующий иудей, то уж не может не почувствовать некоего не несильного отвлечения от иудейства. Уже одно общее изображение превосходства домостроительства спасения в Господе Иисусе пред иудейством, с такими вескими доказательствами из Писания и с такими победоносными свидетельствами свы-

ше, как знамения и чудеса и Духа Святого раздаяние, воочию всех совершающиеся, не могло не влечь к вере с силою. Но в течение послания немало встречается мест, которые прямо идут к не веровавшему еще и говорят ему: смотри, не пропусти без внимания, что тебе говорится. Например: *днесь аще глас Его услышите, не ожесточите сердец ваших*, как делали отцы ваши в пустыне, — за что присудил им Господь: не внидут они в покой Мой (3, 7—11). И не вошли за неверствие их (19). Вот и к нам обращено слово благовестия, как и к тем. Но тем не принесло пользы слово, не принятое с верою; то же будет и с нами теперь, если не уверуем. Да убоимся же лишиться предлагаемого нам блага. *Потщимся внити в покой, да не кто в ту же притчу противления впадет* (4, 1—2, 11). Таковы же слова об отложении заповеди прежней по причине немощности ее (7, 18), об установлении нового завета, не по завету отцов, чем прежний обличается в устарении и негожести (8, 8—9, 13), о том, что, пока стояла первая скиния, *не у явися святых путь* (9, 8); ибо ему нельзя было быть открыту иначе, как Господом Иисусом, с Своею кровию вошедшим в нерукотворенная святая (11). Места сии, и другие, им подобные, невольно располагают к наведению, что святой Павел имел при сем в виду и неверующих иудеев, в желании обращения их. И кто из благоумных иудеев, читая

такие внушения, мог не подумать и не возжелать, оставя худшее, восприять лучшее?

Что *побудило* святого Павла писать послание к Евреям, когда он назначен быть Апостолом языков, а не евреев? – Общее – его безмерная любовь к Господу, по коей он говорит о себе, что теперь уже не он живет, а живет в нем Христос (Гал. 2, 20). Распространение славы Его верою было всегдашним предметом стремления и усилий святого Павла. Но не менее того побуждала его к тому и крепкая любовь к народу своему. Любя род свой, он искренно желал, чтобы все в нем были спасены. Желая же сего, не мог удержаться, чтобы, указав единственный путь ко спасению в вере в Господа Иисуса Христа, не сказать одним – держитесь крепко сего принятого вами пути, а другим – поспешите вступить на него. Знал он, что, по определению Божию, *спасение от Иудей есть* (Ин. 4, 22). Какой же жалости достойно, если иные из иудеев сами не улучат спасения? Помышления о сем всегда сильно поражали святого Павла, и он молил Господа изгладить его самого из книги живота, лишь бы только Израиль спасся весь. Мог ли он после сего не написать к евреям общего увещания о принятии и хранении единой спасительной веры? Святой Златоуст спрашивает: «Блаженный Павел сам о себе говорит, что он *языков Апостол* (Рим. 11, 13). Какое же ему дело до евреев?

И как он пишет им?» И отвечает: «А как бы он не стал писать к тем, за которых желал отлучен быть от Христа (Рим. 9, 3)?»

4. Место и время написания

Место написания определяется словами: *целуют вы иже от Италии сущии* (13, 24), то есть итальянцы. Следовательно, святой Павел находился в Италии, когда писал свое послание к Евреям. В Италии же известно только одно место его пребывания – Рим. Потому надо положить, что он писал сие послание из Рима.

В Риме святой Павел был дважды, и оба раза в узах. Из уз, выходит, писал он и послание сие. Но из каких? – Из первых. В 13, 19 святой Павел питает надежду, что высвободится из Рима и будет иметь утешение увидеться с теми, к кому пишет. Но в таком положении узничество его находилось в конце первых уз, как можно видеть из его посланий к Филиппийцам, Колоссянам и Филимону. В эту пору, надо полагать, написано и послание к Евреям, в 63 или 64 г.

5. Разделение послания

Части послания определяются целями его. Целями было удержать в вере уверовавших и привлечь к ней не уверовавших еще иудеев, с приложением увещания к благодушному терпению всего, что приходилось терпеть за веру. Первая – главная. Ее достигнуть тщится святой

Павел изображением превосходства христианства пред иудейством, с сильными наведениями, располагающими к вере и к твердому в ней пребыванию. Это составляет *первую часть* послания, наибольшую, 1—10 главы. Назовем ее догматическою, о превосходстве новозаветного домостроительства спасения пред ветхозаветным.

Вторая часть — наименьшая, содержит увещание о терпении скорбей за веру с некоторыми нравственными уроками о поведении и жизни христианской. Ее составляют две с половиною главы, 11—13, 25.

Последние стихи последней, 13-й, главы составляют *послесловие*.

ТОЛКОВАНИЕ

СВЯТОГО АПОСТОЛА ПАВЛА

К ЕВРЕЯМ

Часть догматическая
ПРЕВОСХОДСТВО НОВОЗАВЕТНОГО ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВА СПАСЕНИЯ ПРЕД ВЕТХОЗАВЕТНЫМ

То и другое домостроительство от Бога. Но в учреждении их *посредствовали* лица неодинакового достоинства; и *дело*, или значение и сила того и другого, тоже неодинакового веса. В том и другом отношении христианство безмерно выше иудейства, — выше и по Ходатаю своему, и по делу своему, или своей силе. Это и раскрывает святой Павел в первой части своего послания. Имея в виду это раскрытие, он с первых слов выставляет догматические о Христе Спасителе положения, которые потом служат ему основанием для показания превосходства христианства пред иудейством в показанных двух отношениях. Эти первые стихи мы назовем а) *основоположениями*, из которых потом выводится б) превосходство христианства пред иудейством по Ходатаю своему, и далее — в) по делу своему, или своей силе.

А. Основоположения (1, 1—3)

Как два предмета в виду у Апостола — а) высота лица Ходатая Нового Завета и б) высота

дела Его: то в стихах, содержащих основания для показания сего, Апостолом внесены черты, предуказывающие то и другое.

а) Высота лица Ходатая Нового Завета

Глава 1, стихи 1 и 2. *Многочастне и многообразне древле Бог глаголавый Отцем во пророцех, в последок дний сих глагола нам в Сыне Своем.*

Глаголавый — глагола. Поелику дело идет о вере, истинной же вере может научить только Бог чрез Божественное Свое откровение, то с этого и начинает свою речь Апостол. И древле вере учил Бог, и ныне Он же научает ей. Но тогда учил Он чрез пророков, а теперь учит чрез Сына Своего. Этим с первого же слова внушалось иудеям: внемлите убо! А нам что внушают слова сии? — Не ждите более откровения, оно завершено. Почему Апостол, сказав: *глаголавый — глагола*, не прибавил: и будет глаголать. И послать уже некого. Сын, как и в притче о делателях винограда, последний посланник (Мф. 21, 37). После сего и к нам можно приложить: внемлите убо!

Глаголавый — глагола. И снова говорит Тот же Бог, Который говорил прежде. Следовательно, новое слово Божие согласно с древним, и древнее с новым. Хотя древние внешние учреждения прошли, но слово истины, сокрытое в них, непреложно. Оно служит сильнейшим удостоверением

и в истине нового слова; а новое слово руководит к полнейшему уразумению слова древнего. Входящий с светильником нового слова в древнее все таинственное, там сокрытое, уразумевает ясно. А кто надлежащим образом уразумеет значение всего ветхозаветного, для того новозаветное получает неотложную необходимость, и именно в том виде, как оно есть.

Многочастне и многообразне указывают на то, как Бог сообщал Свою волю людям, не раз, не однажды, а много раз говорил, как только требовала нужда, так и являлись мужи от лица Божия. Было откровение в раю, было по изгнании из рая от Адама до Ноя, было после потопа от Ноя до Авраама, до Моисея, было при Моисее, было при судиях, было чрез прочих пророков до последнего. Бог, открывавший волю Свою об угождении Ему, сообразовался с религиозным, нравственным и умственным состоянием людей, живших в те времена. Но соответственно сему откровению учреждаемы были и внешние порядки жизни по Богу, которые, как видим, поновлялись, и поновлялись не раз. По руководству всяких из этих откровений, люди, верные ему, благоугождали Богу и спасались — мерою спасения, каждому из них свойственною. Потому что сила спасения — вера в Обетованного — проходила по всем временам. Откровение об Обетованном не могло быть дано все вдруг, а давалось

как могло быть понято и усвоено. Образ Обетованного раскрывался по частям (πολυμερῶς — по частям многим). Лет за 500 до пришествия Его кончились откровения. Израилю дано время вникнуть в открытое о Нем, понять, усвоить, чтобы, когда явится Он, безошибочно узнать Его.

На такие мысли наводит слово — *многочастне*. Может быть, тот же смысл имеет и слово: *многообразне*, так что оба слова обозначают одно — «различно». Так толкует святой Златоуст. При сем толковании многообразность надо будет понимать не в отношении к тому, каким образом совершалось самое откровение, например во сне, наяву, и проч., а в отношении к тому виду, в каком сообщалось откровение по своему содержанию: допотопное, чрез Авраама, чрез Моисея... Многочастное откровение естественно делалось многообразным. Но можно и различать сии слова, соединяя с словом: *многочастне* — понятие о много раз повторявшихся актах откровения, а с словом: *многообразне* — понятие об образах откровения: то во сне, то наяву, чрез ангелов, чрез внутреннее озарение, чрез слово, слышанное без видения лица, и народу израильскому Бог повелевал передавать Свои внушения то прямым словом, то приточно, и притчу иногда повелевал выражать не словом, а действием. Блаженный Феодорит различает значение сих слов: «Слово *многочастне* означает разного рода домострои-

тельства (вероятно – патриархальное и подзаконное), а слово: *многообразне* – различие божественных ведений (откровений). Ибо иначе Бог явился Аврааму, иначе Моисею, иным образом Илии, иным – Михею. И Исаия, и Даниил, и Иезекииль видели разные образы. Сему научая, Бог всяческих изрек: *Аз видения умножих, и в руках пророческих уподобихся* (Ос. 12, 10). Ибо естество Божие не многообразно, напротив того – не имеет ни вида, ни образа, просто и несложно. Посему видели не самое непостижимое естество, но такие образы, которые по мере потребности являл невидимый Бог. Впрочем, слово: *многочастне* наводит и на другую мысль, а именно, что каждому из пророков поручалось частное некое домостроительство. Бог же пророков, то есть Владыка Христос, имел смотрение не о частной какой-либо потребности, но, вочеловечившись, совершил все и устроил спасение человеков». Экумений выражал смысл сих слов такими словами: διάφορος καὶ ποικίλος, а блаженный Феофилакт – такими: διάφορος καὶ πολυειδής, не прилагая особого изъяснения каждому из них. Впрочем, большой нужды в точнейшем определении сих слов не настоит. Главная мысль Апостола: тогда Бог говорил чрез пророков, а ныне – чрез Сына. Сила речи в слове: чрез Сына. Об этом он и продолжает после речь. Тем же, как часто и как разнообразно говорил Бог чрез пророков, не

имелось в мысли развлекать внимание читающих, хотя разъяснение этого могло подать очень внушительные мысли, например: там было обетование; здесь — исполнение; там — тень; здесь — тело; там все имело значение подготовительное; здесь все — в самой действительности, тут — венец откровений: *древняя мимоидоша, и быша вся нова* (2 Кор. 5, 17). Следовательно, народ Божий так попечительно руководим был Богом, что уже не было более нужды оставаться под законом, а надобно подчиниться новому домостроительству Божию, учрежденному Сыном Божиим. К главной мысли Апостола изъяснение сих слов можно направить так: сколько раз и как разнообразно Бог открывал волю Свою, и все чрез пророков, а ныне Он открыл ее нам чрез Сына. Как отличил Он нас! Какое дивное Он устроил в нас дело! «Что великого, — говорит святой Златоуст, — что Бог посылал к отцам вашим пророков? К нам Он послал самого Сына Своего Единородного».

Судя по сказанному, слово *древле* обнимает все время ветхозаветных откровений, начиная с Адама до последнего пророка, а не одно то, в которое действовали собственно пророки. Во все это время Бог глаголал *отцем во пророцех*. Отцы — все родоначальники, а пророки — избранные мужи, чрез коих Бог открывал Свою волю. Первые — преемники и блюстители откровения, последние — возвестители его. Как блеск молнии

пробегает в одно мгновение небо из конца в конец, святой Апостол Павел освещает мыслию все прежнее время. Начало речи возбудительное. Оно сходно с началом послания к Ефесянам, где святой Павел не останавливается на Адаме, а восходит до предвечных определений Божиих. Адам, Энох, Ной были пророки, чрез коих Бог поучал допотопный род, как хощет быть служим и благоугождаем от людей. В лице Ноя это поучение перешло в послепотопное время и в самом начале его было поновлено и пополнено, сообразно с тогдашним возрастом человечества. Когда открылась необходимость отособить из общей массы людей отдельный род для хранения истинной веры, родоначальники его Авраам, Исаак и Иаков были пророки для него. Они стоят на переходе к подзаконности, которая, когда пришло для нее время, учреждена была чрез пророка Моисея и потом постоянно была поддерживаема пророками, коих воздвигал Бог во всякое время и чрез них открывал волю Свою, Свои суды, заповеди и особенно — обетования о пришествии Спасителя. Так шло дело поучения вере до пришествия Христа Спасителя. Бог непосредственно не говорил народу, а говорил избранным мужам, чтоб они передавали то народу. Только однажды на Синае говорил Он народу; но народ недолгое слово Бога — изречение десяти заповедей — едва выдержал и просил, чтобы Бог не

говорил более к нему, а передавал волю Свою Моисею, а тот – им. Та и цель была сего действия Божия, чтобы в народе поселить крепкую уверенность, что все, что имеет учредить Моисей, от Бога есть, каковая уверенность и пребыла в нем до Христа Господа, при Коем они говорили: *вемы, яко Моисеови глагола Бог* (Ин. 9, 29). Были они уверены и в том, что и чрез других всех пророков также говорил Бог, хоть не всегда слушались слова их, по своему злонравию.

Апостол утверждает сию уверенность, как истинную, и берет ее в основу своего руководства иудеев к вере Христовой. Бог, говорит он, глаголавший древле чрез пророков, в последние дни изрек нам волю Свою чрез Сына Своего. Говорит тот же Бог, но чрез Сына. Хотя слыша: *чрез Сына*, не все могли точно и ясно представить, что есть Сын в Боге, у всех, однако ж, со страхом благоговеющих к воле Божией, слово сие тотчас порождало мысль, что слово Божие чрез Сына выше слова Его чрез пророков. Эта мысль тотчас поднимала в очах их апостольское слово на значительную высоту, у верующего оживляла и возвышала веру, а у неверующего возбуждала внимание и вызывала к исследованию, что оно в самом деле есть и как есть.

В последок дний сих – в последние дни сии, недавно, незадолго пред сим, на нашей памяти, можно даже прибавить: *ушами нашими слышали*

мы, как начинает свое первое послание святой Иоанн Богослов. Последние дни сии – по отношению к предыдущим. С Адама начал Бог говорить людям, и ни одного рода не пропускал, чтоб не говорить. Наконец, глагола и в наше время – последнее. Это слово: *последок* дает две мысли: что пришел конец обетованиям и что данное нам откровение есть последнее. У пророков часто слышатся такие выражения: последок дний, последние дни, – и они почти все указывают на время, определенное для пришествия обетованного Избавителя. Употребив такое выражение, Апостол выразительно внушил, что последние дни, о коих говорят пророки, уже возымели место в течение времени и событий его. Внимайте убо!

Глаголавый во пророцех... глагола в Сыне. Сын поставляется наряду с пророками, как Божие орудие в изглаголании воли Божией. По самому слову и образу выражения видно, что пророки не могут идти с Ним в сравнение, но изъяснять, что есть Сын, Апостолу было еще не время. Он объяснит это после. Здесь же только намек дает, что Он есть Некто Высший – и этого было довольно для начала. Блаженный Феодорит пишет: «Апостол ясно показал различие Владыки Христа и пророков: ибо Его одного назвал Сыном». Принявшие уже Евангелие не могли при сем не припомнить слов святого Иоанна Богослова: *Бога никтоже виде нигдеже;*

Единородный Сын, сый в лоне Отчи, Той исповеда (Ин. 1, 18), и не заключить, что слово Сына имеет в себе такое преимущество, которого не только пророки, но никто и из совершеннейших духов иметь не могут. Святой Златоуст выводит отсюда: «Превосходство (нового откровения) не только в том, что к тем посылаемы были пророки, а к нам Сын, но и в том, что никто из них не видел Бога, а Сын Единородный видел».

Егоже положи Наследника всем. Святой Павел начинает показывать, что есть Сын. *Первое*, что Он есть наследник. Имя Сына вызвало поименование наследником: ибо Сын есть естественно наследник (Гал. 4, 7). Наследником положил Его Бог. *Положи*, или от века определил Ему быть наследником, в предвечном Троичном совете, или теперь сделал наследником, ввел в наследие, отдал Ему наследие в руки. Можно то и другое совместить так: положенный от века наследником теперь введен в наследие, получил его. Но имелось в виду у Апостола преимущественно последнее. Это видно из того, что он говорит о Господе Спасителе, яко сказавшем волю Отчую людям. А это сделал Он в воплощенном домостроительстве. Пока жил Он среди людей, говорил людям, что слышал у Отца; когда же по страдании воскрес, вознесся на небеса и сел одесную Отца, тогда стал наследником всего. Πάντων — *всего*. Чего же всего? Сын обыкновен-

но наследует достояние отчее. Чего же наследником есть Христос Господь? — Всего Отчего достояния. Не естества ли Божеского? — Нет. Божеское естество не наследуется Им, а имеется в самом рождении. Господь Спаситель, яко Бог Сын, имеет все Божеское по естеству, а не по домостроительству наследует. Святой Златоуст говорит: «Что значит: положи наследника? То есть Его сделал Господом всех. Название *Наследника* Апостол употребляет для того, чтобы выразить два понятия: истинность сыновства и неотъемлемость господства». Очевидно, что это говорится по отношению к воплощенному домостроительству. По естеству Божескому Сын Божий есть Господь всего, а не вводится в сие господство. Если вводится, то по человечеству. Об этом и Сам Он сказал по воскресении: *дадеся Ми всяка власть на небеси и на земли*. Это то же, что: Я введен теперь в господство над всем. Блаженный Феодорит пишет: «Владыка Христос — *наследник* всем, не как Бог, но как человек. Как Бог, Он Творец всем. А Зиждитель всех — по естеству Владыка всем. Наследник же делается господином тому, над чем прежде не был властелином».

Все отдано в руки Господа Спасителя для осуществления цели воплощенного домостроительства, чтоб все силы небесные и земные и всю тварь направлять к сему одному и вокруг себя

собрать всех спасаемых. С другой стороны, и для того, чтоб чрез человеческое естество, которое по телу совмещает все силы мира и все стихии его, вводить восстановительные силы в мир, строя в нем над грубою видимостию невидимо лучший мир, который и явится во всем величии в последний день. В послании к Ефесянам писал уже святой Павел, что Бог *во Христе Иисусе возглавил всяческая, яже на небесах и на земли* (1, 10), — и что чрез воскресение и седение одесную Отца Он стал *превыше всякаго началства и власти... и всякаго имене, именуемого не только в веце сем, но и в грядущем.* Бог все покорил при сем под ноги Его. *Того даде главу выше всех* (20, 22). Или как в послании к Филиппийцам: *превознесе Его и дарова Ему имя, еже паче всякаго имени, да о имени Иисусове всяко колено поклонится, небесных и земных и преисподних* (2, 9—10).

Под наследством можно частнее разуметь всех людей. Это — в отличие от ветхозаветного домостроительства. Тогда частию Божией и достоянием Его был только Израиль, а ныне — все народы, как и чрез пророка Давида предсказывалось: *Дам ти языки достояние Твое...* (Пс. 2, 8).

Блаженный Феофилакт пишет: «*Егоже положи наследника всем*, то есть всего мира Господом Его сделал. Уже не Иаков только часть Господня, но все». О каком же именно господстве говорит здесь Апостол? — О господстве над теми, кои

самоохотно и произвольно покориться имели Ему, — о господстве нравственном, ибо господство естественное имел Он всегда и над нехотящими Его, как говорится: *всяческая работна Тебе* (Пс. 118, 91). После сего понятно, что за преимущество, что к нам глаголал Бог в Сыне, *Егоже положи наследника всем*, — глаголал чрез такое лицо, выше которого нет уже никого. Следовательно, если б возымелась нужда в людях, чтобы еще говорено было им, то уж не чрез кого говорить. Сказано последнее слово. Или слушай — и спасешься, или погибай, если не станешь слушать.

Имже и веки сотвори. Что наследником положен Спаситель, это может казаться плодом совершения домостроительства спасения. А что и *веки Им сотвори*, это не может быть даром, а принадлежностью естества. Почему Апостол возводит здесь к узрению Божества в лице Спасителя, Апостол как бы говорит: Бог сделал Его наследником, но Он и Сам — Бог. Постепенно возводит умы, указывая сначала на то, что в Христе Иисусе Бог глаголал, потом, что по завершении глаголания Он поставлен над всем, все получил в руки Свои. Теперь указывает в нем Бога, но не прямо, а чрез усвоение Ему творчества: *Им Бог веки сотвори.* Хотя творчество прямо уже указывало на Божество: ибо творить Богу только свойственно. Но Апостол удерживается

от такого провозглашения, а оставляет так, чтоб в душах читающих само собой провозгласилось: следовательно, Он — Бог! Апостол выставляет только основание к такому исповеданию. «Сими словами указал Апостол на Божество» (Феодорит). Если б Апостол ограничился только указанием на то, что Он — наследник всего, то иной мог бы подумать, что это есть дар благодати, или милости Божией. Но, указав на творчество, он прямо пролагает путь к исповеданию Его и Богом (Фотий и Экумений).

«*Век* есть не какая-либо сущность, но нечто несамостоятельное, сопутствующее же тому, что имеет созданное естество. Он есть произведение времени, сопряженное с тварными естествами» (Феодорит). По такой неразлучности века, или времени, с вещами сотворенными, — и сотворение века неразлучно с сотворением вещей, и сказать: *века сотворены* есть то же, что все твари сотворены. Но вниманием можно останавливаться и на одном веке, или времени, отвлеченно и особый отсюда сделать вывод. Господом Иисусом веки сотворены. Следовательно — Он прежде всех веков, то есть вечен. Новое указание на Божество: ибо вечность только в Боге имеет место. Блаженный Феодорит пишет: «Творцом веков назвал Апостол Сына, научая и вразумляя, что Он вечен, потому что всегда был превыше всякого, какого бы то ни было временного протяжения. Так, ветхо-

заветное Писание говорит о Боге: *Сый прежде век* (Пс. 54, 20), то есть всегда сущий». «Где ты, который говорит: было время, когда Его не было?» (Златоуст). «Он Сам создал века. Как же были века, когда Его не было?» (Феофилакт). Так сказал о творчестве Сына, Апостол отклонил от поставления Его наследником всякое невысокое представление и вместе с тем дал разуметь, что сие последнее есть не придаток к естеству, а естественная принадлежность Сына, яко Бога, которая пребывает неизменною и по воплощении, не умалившем ее нимало...*

---

* Этот труд святителя Феофана Затворника остался незаконченным. – *Ред.*

СОДЕРЖАНИЕ

ТОЛКОВАНИЕ ВТОРОГО ПОСЛАНИЯ АПОСТОЛА ПАВЛА К СОЛУНЯНАМ

ТОЛКОВАНИЕ ПОСЛАНИЯ АПОСТОЛА ПАВЛА К ФИЛИМОНУ

ТОЛКОВАНИЕ ПОСЛАНИЯ АПОСТОЛА ПАВЛА К ЕВРЕЯМ

Святитель Феофан Затворник

ТОЛКОВАНИЯ ПОСЛАНИЙ АПОСТОЛА ПАВЛА К СОЛУНЯНАМ, ФИЛИМОНУ И ЕВРЕЯМ

Печатается по изд.:

Толкование посланий св. Апостола Павла к Солунянам перваго и втораго Епископа Феофана. Изд. Русского Пантелеимонова монастыря. М., 1895.

Толкование послания св. Апостола Павла к Филимону Епископа Феофана. Изд. Русского Пантелеимонова монастыря. М., 1892.

Толкование послания св. Апостола Павла к Евреям Преосвященнаго Феофана Затворника. Ж. «Душеполезное чтение». 1895. Ч. 3; 1896. Ч. 1.

Редактор *Раиса Букреева*
Художник *Димитрий Епифанов*
Компьютерная графика художественного редактора *Натальи Тихомировой*
Компьютерная верстка технического редактора *Марины Терентьевой*
Корректоры *Татьяна Копяткевич, Лина Егорова*
Набор *Марии Волковой*

Подписано в печать 16.05.05. Офсетная печать. Шрифт Петербург. Формат 70×100 1/32. Объем 19,5 печ. л. Тираж 4500 экз. Заказ 294.

Саввино-Сторожевский монастырь.
143096, Московская обл., г. Звенигород.

ИД 00161 от 22.09.99. Издательство «Правило веры».
109309, Москва, ул. Артюхиной, 8/10, стр. 1.

Об оптовой продаже и доставке книг обращаться по телефонам: 113-94-63, 451-31-94.

ГУП Московская типография №2 Федерального Агентства по печати и массовым коммуникациям
Тел.: 282-24-91. 129085, Москва, пр. Мира, 105.

ISBN 5-94759-037-9